

ЭДИТА

перезагрузка

выпуск 2

ЭДИТА вып. 2

СОВМЕСТНО
С МЕЖДУНАРОДНЫМ
ЛИТЕРАТУРНЫМ КЛУБОМ
ASTRA NOVA

ЭДИТА перезагрузка

№2

Литературный альманах
www.editagelsen2023.com

Совместно
с международным литературным клубом
AstraNova

2024

Серия альманахов "ЭДИТА.перезагрузка"
запущена в 2024 году как преемник закрывшихся
журнала "EDITA" и альманаха "Без цензуры" (Unzensiert)

Тексты как правило публикуются в авторской редакции

Литературная редакция:

Сергей Булыга, *Евгения Халь, Сергей Катуков, Мария Шурыгина*
Редактор по связям с общественностью — Кирилл Берендеев

Графика обложки — rexels-alissa-nabiullina-997567

Издатель и главный редактор — Александр Барсуков

Copyright © 2024 bei Autoren
Alle Rechte in dieser Ausgabe vorbehalten

ISBN 978-3-910935-46-4

Gesamtherstellung Edita Gelsen e.V.
logobo2023@gmail.com

Printed in Germany

РАССКАЗ

Виктор Бровков

г. Таганрог, Ростовская область

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРАЗДНИКА

Вроде и жизнь как у всех, да только не у всех на восьмое марта посреди зала лежит мужчина. Тридцать восемь лет чужих мыслей, сомнений и переживаний бездыханной куклой распластались на оставшемся от бабушки ковре. Быть может мужчина даже мёртв, но подумать об этом так жутко, так страшно, словно окунуться в дышащую холодом крещенскую прорубь.

Да, жизнь как у всех, и начиналась также: роддом, холодный стол, закованные в латекс руки акушера; но что-то не складывается, как бракованный пазл, не хватает деталей, да и на тех что есть обломаны ушки. Или как билет в автобусе, который злая, обиженная своей полнотой кондукторша протягивает за горсть монет. У кого-то счастливый, а у кого-то цифры не складываются, как надо, хоть ты тресни. Три слева, три справа. Двадцать шесть и пятнадцать. Даже если перерыть интернет и найти другие методы сложения цифр, все равно не сойдется. Все равно очень далеко до счастья. Дальше, чем скидки на зимнюю обувь в начале декабря. А ведь с этим билетом ехать до конечной остановки.

По радио передавали, что заскучавшие от славы и красоты знаменитости начнут скоро делать пластические операции не только на выпирающих частях тела, но и на ладонях. Чтобы продлить линию жизни, изменить линию судьбы и хоть таким образом повлиять на свою незавидную участь. Но тебе-то грешно узоры на ладошках винить. Слова цыганки с ярмарки до сих пор приятной музыкой звучат в голове:

— У тебя хорошая рука, красавица, ты будешь счастлива!

Просто образец хиромантического благополучия.

Со звездным небом тоже всё в порядке. Астрология на твоей стороне. Да только почему-то Марс в Козерога заходит регулярно, а к тебе в последнее время заходили одни Венеры, да и то, чтоб похвастаться своей семейной жизнью. Чувствуешь себя Ганимедом подле Юпитера. Вроде тоже крупный спутник, что-то значишь, а всё разговоров лишь о Европе да Каллисто. Даже в кроссвордах выделяют им строчку-другую, а тебе — нет.

Живешь одна, и три десятка вёсен за плечами. Наступивший март — уже тридцать третий, а сколько еще их будет? Вот только счастья семейного до сих пор нет. Грязные памперсы, молочные смеси, ночные крики — это не про тебя. Лига чемпионов во вторник и среду, перегар в семейной кровати по пятницам и рыбалка по субботам. Про такое расписание тебе никто еще не заикался. Нет детского садика, школы, гаража и дачи. Ни детей, ни мужа, ни свекрови, ни разбросанных по квартире носков. Одна, как на фото для паспорта. Кто-то назовёт это свободой, а ты все чаще вспоминаешь другое слово — одиночество.

Казалось бы, огненный опал на тонкой цепочке вместе с распятием украшают зону декольте, и два рубина в ушах. И спишь в темно-зеленой пижаме головой исключительно на север. И никакого золотого безумия на пальцах рук. Не потому, что денег не хватает (хотя и это тоже), а потому что несовместимость. А всё равно не то. Не по фен-шую. Не так, как обещает гороскоп.

Имя. Определенно, все дело в имени. Как корабль назовёшь, так он и поплывет. Родители назвали парусник, вышедший из материнской верфи, так, что лучше бы сразу на дно, к рыбам, которые имён не спрашивают. И которые, хоть и похожи выпученными глазами и бессмысленно открывающимися ртами на твоих немногочисленных подруг, да только не вызывают головную боль своей болтовней и не поедают твои скромные запасы вкусоностей.

А что родители? Мама заклеила новорожденную девочку необычным именем, находясь в послеродовой эйфории, а теперь спокойно живет с мужчиной, который и не твой отец вовсе, воспитывая младшую дочь Олесю. Твою пятидесятипроцентную сестру. А ты — Генриетта. Арамисова Генриетта Витольдовна. Так что и папа внес свой бесценный вклад в школьные насмешки одноклассников. В твой комплекс неполноценности.

Генриетта — ни то, ни это.

Безусловно, всё дело в имени. Даже к бабке не ходи. Поменять бы его, зачеркнуть жирной красной линией в день совершеннолетия и вписать что-нибудь благозвучное в новенький паспорт. Да только отца не стало, и не решилась ты осквернять его память своим равнодушным поступком. Все-таки завещал он тебе бабушкину квартиру.

И в этой твоей уже квартире на твоём уже ковре лежит мужчина. «Вот и зашел Марс в созвездие Козерога» — думаешь ты, да только счастье почему-то не разрывает грудь. Можно ли и в этом винить имя?

Если бы у тебя была собака или кошка, они бы точно не отказали себе в удовольствии обследовать новый предмет интерьера. Обнюхать,

лизнуть, уткнуться носом. Но на собак у тебя аллергия, а завести кота — Господи! — это звучит, как непристойное предложение, превращающее лицо в спелый помидор. Одна только мысль об этом заставляет тебя вздрогнуть, будто под растянутую домашнюю майку заползла скользкая и холодная змея.

Что может быть плохого в маленьком, своенравном и пушистом комочке жизни, желательного рыжего цвета, который будет разбавлять теплом неприличную пустоту просторной квартиры? Ещё один радиатор отопления, но живой. Однако для тебя завести кота — приговор, подпись под чистосердечным признанием в деле об одиночестве. Ох уж эти стереотипы и предрассудки!

— Все мужики — сволочи!

Кажется, с этой фразы всё и началось. Да, именно с неё. И сорвалась она с пухлых губ Светки, пока ты нарезала кубиками сыр дорблю, припасённый на приближающийся праздник. Подруга произнесла фразу, как аксиому, как определение, прочитанное в Википедии, и по-хозяйски принялась разливать дорогое игристое по бокалам. Все маленькие радости, личные подарки самой себе, не доживут одного дня до праздника. Их поглотит бесстыдный рот твоей незваной гостьи. Но Светка — подруга со школы, пусть и свалилась на голову мокрым мартовским снегом и принесла в своих руках лишь желание отметить предстоящий праздник.

У Светки пышные волосы цвета топлёного молока, подтянутая натренированная фигура, вечно измазанное косметикой личико и семья. Сын Андрюшка, чихухуа Бусинка и, конечно же, Гарик. Муж-фрилансер. Такой строгий и brutальный в её рассказах, в реальности он часто готовит ужин, укладывает сына спать и моет посуду. Ваши жизни похожи разве что размером покупаемой обуви.

Бутылка опустела, а Светка, сославшись на домашние дела, которые не позволяют ей чувствовать себя женщиной, удалилась. Мартовский снег растаял в начале третьего, оставляя на твоей щеке влажное прикосновение губ и слякоть в душе. Уж если она не может почувствовать себя женщиной, стоит ли говорить о тебе?

— Все мужики — сволочи!

Снова услышала эту фразу вечером того же дня, но произнесла её другая твоя подруга. Черноволосая черноглазая роковая Машка, похожая и фигурой, и греческими корнями на амфору. Сосуд, наполненный наглостью, самоуверенностью и феминизмом. Последнее, правда, никак не помешало ей трижды побывать замужем и рваться туда в четвёртый раз.

Машка тоже пришла без предупреждения, но в отличие от Светы и к немалому твоему удивлению, принесла символический подарок и полный пакет продуктов, среди которых затесались две бутылочки вина. Подруга долго и выразительно ругала мужчин и тебя за мягкотелость. А ты лишь податливо соглашалась, вспоминая, сколько горя и разочарования принесли те, кто по каким-то одним им ведомым соображениям решили называть себя сильным полом. Сколько раз тебя, наивную дурочку, пользовали и бросали. Сколько раз твои мечты о семье разбивались об мужскую эгоизм. Ты была вдохновлена презрением подруги и воспоминаниями былых обид, как вдохновляется солдат перед боем громкими речами полководца. Ты жаждала отмщения.

Полусладкое и три необязательные сигареты за компанию сделали своё дело. Ты, не до конца понимая, на что подписываешься, согласилась на заманчивое и выгодное предложение окунуться в новое увлечение Машки. Под громким лозунгом «наказываем похотливых козлов» скрывалось обыкновенное мошенничество, целью которого: опустошение мужских карманов.

Всего-то и требовалось принять в квартире жертву — незнакомого мужчину, — флиртовать, принимать ухаживания и попытаться затянуть его в постель. Хотя «попытаться» неподходящее слово, как уверяла Машка. Заботливые мужья и убитые горем вдовцы на самом деле развратные, но очень трусливые «сволочи», которые просто жаждут оказаться с незнакомкой в уютной кровати. И когда они в ней окажутся в одних трусах, семейных или боксерах, всего-то и потребуется нажать припрятанную кнопку, которая активирует дверной звонок, соорудить испуганное лицо и выдавить из себя «это муж» с такой интонацией, чтобы прослезился сам Станиславский. А потом позорный побег неудачливого ловеласа через окно (первый этаж упрощает задачу), вещи летят вслед за ним, а бумажник и телефон остаются у тебя. Своеобразная плата за похоть.

Да, в тот вечер седьмого марта, ты согласилась стать аферисткой, а подруга благородно согласилась поделиться «жертвой». Мужчиной, который желает быть обманутым в международный женский день. Как же это символично! Не находишь? Адрес твоей квартиры улетел к нему по СМС, а Машка, оставив специальный дверной звонок и гарантии безопасности в виде электрошокера, ушла домой.

Ты преисполненная праведным гневом, превратилась в решительность, пока утро не раздавило похмельем. Восьмое марта встретило не праздничным настроением, а головной болью и недомоганием. Смотрящее из зеркала лицо слегка зеленоватого оттенка, изо рта пахло дале-

ко не розами, а боевой настрой растворился таблеткой аспирина в стакане холодной воды.

Казалось, этого достаточно, чтобы отказать от незаконной авантюры. Один звонок, и ты навсегда сбросишь с себя бремя преступного предложения. Сможешь жить, как прежде. Но разве можно подвести подругу? Скатиться до того уровня, что ей не захочется опускать глаза, чтобы посмотреть на тебя? Нет, конечно, лучше задушить своё мнение.

Вроде и жизнь, как у всех, да только стоишь ты теперь с задушенным мнением и раз за разом набираешь номер Машки, а она не отвечает. «Аппарат вызываемого абонента выключен...» — вещает девушка в трубке так, будто знает всё, будто готова лично сдать мошенницу-неудачницу полиции. От её голоса дрожат колени, а в глаза собираются тучи, готовые обрушиться потоком слёз. Тебя предали. Машка превратилась в короткие гудки, как только ты сообщила ей, что «жертва» лежит без сознания в твоей квартире и тебе нужна помощь. Подруга резко оказалась «вне зоны доступа». Для звонков и дружбы.

Мужчина, который пришёл к тебе, не такой, как описывала Машка типичных «сволочей». Милый, стеснительный, с легким налетом грусти. Стоило ему переступить порог квартиры с букетом нелепых ромашек и тортом, ты сразу поняла, что не можешь по-скотски поступить с этим человеком. Мужчина представился Вячеславом, ты, по легенде, Оксана. Он не сыпал сальными шуточками и пошлыми намеками, а лишь извинялся за свою нерешительность и косноречие, рассказывал, что давно не общался с женщинами. А ты слушала, про то, что жена бросила его с двумя близнецами, которых, по большому счёту, воспитывает бабушка, и терзалась от мыслей о подлости, которую должна совершить. Не такого противника хотелось видеть перед собой.

Вячеслав говорил много, пока непозволительно долго закипал чайник. Сердце в груди, которое Машка покрыла толстой корочкой льда накануне, таяло под напором его простоты и открытости. Однако ты из последних сил старалась не сдаваться под перекрёстным огнём своих ощущений и чужих убеждений.

Что было дальше? Вряд ли ты можешь четко восстановить картину произошедшего. Вроде он совершенно случайно оказался рядом, когда ты расставляла чашки с чаем и блюдца под торт на журнальный столик. И вроде он всего и хотел просто помочь порезать торт, да только ты восприняла его случайное прикосновение к локтю, как домогательство. Всё-таки чужие убеждения временно взяли верх над природной добротой и наивностью. Кажется, ты возмущенно вскрикнула, а электрошокер, который сам прыгнул тебе в руки, беспощадно вгрызся в

мужскую шею, не ожидавшую ничего подобного. Вячеслав упал, ударился об край стола в лучших традициях дешёвых сериалов, и безжизненной массой растёкся по бабушкиному ковру.

Вроде и жизнь, как у всех, да стоишь теперь, боясь пошевелиться, и из последних сил сдерживаешь слезы, а внутри так холодно, как будто дорвалась до бесплатного мороженого и вдоволь наелась. И горло дерёт точно также. Смотришь на неудавшуюся «жертву» своего мошенничества, думая о кошках и собаках, об астрологии и хиромантии, о подругах и своём имени. И так жалко себя, так горько — во рту, на душе.

Ты не сразу замечаешь шевеление на полу и не сразу слышишь стон. Только когда мужчина с трудом поднимается с пола, потирая ушибленный лоб, ты понимаешь, что происходит. «Живой» — неуверенно бормочешь себе под нос, после чего бросаешься к нему — удивленному, смущённому — и обнимаешь его. Прижимаешься как к родному. Плачешь и рассказываешь всё, как на исповеди. Что все мужики — сволочи, что живёшь одна, что никакая ты не Оксана, а всего лишь Генриетта. Что устала от одиночества и запуталась в мыслях. Рассказываешь про Светку, которая своим французским маникюром разрывает в клочья остатки твоей самоуверенности, про Машку — предательницу и аферистку. Всё, что только приходит в голову, тут же выливаешь на него.

— Может, все-таки выпьем чаю? — неуверенно спрашивает Вячеслав, когда бурный поток признаний иссяк.

— Он, наверное, уже и остыл, — как бы извиняясь, отвечаешь ты.

— Это ж хорошо, — говорит Вячеслав, улыбается осторожно. — Я не люблю горячий чай.

И ты понимаешь, что готова до конца дней разбавлять ему чай холодной водой.

Валентина Карпушина

Москва

СЛУЧАЙ У МЕТРО

На улице стоял на удивление тёплый октябрьский вечер. Несмотря на то, что осень уже перевалила за свою вторую половину, многие деревья ещё не растеряли роскошные багрово-рыжие шевелюры. Они, будто и не собирались встречать приближающуюся зиму, красуются в своих великолепных осенних одеждах на улицах города.

Мы с моим другом Севой возвращались домой и оживлённо делились впечатлениями, оставшимися после концерта, на который вместе ходили в этот вечер. Остановившись на перекрёстке, я взяла приятеля под руку и глянула в сторону светофора. В этот момент его жёлтый глаз нервно моргнул, а потом погас. А затем под ним загорелось его второе изумрудное око.

— Пошли, — скомандовала я, увлекая Севу за собой.

— Пошли, — послушно согласился он и пошагал на противоположную сторону улицы.

Но как только мы миновали перекрёсток, то сразу же наткнулись на небольшую толпу людей, собравшуюся недалеко от входа в метро. Люди громко говорили и были явно чем-то обеспокоены.

— Что там случилось? — поинтересовалась я и потянула Севу за рукав. Протиснувшись в центр толпы, я увидела на асфальте большого рыжего пса дворянской породы, корчащегося в невыносимых конвульсиях.

— Что это с ним? — оторопела я, глядя, как лёс закатывает мутные глаза, и захлёбывается обильной пеной, пузырящейся из его пасти.

— Сволочь какая-то отравила его, — послышался слева от меня заплаканный женский голос.

— Отравила? — не поняла я. — Зачем?

— Да бездомный он, — пояснила женщина, а потом, одёрнув спцовку с бейджиком на груди, на котором было выведено название торгового павильончика, расположенного напротив, наклонилась над бьющимся в судорогах псом, погладила его по густой шерсти и зарыдала, — Пират, Пиратик! Миленький, не умирай!

— Господи! — отмерла я. — Да кому он помешал?

— Есть тут один! Пизнесмен, млин, — слышался из толпы сердитый мужской голос, — он вчера Стрелку отравил. Подмешал в миску гадости какой-то. Собака поела, а через полчаса вот так же стала корчиться на земле и вскоре отдала концы.

Он показал заскорузлым пальцем на пластмассовую белую плошку с остатками еды в ней, валяющуюся рядом.

— Слушайте! — спохватилась я. — Что же мы стоим? Нужно же что-то делать!

— Что? — подал голос Сева, всё это время потрясённо молчавший.

— Ну хотя бы для начала попытаться отпоить собаку водой! — сказала я, а потом пустилась в объяснения, — после обильного питья концентрация яда в организме снизится, глядишь, пёс и оклемается.

— А лучше водочки дать, — слышался за моей спиной нетрезвый тенорок.

— С ума сошёл? — обернувшись, рявкнула я. — Какая ещё водочка при отравлении? Совсем животину доконать хочешь?

Между тем Сева ни слова не говоря, ринулся в сторону торгового павильончика, расположенного поблизости. Через несколько минут он вернулся, держа в руке пол-литровую пластиковую бутылку с водой.

— Я надеюсь, ты не газировку купил? — испугалась я.

— Нет, — мотнул головой Сева, — это обычная вода.

Присев на корточки возле Пирата, он отвинтил крышку и принялся поить его. Открыв мутные глаза, пёс стал жадно лакать воду из бутылки. А потом его обильно вырвало.

— Это хорошо, — удовлетворённо сказала я, а затем, наклонившись, ласково провела рукой по его густому рыжему загривку, и стала просить, — борись, миленький, борись!

Пёс посмотрел на меня неожиданно прояснившимся взглядом, а потом, попытался встать. Но у него ничего не получилось. Тогда он стал быстро-быстро перебирать лапами, словно намеревался куда-то убежать.

— Господи! — не в силах видеть, как он мучается, заорала я. — Позвоните кто-нибудь в ветеринарную скорую! Пусть ему желудок промоют!

— Вызов платный, — услышала я за спиной смущённый мужской голос.

— Ну и что?! — сказал с явным кавказским акцентом, подошедший к толпе чернявый молодой мужчина. — Вызывайте срочно! Я заплачу!

Плачущая женщина тотчас вынула из кармана мобильник и стала дрожащими пальцами набирать номер неотложки. Описав место, куда

ветеринарам нужно будет приехать, она облегчённо вздохнула и сказала:

— Через десять минут будут.

Пират между тем снова стал биться в жутких конвульсиях. Его выгибало дугой до такой степени, что он несколько раз ударился головой о бордюр и разбил её в кровь.

Так продолжалось несколько минут. А потом пёс вдруг как-то враз обмяк, его глаза стали стеклянными и он затих. Только его рыжие бока продолжали судорожно вздрагивать от вдохов и выдохов. Увидев это, я поняла, что он не дожждётся неотложки.

— Это конец, — обречённо пробормотала я.

— Ты думаешь, что он умрёт? — недоверчиво спросил Сева, глянув на меня.

— Да, — отозвалась я, — это же очевидно.

Пират тем временем снова дёрнулся. Потом он резко запрокинул назад голову. Его глаза в этот момент окончательно потеряли жизненный свет, и он прерывисто вздохнул. Затем по его бокам пробежала судорожная волна и они, в последний раз всколыхнувшись в предсмертном вздохе, замерли навсегда.

— Всё, — констатировала я.

— Как — всё? — испуганно попятился в сторону, от скончавшегося пса, Сева.

— Он умер, — хмуро пояснила я, подняв на него переполненные слезами глаза.

На побледневшем лице приятеля был написан такой ужас, что впору было оказывать ему медицинскую помощь.

— Что с тобой? — взяв его за руку, участливо спросила я.

— Я впервые вижу смерть живого существа, — посеревшими губами пробормотал Сева.

Толпа между тем разошлась. Рядом с умершей собакой остались только мы, плачущая женщина и мужчина, вызвавшийся оплатить услуги ветеринарной скорой помощи.

— Гады, — прошипел он, глядя на бездыханное тело пса. — Сволочи, нелюди!

Расплатившись с ветеринарами за вызов и перевозку собачьего трупа, он, понурившись, пошёл в сторону гостиничного комплекса, располагавшегося неподалёку от метро. А мы с Севой молча побрели к подземке. Только женщина, называвшая пса Пиратом, так и осталась стоять на том месте, где он умер, продолжая безутешно плакать.

Спустя неделю Сева мне позвонил.

— Слушай, Варя! — взволнованно сказал он в трубку, забыв поздороваться. — Я только что узнал потрясающую новость.

— Что за новость? — деловито поинтересовалась я.

— Помнишь Пирата? — спросил он.

— Ещё бы! — воскликнула я. — Такое забыть невозможно.

— Так вот, — продолжил Сева, — оказывается, тот чувак, который собак травил, был владельцем сети торговых точек возле метро.

— И что? — не понимая, куда Сева клонит, спросила я.

— А то! — воскликнул он. — Я сегодня был в том районе по делу и случайно разговорился с продавщицей одного из павильонов. Ну, с той, которая ветеринарную неотложку вызвала. Она мне и рассказала, что вчера этот товарищ скорострительно скончался. И умер он от отравления грибами, которые сам в лесу собирал и консервировал. Любил он солёные грузди под водочку с картошечкой. Да видать, один груздь вовсе не груздем оказался.

— Ничего себе! — поразилась я.

— То-то и оно! — констатировал Сева, а потом добавил. — Всё-таки закон бумеранга существует. И он беспристрастен, как видишь.

Дарья Странник

г. Вупперталь, Германия

ВЗРОСЛЫЙ

Лёша еле успел добежать до секретного штаба, когда из глаз хлынули с трудом сдерживаемые слёзы. Обычно в халабуде, сооруженной в дальнем углу сада из пары шиферных листов, мальчик играл в космонавта или агента, плакать здесь казалось стыдным, но не настолько, как на глазах у родителей. Они ведь сразу заведут:

— Такой взрослый, а ревьешь!

А как ужастик посмотреть или попозже спать лечь, так "мал ещё". Несправедливо!

— Ага, — согласился непонятно откуда появившийся чёртик.

Лёша настолько рассердился, что тот застал его плачущим — попробуй спрятаться в этом мире! — что забыл удивиться.

— Тебя не спрашивал, — огрызнулся он и принялся тщательно размазывать слёзы по покрасневшим щекам.

— Это как посмотреть, — не очень понятно отозвался чёртик, а потом, прищурившись, добавил: — Наверное, желаешь, чтобы все взрослые горели в аду?

Лёша задумался.

— Неа... Просто пропали. Они сами придумывают дорогие цены, а потом ничего не покупают, запрещают делать, что хочется, и воюют друг с другом. Хорошо бы, если... Но чтобы им не больно было.

Чёртик покривился, но сказал:

— Можно и так. Нужна только капелька твоей крови. — Когтистая лапка показала небольшую, блеснувшую в солнечном свете, иголку. Лёша тут же спрятал руки за спиной.

— Ты уколешь, и все пропадут? — спросил он неверяще.

— Ага. Все взрослые.

— И Ромка-драчун?

— Разве он взрослый? — удивился чёртик.

— На три года старше меня! И достаёт всех, кто младше.

— Ну, не проблема. Выбирай возраст.

Мальчик снова задумался. Если сказать "двенадцать", то пропадёт не только противный Ромка, но и брат, а его Лёша вполне часто любил. А ведь есть и симпатичные взрослые, вроде учительницы музыки. Неприятная догадка заставила мальчика вздрогнуть, словно игла уже уколола грязный палец.

— Слушай, а дедушка с бабушкой тоже пропадут? Они ведь не взрослые, они старые.

— Пожелай так, чтобы они остались, — пожал плечами чёртик.

— Тогда оставлю их... И соседку... И маму с папой... Они не всегда плохие... И... — Лёша засопел от усердия.

— Скорее загадывай и давай палец, — поторопил начавший волноваться чёртик.

— А вдруг я кого-нибудь забуду? — прошептал мальчик. Он прикинул, что большинство знакомых ему взрослых не такие уж и плохие. Пусть они иногда поступали глупо и несправедливо, но и польза от них была. Лёша вспомнил, как запускал с дядей воздушного змея, и как подруга мамы рассказывала смешные истории. Каждый делал что-то хорошее. Злой продавец киоска, постоянно гонявший мальчишек, подкармливал местную дворнягу, за что его уважала вся детвора. И даже Ромка-драчун показался Лёше уже совсем не таким плохим, во всяком

случае не настолько, чтобы желать его прочь. В конце концов, убежать от негодя было иногда даже чуть-чуть весело.

Вдруг Лёше очень захотелось обнять родителей, и, спешно покидая штаб, он и не заметил, как исчез досадливо поморщившийся чёртик.

ИЗВИНИТЕ, МЫ СЪЕЛИ ВАШЕГО МУЖА

На борту, как потребовали морзянкой пришельцы, находились пять добровольцев. И, конечно, ни один из них не находился здесь совсем добровольно.

- Приказ.
- Ипотека.
- Проиграл спор.
- Тёща в гостях.
- Армия.

Так, немного смущённо, они представились друг другу. Затем большую часть полёта молчали, думая об одном и том же: насколько велик риск того, что незнакомцы в зависшем на земной орбите корабле слопают первую пробную партию горе-дипломатов. Про это, конечно, что-то стояло в договоре, но вместо ясного "быть сожранными" и понятных цифр там написали абракадабру, которую нельзя читать вслух без риска вызвать демонов.

Перед стыковкой мужчины тянули спички, кому представлять делегацию. Короткая досталась ипотечнику.

Поэтому именно он выступил вперёд, когда на борт их корабля вползли пятеро пришельцев. По форме они напоминали тупоконечные конусы, по цвету — баклажаны, а по повадкам — каннибалов, так как ползший впереди чужак качнулся вперёд и всем телом поглотил несостоявшегося лидера делегации.

— Как же... ипотека? — икнул один из добровольцев.

Люди не успели оправиться от шока, когда пришельцы слились в одну массу, снова распались на пять конусов, а затем хором застенали и взмолили о прощении на чистом русском языке.

— У нашей расы обмен информацией происходит путём слияния, но человеческие организмы оказались к этому не приспособлены. Теперь мы это знаем, только вашего собрата уже не спасти, он переварен. Но знания его и опыт сохранены и будут жить в нас. Можем мы как-то компенсировать причинённый вред? Наша раса располагает

множеством неизвестных и потенциально полезных человечеству технологий...

— Договоримся, — кивнул тот, кто с приказом.

— И нам надо лично извиниться перед Снежаночкой, — хором добавили пришельцы. — Она занимает большую часть мыслей вашего брата.

Никто не возражал.

Снежану, к счастью, предупредили. Поэтому при виде пяти пришельцев перед дверью дома она не упала в обморок, а только поблела и покачнулась.

— Извините, мы съели вашего мужа, — хором объявили гости.

Снежана издала какой-то звук, который очевидно был признан пришельцами по воспоминаниям покойного супруга.

— Истерика, это нормально. Но вам не нужно грустить. Если хотите, мы поглотим вас тоже, и ваше сознание сможет воссоединиться с сознанием вашего мужа, — утешали пришельцы. Порывшись немного в свежесобранные знания, они неуверенно добавили: — Это будет очень романтично.

Наверное, в этих словах прозвучало что-то знакомое, потому что Снежана всхлипнула, прищурилась и заявила:

— Колька? Романтик мне тоже. Наверное сам в брюхо напросился. Лишь бы ипотеку не платить и картошку не копать. Не надо меня поглотить. Слияния с твоими куриными мозгами я не вынесу.

— Ипотеку покроет страховка, — тихим хором оправдывались пришельцы. — А мы готовы компенсировать...

— Компенсировать? Так айда в огород! Лопату держать-то можете?

Пришельцы поспешно выпустили из тел по паре щупалец.

— Вот и славно. Как с картошкой закончите, принимайтесь за крышу сарая. Эй, — повысила она голос, надеясь докричаться до супруга, — помнишь список дел?

— Помню, дорогая, — хором вздохнули пришельцы и поползли к огороду.

Копая картошку, они то и дело поднимали головы и с тоской в глазах смотрели на зависший в небе родной корабль. Отлёт откладывался на неопределённый срок.

Anna Raven

Челябинск

СПЯЩЕЕ СЕРДЦЕ

— Так вы мне поможете? — клиентка взглянула на меня с такой надеждой, что мне очень захотелось ей отказать. Желательно поглубже — так, чтобы она здесь разрыдалась и поняла как ничтожна перед настоящей силой, и...

И я этого не сделала — аренда сама себя не заплатит, а у моего агентства магических услуг разного профиля и без того уже есть долги. А тут клиентура, хоть что-то да надо отбить. Хорошо что хоть такое имею!

Надо было, наверное, не рыпаться, а оставаться в Академии, как предлагали, перешла бы в младшие преподаватели, потом до профессора бы поднялась, ан нет! Бизнес захотела делать, крутой захотела стать, наслушалась, чтоб их всех, что, мол, магов теперь хорошо принимают и к ведьмам идут людишки.

Впрочем нет. Совсем уж вину с себя не снимаю. Люди всегда шли к магам и ведьмам, просто раньше это было преступлением, а тридцать лет назад, как все правительства и парламенты уравнили нас с людьми в правах и обязанностях, прекратив долгую и страшную войну, так это перестало быть преступлением, и люди пошли радостнее. Правда, тридцать лет это не срок, это и человек проживет, чего уж про нас говорить! Но ситуация улучшается, чего уж там — в городах крупных и цивилизованных можно встретить свободно рекламу различных магических услуг, я и сама размещаюсь — приходите, мол, людишки, в моё агентство «Спокойный Сон» если вас тревожат неудачи, невзгоды, огорчения...

Но то в крупных городах. В посёлках и деревнях ситуация ещё долго не сравняется, не перейдёт даже к вежливому холоду, там до сих пор могут гнать из магазина ведьму, зашедшую купить молока или даже не пустят на почту мага — мелочно? Ещё как.

Но мы не лучше. Мы ещё долго не будем равны. Мы не можем без людей — наша энергия, наша сила и наши знания базируются на людских слабостях, на людской энергии, которой они не умеют пользоваться

ся и на их памяти. И люди без нас не могут — ни одна технология не заменит магии!

Но кусать мы друг друга продолжаем. Хоть по-тихому, хоть подло, но укусим. За сожжённых сестёр, за утопленных братьев. И люди нас кусают — за порчи, за сглазы, за то, что мы просто мы.

В новом мире всегда приходится учиться молчанию. В мире же где тебе надо ежемесячно откладывать нехилую сумму на аренду помещения, зарплату помощнице и рекламу — молчание должно и вовсе стать первым навыком, своеобразной магией.

— Я постараюсь, но вы должны понимать, что ваш выбор — это всегда только ваш выбор.

Клиентка взглянула с недоумением. Вот зараза! Всё время забываю мудрые слова моего наставника ещё по Академии — профессора Карлини:

— Магрит, дорогая моя, упрощай всё! Всегда объясняй всё так, словно ты говоришь с идиотами...

Минуту, дорогая моя, сейчас я тебе упрощу.

— Вы должны понимать, Элизабет, да? Так вот, Элизабет, вы должны понимать, что несёте ответственность, — я попыталась перевести сказанное прежде на язык человечинки.

— Я понимаю! — Элизабет даже возмутилась.

Не понимаешь. Не можешь ты этого понять. Если бы понимала, то не пришла!

— Вы просите воздействовать на другого человека, Элизабет. Это возможно, но это подло. Вы должны понимать...

— Я понимаю! — Элизабет даже дослушивать не хотела. — Понимаете, я же люблю его. Он будет со мной счастлив! Я сделаю всё-всё для этого. Разве плохо, если и он полюбит меня?

Во-первых, конечно же, в самой любви ничего плохого нет, но, учитывая, что полюбит он ни разу недобровольно по твоему заказу, то да — это плохо.

Во-вторых, кто тебе сказал, что это счастье для него? Или для тебя? Ты любишь его на расстоянии незнания.

В-третьих, Магрит, заткни свои мысли! Мозга ей в голову своего ты не вложишь, а аренда сама себя не заплатит, а за всех думать — сплать за три дня. Ты предупредила, она протупила на твоём предупреждении. Всё, умываем руки, мысленно благодарим Тьму за то, что люди глупы и проклинаем её за это же и принимаемся за приворот.

— Вы хорошо подумали? — безнадежно спросила я, давая последний шанс этой наивной и злой от своей наивности человечинке.

— Разумеется! — она даже выдохнула с жаром и закивала мелко-мелко, пытаясь утвердить свои слова на известной ей одной высоте величия придуманного чувства.

Да в пекло вас!

— Цену я вам назвала, как оплатите?

— Наличкой, — здесь Элизабет взяла деловой тон, отойдя, наконец, от воодушевлённо-восторженного.

Забавно, почти все клиенты платят наличкой — понятно, конечно, не хотят светить в банке свои переводы, но забавно. А ещё неудобно, потому что я плачу через банк и налог, и аренду, а это значит, что каждую неделю моя несчастная помощница Габриэлла идёт по-людски в людской банк, где долго и муторно происходит пересчёт выручки и заполнение реквизитов. Возвращается она оттуда всегда такая злая, что я, как лицо начальственное, от неё гашусь в своём кабинете.

— Тогда вы точно выполните мои инструкции, — я поднялась. Нужно было действовать. Во-первых, приготовить отвар для помутнения рассудка — его надлежало подлить несчастному, попавшему под любовь Элизабет, мужчине. Во-вторых, надо было добавить в настойку приворотную какую-то часть объекта — Элизабет заверила, что у неё имеется два волоса возлюбленного, и дать подробные инструкции (под расписку об ознакомлении!) как и когда подлить сию дрянь. В-третьих, надо было ещё раз проинструктировать клиентку и уже у порога взять с неё расписку о том, что ей понятны все условия и предписания, что она их выслушала и приняла и берёт на себя ответственность за дальнейшее.

Глупость страшная все эти расписки, но наш магический мир, ещё тридцать лет назад не знавший особенно бюрократии, принялся её постигать с особенным жаром. Оказалось, людишки любят судиться — то им эффект не тот, то, напротив, слишком тот. Не спорю, среди нас тоже бывают те ещё филоны, но в девяти из десяти претензионных случаев человечки сами нарушили пропорции, время приема или ещё чего-нибудь.

Никогда не забуду дело одной моей приятельницы Сэнды, из которого она с трудом выпуталась. Суд обвинял Сэнду в убийстве по неосторожности мужа клиентки. Клиентка пришла за тем, чтобы муж перестал по сторонам на других женщин, Сэнда дала отвар и инструкцию как его подлить и...

Кончилось смертью. Или, как цинично пошутили в наших кругах:

— Исполнением желания клиентки.

Но если серьёзно, то дошло до разбирательство и Сэнду спасло только то, что её клиентка оказалась честной душой и показала на разбирательстве, что сама налила больше, чем требовалось.

— Чтоб побыстрее! — объясняла она свой поступок, не понимая, почему должна отказаться от обвинений в сторону ведьмы, которая свела её мужа в могилу.

Так что — бюрократия, бюрократия и бюрократия. Ты, человечинка, получила от меня инструкции и расписалась в том, что ознакомлена с ними. Расписалась? Ну вот, там пусть хоть море горит, меня это не касается!

Элизабет уже была у дверей, всё ещё восторженная и радостная, теперь даже безумно-счастливая, предвкушающая. Но остановилась, чтоб её, решила поделиться со мной своим ликованием:

— Знаете, вы делаете очень хорошее дело! Вы не представляете, какой покой уже сейчас я ощущаю в своей душе. Моё сердце, кажется, готово от счастья выпрыгнуть из груди...

— Сходите к кардиологу! — посоветовала я, но Элизабет меня не услышала. Её сердце пело, а моё спало.

Не тому меня учили в Академии, не тому. Там твердили, что магия — это благо и сила, что тот, кто обладает силой, несёт ответственность.

Но там не научили где работать ведьме. Работать так, чтобы не сводить концы с концами, чтобы не копить два месяца на новую мантию или котёл для зелий. Останься я работать в Академии или пусть куда-нибудь в работу нашего мира, так жила бы также. Зато без угрызений совести!

Но уж нет. Я не для того усыпила своё сердце, чтобы здесь ещё ныть!

— Габи, следующий!

— Эта должность должна быть моей! — новые двери приносят новых гостей.

— Марк, — я кашлянула, стараясь быть деликатной, — вы действительно полагаете, что иного способа, кроме магического, получить её, у вас нет?

Если бы не аренда, я бы сказала, что никто никому ничего не должен, уж тем более какая-то должность!

Но я не могу. Поэтому я просто думаю об этом и мне легче.

— Послушайте, — посетитель перешёл на тот раздражающий снисходительный тон, после которого любая порядочная ведьма обязана навесить порчу!

Но я не очень-то и порядочная.

— Послушайте внимательно, если был бы какой-то ещё способ, я бы к вам не пришёл!

И гость демонстративно оглядел мой несчастный кабинет. Конечно, я вижу, сколько стоит его костюм, и сколько стоят его часы, которые он нарочито небрежно время от времени мне демонстрирует. Но что с того? Это не я к нему, это он ко мне пришел, и...

Моя совесть говорит со мной голосом моего наставника профессора Карлини, но пора бы ей уже заткнуться. Я не в Академии. Я в реальном мире.

— Хорошо, Марк, вы получите эту должность. Скажите, как вам удобнее будет заплатить?

Я снова поднимаюсь и снова действую. На этот раз ему инструкций не будет. Я сделаю сама — пусть второй претендент просто опоздает на решающее собрание. Вот и всё.

— А он останется работать дальше? — Марк остался сидеть в кресле даже после того, как я, закончив нужные действия и вплетя в нити судьбы незнакомца зловещее опоздание, устало опустила в кресло.

— Да, его не уволят.

Я даже улыбнулась — надо же, Марк негодяй, конечно, но не до конца! Переживает за соперника.

— А можно как-то от него избавиться? Ну чтоб насовсем... пусть его машина там соьёт или что-то такое? — уточнил гость.

Нежное и доброе сердце всегда рвут крючья. Самый простой способ — усыпить своё сердце, сделать его невидимым, спрятать в сон как в самый надёжный саркофаг, чтобы не постигло сердце разочарование и обида.

— Я заплачу! — заверил гость.

А я не сомневаюсь. Я знаю даже, что заплатит он наличкой и пулей вылетит с чёрного входа, не пожелав воспользоваться дверью для посетителей. Более того — пойдёт быстро, не оглядываясь, потеряв весь свой лоск.

Человечинка! — вот и весь ответ! Алчное, жадное неуёмное сердце против моего спящего. Впрочем, почему против-то? Кто будет биться с тем, что крепко и надёжно спрятано во сне?

Реклама точно двигатель торговли. Мои услуги — это тоже продукт и значит, я тоже торгую. Хорошо, что я не стала жадничать на рекламу и постоянно добавляю расклейки по городу. Если так пойдёт, выйду на экраны с рекламой и может на радио.

А пока идёт. Тьфу-тьфу, сила тьмы, не спугни души заблудшие!

Открывается дверь — опять и снова, являет то одно лицо, то другое, но в каждом одинаковый страх — где-то скрытый, где-то откровенный. Габи объявляет имя за именем, вносит кофе и воду по мере необходимости, а я храню, храню своё спящее сердце среди всех этих людей.

— Он должен переписать наследство на меня! — возмущается женщина. Ей неважно, что наследство отца она должна разделить с братом, что этот самый брат ухаживает за отцом, пока она...

Впрочем, ей это неважно, а если неважно ей, то почему должно быть важно моему спящему сердцу? Пусть разбираются в семейных дрызгах, и я промолчу, сумею промолчать о том, что завещание — это важный документ, но всегда есть суд, всегда есть закон, и по нему брат моей клиентки может себя защитить и получить часть имущества.

Если захочет, конечно, если его собственное сердце не уснёт тогда от усталости и скандалов с сестрой.

— Наличка или чек? — интересуюсь, поднимаюсь, действую, выдаю инструкции.

День летит. Я чувствую голод, но понимаю, что съесть не смогу и куска — усыпить сердце — это ещё ничего, желудок больше предатель, его равнодушие надо взять измором!

— Мне нужно, чтобы он меня боялся! — ещё один гость, но на этот раз я даже имя забываю. Габи что-то там сказала, а я кивнула, и...

И чёрт с ним!

Рот хочет спросить: «зачем тебе это нужно, человечинка?» — а сердце упрямо спит, и я не спрашиваю, просто уточняю детали, поднимаюсь, действую, выдаю инструкции.

В последнее время все как будто сговорились быть мерзкими! Раньше хоть дома с привидениями попадались или проклятия там на предметах, а тут — приворот, напугай, заставь, уничтожь, прокляни, наведи и тому подобное. Никакого творчества, никакого чувства юмора не хватит, хватит только сна.

Поэтому спи, сердце, а тело моё позаботится о том, чтобы когда-нибудь тебе было комфортно.

— На сегодня всё, — сообщила Габи, когда день уже умирал. — На завтра записано трое — один клиент хочет попросить средство от бессонницы...

— Чистая совесть и холодное сердце! — я огрызнулась без всякого усердия. Габи задевать не хотелось, но она умница — не задевается от мелочей, знает, что со мной бесполезно и что я не злая. Да и нравится ей в моём агентстве. Сидит, отвечает на звонки и письма:

— Добрый день, агентство «Спокойный сон», слушаю вас!

И нас тут всего двое — она и я, если что — договоримся. Отпущу пораньше, не замечу опоздание или какую-то досадную мелочь рабочего процесса. Ничего! Там тут делить нечего! Вообще нечего. Она, в конце концов, не имеет бессонницы, её сон соответствуют вывеске учреждения, а мой сон полон кошмаров и тяжести, и благо, если он ещё придёт! Получается забавная шутка природы: сердце, выспавшись за день, ночью начинает буйствовать.

— За сегодня сделали выручку. Если так пойдёт дальше, то к концу недели не только из долгов выйдем, но даже кое-что останется! — Габи попыталась меня порадовать, я вяло шевельнула рукой — ага-да, слышу.

Она кивнула, поняла, направилась к дверям, но у дверей остановилась, спросила:

— Магрит, я, может, не в своё дело лезу...

— Не в своё, — согласилась я, но разрешила ей договорить.

— Может помощника... ну, какую-нибудь ещё ведьму или мага? Я бы сама, но... — Габи покраснела. Её способностей на расклад карт не хватит, даже для отвода глаз. Хотя она и из магической, хорошей семьи, но просто так бывает. Ей даже хуже чем многим — она из магической семьи, жила и росла в окружении магов, но осталась для них чужой, так как не овладела даже базовыми навыками. А в мире людей она имеет клеймо «магички».

Обидно!

— Если дела пойдут, — я не стала напоминать, что по последней поправке мы не можем набивать в своё агентство всех, кого хотим. Мне помощницу-то пришлось выбивать, а то город считал, что я могу явить опасность, если вдруг окажусь близко к кому-то из своих и стану со своим работать. Как будто я полная дура и буду вредить городу, в котором живу!

Людям, и по одному — это одно дело, но городу и жителям его?..

Спящее сердце помогает убедительно лгать. Я хотела поразмыслить ещё об этом, когда Габи, повеселев, вышла, но почти тут же из приёмной раздался её возмущённый голос:

— Рабочий день окончен!

— Я знаю, — ответил знакомый голос и я велела:

— Габи, пусти его.

Она покорилась, хотя даже за дверью слышно было её ворчание — Габи хорошая и стережет мой покой. Как умеет, конечно, и настолько, насколько я могу ей это позволить.

— Добрый вечер, Магрит! — на пороге кабинета появился Ричард.

Друзьями мы не были. В Академии я ему помогала одно время, но и то — по собственной глупости, пока сердце ещё не научилось спать. Потом отпустило, приятельствовали, пересекались через знакомых и через дела. У него тоже агентство, правда, он всегда был богаче и ловчее меня, делал деньги там, где я не умела их делать, заводил полезные знакомства и, видимо, выдрессировал свою совесть на вечный сон.

— Какого тебе тут надо? — спросила я. Хамить ему смысла не было, он не обижался, так как привык работать с людьми богатыми и властными, хоть и всего лишь с людьми. Но настроение у меня было плохое, так что я должна была хоть как-то себе выгадать небольшую месть.

— Так тут встречают друзей? — Ричард сел без приглашения напротив меня.

— У меня нет друзей. Одни приятели и знакомые, — напомнила я. — Зато их много.

— Твоё право, — согласился он, — но друзья полезнее.

— Смотри что определять дружбой.

— Наша дружба позволила тебе поднять небольшую сумму за короткую прогулку, — Ричард пожал плечами, — исключительно из дружеских чувств я...

— Завали! — посоветовала я. — И про дружбу мне сказки не рассказывай. Я тебя знаю.

Ричард попытался возмутиться, но вовремя вспомнил, что я и впрямь его знаю.

— Хорошо, — сдался он, — но если говорить об определении дружбы, то я считаю, что дружба — это когда человек обязан тебе куда больше, чем ты ему.

— Завали дважды! Скажи лучше по делу.

— Сегодня к тебе пришла клиентка. Элизабет. Могла назваться по-другому. Она блондинка, высокого роста...

— Я что, ещё людей запоминать буду? — начало мне не понравилось, но показывать этого было нельзя.

— Сглупил! — усмехнулся Ричард и ловким движением извлёк из пустоты перед собой фотокарточку. Знакомую мне. Утром мне показывала её та самая Элизабет, умолявшая о привороте.

Именно этого человека она хотела получить.

— Не в моём вкусе, — я пожала плечами, хотя уже начала соображать причину его визита.

— По-моему неплох, — возразил Ричард. — Лицо у него очень запоминающееся, да и фигура вроде...

— Он человек, а значит не в моём вкусе, так что если ты устроился на подработку свахой, то забирай это и вали.

Ричард не удивился и этому. Он остался спокоен.

— Она приходила к тебе, она сама этого не скрывает. И мы оба знаем зачем.

Пришла моя пора помолчать и подумать.

— И что с того? — я не пришла ни к какому разумному выводу. Какая разница кто там ко мне ходит? Выдавать клиентов, их имена, адреса и просьбы я не буду. Здесь не продают даже законы. Ричард это знает тоже — он и сам хранит тайны своих клиентов и меня знает.

— Слухи дошли до этого человека. Он под моей защитой. Он пришёл ко мне просить помощи, и я окажу ему эту помощь.

Вот оно что! Конечно, наверняка ещё до обращения к ведьмам, даже если я первая, к кому эта Элизабет обратилась, она предпринимала попытки сблизиться с ним, и, видимо, весьма навязчивые, раз несчастная жертва, получив слух о том, что Элизабет пошла к ведьме, сам побежал искать защиты.

— Угрожать пришёл? — напрямик спросила я. — Мол, не помогай ей, а то будешь иметь дело со мной?

Поздно! Я дала отвар. Остальное неважно. И вообще — Ричард не идиот наверное, понимает, что маги от ведьм отличаются и не дай тьма нам с ним выйти на открытый бой.

— Угрожать? — он не удивился, а сыграл удивление. — Тебе? Ни за что!

Всё правильно. Люди могут делить меж собой наши влияния и наши интересы, могут говорить, что кто-то из нас на их стороне, но это всё ложь. С людьми мы не враги всего тридцать лет, а этого мало. Мы, маги и ведьмы, ведьмаки и волшебники, пророки и предсказатели, целители и исследователи магии всегда будем на одной стороне. На нашей стороне. И ни возраст, ни наше местонахождение, ни наши долж-

ности, ни наши предпочтения в пицце и алкоголе, ничего, совсем ничего не может нас переманить к людям.

Мы можем ненавидеть друг друга, но до конца будем стоять друг за друга. Потому что люди хуже. Это племя, которое нас истребляло и которое всегда будет чужим. Ну или не всегда, а ещё долго.

— Тогда повторю свой вопрос! — я усмехнулась, — какого тебе тут надо?

— Это смешно, но я предлагаю тебе заработать. Снова. На пару, — Ричард развалился в кресле с удобством, он попал в свою стихию.

— Ну-ка?

— Эти дурачки очень полезны. Она хочет получить его, он хочет от нее избавиться. А мы просто ведём бизнес. Она пришла к тебе, он пришёл ко мне. Я скажу ему, что его сумасшедшая воздыхательница обратилась к ведьме, и сдеру с него за защитный амулет в три раза больше, чем полагается. А то надо же работать со своими!

— И где тут моя прибыль? — спросила я. Я знала что он предложит, но я не хотела это озвучивать. Озвучить — согласиться. Пусть сердце спит, пусть оно думает, что это Ричард меня уговорил!

— Ты скажешь этой Элизабет, что её возлюбленный обратился к магу и теперь, чтобы его получить, нужно снять защитные чары, а это стоит дороже...

— А в итоге?

— А в итоге у кого-нибудь из них кончатся деньги. Всё, чтобы ты не сомневалась, разделим пополам.

Ричард был сама любезность, но я знала — не доверяет. Поэтому пополам. Боится, что моя сумасшедшая Элизабет наизнанку вывернется, а достанет все деньги мира.

— Сама подумай, Магрит, — убеждал Ричард, — нам прибыль, а им то, чего они хотят. За любовь, ровно как и за попытку от неё скрыться, надо платить. Хорошо платить. Если не могут разобраться сами, да так, что идут к нам, пусть платят!

— А если он захочет её убить? — спросила я. Не знаю даже, волновало ли это меня всерьёз?

— Заплатит и за это! — Ричарда мой вопрос не удивил. — Так что?

Я кивнула. Слово может разбудить спящее сердце. Вечер близится к ночи, оно скоро проснётся и придёт моя бессонница.

— Тогда до встречи! — он поднялся, заметив мой взгляд на часы. Понял или проявил такт — не знаю. Остановился у дверей по старой и дурной привычке всех непрошенных мерзавцев: — у тебя всё хорошо?

У него даже голос изменился, стал сочувственным, мягким. Но я не поддавалась:

— Лучше всех.

— Ивовый отвар помогает уснуть, — вот теперь Ричард вышел. Как всегда! Сказал гадость и ушёл. Неужели понял? Неужели почувствовал, что моё сердце в нарочитом сне-не сне и мстит мне за это?

Я посидела ещё минуту, прислушивалась к себе. Затем решила, вскочила, рванула к дверям, миновав удивлённый окрик Габи, вылетела на улицу, где шумел, оживал по-особенному яркий ночной город.

— Ричард!

Он не ушёл ещё, не использовал магию перемещения... что ж, не одним людям нравится ночной город.

— Магрит? — он был удивлён по-настоящему, но приближался уверенно. — Ты что, забыла мне напоследок сказать гадость?

Я старалась не замечать ночной прохлады, старалась не думать о своём спящем сердце, которое вот-вот проснётся и снова свергнет меня за всё свершенное в бессонницу, и у меня получалось.

— Я тут подумала... — но я ещё мялась.

— Впечатлён! — он усмехнулся и усмешка решила итог. Мы всё равно далеки от людей. Всегда будем далеки.

— Знаешь, нам надо сравнить наших клиентов, дела, что если эта парочка не единственная, на ком можно... на ком мы можем...

Я не договорила. Не могла договорить. Это уже было моё решение, которое не спишешь на «угovorил».

— Не ожидал! — признал Ричард. Ему было весело в отличие от меня. — Что ж, тогда до завтра, приходи в моё агентство после закрытия, поговорим.

Всё правильно, теперь мы на его территории — здесь правят обман, интриги, вымогательство. А чего я хотела? Работать и не мараться? Мараться наполовину? Ничего, когда-нибудь моё сердце не будет нуждаться в своём сне, когда-нибудь оно будет живым снова. Но пока — порядочность — роскошь, и моё сердце должно научиться спать даже через мою бессонницу.

— До завтра! — я махнула рукой и постаралась быть беспечной. Не надо ему видеть моей тоски, ещё загордится.

ПАУЧИХА

У дочери красильщика путь заранее проложен к труду. Красильщик хоть и почётен и нужен, а всё же весь прибыльток его в его же руках да глазах. Подведут руки или забелеет в глазах и уже не так покрашены ткани, и нет в них яркости и стойкости, и пало мастерство и нет больше дохода.

Одному с таким делом не справиться. Для прокраски одного хлопкового холста нужно много истолочь травы, коры, цветов да кореньев. Много должно перебродить залитого уксусом мха, и много придётся перебрать листьев, отделяя начавшие желтеть от целых, никакой болезнью не тронутых, от того и шум кипит на улицах, где живут красильщики с семьями, чтобы от работы не отвлекаться, от того нескончаемая там суета.

Кто прокрашивает, кто просушивает, кто отдаёт на постирку... это потом все эти ткани — пурпурные, белоснежные, фиолетовые, синие, зелёные и жёлтые станут чьей-то одеждой, а пока до того далеко, и в одном котле бродят мховые листья, выделяя едкую зелень; в другом котле бурлит синева, от коры отделяясь. Чудно даже, сколько цветов сокрыто вокруг, и сколько можно получить из простых, будто бы незаметных цветов, окраски!

Надо знать, надо уметь, надо точно следовать выверенным рецептам друг друга. Если попала под дождь срезанная кора жёлтого дерева, если не укрыли её хорошенько, то нет этой коры — к вывариванию цвета она уже непригодна.

Красятся ткани, красятся нитки, кипит работа. Жарко от котлов, за каждым внимание, за каждым строгий надзор. Вовремя вытащить, а что-то и перевернуть, что-то разложить по гладким камням под власть Гелиоса...

— Идмон! Идмон! — в суматохе пересмешек и переругивания, в окриках друг другу, чтобы поглядывали да за всем поспевали, новый глас.

Идмон отвлекается от варева, но поглядывает в котёл — ещё немного синевы, но главное, чтоб не зачернелось, а то эти плоды очень нежные, проглядишь, съедятся, начнут травит свои же краски.

— Чего тебе, Симос? — Идмон весел и молод. В красильщиках он от рождения. Ещё ребёнком помогал он отцу собирать нужные травы да коренья, с такими же мальчишками шёл, с почтенными сынами своих отцов, призванных перенимать все знания.

Идмон весел и молод. В его руках уже залегла желтизна от постоянной работы с травами и цветами, и самая едкая — жёлтая краска да оранжевая, въедались в руки पहले всего.

— У тебя родилась дочь! Меня послали к тебе, чтобы передать тебе эту весть. Возблагодари же богов, да не скупись на вино!

Простые слова. Но сколько же радости вызывают они в сердце Идмона. Дочь! Да, конечно, сын бы вскоре стал помощником ему, но и дочь — это дар богов! Сколько же жили они без ребёнка, и сколько же молили о нём небеса. Ответили боги, сжалились над их праведной жизнью, и отблагодарить их надо за это, ни на что не скупясь.

Дочь... для Идмона это что-то ещё совсем непонятное, что-то странное, но вызывающее мгновенный отклик во всей душе. Дочь! У него родилась дочь. На кого она похожа? Какой она будет? Конечно же, красавицей! Да, ведь иначе не бывает — его жена такая красивая!

— А как... — у Идмона много мыслей и каждая из них так важна, что выразить хоть одну из них он не может.

— Отдыхает! — смеётся Симос. — Отдыхает, а дочь в порядке. Моя жена там, сказала, что дочка у тебя родилась здоровой.

Идмону хочется бежать, скорее, домой, увидеть их, но труд?.. как же его работа? Как же его сегодняшняя плата? И сегодняшнее дело, и как же вываривающееся плоды, над которыми он поставлен?

Подходит Орест — старик совсем, один из первых красильщиков, поселившихся в этом городе, старше их по знанию и опыту. Слышит, конечно, всё, видит и растерянность Идмона, и желание его дома скорее оказаться и всё понимает.

— Ступай, Идмон, — советует Орест, — ступай без оглядки на нас, посвяти этот день жене и дочке, но не забудь богов и милость их, а сюда приходи завтра, мы управимся.

Знает Орест как долго был пуст дом Идмона. Здесь все семьями живут, на этой улице, и от того все как одна семья.

Идмон сердечно благодарит старика, на бегу прощается со всеми и счастливый спешит, наконец, домой...

— Да, Идмон... такая красота! Да в такую юность! — какое одинаковое восхищение со всех сторон. Идмон среди них счастливый. Каждый день его в счастье уже не первый год. С тех пор, как родилась у него дочь — Арахна — так счастье его и не отпускает.

Боги сжалились над его семьёй, да не просто послали ему дитя, а ещё наделили щедро! Уже с третьей весны Арахна, ещё не умея толком

идти, схватилась за оставленные матерью нитки и начала что-то вывязывать.

Гипепа долго смеялась, рассказывая о проделке дочери соседкам:
— Видимо, ткачихой будет!

А Идмон призадумался. У его дочери и впрямь очень скоро проявился интерес к ниткам, да такой, что она даже платье своё распустила, бережно матерью сшитое. На ниточки разобрала и что-то там мастерила, пока Гипепа не знала: браниться ей или смеяться? Ткань дорогая, и время потрачено на неё впустую. И вроде не хочется зла иметь, а всё же прибыток красильщика труден и мал. К тому же, на окраине их города поселились ещё красильщики, но уже из-за моря прибывшие, и привезли с собой секрет нового цвета. А ну как угаснет работа прежних цветов?

Новый цвет и редок, и чуден, и дорог. Но всё же прежним красильщикам подлость делает: не такие богатые люди хотят в чём-то походить на богатых и иметь цвет хот чуть-чуть приближённый к тому, дорогому...

Так что заботы хватает. А тут Арахна чудит...

Но Идмон решил тогда иначе и принёс собранные остатки и обрезки неровно прокрашенных тканей, мотки плохой, негодящейся пряжи.

Арахна в счастье, Гипепа же не в восторг:

— К чему всё это?

— Дар богов, — Идмон никогда не умел побеждать Гипепу в бытовых вопросах, но мгновенно научился, когда речь зашла об Арахне, — если так решили они, пусть она учится понемногу, если дар это...

Смолчала Гипепа, правоту признавая. И что же? сплелись годы в полотно событий, немного прошло, Арахне семь лет и вокруг — восхищение!

Идмон сам не верит себе, своему счастью. Соткала Арахна платок, а на нём узоры — листья, деревья, и всё чудно, аккуратно, да так живо, что и глаз не отвести.

Вот и восхищаются соседи — красильщики с семьями, да любопытные.

— Слушай, а продай его мне? — вдруг молвит один из решившихся.
— Дорого возьмёшь?

— Я так не могу, — теряется Идмон мгновенно, — это же Арахна делала, а не я.

— Так ты ей отец! — напоминают ему. — Она плоть твоя.

Идмон не согласен. Он считает дар Арахны посланием Афины. Она — Мудрая и славная, всегда покровительствовала ремесленникам. Ид-

мон верит, что его дочь ждёт великое будущее, да так верит, что в прошлую осень, когда красильщики приносили жертвы Афине, принёс больше, моля заодно о счастье дочери.

«Услышали меня в прошлый раз, и в этот, даст небо, не пропустят!» — думал тогда Идмон, пока Гипепа не знала — отмолчаться ей на лишние расходы о будущем дочери или радоваться.

Гипепа не желала дочери зла. Она видела жизнь трудовую и сама в ней жила, и Арахне того не хотела. Она хотела, чтобы Арахна стала похожа на одну из богатых женщин, вся заслуга которых в удачном замужестве, и для того Гипепа пыталась хотя бы обучить Арахну всему, что могла сама да немногим грамотные женщины их улицы. Красотой боги дочку не обделили, Гипепа видела уже в чертах её лица, в густоте волос, что Арахна будет красавицей, но красоты ведь мало! Надо её учить языкам, чтению...

А Идмон потекает её играм с тканями, точно дочь хочет увести в те же дебри, в которых сам живёт.

— Зачем дар, если его нельзя передать для радости? — спор продолжается. Очень уж красив платок! — Ну продай, моя жена радоваться ему будет.

Колеблется Идмон, но всё же уступает. Гипепа же, глядя на принесённые блестящие монеты, меняет мнение:

— А может и впрямь Арахне быть ткачихой великой?

И в следующую осень идут они к храму Афину уже всей семьёй, несут дары, щедрые дары. Теперь им немного легче: у Арахны, хоть и дитя совсем, дело в руках спорится-горит, она работает легко и в уме видит картины да узоры. Понемногу продаются... Гипепа сама тем занимается. По праздничным дням, по дням славы она надевает лучшее платье, берёт большую корзину и складывает в неё платки да пояса, сотканые дочерью, там и продаёт. Вернувшись же, наказывает Арахне:

— Ты больше про деревья и про зверей, людям нравится. И мелкое что-нибудь, твои покрывала дорого стоят, спрос есть, но покупатель идёт плохо. Дорого! А мелкие платки да поясочки, ленты всякие идут легче.

Арахна кивает и не спорит. Ей хочется ткать что-то великое, что-то значимое, что-то о богах, присутствие которых она чувствует каждый день, но она покорна и делает то, что нужно.

Слава об Арахне окутывает город окончательно в тот же год, когда умирает Гипепа. Она болеет ещё с рождения сына, но держится несколько лет, и всё-таки оставляет Арахну без своего напутствия.

Без неё Арахне сначала становится очень тоскливо — невыносимо до самых глубин души. Она не знает, как торговаться и кому и как продавать то, что делает. Все мысли её об узорах и нитках, о том, как выpletать картины. А теперь — надо вести дом, всё-таки заботится об отце и брате, ещё и с собою что-то делать...

Но отец, видя её растерянность, приходит на помощь, советуется с сыном Фалангом и вскоре наступает решение: за домом будет смотреть овдовевшая их соседка — Таис, она немолода, детей подняла, и живёт в достойном спокойствии. А товар... слава уже опутала город, и больше того — пошла дальше, к Арахне идут. Заслуга Гипепы! К Арахне приходят служанки знатных дам и господ, просят и передают, звенят монеты, Арахне не нужно уже беспокоиться так, как прежде...

— Ты работай, дочка, — просит Идмон и Арахна это принимает. Ей удобно и прекрасно работать целыми днями, её мысли в нитках, в узорах, и руки верно знают свой труд. Приходят гости, Арахна выносит им заказанные полотна — те самые, великие, о богах, о чудовищах, о гениях, о чудных невиданных землях.

Руки её точно сочиняют музыку, дёргают какие-то струны мироздания, и нитки складываются будто бы сами собой. Арахна не может сама объяснить их действия, их труда. Их лёгкости. Они почти не устают за целый день, глаза замечают детали будущего полотна, видя его живьём тогда, когда оно ещё не проглядывается...

— Ты просто послание богов, дар Афины! — вздыхает Идмон. Он уже не понимает, откуда в голове дочери сюжеты, не о чем им говорить друг с другом. Ей неинтересно о красильщиках, хотя для праздника по заказу города, она создаёт полотно о них; ему непонятно о её нитках и узорах. Ему понятно и просто с сыном. Тот красильщик и помнит Ореста и понимает шутку о Симосе...

А Арахне нет дела. Она в своём мире, в мире, данном ей в дар богами.

Арахна растёт и живёт всегда в словах о своей удивительности, в восхвалениях редкому своему дару, и это рождает в ней отравляющую гордыню. Она уже не может пройти на площади мимо других, куда более скромных (куда им догнать её мастерство?) ткачих, не посмеяв-

шлись над кривостью узора и нелепостью сочетаемых цветов. Ей уже не схватиться за любую пряжу и любую ткань, лишь бы был материал — нет, она требует себе лучших шелков и лучших ниток, самую мягкую и чистую шерсть. Она уже не берёт любого заказа как раньше — ей подавай великое да сложное! Чтоб обязательно восхитились люди. Не заняты мечты её богатствами, а отравлены одним желанием славы...

Это незаметное падение для неё самой в пропасть гордыни, замечают подруги, понемногу от неё отстраняются. Одно дело, когда твоя подруга умеет то, чего не умеешь ты и можно порадоваться за неё или у неё научиться, а другое, когда она насмешничает и не желает помогать, лишь издевается:

— Это ткала ты или корова? Что за кривая линия?!

Но Арахне нет дела. Вокруг почитатели её таланта. У неё нет сердечных бед и дел, у неё нет никакой трагедии, она занята любимым делом и избавлена от ненужных, громоздких рутин.

Не очень-то ей и нужны друзья и близкие. У неё есть нитки, и она творит, творит, и все ею восхищаются.

— Ты дар, дочка, божий дар! — шепчет отец, но она его едва ли замечает. Вокруг шумят: она вынесла новое полотно на день славы Афины!

— Только была бы скромнее, — не удерживается Фаланг от тихого замечания, но вот его неожиданно Арахна всё-таки слышит и оборачивается, чтобы уязвить:

— А я всё думала, откуда идёт этот запах сгнившей травы? А это ты, братец!

Народ смеётся. Фаланг пожимает плечами: его такая мелочь не задевает, он видел уже много гордецов, но вот Идмон...

У их отца на глазах слёзы. Не одного Фаланга уколола Арахна!

Но заметила ли?.. нет, зачем? Ей кричат, что она сама как Афина, покровительствующая всем ремёслам и особенно ткацкому, и что над нею, должно быть, её персты простерлись и указывают ей судьбу! Что Арахна, без сомнения, ученица Афины!

Загордилась Арахна давно, и не нравится ей слышать, что кто-то, пусть это и мудрая умелая богиня превосходят её, что она всего лишь ученица...

— Что мне Афина? — кричит Арахна со злостью, — пусть приходит и сравним мы мастерство!

Отравление гордыней доходит до высшей точки. Вздыхает народ: с ужасом и затаением. Всё видят небеса, дойдут до них слова Арахны. А дальше что?

— Чего она сказала? — Афродита откровенно веселится. Афины она недолюбливает давно, над ней не имеют власти её чары, и Афина имеет преимущество перед общим их отцом — Великим Зевсом, пусть на пирах Зевс обращается чаще к весёлой на выдумки Афродите, на советах слово даётся всё же Афине.

Афина молчит. Она бы предпочла, чтобы слова этой гордячки-ткачихи, но Гермес — подлец такой, очень хотел повеселить богов и разнёс слова, оскорбляющие честь Афины. Теперь придётся разбираться публично.

А Афина этого не любит.

— Хорошо покровительствуешь! — Афродита веселится, зная, что ничего лично ей Афина сделать не посмеет. Отец рядом, и обе они любимицы его.

— Замолчи, — неожиданно советует Гера, и Афродита примолкает мгновенно. Гера не Зевс, она царица в стати и поведении. Не простит непокорства.

По этой причине Зевс, наверное, и возвращается к ней раз за разом, по этой же причине вечно и ищет сторонних веселий. Она мстительная, она не прощает обид, и всегда творит ответное оскорбление в ответ на оскорбление собственное.

— Что делать будешь? — спрашивает Гера, обращаясь уже к Афине. Афродита слушает внимательно — ей тоже интересно, интересно и рассказать о том, как Гера заступилась за Афины. Впрочем, между Афиной и Герой всегда лежало что-то общее, что-то, что помогало им понимать друг друга и договариваться.

Афина колеблется. С одной стороны — покарать, конечно, эту блаженку, и дело с концом! Но с другой — разве не пустяк? Афина знает, как знают и Посейдон, и Зевс, и Гера, и, наверное, Аид, что в минуту ярости и гнева смертный может сказать неладное, да на деле так не думать. Смертным на то глупость и дана, чтоб иногда не думать. А боги живут долго, почти вечность и нельзя им позволять себе беспечие.

С другой стороны, эта Арахна не с гнева крикнула, не с досады, не от ярости или горя! Она действительно так считает. В ней гордыня. А непокорство, идущее от гордыни, это уже то, за что надо карать.

Или хотя бы учить.

Гера кивает, угадывая мысли Афины. Он смотрят друг на друга, ведя безмолвный разговор, непонятный для Афродиты.

«Сглупила, конечно, эта ткачиха. За глупость не караю, но за гордыню научу», — мысленно объясняет Афина.

«Ты не жестока, знаю, но непочтение есть непокорность. А это то, за что надо наказать, но наказывать самой, не поручая никому, ибо оскорбление нанесено было тебе...» — Гера соглашается. Она не собирается заступаться за ткачиху, но не желает жестокости.

«Я дам ей шанс!» — мысленно обещает Афина, и Гера едва-едва улыбается, только краешки губ дрогнули.

— Не шла бы ты, дева, в поединок, не гневилась бы Афину! — Афина стоит на пороге дома Арахны, но узнать её нельзя — в старуху обернулась. Разговор завела далёкий, Арахна явно недовольна её присутствием. Какая ей польза или какое восхваление от этой старухи? Только время терять!

Но терпит. Почему-то терпит её присутствие.

И не знает, что в саду таится её брат, подслушивает. Эта старуха ему кажется какой-то очень уж чудной — хоть и стара лицом, хоть и согбенная у неё фигура, а глаза яркие. И что-то есть в них смутно нехорошее, недоброе, чего стоит избегать.

— Прослышала я о твоих словах, — продолжает старуха, — и пришла сюда. Пришла, чтоб посоветовать тебе верный исход: ступай наутро в храм Афины, проси прощения, она простит. Простит твою гордыню!

— Гордыню? — Арахна смеётся, — гордыню! Я не горда, я правдива. Я лучше её, и если это не так, пусть приходит она сама, чтоб то мне доказать!

Арахна легко отталкивает старуху в стону и та покоряется. Фаланг смотрит за тем, как Арахна, всё ещё смеясь, уходит в дом, и как старуха печально смотрит ей в след.

И прошибает Фаланга осознанием: сама Афина! Замечает он в одеждах её, в тряпье, плетёные фигуры змей и птиц, видит блеснувшее из-под лохмотьев золото доспеха...

Арахна, посмотрела бы повнимательнее, может чего и поняла! Но не смотрит Арахна на тех, кто ею не восхищается.

Фаланга сначала хочет броситься в дом за сестрой, всё же она ему кровь родная! Но останавливается он, почувствовав на спине своей взгляд Афины.

Оборачивается, и, убедившись, что не ошибся, опускается пред богиней на колени:

— Не губи её, Мудрая Афина. Глупа она. И удержу своей глупости не имеет.

Афина улыбается. Тепло улыбается ему — ей это по нраву. Арахна не любила Фаланга, его насмешек, и того, что отнял он своим рождением здоровье матери, но он всё равно пытается заступиться за неё.

— Ступай к себе, — советует богиня. — Всё будет так как будет.

Афина творит свою битву с Посейдоном. Славный был день, славная была война. Посейдон велик, но чует Афина в нём давно предательство и подлость...

Кругом люди. Афина же знает — боги тоже. Видят, наблюдают. Проиграть и можно. И не хочется...

Арахна смеётся со снисхождением. Она замахивается на самое сложное — на Зевса. Его лицо, его тело появляется на полотне. Бегут руки, едва-едва успевая за мыслями, за намётанным глазом, за движениями пальцев. Узоры, ни о чём не повествующие, складываются в картины, и Афина, увидев на полотне Арахны подле Зевса Ламию, застывает.

Плохая была история. Дочь Посейдона, красавица Ламия стала любовницей Зевса. Гера о том прознала и в отместку, которое не могла совершить над Зевсом, обратила Ламию в змею, отняв у неё способность спать. И стала Ламия чудовищем.

Но постойте... кто это подле Ламии? Латона?! Мать Артемиды и Аполлона — ещё одна любовница Зевса и ещё одна жертва Геры?

В глазах Афины ярость. Эта смертная слишком много себе позволяет! Да, её мастерство потрясающее, но куда лезет она со своими грязными, людскими руками, зачем тревожит их сонм? Какое имеет право? Ладно Афина! Но оскорбление Артемиды, Аполлона? Оскорбление Зевса? Геры?..

Афина молчит, и расходятся люди, чувствуя — подступает гнев, спасения от которого не будет. Многие, но только не Арахна! Та увлечена, увлечена своими мыслями и возможностью понасмешничать над богами...

Кто это подле дев? Афина узнаёт и его — Ганимед! — и самообладание покидает её. Далеко увела гордыня смертную ткачиху, хватит с неё!

Афина легко отталкивает Арахну, руки которой ещё пытаются шевелиться, отдалившись от незаконченной работы. У Арахны мутный взгляд и не может она сообразить о произошедшем.

— Это оскорбляет богов. Ты лучшая, но гордыня твоя всё твоё величие разрушает! — Афина подхватывает полотно ткачихи и рвёт его на две части.

Арахна поднимает голову, сознание и разум возвращаются к ней.

— Ты лучшая в своём деле, но не можешь служить примером! — Афина легко ударяет по лбу Арахны ладонью, клеймит тем самым её победу и поражение.

Бесславная победа.

Арахна плачет, Арахна чувствует как рушится мир вокруг неё, слышит, как смеются люди, восхвалявшие её. Не разбирая дороги, она куда-то бежит, зная твёрдо одно: жить после этого нельзя.

Афина следит за нею, не отступает, Арахна не видит её, но она всегда была слепа сердцем и душой, зрячая лишь глазами, куда ей заметить рассерженную богиню?

Афина, впрочем, уже мало сердится. Она больше расстроена от себя и неё, расстроена, представив лицо Геры, узнавшей о том, чем кончился урок от Афины. А ещё — тоскливо ей.

— Нет, никак нельзя жить! — бушует Арахна, хватая верёвку и бежит в сад. Жёлтое дерево! Дерево, любимое красильщиками за податливость коры и листа, что ж, здесь она и закончит свою жизнь.

Наброшена петля, и уже близок конец. Арахна подтаскивает, не помня себя, к дереву ближайший фруктовый ящик, встаёт на него, просовывает голову...

Что это? в чём дело? Обрывается верёвка, и падает Арахна на землю. К чьим-то ногам. Хотя... много ли надо мыслей, чтобы прийти к одной, чтобы узнать, чьи это ноги?

Арахне уже всё равно. Она плачет и впервые просит о прощении. Афина не обращает внимания на её слёзы и с тоскою молвит свой приговор:

— Живи, непокорная. Но ты будешь вечно висеть и вечно ткать, и будет длиться это наказание и в твоём потомстве...

Жестокое наказание, но гордецов надо учить — таков вердикт Афины. Побег в смерть — это всего лишь побег в смерть, это не осознание, не смирение.

Сказано последнее слово и уже сжимается, чернеет тело Арахны, и остаются лежать на земле густые её волосы, а в них мечется огромное чудовище — чёрный паук... восемь ножек, щелчки, слепые глаза — прощай, ткачиха!

— Тки вечно! — прощается Афина и исчезает.

И долго ещё будет метаться отец по саду, ища хоть след своей дочери, и Фаланг не посмеет рассказать ему о визите Афины, и не позволит догадаться о каре за гордыню Арахны. И всё это время будет попадаться им обоим на глаза чёрный паук, паук их фруктового сада. Но кому до него будет дело?

— Это тяжёлый урок, — вздыхает Гера, когда Афина попадаетея ей на глаза.

— Мой отец стёр бы её в пыль, — возражает Афина, — она оскорбила его тайны. И ещё... твои. Так что, боюсь, отцу пришлось бы встать в очередь. Я была милосердна.

Гера не отвечает, уходит.

— Я не буду с тобой прясть, ткать или шить, — Афродита подходит к ней, покачиваясь не от выпитого, не то от кокетства, — но могу предложить вина.

И протягивает ей кубок. Афина не пьёт вина и нектара, да и Афродите недолголюбивает, но в этот раз почему-то соглашается и принимает кубок.

Прощай, Паучиха!

Ольга Краплак

Евпатория, респ.Крым

РЫБЬЯ КРОВЬ

Утро в заливе Аго, туман парит, океан не спит никогда, волнуется, пена шипит, тая на скалах, и чайкин вопль, и плеск, а Намико не слышит ничего, только сердца своего удары. И как тащат лодчонку по сырому песку не слышит, и треск костра на берегу не слышит, и вскриков подруг, только кровь стучит и комариный звон тишины внутри неё — немолчный.

Расстилает она на татами одежды свои, ткань *сиро-но исоги* тонка, тоньше света, и солонь нити. Кожа Намико в охранных рисунках: на ребрах чернильные извивы, будто Намико — ядовитая рыба с яркими боками. Это чтоб акула боялась. Волосы скрыты белой косынкой-тэну-ги. Маленькая, крепкая, похожая на выглаженный морем камешек, не хочет она себя в хлопок прятать! Хочет свободной кожей море чутя. Но сказали, что так нельзя. Безнравственно — сказали.

Иори, муж Намико, ждет её на берегу около плоскодонки. Сидит на сыром камне и смотрит, как толстая чайка выклевывает что-то в полосе прелых водорослей, а за спиной у него расцветает небо. Он вертит в руках любимую бамбуковую дудочку, иногда подносит её к сухим губам — но не дует, молчит его дудочка, немая. А раньше свистел он, так свистел, что дыхания не хватало, темное кружево перед глазами его вилось. И Намико перебирала в корзине морские гребешки — и улыбалась, как умный дельфин, когда Иори играл ей. Боялся, что как только замолчит дудочка — Намико пропадёт, как рыбка блёсткая в подводном лесу. Потом Намико уши испортила, как и все другие ама, глубокая вода отнимает слух. Глупый Иори, разве он не знал, что ныряльщицы *ама* глухнут?

Глупый Иори.

Он дунул в жерло флейты — со злостью, истошно, чайка-дура всполошилась, забила крыльями и унеслась.

Хмурая, одетая в белую рубаху — смирилась! — Намико выходит на крыльцо. На поясе болтается *кайган*, чтоб им раковины вырывать, и нож еще — от матери достался. Тащит Намико громоздкую кадку. В последние годы дно совсем отошало, к закату в кадке — камешки и блёклые водоросли. Но это только если осторожничать, не ходить далеко. На отмелях уже не найдешь ни гребешка, ни даже самого поганого краба, захворало море. Один пятнистый осьминог в песке сидит. Его и не выловишь: утекает. Приходилось выходить в океан далеко, за самый дальний островок, на глубину. Иори злился, не любил он залив, полный скрытых скальных зубьев, не любил, когда берег так далеко. Ему бы рис растить, а не быть *томаи-сан* — мужем ныряльщицы. Но уж больно любил он свою ама, свою морскую женщину. Больно. Как тут уйдешь, когда соски её — жемчуг бледный, а глаза — водою налиты, жуткие, невозможные. У других глаза, будто черная галька, к концу дня — страшные, алая сетка вокруг зрачка, а у Намико — иные. Ими Намико видит воду глубже всех, никогда не щурится. А когда выныривает — глаза у неё на миг бледные, неживые, моргнёт — снова море в них проявляется. Страшат глаза её, не человечьи.

Терпел Иори. Молчал. Но пил.

Намико тоже молчала о многом. Всегда молчала, вот и сейчас молчит, хоть и увидела, как под свитой кольцами верёвкой Иори спрятал бутылку sake. Скользит по морю в плоскодонке, глядит в спину Иори, позвонки его считает, режет лодка кудрявые волны между бесчисленных крохотных островков, Намико высматривает подруг, плещущихся на мелководье, над ними кружат пустые кадки, как лotosовые цветки,

не находит среди них свою Оки — и молчит. Тяжело молчит, так молчит сумрак глубокий.

Оки, Оки с перламутровой, холодной кожей. Оки. Пропавшая, море её отобрало прошлым летом.

Тогда разговоры у костров плескались, будто Оки не утонула, а живёт там, в глубине. Старая Минори, мать Оки, видела её тень белую под водой, за самым дальним мысом. Та ей показала даже, где жемчужницы на дне спрятаны. Да только Минори никогда к ним не добраться: дыхания не хватит. Ама помоложе только смеялись звонко, перекрикивая друг дружку:

— Что ты сказочничаешь, Минори-сан, нет тут больше жемчужниц! Всё мы унесли!

— Разгневали глубину!

— И Оки твоей нет, уж больно она глубоко заплывала!

— Жадничала, вот её море и погубило!

— Нечего там делать, за мысом!

— Водоросли хорошо берут, а жизнь дороже всяких жемчугов!

— И моллюск иногда бывает!

— А что не нашли тела её — так ведь море своего не отдаёт!

— Не отдаёт!

— Правда! Не надо жадничать!

А Минори только на волны лиловые смотрела и в шерстяное покрывало кутала тело, полное холода. В конце сезона она не вернулась с дальней отмели, только в тине нашли белое её одеяние, сухое, а сверху *кайган* возложен:

— Море позвало. Ушла она за своей Оки.

— И мы уйдём! — заплакали ама у костра. — Ой, съест нас море! Всех до одной!

— И я уйду, — шепнула Намико чёрным волнам. Она знала. Она молчала.

У костров стала тихо, безголосье и ужас въелся в каждую ама. Как соль.

И хлынула осень в заливе Аго.

А весной, когда потеплела вода, ама, ожиревшие, снулые после зимы, пошли к морю, забыв страшное. Загорались костры в прибрежных хижинах-*доя*, чтобы греться после водяного хлада, чтобы на решетках коптить раковины с сопливым моллюском внутри. От жара ракушки приоткрывали створки, и ама высасывали оттуда вкусную, солонатовую мякоть. Этот вкус знали только они, да утонченные нувориши в распис-

ном шёлке. Только в их городах не пахло горьким дымом и сладким йодом, пальцы богачей не были черны от копоти, и океанская вода не вытекала из их ушей.

Намико задумала плыть на то заветное место, где темнота населена сокровищами. О нём говорила Минори-сан. Иори послушно направил лодку к солнцу, когда жена повелительно взмахнула рукой к восточному мысу — туда!

Она все равно не услышит его причитаний. И хорошо. Пусть.

Они оказались так далеко в море, совсем одни. Иори рассматривал свои голые ноги, уродливый мизинец-недоросток, скукоженный и жалкий — мучил его. А вокруг тишина голубая расстилается, в которую глядеть страшно.

Намико осторожно тронула его за плечо. Иори взглянул в её лунное лицо: волосы длинные из-под косынки выбились, на ветру змеятся чёрной тушью. Глаза душу едят. Моргает своей перепонкой рыбьей, не прикрывая человеческих век, зрачок перламутром подергивается — пугает его специально. Смеётся беззвучно, как ветер легкий. Ладонью лицо прикрыла, а меж пальцами — кожица прозрачная растёт, розоватая, как луч рассветный на воде, едва заметная, но как заметишь — так и не видишь больше ничего.

В деревне говорили с боязливым почтением: рыба кровь. Море её выбрало.

А Намико выбрала Иори. Доверила ему держать свою верёвку жизни. Почему? Волны крадут вопрос.

Намико подняла руки: вяжи меня! Иори стал трос разматывать, припрятанная бутылка sake звонко выкатилась под ноги. Ничего, Намико не смотрит даже. Обвязал её талию, узел крепко затянул. Намико вдыхает сладкий воздух, в ребрах боль — и прыгает в воду залива Аго.

Иори видит, как его жена исчезает во тьме белым соцветием.

Конец троса к уклучине привязал, откупорил бутылку — кислой горечью потянуло. Глотнул — внутри жарко стало, и стал в небо светлеющее глядеть.

Намико висела в святой синеве, рассматривала богатое дно, населенное сокровищами. Минори не была сказочницей, здесь и гребешок жил, и даже — невиданное! — громоздкая волнистая жемчужница пряталась. Она уже размотала полностью трос, а достать — никак, и тьма страшная стучит в сердце.

И бледная тень ей виделась, руки человечьи тянула из марева.

Намико воздух выдохнула — жемчужное облако к свету вспорхнуло. Верёвку дернула: поднимай меня! Но не тащит её никто наверх. Зло загорелось внутри Намико, не страх. Не смотрит Иори, не следит!

Намико выхватила материнский нож и отрезала верёвку, тянущуюся к тени плоскодонки, к живому миру.

Вот так. Пусть знает, как sake гиблое хлестать. Потерял свою Намико, потерял!

Забыл!

Бронза растёклась по небу. Волны заходили, пенные, злые, в спящего пьяным сном Иори холодом плеснуло, и он очнулся.

Боль вспыхнула в груди: Намико!

Потащил верёвку, зная, что нет на конце её тяжести человеческой, слишком легко идет. Да, так и есть: обрезала. Нет, не за остов корабельный зацепилась-перетёрлась, ровный срез. Ножевой.

Ушла, ушла!

— Намико! — завыл он в безлюдье морское.

Броситься следом, в страшное море? Нет, нет! Только не так. Не так. Иначе он вину искупит. Не для воды тело его. Домой вернётся — и на балке повиснет. Только бы дерево старое выдержало! Ох, починить крышу не успел, ненавистный дурак Иори! Повиснет на верёвке, которой жену не удержал, будет качаться, скрипеть. Никому не будет горько, никому!

Бутылка катается по дну лодки. Проклятая. Сунул её под воду, воды в горлышко набрал — и отпустил на дно. Пусть там будет, навсегда. Пусть Намико её увидит — там, на дне, и вспомнит.

Иори погрёб к берегу. Там уже ходят белые девы, как чайки. Корзинки тяжкие в хижину стаскивают, первые дни лова всегда хороши, нет, жутко в лица подруг её глядеть, жутко слушать песни их громкие, глупые.

Иори обогнул залив, причалил туда, где роща тёмная на обрыве висится. Лодчонку привязал к змеистому корневищу у воды, верёвку обрубленную смотал — тяжела она стала, и кожу выжигала, на землю выбрался. И побрёл по темноте домой. В душе покойно вдруг, словно долгая болезнь иссякла.

Пробирался по безлюдью, в тених хоронился. Лиц человеческих стыдился.

Когда вошёл боязливо в хижину, веревку бросил у порога — не сейчас, не сейчас! — сел на татами, вынул из-под рубахи флейту тосковав-

шую, и начал играть, и удивился, как тонко и долго выходит звук тянуть.

В углу капает что-то, движется бледное. Подкралось к спине, руку прохладную на шею кладёт. Иори дрогнул, взвизгнула дудочка его и покатилась по полу.

Близко-близко глаза перламутровые, тела тяжесть тёплая на плечи ложится.

— Иори, Иори, Иори, — зашептала.

— Намико.

— Смотри, что я достала! — тяжкая раковина, наросты острые царапают руки, и вязкая сукровица из ранок тонких капает. Кровь морская. — Тебе!

— Не нужны мне твои сокровища, Намико. Ты со мной будь, со мной!

В объятьях давит её, как её кожа солоня, какая тишина страшная меж рёбер её. Запричитала, заплакала, бедная Намико:

— Я сначала, Иори, злилась-злилась, такая злая стала, что воду вдохнула. До сердца! Загорчило в горле, больно-больно! Умру, верила. Нарочно умру. Потом поплыла, поплыла в глубину, чтоб умереть до конца. Долго плыла, ругала тебя, Иори, дурака. Солнца не видать уже сверху, а я все плыву и думаю злые мысли! Что же ты так бросил меня! Напился — и забыл про свою Намико, да! Что же ты! Иори! А потом вижу, что-то белое ко мне ластится. Оки! Она теперь у мыса и живет, сама по себе. Ох, обрадовалась я! Поплыли мы с ней к жемчужному полю, я ей всё про тебя, дурака, рассказала! Она мне и говорит, прямо в сердце говорит: "Ты ему принеси жемчуга, он тебя больше не забудет!" — и вот, я принесла. А там еще есть за мысом! Нравится? Крышу сделаем! Новую лодку купим! Море меня тебе дало! Ты ж полюбишь меня обратно, Иори? Ты больше в лодке не спи! Ты верёвку держи, Иори! Меня сторожи! Я же тебе верю, дураку! Люблю! Иори! Ты же так играешь хорошо! Вот и играй, Иори, играй мне! Я теперь не ушами, я сердцем слышу! — закашлялась, море из неё выходит.

Теперь татами мокрое насквозь.

СТИХИ

Елена Антипычева

Москва

В октябре

Виден из окон неспящих кровель
Льющейся музыки серый профиль,
Морщится тротуар.
То в полутьме, то в полусвете
Правит штрихи бесшабашный ветер
Кистью незримых чар.

Пенятся тучами шумные своды,
Реют пернатые мореходы,
Превозмогая страх.
Холод в сырое оделся скрыто,
Что упускаешь его из вида
На нулевых порах.

Время, остыв на часах песочных
Мокрым песком, от прогнозов точных
Липнет щекой к стеклу.
Утро ли, вечер согрев дыханьем,
Вступишь в полемику с мирозданьем,
Только поможешь злу.

Щедро рассыпанный лета пепел,
Обескураживший каждый стебель,
 Не отсырел ещё:
Жаркий сентябрь не давал печали
Завоевать города и дали,
 Красками освещён.

Падая, вздох сотрясает стены,
Сны долговечны и мысли тленны,
 Вряд ли осилит плоть
Новорождённый виток ненастья,
После которого без участия
 Взглянет на нас Господь.

Огонь

Ждут незваных гостей
разъярённые псы,
Так и брызжут слюной
через сотни калиток.
Приглядишься: в траве
только капли росы
Да упавшего солнца
оранжевый слиток.

Миг и век — близнецы.
Не понять ничего.
Облака обмелели
в огне черномазом;
Смерть — ворона крылом
распростёрла его
И теперь торжествуяще
каркает басом.

Корни стоптаны в кровь
на горячих углях,
Закрываются ветками
голые рощи.

Топорами грозит им
исчадие плах,
Если выживут вдруг,
как священные мощи.

У земли столько рек,
а бушует огонь!
Но деревья падут —
меньше тени не станет:
Божья Мать, улыбаясь,
поднимет ладонь —
И свирепая искра
до нас не достанет.

Полыхая, огонь
прожигает до дыр
Терпкий воздух,
по кругу летающий грузно,
Душу мира
и сам обезумевший мир,
Чьё величье прощается
с будущим грустно.

Поп и чёрт

Пируют черти всех мастей
И пляшут вновь и вновь.
Столы кренятся от костей,
В бокалах стынет кровь.
Земля, что ходит ходуном
От топота копыт,
В угаре иссиня — дурном
Вот — вот с оси слетит.
И вдруг на пир явился поп
И стал чертям рубить.
Один ему заехал в лоб,
Другой хотел убить.
И только самый главный чёрт,
Не ведая хулы,

Попа к столу подвел, и торт
Достал из — под полы.
И говорит: «Отец святой,
Чтоб был меж нами лад,
На брудершафт махни со мной
Горячий шоколад».
Но поп и бровью не повёл
И рот перекрестил.
Какая наглость! Сладкий стол
Нечистый предложил.
Любовь к излишествам слепа.
И водка, и табак
Расположили бы попа,
Как лакомства — собак.
«Нет, нам не заключить ничью» —
Послушал поп чутьё.
Он хлопнул чёрта по плечу
И снова за своё.

Реквием

Памяти Игоря Львовича Халифа

Уже пять лет как самый светлый день
Черней земли кладбищенской над вами.
И тень куста, и памятника тень
Теплей живых лучей под облаками.
В попытках вспомнить голос ваш и шаг,
Мы, пациенты, боль утраты прячем.
Но раненная правдою душа
Дыхание сбивает горьким плачем.

Как верить в то, что память коротка,
Когда цветы, бледнея на могиле,
Всегда благоухают — и рука
Нещадной смерти их сорвать не в силе,
И херувим — хранитель не уснул?
Вы спите, а ему всё также надо
Нести и днём и ночью караул —
Теперь — перед железною оградой.

Погасла жизни ясная свеча.
Все наши слёзы — вместо комплиментов,
Ведь высшая награда для врача —
Глубокий траур бывших пациентов
В связи с его уходом в тихий край
Спустя недели, месяцы и годы.
Тогда как смерть одним дарует рай,
Другим сулит сердечные невзгоды.

Молитвой ли, летящей в вышину,
Упавшем ли тяжёлым камнем вздохом
Встречаем дату страшную одну,
Невозмутимы мысли о жестоком
Решении Всевышнего — не дать
Вам длинного пути на этом свете,
И нам велеть беспомощными стать,
Как в неизвестность брошенные дети.

Я всё как будто жду чудес
От ослепительных небес
В не процарапанный лучом
Дремучий полдень, задевая
Глухие заросли плечом;
Там параллельная кривая
Грядущего насквозь видна.
По ней гуляет ветер, воя,
Как пёс, испуганный совою,
Которой сделалась луна.
И кроны, дыбом встав, до дыр
Дерут раскинувшийся космос,
Чтоб корабли, увязнув в космах,
Проваливались в иномир.

Я по наитию найду
Замаскированную кровлю
И лишь «О, Господи!» — промолвлю,
Когда бесстрашно внутрь войду.

Авось, не перестанут греть
И охранять пустые стены
Хотя бы половину, треть
Меня, а рухнут — перемены
Не потревожат чувств моих.
Обман, предательство — привычны,
А потому и безразличны
В любых явлениях своих.

Обломков серые ряды —
Бесперспективности следы-
Протопчут мне границы, дальше
Которых бездна глубока
Точь — в — точь как времени река,
Чье дно из истины и фальши.
Едва ли я остановлюсь,
Отбросив детскую беспечность,
А, замерев, не оступлюсь
И не махну без крика в вечность.
Быть может, только ангел мне
Крыло протянет осторожно
Как предсказание извне
Того, что и спастись возможно,
Не оставляя ни следа
От местожительства былого,
Чтоб выбрать новое, когда
Нет, к счастью, выбора простого.

Ах, если б не было людей!
Земля жила бы беззаботно,
И солнце, словно чародей,
Творило золотом полотна
И выставляло их охотно
Не в галереях злых столиц,
В прекрасном видящих привычный
Полет фантазий райских птиц
Над картой мира безграничной.

Ах, если б не было людей!
В реке, сверкающей алмазом,
Не знать ни лесок, ни сетей
Русалкам, плавающим брассом
Все динамичней час за часом;
А берега с густой травой
Опустошались даже реже,
Чем за великой синевой
В зелёных кущах побережье.

Ах, если б не было людей!
Свободно бегали бы звери,
Не опасаясь, что злодей
Посадит в клетку их, и двери
Её запрёт, по крайней мере,
Ни на секунду, а навек.
Нет никого страшней на свете,
Чем развращённый человек
И порождённые им дети!

Ах, если б не было людей!
Война кровавыми следами
Не запятнала честь полей,
И воздух, дышащий цветами,
Не пах горячими клубами
Под вереницей облаков,
Что жухнут, ливни выжимая,
Сухими шкурками с боков
Звезды обугленной свисая.

Ах, если б не было людей!
Ошибся Бог, скажу вам прямо,
По доброй прихоти своей
Однажды сотворив Адама,
Который, действуя упрямо,
Его запретом пренебрёг:
Поддавшись уговорам Евы,
Обрёл потомство на порок,
На хрип и стон сменил напевы.

Надежды тают, вымысел не тот,
Что раньше, потому что с ним не легче
Стремиться к достижению высот,
Расправив, словно птица крылья, плечи.
Набрав волшебных слов и звуков в рот,
Не помнишь ни чужой, ни милой речи.
Глаза, остекленев, глядят не в ту
Ни сторону, а хуже — пустоту.

Конец воспоминаниям любим.
Жизнь настоящим делается былью:
Черты, предметы, покрываясь пылью,
А то и вовсе превращаясь в дым,
Мешают крепнуть странному бессилью,
Махающему лезвием тупым.
По — новому играющие краски
Не пригодятся черно— белой сказке.

Нет веры никому и ничему,
Пока не перевернута страница.
Но мироощущенью твоему,
Скорей всего, уже не измениться.
Есть подтверждение веское тому—
Бессвязных сновидений вереница,
Где лучшее, что было — чепуха,
Хлам памяти, опилки и труха.

Решив не подчиняться голосам,
До боли в сердце с юности знакомым,
Ты делаешься путником, ведомым
Неважно кем, отлично зная сам,
Куда идти за счастьем искомым,
Дороги разрешив размыть слезам.
Но бездорожье одолев едва,
Становишься могущественней льва.

Случалось, что на ночь глядя,
Торшер угасал едва,
Шуршали мои тетради,
Выкрикивая слова,
Которых не так уж много,
Но трудно выучить их,
Выпрашивая у Бога
Какой-нибудь новый стих.
Они то потоком грозным
Чужой колеёй текли,
То, плача, по тропам звёздным
Свои животы секли,
То вовсе сплошным галопом
Неслись, не считая вёрст,
По азиям и европам,
Чей климат на ощупь чёрств,
А путь несказанно мягок.
Казалось, неловко им,
И даже листы тетрадок
Ведут их все в тот же Рим.

Меня заставляли плакать
Их топот и грусть сквозь мглу,
И, хлюпая, кисла слякоть
На тёплом моем полу.
А если прощальным эхом
Гудели они в трубе,
Я так заливалась смехом,
Что было не по себе.
По сути, не так и плохо
Тетради марать в ночи,
Но вот подвела эпоха
И «тёртые калачи»,
И нужно кромсать когтями
Живое на звук словцо,
Друзей по перу локтями
Выгалкивая лицо.

Вернее в углу ночами
Орать на свою тетрадь
С приконченными стихами,
Чем стих в микрофон орать
В гостиной литературной,
Где слушатель — тень плевка,
Прилежшая рядом с урной
Поэзии на века.
Ущелья знакомых комнат
Светлей, чем просторный зал;
Безлюдье пустоты полнит
И угол не так уж мал.

Но, пробуя ранить вены,
Как прежде, не знаешь сна:
Чернила летят на стены
И меркнет в глазах луна.

Ангел

День — в коме. Дряблый горизонт
Зарей испачкан. Царь эфира
Вот-вот раскроет звёздный зонт
Над картой мира.
Попав в косматый невод труб,
Фигура мечется крылато
И жадно пробует на зуб
Отходы яда.

И кто-то пристально следит
За тем как, ушибаясь, ангел
Приобретает хворый вид,
Напоминающий останки.
Но сам развеялся силок.
И дух, слетев на днище ночи,
С пречистой девой рядом лёг
И поцелуем опорочил.

Зря в корень будущего, он
В два счета опрокинул время;

Переступив святой закон,
Посеял собственное семя.
Взлетел, и двинулся в экстаз
И похоть ненасытных хлябей;
Он рассуждал: «Я деву спас
От позы рабьей!»

Нет смерти. Есть огонь любви.
Сверкает образ на излёте:
Концы ослабших крыл — в крови,
Принадлежащей плоти.
И он не помнит ничего.
Осиновый дрожащий кол
Внизу грозит проткнуть его
Оплывший ореол.

Колыбельная моей кошке

Баю-бай, моя малышка;
Вечер всё черней.
Если вдруг приснится мышка,
Не крадись за ней.
Пусть твой глаз на редкость меткий,
Коготь — остриё,
Если птичка спрыгнет с ветки,
Не лови её.

Баю-бай, моя родная;
Полночь на дворе.
Псина страшная шальная
Дремлет в конуре.
Наша келья — не избушка,
Да и рядом я.
Так что не укусит брюшко
Грозная змея.

Баю-бай, моя царь-кошка;
В поздние часы

Лучше отдохнуть немножко,
Чем трепать усы
И вылизывать царапки
Сочным язычком.
Пусть мои котята — тапки
Полежат молчком.

Спи спокойно до рассвета.
Ночью гладь да тишь.
Счастье слышать, как во сне ты
Ласково сопишь.
Ты, конечно, баловница,
Но зверушка — пай:
Спишь, хотя самой не спится.
Баю-баю-бай.

Дмитрий Аникин

Москва

ОГНИВО

1

Закурить бы...

И по всем карманам
ну искать огниво — где ж оно? —
верная вещица — а обманом,
как и все мое обретено.

2

Много чего солдат
делал, пока война!
Выживший — виноват,
заслуживающий ордена —

вдвойне. За спиной рюкзак,
поклажа, его доход,
добытый и так и сяк —
от вдов, от сирот!

Генералы, они —
богатые у богатых
берут, а мы — чернь войны,
нет более виноватых.

Домов дым и пух перин
по ветру. И крики, вопли
мертвых. Дела мужчин —
любовные лапли, ловли.

А небольшой доход
скоренько истощился,
в крапе чужих колод
был фарт — прохудился!

Значит, что совесть всё
чиста, потому что —
было добро мое,
сплыло на пусто-пусто!

3

Она ему так сразу: я, мол, ведьма,
не сомневайся, милый, нечиста,
как самая война ваша. Смеется,
в ее глазах такие огоньки,
как ночью там у вражеских окопов
мелькали... Ну солдат и понимает,
что вот сейчас действительно пропал.

4

Солдат
А этих ведьм на дорогах тьма;
пока воевали мы,
они отчизну свели с ума,
ей подпустили тьмы.

Вот это — родина? Прах и гниль
свисают со всех ветвей!

Старухи рыщут, стучит костыль
каждой — мертвей, мертвей!

И каждой надо запутать путь,
чтобы никто домой!
Глаза у них как живая ртуть,
рот красен, велик, кривой!

Попросит сука — ей пособи
в некошных ее делах,
душу свою ни за что сгуби,
тело рассыпь в пыль, прах.

5

Ведьма

Ты уж, милый, слазай, колодец этот
пересох давно, неопасно, значит,
я б сама... Но старость, скрипят суставы,
косточки ноют...

На веревку. Да не вяжи за шею,
ты вот так, под мышки, тебе удобно,
не сорвется, я ухвачусь. Конечно,
силушки хватит.

6

Сил у нее хватит. Руки-то, руки,
погляди,
как две коряги —
коричневые и твердые,
древние-то, древние, как сама земля!

Такими кожи воловыи мять,
такими ветры к полю гнуть,
такими по весне льды ломать,
большой воде открывая путь.

Сил у нее хватит! Подталкивает тебя —
ну-ка, под землю
лезь, опускайся,

воздуха набирай в легкие,
когда еще подышать придется!

7

Солдат

Не в таких еще бывали дуплах,
экой старью, прелью тянет — ну,
опускай! Сыграю этак крупно,
проиграв по мелочи войну!

8

Ведьма рассказывает ему,
как оно будет, когда во тьму, —
не так, бывало, война темнила,
войска в атаки свои водила.

Ведьма знает подвохи и
как аккуратно их обойти —
не так военные командиры,
чтоб гнать на залп, на огонь, как в тире.

Ведьма потянет всю кладь наверх,
он и мешок, что тяжол, как грех, —
не так, как раненого солдата
товарищи только обшарить рады.

Ведьма готовится обобрать,
в равный дележ едва треть отдать —
не так страна за все наши службы
просто взащей, кто уже не нужны!

9

Ведьма объясняет ему диспозицию.

Ведьма

Там, значит, первая собака,
глаза как блюдца,
рычит, но двинуться без знака
не смеет, лютятся

две слюнки, две с клыков свисают...
Хватай чертовку,
сажай на мой передник. Знаю,
сумеешь ловко.

Под ней сундук. Откинешь крышку,
там медь — монеты,
греби как можешь, на излишки
нам счета нету.

10
Ведьма
Ну а вторая шавка глянет —
как жерновами
покрутит мельница. И прянет
жрать с потрохами.

Урчит некормленное брюхо,
но ты не бойся:
второй передник даст старуха,
ты им укройся!

Собака чует, станет рыскать,
сундук покинет,
в нем серебро — бери без риску,
горсть сколько вынет.

11
Ведьма
Как башни — лютые глазищи
у третьей суки.
Геката смотрит, жертву ищет
убить со скуки!

Кинь ей передник — прянет, в клочья
его терзая,
тебя, хоть рядом, хоть воочью,
не замечая.

Откинешь крышку — светит золото,
собой сияет!
Одной монеты, чтоб богато,
нам не хватает...

12

Солдат

Руки загребущие ссыпали
три добычи. Вот она, моя
настоящая судьба. Едва ли
есть полнее мера бытия.

Трижды наполнял, три веса в ношу,
швы трещали, планы бытия
совмещались — ничего не брошу,
вся добыча вот она моя.

13

Ведьма

Всё, сынок, себе оставишь, потому что прах
все добычи, все монеты, всё, что впопыхах
сыпешь в ранец, высыпаешь, хоть все три туда
умести свои добычи — влезут без труда...

Ну а мне чего, старухе, надо? Табачку
покурить, укрыться в дыме, разогнать тоску;
есть там, право, безделушка, вещь такая, что
мне — на память побрякушка, а тебе — ничто.

14

А что б солдат ни делал, всё, всегда
теперь война. И каждый встречный — враг,
убить — это разумно и привычно,
когда ты не успеешь, то тебя...

15

И он берется за оружие —
всё сдал, но ржавый штык остался, —
всего-то в бок старухе нужно,
но глубоко чтоб, на три пальца.

16

Сомнительный, конечно, подвиг — так вот
штыком старуху... Ну и скинул труп
в колодец.

Солдат

Чтобы ведьма не решила
захватить золотишко себе?! Нет...
Ищите дурака! Она бы в спину.
Еще у ней такие заклинанья...

17

Доделав дело —
скорей, скорей!
Он прячет тело —
снесь — от зверей...

18

И деньги ляжку жгут. Да что там ляжку —
их много так, что жаром естество
всё целиком томится. Он в карман
монеты трогать и перебирать —
что ж там еще, что пальцам больно... а...
огниво...

19

Шел солдат в деревню, а теперь в город направится.

Солдат

А теперь я пребогатый сукин сын,
а теперь я не солдат, я господин,
а теперь пойдет в трактирах пыль столбом,
я монету,
я медь эту,
я ребром!

Покуражусь — собирайтесь, бедняки,
покормитесь, сволочь, голь, с моей руки,
вы сцепитесь за подачку — пыль столбом,

за потеху
вам для смеху —
серебром!

В дом веселый сам неквельый захожу,
выводите таковую госпожу,
чтобы с чувством, чтоб от страсти пыль столбом, —
ей — червонным,
ей — законным,
ей — с гербом!

20

И жизнь пошла солдатская такая —
не надо лучше...

Перед ним в долгу
весь город наш, швыряет он без меры,
чего жалеть...

Сам бургомистр сводит
бюджет солдатским золотом.

Мы все
зависим от зарвавшегося хама...

21

Солдат
Пусть назовут этот город,
маленький городок
в честь меня: месту — впору,
вам — пустык, а мне — впрок.

И на площадь статую
в полный рост я хочу —
чтоб стою, в ус не дую,
над людьми шучу!

Генеральского званья
все регалии мне:
в стратегическом плане
я умею вполне.

И дворянство мне нужно,
чтоб потомство века
чтило герб, где оружие,
ну и лавры венка.

А еще, чтоб в соборе
пастор слово сказал
обо мне, об герое,
чтоб в овацию зал!

22

*Ну, как и говорили умные люди,
все заканчивается быстро и некрасиво.*

Звучали золотые доводы
любви, но, кажется, исчерпаны,
гудят докучливые оводы —
дурные мысли: эти женщины
не стоили, любую ушлую
в постели можно и бесплатно,
чтоб без подарка и без ужина.
И что с того, что долго, маетно...

Уж в ранце серебро, не золото:
и всё-то ставки ошибаются,
всё бито, всё рулеткой смолото,
так скоро шансы истощаются,
быстрее, чем это мы расчетами
предвидели, как будто старая
оттуда ворожит — тенетами
ловя удачу, отбирая...

Медь шла на дело: харч и выпивка,
стонали стоном ресторации,
откуда сытых-пьяных выперли,
куда не надо возвращаться и
канючить то, что недоедено,
недопито, — поутру постнику
возжаждется глотка последнего
от состояния несносного.

23

Закончились солдатские ресурсы,
гол как сокол, он хочет прежних дел
и преданности должников своих.

Но, слава богу, хоть на это хватит
ума у нас, достоинства — прогнать
нахала, нищebroда. Мы готовы
терпеть из уважения к богатству,
но мы задаром подличать не станем!

24

Солдат оказывается там, где ему и место.

На чердаке ему привычно,
пусть крысы юркие снуют,
пусть в трубах ветер воет зычно —
такой вот бедняку уют.

Дурные мысли посещают,
как будто вот проснулся, бред
какой-то, деньги так не тают,
какой-то должен быть их след:

покупок нет, похмелья тоже,
а не привиделось ли всё? —
Старуха ведьма это может,
крутя колодца колесо...

И хорошо, что не бывало
удачи нам и вспоминать
почти что не о чем. С начала,
с нуля придется начинать

жизнь трудовую, жизнь такую,
что горше горькой, никогда

не даст удачу никакую
за годы тяжкого труда!

25

Да нет, не бред. Все это было, было,
а вот и доказательство. А то
уж ум за разум начал заходить...
Не так уж безнадежно всё. Когда
была уже удача, что мешает
вернуться ей, чтоб взять за шкуру нас?

Берет огниво, искру высекает.
И что в неверном свете воровском?
Украдкою тень беглая, собачья.
Глаза у ней как блюдца. Он еще
огнивом стук — другая псина сразу,
а может быть, другая тень. Глаза
как жернова... Он третий раз стучит
огнивом, ждет, что третья пасть Гекаты
раззавится.

И пасть не медлит капать
тяжолой, ядовитою слюной.

О, вот ведь как. Какие чудеса...

26

Ходят, нюхают воздух, не по нраву
им, собакам, твоя конурка, ищут,
где хозяйка, — тут нет хозяйки, дальний
ее запах, ин запах неживого.

Как в три пасти завоят, так большая
приклоняется, мутью льет холодной
мать-луна... В ее свете трехголовой,
скольконогой покажется тварь, псина?

До утра досидеть бы. Утром ранним
можно выскользнуть из дверей, — где люди,
там собакам нельзя, — плутаешь, знаешь:
не найдут больше. Станешь ты огнивом

еще звякать? Да выбросишь игрушку.
Да устроишься сам на живодерню.

27

Эта ведьма, верно, знала
нужные слова,
но солдату не сказала —
думай, голова;

есть, пока нас не порвали,
несколько минут,
время мало, суки, дали —
что успеешь тут?

Вспоминаешь все собачьи
клички, их зовешь,
обещаешь им подачки,
знаешь ведь, что врешь!

Ищешь, что потяжелее —
стул? — сгодится стул,
только станут суки злее,
всё равно швырнул!

Кинулись, как по команде,
жрут в три глотки плоть:
«Эй вы, суки, перестаньте,
помоги, Господь!»

Но молитва не поможет,
тихая была,
ты и сам, солдат, не божий:
ведьма, все дела...

Крик последний утихает,
кончен смертный крик!
Тварь-Геката подвывает,
тужатся все три...

28

Остались от солдатика,
остались от касатика
не ручки, ножки, органы —
всё порвано, всё сожрано!

Осталось — дело громкое,
история потомкам и
вот вещь-огниво нужная...
Судьба моя досужая,

ударить, что ли, с искрами
шумнуть, чтоб суки рыскали,
а вдруг послужат сильные,
дадут дары обильные?

Да нет, я битый, опытный,
и кто шепнула шепотом:
"Не трогай!?" Ведьма старая
грозит своими карами...

29

Дальнейшие события: второе
обогащение и ночные встречи
с принцессой, казнь, чудесное спасенье —
всё это так... всё — вымыслы, желанье
хоть как-то скрасить правду, всю ее
бессмысленность и наготу такую,
что и не растолкуешь, — очевидна.

История закончилась быстрее,
чем ожидали. Нужно человеку
побольше денег, а чудес не надо.
Совсем не надо. Только денег надо.

30

Это, сказочник, такая
сказка, что у ней

нет идеи. Как живая
среди темных дней

искра, может, озаряет,
может, так мелькнет:
кто находит, кто теряет —
что? за что расчет?

Только пробовать не надо,
без огнива мы
знаем — знанию не рады —
тварей здешней тьмы:

может, если стук — осечка,
не учуют нас.
А при свете-то конечно,
кто б при свете спас...

Валентина Карпушина

Москва

НЕЗНАКОМКА

Шторм волос и сияние солнечных глаз,
По асфальту потёртому дробь каблуков,
Губ пурпурных, чуть-чуть приоткрытых, атлас
Излучает желание встретить любовь.
В алых складках на кофточке светится шёлк
Как тюльпанов бутоны на клумбах весной.
И румянец упругих и бархатных щёк —
Признак чистых предутренних девичьих снов.
Ночь над городом вьёт западню из лжи.
Тени чёрные по подворотням снуют.
Кто разрушит её беззаботную жизнь?
Шторм волос и в любви безрассудный дебют.

ЖАДИНА

Завтрак из кофе и кекса
Съем я, конечно сама.
Больше в желудке нет места
Ибо спросонья он мал.
Только вот ближе к полудню,
Голод знать даст о себе.
И станет вдруг абсолютно
Свет белый вовсе не бел.
Борщ, антрекот и картошку
Съем я, ни с кем не делись.
И на столе только крошки,
Может, оставлю, смеясь.
Ну, а уж ужин кому-то
Вовсе отдать не смогу.
Что-то не верится, будто
Он стал нужнее врагу.

ПОСЛЕДНИЙ КРЕСТ

Всё прошло. И это выше сил моих.
Музыка ветров вновь мне душу ранит.
Мир, который создан был для нас двоих,
Разделился вдруг на две разных грани.
Остров счастья сгинул в горестных слезах,
Скрыл его потоп навсегда в пучине.
Численник на стенке весь в кривых крестах.
Крест последний был на моём мужчине.
Иней на тропинке как седой налёт,
Холод студит кровь. Негде мне согреться.
Так давно никто меня нигде не ждёт,
Потому щемит за грудиной сердце.

ГОЛОЛЕДИЦА

Сложно просить о помощи,
Если просить непросто.

Жизнь, как кораблик тонущий —
Курс на безлюдный остров.
Клавишный стук пластмассовый,
Словно посыл безумца,
Будто попытка фразами
В горе не захлебнуться.
Жала насмешек острые —
Зол человечесий улей.
Я — робинзон на острове
В граде кирпичных джунглей.
Полночь и гололедица,
Окна слепые, крыши...
Я всё хочу надеяться,
Кто-то меня услышит.

УДИВЛЕНИЕ

Он был таким внезапным,
Как будто первый снег.
Позвал однажды замуж,
Но я сказала: «Нет».
Не оттого что он мне
Не дорог был и мил.
Насколько непреклонен
Хотела знать, он был.
Но он колечко с лалом¹,
Что мне хотел вручить,
Пока я рассуждала,
Сестре моей всучил.
Он ей поклялся честью,
Что любит. Вот так плут!
Я долго после челюсть
Искала на полу.

¹ Устаревшее название красной шпинели...

СЛОВА КАК КАМНИ

Твои слова как камни, ухнув в тишину
Её разбили на каскад осколков.
И, треснув как стекло, за несколько минут
Исчез иллюзий храм. Всё в мире смолкло.
Болит теперь в душе и воет пустота.
Лекарств от этих мук найти не может.
Как выяснилось ты — не тот был, я — не та.
Но словом убивать не должно всё же.

ПО ЗАКОНАМ ВСЕЛЕННОЙ

Солнце на небе сменяет луну на рассвете,
Небо из чёрного шёлка становится ситцем
И на его голубом незабудковом цвете
Выглядят тёмными точками вольные птицы.
К полночи снова луна серебристым кулоном
Над потемневшими клёнами в небе зависнет.
Всё подчиняется в мире вселенским законам.
Вновь всё сначала, по кругу. Так водится в жизни.
Рушатся замки, своё отслуживших иллюзий,
И вместо них возникают другие химеры.
Снова разбиты сердца и расходятся люди.
Солнце сменяет луна над пластом атмосферы.

ДУША В СИНЯКАХ

Снова остался крутой позади поворот.
След от пощёчин горит у меня на щеках.
Вновь подошёл к своему завершению год.
Смерть отступила, отсрочив трагический крах.
Коль не надеяться в жизни на чьё-то плечо,
Станет она легче, правилам всем вопреки.
Если самой всё решать, то и грусть ни о чём.
Лишь побоят на душе чуть ещё синяки.

ВСЁ УЗНАЁТСЯ ПО ПЛОДАМ

Дерево, обычно, узнаётся
По плодам, которые даёт.
В равной мере светит людям солнце
И имеет место быть восход.
Важно, что ты дал, и что оставил.
Только лишь меж дат одно тире?
По отметкам вывод будешь в праве,
Делать ты в своём календаре.
Что оставил здесь ты? Дочь и сына,
Книги, дом добротный, дивный сад?
Или, может быть, свои картины,
Что писал ты днём и ночью сам?
Дерево, конечно, узнаётся,
По плодам. И это не секрет.
Осенью все листья как червонцы.
Лишь засох унылый пустоцвет.

МЫШЕЛОВКА

Как быстро приблизился пол
И красный колючий ковёр.
Дымится и плавится ствол —
Расстрелян мой жуткий позор.
Закрытая дверь на замок.
Стена будет вместо плеча,
Упал на меня потолок
Как будто топор палача.
Спасительный выход за дверь.
Но там скрыта пропасть без дна.
Под ступнями рушится твердь.
И жизнь по часам сочтена.
К ней исподволь дымная тьма,
Приблизилась, чтобы пожрать.
Весь мир превратился в кошмар.
И стала голгофой кровать.
В груди замирают часы.
Спать хочется больше чем жить...

Был в той мышеловке весь сыр
Бесплатным, что ты положил.

СРЕДИ КИРПИЧНЫХ СТЕН

Среди кирпичных стен
Так страшно и темно.
Там бродит чья-то тень,
Ища впотьмах окно.
Но кладка кирпичей
Тверда и так ровна.
И нет проёма в ней
Желанного окна.
Нет света, нет тепла.
Повсюду пыль времён.
В камине лишь зола
Да прах чужих имён.
Но поиск продолжать
И дальше будет тень.
Есть у неё душа.
Ведь будет новый день.
Оранжевая пыль
От битых кирпичей
Осядет средь стропил
На мрак густой ночей.
Очнётся от тепла
Озябшая душа.
Усилят зеркала
Лучей рассветных жар.

МОЙ АДРЕС: ПОМНЮ. ТОЧКА. РУ.

Пока ты помнишь обо мне,
Я буду жить, я не умру.
И не покроет грязный снег
Моей любви почившей труп.
Пускай умножат мыслей ход
Мои мечты и, дав ростки,

Из них созреет после плод,
Едва осыплются цветки.
Ведь кто внимания лишён,
Исчезнуть вскоре может тот.
Такой вселенский есть закон:
Безмолвие — как эшафот.
Пока я помню, не умру.
Мысль о тебе как повод жить.
Мой адрес: Помню. Точка. Ру.
Туда мне снова напиши.

НЕ ЛЮБОВЬ

Не любовь, а безумная нежность
Поселилась внутри у меня.
Эта встреча с тобой — неизбежность.
Что дано мне, теперь не отнять.
Это что-то в душе неземное,
Что-то выше накала страстей.
Стало то, что случилось со мною,
Пulsом жизни в сплошной пустоте.
Будто сон. И не сон. Как он сладок!
Перепуталось всё наяву.
Ночь, струясь из велюровых складок,
Мне открыла иную главу.
День пришёл пережитый в негодность.
Загорелась на небе звезда.
Делай то, что желаешь, сегодня,
Завтра может не быть никогда.
Но моя сумасшедшая нежность
За пределами слова «люблю».
Это — словно души принадлежность,
Перводвигатель и абсолют.

Ольга Кавецкая

Тверь

СВЕЧА В НОЧИ

Памяти В.

I

На холодном юру людском;
И метет снег в глухой ночи
Над твоим бесконечным сном.

Тихий снег над твоей бедой,
Мертвый снег — над душой моей.
Заслонить бы тебя собой,
Отстоять бы у всех смертей!..

И меня добивают, друг,
И меня загоняют в смерть...
Мне от этих звериных мук
Твою душу бы отогреть!

Заметает метель — тебя,
Заметает тоска — навек.
А на гиблой земле распят
До скончания лет — Человек.

II

Я мысленно вижу могилу твою
На темном, как горе, скалистом краю.
А дальше — мерцающий вечный простор,
Что помнит все слезы твои до сих пор,
И белые молнии чаек вдали
Над гранью какой-то забытой земли,
И горькая скорбь в киммерийских ветрах,
И древнее небо, и призрачный мрак...

И серый, сгоревший в столетьях песок
Над тяжестью черной нелепых досок...
Ты вовсе не там и теперь не один,
Вдали от глухих человеческих пустынь.

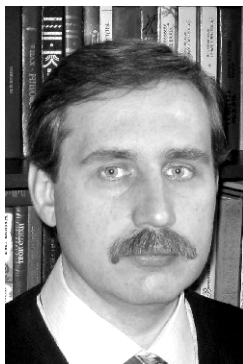
III

Как статуя поверженного бога,
Лежишь — непобежденный — на земле.
И кажется, что нужно лишь немного,
Чтобы душа очнулась в этой мгле
Бессильной плоти и пролитой крови...
Так жизнь вдруг замерла на полуслове,
Замученная в человечесьем зле.

IV

В невысказанном очаровании
Твоем простая правда есть:
Дается жизнь во испытание,
А утешение — лишь смерть.

Но только смертью не закончены
Пути изветливой судьбы...
И, как из ада, спастись хочется
От бессмысленной толпы.

РАССКАЗ

Эммануэль Терешкин

г.Донецк, ДНР

ДАР НЕБЕС

Последний месяц зимы... Снег падал большими хлопьями. День на день не похож... Вчерашняя капель обернулась гололедом. Елена Разумовская спешила... Несмотря на тот факт, что она в отпуске, её ждали на работе — в «доме сырых и убогих», а точнее в приюте для бездомных. Многие обездоленные давно проживают здесь на постоянной основе, ибо

уходить с лучами утреннего солнца в никуда и вновь возвращаться с закатом назад — означало бы одиноко умирать среди холодного и безразличного города.

Фрукты, торт, конфеты «на развес»... будет ли этого достаточно, переживала именинница.

— Ай! — падая, она почувствовала резкую боль в руке... все кульки разлетелись в стороны, возле поскользнувшейся девушки.

Скрытая обида переполняла сердце: «Подняться, собрать всё, что упало ... Торт наверное помялся?! Как же так? Они ведь ждут...»

— Девушка! Вы не ушиблись? Вашу руку! Давайте же... Не волнуйтесь, все пакеты в порядке и даже торт цел. Можно сказать вам повезло! — молодой человек в замшевой куртке, потертых джинсах и немного стоптанных сапогах, помог ей подняться и собрать покупки.

— Спасибо! Да уж, повезло, так повезло! Это вы точно заметили, — она едва сдерживала слёзы, прикрывая шубкой сбитые в кровь колени и разорванные колготки.

— Не расстраивайтесь, сказал же ещё царь Соломон, что «и это пройдет».

Впереди, от конечной остановки, медленно отъезжал троллейбус.

— Вот досада, ушел! Теперь только через двадцать минут будет следующий...

— Ничего, — незнакомец улыбнулся, — будем ожидать вместе.

— Значит и вы опоздаете? Неужели и впрямь добро наказуемо? — совсем отчаявшимся голосом произнесла Разумовская.

— Считаю это мнение ошибочным. Дефиниция добра и зла: сопротивление злу — проявление великодушия. Духовно слабому человеку это сопротивление не под силу... — ход его дальнейших рассуждений был сложен, речь отлична знанием грамматики, но прежде всего она была отлична эстетикой и воспитанием.

— Да, — немного подумав, она продолжила, — пожалуй, с вами стоит согласиться. Просто я, видно, неудачница, меня постоянно преследуют жизненные потрясения.

— Знаете, есть такое суждение, что большинство счастливых людей из бывших несчастных. Так будьте же счастливы!

Согласно расписания, постепенно стали подходить люди. Вскоре, уже остановка и вся прилегающая к ней территория были заполнены ожидающими. Елена понимала, что скорее всего вся её ручная кладь, уцелевшая при падении, будет смята штурмующей толпой пассажиров. Как вдруг...

— Ленка! Разумовская! — сигнал и громкий призыв из сверкающего черным лаком внедорожника, привлекли к себе внимание собравшихся. Виктория Павлович, сидя за рулем, через опущенное стекло, звала её в теплый и уютный салон, — садись быстрее, пока я не передумала! Билет прокомпостируешь, когда закроешь дверь!

В медицинском институте их дружбе многие завидовали, «не разлей вода» говорили подругам вслед, но после окончания ВУЗа их пути разошлись. Виктория удачно вышла замуж за перспективного бизнесмена и уехала в столицу, Елене же была уготована тяжелая участь. В ДТП погиб её отец... От переживаний, на нервной почве, парализовало маму... На лечение и уход за ней требовалось много средств. В столь сложный период Елена вынуждена была продать квартиру в центре и переехать в отдаленный район города. Но все старания оказались напрасными — мамы не стало... Сиротство поселилось не только в маленькой квартире, но и в её сердце. Спасением от одиночества и печали была лишь работа. Как врач и отзывчивый человек она полностью отдала себя служению непреходящим ценностям — доброте и милосердию.

В машине тепло... Они уже отъезжали от остановки, как вдруг, Лене стало совестно перед парнем, ведь он помог ей. Странно... но его там не было. Пошел пешком? Или же просто «затерялся» среди стоящих, чтобы не смущать её?

— Вот так встреча! Я уже несколько дней как в городе... Никак не уговорю родителей на переезд. Была у вас на квартире... там другие жильцы. С работы ты уволилась и телефон вне зоны доступа, — Виктория вопросительно посмотрела на подругу.

— Вика! Всё потом... Смотри лучше на дорогу!

Грузовик, обогнавший их, резко затормозил у светофора.

— Успокойся подруга, я водитель со стажем. Ты конечно можешь мне не верить, но эта встреча не случайна. Какое-то волшебство... Как я здесь оказалась не знаю!

— Возможно, но не убедительно.

— А что сейчас убедительно? Я действительно не пойму что произошло. Первый раз в жизни меня занесло «не туда», словно нашептал кто-то. Ну и глухомань!

После её слов, словно точка замерзания, последовало длительное молчание. Снег старательно продолжал укутывать землю пуховым бесоснежным одеялом.

— Вика, останови... вон у тех ворот. Спасибо, что подвезла.

Сквозь невысокий, штахетный забор проглядывалось одноэтажное серое здание. Пожилой мужчина, чистящий снег фанерной лопатой вышел им навстречу.

— Здравствуйте, Елена Яковлевна! С днем рождения Вас! Давайте помогу! — учтиво, поклонившись он поздоровался и с Павловичем, — В приюте все Вас заждались!

— Афанасий Петрович, спасибо! Занесите пакеты пожалуйста, я сейчас приду.

— Разумовская, скажи, что я сплю. Ты работаешь в приюте? Умница, отличница и вдруг... Бред какой-то...

— Всё хорошо Вика! В больнице мне было тяжело от постоянно сочувствующих взглядов коллег. И это было так не искренне... Люди же, находящиеся здесь, пережили многое... Не стоит думать, что они чем-то отличительнее от других... И поверь пренебрежительное отношение к ним — это большая ошибка. Мир жесток... Случается такое, что всё в жизни внезапно словно переворачивается с ног на голову. Представь себе, какое душевное смятение и какую боль испытывает человек, когда он обманут, брошен и никому не нужен — полное чувство безысходности... Возможно ты и не согласна с моей точкой зрения, но работа в приюте помогла мне стать более чуткой к чужим страданиям.

— Всё с тобой ясно подружка... Положение надо срочно исправлять! По сути, выходит, ты сама себя обрекла..., — не договорив, Павлович сосредоточенно смотря на экран смартфона продолжила, — диктуй домашний адрес и номер телефона. Сегодня я ну никак — уж очень много неотложных дел, а вот завтра вечером жди — приеду с подарком.

Он не мог иначе... Среди Вселенского мрака и Божественного Света... Среди Хаоса и Гениального Порядка... Рожденный по неизвестной даже ему Высшей Воле, он искал ответы! Галактики сменяли одна другую, а он мчался, пронзая бесконечность, ища приют для мечущейся души.

Надо остановиться, чтобы отдохнуть... Как раз на пути маленькая планета под названием Земля. Его внешний облик родился как-то сам по себе... Похож на остальных людей вокруг. Сейчас его звали Андрей. По меркам здешнего времени — утренние лучи солнца он мог встретить на экваторе, а после, к вечеру — любоваться белизной гигантских льдов в Антарктике или просто наслаждаться ночной тишиной, рассматривая небо — высокое, звёздное и неизменно загадочное. Только лишь нечто... Одно и самое главное, что всё чаще переполняло его сущность — беспокойное чувство Вселенской Любви... В результате, в

сильный шторм, сразу несколько кораблей, уже почти опрокинутые гигантскими волнами — вдруг, по необъяснимой причине, против всех законов физики, выровнились и оставались на плаву. Ребенок, оставленный мамой в салоне автомобиля в тени, а уже через несколько минут, оказавшись в «горячей ловушке» раскаленного южного солнца — видел, как руль машины самостоятельно поворачивался, внутри всё приходило в странное движение и вот уже машина припаркована на противоположной, ставшей теперь теневой, стороне. ...Он всегда был там, где необходима помощь и никогда не ждал ничего в ответ.

Вот и сейчас он не мог поступить иначе — помог девушке... Хотя душа в человеке не видна, поскольку не зрима, он увидел и почувствовал невероятную энергетику, исходящую от её светлой души, которая разливалась над ней радужным облаком. Этого никто не мог видеть. Никто, кроме него...

Пора возвращаться... Вечернее, зимнее солнце осветило циферблат пожелтевших часов на стене приемной. Сегодня в приюте был праздник — как для постояльцев, так и для сотрудников, работающих здесь за нищенскую зарплату и едва сводивших в своих, не менее несчастных семьях, «концы с концами». Приют для всех нас! — так шутила Елена и таковым он действительно являлся.

— Конечная остановка, — прозвучал в салоне голос водителя троллейбуса.

«Пожалуй, все остановки в моей жизни конечные...» — подумала именинница.

С горькими мыслями Разумовская медленно шла к дому, скользя по обледеневшей дорожке. Уже подходя к подъезду, она обратила внимание на заснеженный шевелящийся комочек.

— Что же мне с тобой делать? — Елена бережно взяла на руки дрожащего от холода щенка. В благодарность он попытался ее лизнуть. Нет, нельзя было остаться равнодушной, смотря в эти живые, разумные собачьи глаза! Вот так подарочек...

Пискливое повизгивание, отогревшегося и насытившегося щенка нарушило привычную тишину одинокой квартиры. Единственное, что Елена поняла в эти минуты, что теперь она не одна.

— Тэди... я буду звать тебя Тэди, — словно соглашаясь, щенок завыл хвостиком.

На другой день начались события, которые всё изменили...

— Тэди, пошли гулять! Ты же не станешь делать лужицы в квартире, — она ласково обратилась к щенку. Его острые, смешно торчащие ушки вздрагивали.

Раннее утро... Свежий, морозный воздух бодрит. Песок скрежетал под подошвами сапожек девушки, придавая уверенность при ходьбе.

«Сплошные чудеса! Да здесь "отродясь" никто и никогда не убирал, не то чтоб организовать в гололёд...», — её мысль была прервана невесть откуда появившимся работником ЖЭКа в ушанке и рабочей телогрейке, проворно посыпающим дорожку. Но больше всего удивил Елену тот факт, что Тэди с радостным визгом бросился к незнакомцу.

— Доброе утро! Вы случайно не хозяин этого щенка? Вчера я нашла его у подъезда.

— Нет, — он ответил спокойным, несколько смущенным голосом.

Быть этого не может! Или же... Просто сходство?

— Извините, что я отвлекаю вас от работы, но вы очень похожи на одного доброго самаритянина, который помог мне вчера утром. Или я ошибаюсь?

От улыбки молодого человека повеяло дурманом скошенных луговых трав и словно крылья какой-то волшебной птицы коснулись её. Она изумленно смотрела на него.

— Нет, нет не отвечайте... Теперь я точно знаю, что это были вы. Откровенно говоря я очень хотела вновь увидеть вас, чтобы ещё раз поблагодарить, но более извиниться за столь невежественный поступок... уехать без вас. Поверьте мне совестно...

Она держалась так естественно, что не было никаких сомнений в искренности её слов.

В разговор вклинился грузный мужчина, вышедший из ближайшего подъезда:

— Наконец-то дождались... контора прислала дворника. Пока не напишешь куда надо толку никакого, а так результат на лицо. Вы к нам на долго или как? — он ехидно усмехнулся и не дождавшись ответа, вальяжно удаляясь в сторону гаражей, громко продолжил свои мысли вслух: «Видно, лимита... двух слов связать не может».

— Да... хамства в нашей жизни хватает...

— Я не в обиде. У каждого человека свои странности. А вот вам спасибо за чуткое сердце, за бескорыстие, — он погладил щека, который упорно не отходил от него, — да, земной справедливости нет, но есть безошибочный Закон Воздаяния, который гласит: «Что посеет человек, то и пожнет». Следствия поступков, слов, мыслей неизбежно возвращаются к нему либо в виде наказания и страдания, либо в виде счастья и радости. Потенциал человеческой души велик, но в большинстве случаев он глубоко захоронен.

— А я, чтобы выдержать любой негатив и не сорваться, всегда читаю молитву святителя Иоанна Златоуста «О даровании разумения».

— «чтобы сострадать страдающим и снисходить к грешникам», — процитировал он последние слова молитвы.

Елена удивленно подняла глаза и неспешно добавила:

— Вы интересный собеседник, но к сожалению нам пора... надо кормить «малыша».

...В квартире идеальный порядок. Тепло и уютно. Елена подошла к окну. Сквозь отдельные разрывы в облаках, лучи вечернего солнца, смешиваясь с небесной лазурью, хрустальными бликами переливались на снегу. До прихода Виктории ещё два часа. Тэди блаженно посапывал в отведенном ему уголке. Мысленно подведя итог дня, Разумовская подумала о незнакомце: «Дворник? Кто он в действительности? Он так блистателен и по наружности и по уму...». Звонок домофона прервал её размышления.

— Кто?

— Курьер службы доставки.

На пороге стоял юноша с пышным букетом ярких полевых цветов.

— Распишитесь пожалуйста в получении.

Ставя букет в вазу она почувствовала, как на душе становилось хорошо и благоговейно от торжественного присутствия такого великолепия.

...Тэди радостным лаем встретил гостью.

— Да ты, подруга, я вижу, не одна, — чмокнув Елену в щёку и вручив коробку с чайным сервизом Павлович, подмигнув, рассмеялась, — подарок сам говорит за себя — будем пить чай! Кстати, я привезла индийский листовой и твои любимые эклеры.

— Спасибо! Проходи в комнату и устраивайся поудобней, а я поставлю чайник.

— Боже! Какая красота и какое благоухание! Полевые цветы зимой... А в приюте и впрямь люди с изюминкой, — Виктория восхищенно наклонилась над букетом.

«Значит, этот сюрприз не от неё», — подумала про себя Елена: «Но более никто кроме Вики и родителей не знал о моём предпочтении именно этим цветам. Вот так... жизнь всегда богаче любых наших предположений».

Вечер воспоминаний и откровений... Подруги то плакали, то постепенно успокаиваясь смеялись, вспоминая всё, что было в их жизни хорошего и плохого.

— Викуся, ты счастлива?

— Даже не сомневайся! У меня лучшая семья — мой муж существо высшего порядка! Мужчина в эн-ной степени... Не поверишь, но все мои недостатки он обожает, словно это лучшие из моих достоинств. Плюс как я и мечтала, у меня частная клиника. К тому же, скоро у моих родителей появится внук... Да, да подруга, я беременна. В совокупности всё это и составляет мою жизнь. Я по настоящему счастлива! — поправив упавшую на лоб прядь волос, она ненавязчиво добавила, — пора и тебе задуматься над своей жизнью. Если надумаешь, оформляй по «собственному желанию» и сразу ко мне. Заведующей отделением тебя устроит? И замуж тебя выдадим, вот хотя бы за друга моего супруга. Холостяк... красив, элегантен, тактичен, цветы дарит по поводу и без! Не поверишь, пока не увидишь!

Виктория перевела взгляд на стрелки настенных часов:

— Уже поздно... Хорошо посидели... И, подумай пожалуйста над моим предложением.

— Спасибо тебе за всё, славный мой человечек. Я обязательно подумаю... Знаешь, всё больше убеждаюсь, что мудрость жизни заключается именно в таких простых, чистых и доверительных отношениях, — обнявшись, подруги вновь разрыдались.

Как скульптурное изваяние, в свете ночных фонарей, Елена прижав к себе щенка, с грустью смотрела вслед отъезжающему автомобилю. Все последующие дни шли монотонно, следуя привычному жизненному укладу. Незнакомец исчез, но его образ постоянно преследовал её, не желая уходить на задворки памяти. И лишь Тэди, неотступно следующий за ней повсюду, спасал от одиночества.

Вселенская родительская поминальная суббота... У Разумовской, с не сложившейся судьбой, от горя подгибались колени, она едва держалась на ногах. Прислонившись пылающим лбом к холодному надгробью, Елена заговорила полусшепотом:

— Здравствуйте мои родные. Как же невыносимо тяжело без Вас...

Зажженная свеча, в её руках, мало-помалу умаяясь таяла, капая воском на гвоздики лежащие на снегу.

— Внученька, можно зайти в оградку? — спросила старушка вся в черном, с выражением сострадания на морщинистом лице.

Елена молча кивнула. Неподвластно объяснению разума, она двигалась бесшумно как тень и что-то потустороннее было во всём её облике. Мимо, по центральной аллее, шли мужчины и женщины, неся в руках, кто поминальные веночки, кто просто живые цветы.

— Нынче людей много... Это хорошо, что приходят... — остановив взгляд на фотографиях она продолжила, — видать родители твои... царство им небесное. Они живы, пока их помнят...

— Скажите, почему всё так не справедливо? Как можно жить, что-то планировать, если смерть так неожиданна и всегда рядом? — не в силах более сдерживать слёзы, Елена зарыдала навзрыд.

— На всё есть промысел Божий и у каждого своя судьба... Поплачь, поплачь, гляди и полегчает. Тяжело переживать утрату близких... А ты молись... в которых есть вера, всегда будут услышаны Небесами. Ангела хранителя тебе, детонька!

Поправив платочек на голове и уже выйдя за калитку, она чуть слышно пробормотала:

— Цени того, кто с тобой рядом, не обижайся на мелочи, о которых потом и не вспомнишь. А я пойду к своим... Супружник здесь мой, Василий Иванович и внучек Олеженька, погиб в Чечне... заждались небось.

В словах старушки было столько всепоглощающей доброты, что всё вокруг словно задышало любовью. Елена, вдохнув морозный воздух и посмотрев на небо, перекрестившись произнесла:

— О, Пресвятая Владычице Богородица, ниспошли и укрепи благодать святого Духа в сердце моём!

Ей вдруг показалось, что кто-то нежно коснулся её плеча, прошептал на ухо:

— Всё будет хорошо!

Вздрогнув Елена обернулась, но никого вокруг не было... лишь громкое карканье ворон разрывало царившую здесь тишину.

Он постоянно думал о ней... Земное и космическое... Имеет ли он право? Это не его мир... лишь полустанок на пути. Его же удел определён Вечностью. Мучительное расставание с Землёй... Среди вакуума космической ночи и метеоритных дождей, нёсся он в холодных просторах Вселенной, не пытаясь обойти стороной гигантские взрывы сверхновых звёзд, попадая в эпицентры раскалённых потоков зарождающихся галактик, погружаясь в бездонные глубины бесконечности не находя дна и возможности остановиться. Но, где бы он не находился, его тревожило чувство вины, что он должен был что-то сделать важное и не сделал на планете, которую покинул. Борьба с неудержимым потоком чувств... Израненный, не чувствуя никакой иной боли, кроме душевной, он решил вернуться. Вселенский Разум не противился, так как благоволил силе Любви!

Было ли это проявлением сверхъестественных сил или простым совпадением, в любом случае, так легко стало у Елены на душе, когда

утром следующего дня она вновь увидела его. Тэди, сорвавшись с поводка, радостным лаем бросился ему на встречу.

— Да ты, дружок, растешь не по дням, а по часам, — взяв на руки щенка, он заворожено смотрел на неё, не в силах отвести глаз.

Она же, волнительно задыхаясь, не могла произнести ни слова, понимая невероятным чутьём, что это именно Он! Её мужчина... И, чтобы быть счастливой, ей не обязательно быть богатой или успешной, как Виктория, главное, чтобы он всегда был рядом. Сейчас, Разумовская попросту ненавидела себя, не зная как поступать далее, но всё разрешилось само по себе...

— Доброе утро! Вижу, что вы с Тэди по-настоящему сдружились... Где же вы были эти дни? Повышение? Сегодня вы выглядите как с рекламного плаката.

— Здравствуйте! Спасибо за комплимент, но всё значительно сложнее...

Он ощущал переполнявшую его нежность и желание рассказать ей правду о себе, но остановило сомнение — поймёт ли она. Совместная прогулка... Оживленный разговор.... Это совсем не много, но в тоже время и не мало, для двоих с обостренным чувством одиночества и душевной неустроенности.

— Ну что, мой маленький, преданный друг, погуляли! Пора домой!

Подсознание тихо нашёптывало ей: «Задержи... Не упусти его!»

— Мы не закончили нашу беседу... Простите меня за последующие мои откровения... насчет вас... Во-первых, я не уверена, следует ли приглашать в гости человека, имени которого я до сих пор не знаю. Во-вторых, кроме чая с лимоном и бутербродов, предложить ничего не могу.

Он улыбнулся, кратко представившись, — Андрей. И я принимаю ваше приглашение.

Она дружески протянула ему руку, — Елена!

Первое, что бросилось ему уже с порога, это сверкающая вокруг чистота.

— Мойте руки и проходите... Будем завтракать, — подавая ему тапочки, она словно прочитала его мысли.

Их общение напоминало чаепитие давних друзей, а ведь они виделись всего третий раз. Елена рассказала Андрею о работе в приюте и мечте излечивать старость, как определённый вид болезни.

— Смелая идея...

— Принято считать, что без медикаментозного вмешательства, шанс вылечить любую болезнь ничтожен. Не беру в пример болезни

связанные с необходимостью хирургического вмешательства, хотя и здесь у меня присутствуют определенные сомнения. Насчет старости... И к ста годам можно сохранить здоровье, ясную голову, желание и способность работать. И не надо изобретать никаких лекарств, делать пластику, надо просто уверовать, что спасение от старости в нас самих. Я веду журнал наблюдений — бесцельно живущие люди быстро стареют, мыслящий же человек долго сохраняет молодость. Вы согласны со мной?

— Не совсем... Даже яркая, целеустремленная личность, быстро опустошается и быстро стареет в одиночестве. Недооценкой этого состояния, является тот факт, что человечество живёт в эпоху всевозрастающих психофизических нагрузок, приводящих не только к старению организма в целом, но и порой к преждевременной смерти. Считаю, что радость жизни, взаимная любовь, общность душ, забота о близких, доброта — разливаются теплом чувств, невесть откуда появляются силы и... старость отступает. Происходит процесс пересоздания самого себя, то есть оздоровление за счет пробуждения резервов организма.

— Да... Задели за живое. Сдаюсь... Мои выводы более прозаичнее ваших рассуждений.

Поблагодарив за завтрак, Андрей подошел к окну.

— Хоть февраль и засыпает снегом, и грозит морозами, но поневоле уступает свои права грядущей Весне. А она уже близко — все больше солнечных дней, все длиннее они и чувствуется на пригреве тепло, — рассуждал он вслух, наблюдая за быстрым перемещением снеговых туч, — Нет, вы только посмотрите, какая красота! Убеленный снегом мир, это же своеобразная сказкотерапия!

— Вы правы! Знаете, в любом возрасте есть определённые границы допустимого поведения и только зимой позволительно без осуждений, без возрастных ограничений, играя в снежки уходить в детство, получая радость жизни, как универсальное лекарство!

Андрей сел на диван. Отвоёвывая, каждый раз, себе новое жизненное пространство, Тэди устраивался там, где в этот момент ему было удобно. Вот и сейчас, погружаясь в сон, он расположился рядом с Андреем.

— Может теперь вы расскажите о себе?

— Постараюсь, но вряд ли я смогу поведать обо всём. С чего же начать... Соприкосновением с Божественной вечностью случаются много больших и малых жизненных и духовных чудес...

Баланс чувств и разума... Елена внимательно слушала его, но в её глазах он прочел недоверие и некую растерянность.

— Вы мне не верите?

— Правила космической игры... Не хотите ли вы сказать, что являетесь представителем иного мира? Это что, розыгрыш? Не скрою, я сразу отметила, что вы, Андрей, человек энциклопедических знаний, но... поверить в пришельца... Буду с вами откровенна, работая ранее в больнице, да и сейчас в приюте, я сталкиваюсь с разными людьми. Есть такие душевные травмы, которые довлеют над человеком всю жизнь и тогда...

— Вы считаете что я болен?

Елена отметила про себя, что он задал вопрос перебив её, что было крайне не свойственно манере его разговора. В тоже время, внутреннее спокойствие просвечивалось в каждой черточке его лица.

— Нет, это конечно же, не так!

Разумовская несколько раз, безуспешно, пыталась найти нужные слова, чтобы не обидеть Андрея, но получался какой-то хаос бессмысленности.

— Знаете, — она заговорила уже несколько осторожнее, — существует множество загадок природы, странных явлений, до сих пор неизученных и не разгаданных человечеством. Вот например, я всегда ощущаю присутствие некой светлой силы, верю в Бога, Ангелов... Моя бабушка была глубоко верующим человеком. Это она научила меня молиться. Не знаю, как бы я без веры, без участия Божественной силы сумела со всем справиться, — взяв стул она села напротив, — ваше повествование с самого начала красиво, возвышенно, присуще человеку с сильным воображением. Не удивлюсь, если вы пишете рассказы в стиле фэнтези. «Леденящее дыхание космоса... Суровые правила бессмертия... Метеоритные дожди...» — с ваших уст звучит завораживающе. Фантастика и реальность... Всё так запутано, в тоже время относительно просто. И всё же... Кем считаете себя вы, Андрей, в действительности?

Что он мог ей ответить... что сам в неведении кто он... Возможно и его рождение Высшей волей Вселенского Разума, одна из тех тайн, которые вряд ли будут когда-нибудь разгаданы. Краснея, чтобы замаять неловкость создавшегося положения, он стал торопливо прощаться. В его действиях была недоступная для её понимания логика.

В квартире воцарилась тишина, которую она так боялась... Елена почувствовала сердцем, что уже никогда не сможет оставаться одной... без него, что произошло что-то большое и важное, что-то такое, что изменило всю её жизнь. «Да я влюбилась!?!», — слёзы неудержимым потоком текли из её глаз. Прекрасной, нежной мелодией зазвонили

вдруг полевые колокольчики в букете, подтверждая Божественность произошедшего чуда, — «Так мне и надо... самоуверенная дура... Не поверила... Засомневалась... Что же делать? Необходимо его вернуть...», — бешеный хоровод мыслей сдавливал ей виски.

Андрей был уже далеко... Разумовская увидела его удаляющийся силуэт... силуэт непонятого, одинокого человека. Она бежала по обледеневшему тротуару, падала и поднималась вновь, сознавая, что если он сейчас уйдет — то уйдет навсегда.

— Андрей!

Он смотрел в её заплаканные глаза... в них было столько страдания и любви.

— Я не та... Знаю... Не та... Но для тебя... я готова стать всем, а если ты против, то... хотя бы пусть и полустанком на твоём пути. Только не уходи! Пусть это будет один день, один час... Прошу тебя, ну пожалуйста... не уходи! Я поняла... это был твой шепот на кладбище... и Тэди... и цветы... даже Виктория не случайно оказалась на остановке, — болью отчаяния звучали слова. Елена даже не заметила, что впервые обратилась к нему на ты.

Задышавшись от счастья, Андрей прижал её к груди. И было слышно, как бьются в такт уже не два одиноких, а два любящих сердца.

У неё зазвонил мобильный. Он знал... кто звонит и почему...

— Ответь... Это звонит Виктория, — он нежно погладил её по волосам.

Действительно, на экране настойчиво мигал номер Виктории.

— Ленка, привет! Ты помнишь, что через два дня у тебя заканчивается отпуск... Что ты решила насчет моего предложения? Ну что молчишь?

Едва скрывая волнение в голосе, Елена произнесла:

— Викусь! Ты умница, что позвонила, но я не могу сейчас с тобой говорить... перезвоню позже.

— Разумовская! Ты что там, не одна? Признавайся, кто он? — как всегда Павлович была в своём репертуаре.

— Ангел... Ангел во плоти...

На той стороне невидимой телефонной линии, через километры радиоманнитных волн, там, на другом конце воцарилось молчание...

ПАМЯТЬ

Дмитрий Иванов

г.Печора, респ.Коми

БОРЬКА ПРОТИВ ТУРКМЕНБАШИ

Те, кто учился на механическом факультете киевского института инженеров гражданской авиации в начале 80-ых годов 20-го века, должны помнить поджарого спортивного парня по имени Борис, выступающего за институтскую сборную по волейболу.

Этот молодой человек когда-то учился со мной в одном классе, закончил школу в 1975-ом и сразу поступил в Ухтинский железнодорожный техникум, откуда его призвали в армию.

Служил Борька в посёлке Ключи на Камчатке в войсках ПВО. За полгода до демобилизации начал сомневаться, стоит ли оканчивать техникум, чтоб стать потом помощником машиниста тепловоза. Почему вдруг? Всё просто — сержанта противовоздушной обороны тянуло в небо. Дорога из шпал, благоухающих креозотом, была не для него. Оказавшись на каникулах в Печоре, зашёл я в гости к Борькиным родителям. От них и узнал, как и почему мой одноклассник решил изменить генеральное направление своего обучения.

Я тут же написал Борьке и предложил приехать в Киев на подготовительное отделение (ПО), так широко известное в кругах бывших армейцев. Через несколько месяцев Борька, демобилизовавшись, последовал моему совету и оформил документы для поступления на подготовительное отделение нашего ВУЗа. Здесь на ПО отслужившим в армии помогали освежить знания, полученные в средней школе.

Благополучно закончив полугодовой курс, освеживший знания из старших классов средней школы, и сдав выпускные экзамены, Борис подал документы на механический факультет с тем, чтобы попасть после пятого семестра в заветную группу бортинженеров. Туда брали не каждого. Конкурс — 15-18 человек на место, представьте себе. Это сейчас удивительно, а в те времена профессия, связанная с лётной работой, котировалась высоко. Учился мой одноклассник хорошо, а здоровья Борьке — не занимать, посему шансов подняться в небо имелось предостаточно.

Борис с восьмого класса усиленно тренировался в волейбольной секции. Будучи школьником, получил первый спортивный разряд. Выступая за юношескую сборную города, продолжал совершенствовать мастерство. Стало быть — шансов оказаться в элите факультета было достаточно много. Всё получилось именно так, как он и рассчитывал — в 1984 году Киев покинул новоиспечённый бортинженер ТУ-154.

По распределению мой одноклассник оказался в Ашхабаде. Тогда ещё Ашхабаде, а не в таинственном восточном Ашгабате. Здесь он продолжал свою волейбольную практику и вскоре стал кмс-ом (кандидатом в мастера спорта). Выступал на спартакиадах министерства гражданской авиации за сборную Туркменского управления. Один раз даже пробился в финал вместе с командой, где достойно уступил чемпионство волейболистам Пулковского объединённого авиаотряда.

Жил Борис в отдельной комнате малосемейного общежития, чем-то очаровав комендантшу. А немного погодя уже занимал и второе помещение с кухней. Практически — двухкомнатная квартира. Только вот подумать о женитьбе всё не находилось времени. То полёты, то соревнования, то борьба с первыми руководителями из местных, национальных кадров. Тогда же, сами помните, как обстояло дело. Все ПЕРВЫЕ лица на предприятиях и в подразделениях союзных и автономных республик по негласному закону строительства коммунизма были кореными жителями.

Считалось в порядке вещей, когда на крайнем юге бывшего СССР подобные деятели имели купленный диплом и занимались руководством **ВООБЩЕ**. При социалистическом понимании мировых процессов именно подобные руководители **ВООБЩЕ ВСЕМ** особенно ценились партийной номенклатурой. Не важно, что ты не имеешь ни малейшего понятия, как устроен планер воздушного судна, что такое средства радионавигации и связи и, как ЭТА ТЯЖЕЛЕННАЯ ШТУКА в воздух поднимается, главное — ты всем можешь раздавать указания, вызывать "на ковёр", строить и внушать к себе уважение.

А на случай возникновения серьёзных технических проблем у тебя имеются русские замы, которые потом и подчистят, если ты где-то обосрамишься. Вот с подобными руководителями приходилось воевать не на жизнь, а за право летать на пассажирских лайнерах. Существует же простой закон: чем меньше человек смыслит в деле, тем яростнее и непримиримее он пытается навязать свою абсурдную точку зрения специалистам. И с этим обстоятельством приходится считаться.

Долго ли, коротко ли служил в Туркмении Борька, только насобачился уживаться с национальными кадрами, принимая их, как обычно

принимают стихийное бедствие: если не можешь, предотврати его, то хотя бы прикинься ветошью и не отвечивай. Времени стало побольше. Оглянулся Борька вокруг себя и понял, мир прекрасен. Оглянулся ещё раз и приметил симпатичную девушку с южнорусскими корнями в родословной. Понял наш бортинженер: вот, оказывается, для чего судьба одарила его той милой квартирой в малосемейке.

Едва лишь молодая семья заняла бортинженерские апартаменты, тут и Великий Туркменбаши Сапармурад Ниязов был единогласно избран Справедливейшим Богом Всея Туркмении. Сначала Борька не придал значения такому судьбоносному факту. Тем более что стали их с экипажем выпускать в заграничные да́ли, сдавая воздушные суда вместе с экипажами в аренду различным компаниям из Объединённых Арабских Эмиратов. А поскольку к тому моменту уже много русских лётчиков покинуло благословенный край непуганых ишаков, то теперь и дома побыть оставалось мало времени. Работать приходилось за двоих. Понятие санитарной нормы, ограничивающей время, проведённое непосредственно в полёте 72-мя часами в месяц отшелушилось само собой и осталось за границами разумного.

Работали в Эмиратах практически без подмен по несколько месяцев. "Длинные тушки" (коротким "тушками" по одной версии называют **все** ТУ-134, а по другой — только 72-местные; 76-местные самолёты ТУ-134 назывались "длинными", как и значительно большие ТУ-154) переделали под перевозку грузов и "смыковали" между Абу-Даби, Дубаем и Европейскими аэропортами — по большей части в Голландию и Бельгию. Что именно перевозили, одним шейхам известно. Но платили те хорошо. В Туркменском понимании этого слова, разумеется. Борька получал 700-800 долларов в Эмиратах и ещё по среднему в Ашгабате (уже Ашгабате); проживание в гостинице и питание — за счёт заказчика.

Персидский залив не раз становился свидетелем того, как замечательный русскоговорящий бортинженер окунал свои натруженные в полёте ноги в тёплые прозрачные воды, полные удивительных разноцветных кораллов и диковинных рыб из сказок Шахерезады. Шло время, а Ясноликому Туркменбаши всё не терпелось, что-нибудь подарить своему ленивому народу. Газовые месторождения к своим заслугам он отнести никак не мог, поскольку богатствами недр задолго до его рождения Господь Бог распорядился и советский ещё Газпром, вооружённый передовыми геологическими технологиями. Поэтому решено было взять ишака за рога, не дожидаясь, пока лукавый Насреттдин научит его разговаривать.

Закупила Туркмению несколько самолётов от американской компании «Боинг», дабы все пассажирские перевозки на них осуществлять и не зависеть от поставок со стороны внезапно сделавшейся стратегическим неприятелем России. Закупить-то закупила, а экипажи переучивать нужно. Ниязов подумал, топнул ножкой, обутой в сафьяновый сапожок, и изрёк:

— Не бывать тому, чтобы русские **НАШИМИ** туркменскими "Боингами" управляли! Научим своих!

Окруженцы Великого быстро уяснили ситуацию и направили во Флориду больше ста лиц туркменской национальности для освоения новой техники.

Тут и на экипажи учили, и на технарей. Полгода туркмены парились, усваивая премудрости технического английского. А потом началось такое, что поразило всех инструкторов. Премудрости управления летательными аппаратами никак не хотели проникать в головы Ниязовых сынов. Пришлось Солнцеликому Богу всея Туркменистана раскошеливаться ещё на один срок обучения. Но и это мало помогло.

После окончания стажировки всего трём экипажам удалось самостоятельно взлететь, а уж про заход на посадку в ПРОСТЫХ метеоусловиях я и говорить не стану, чтобы не обижать Отца Всех Туркмен (*первая редакция текста написана ещё при жизни Солнцеликого*). Про качество подготовки технического персонала тоже не стану распространяться. Коль скоро туркменских юношей с детства приучали только торговать на рынке урюком, курагой и чарджоускими дынями, то им и невдомёк было, почему большой дюралевый ящик требует так много керосину для каждого полёта и отчего он не умеет накапливать сей дефицитный продукт впрок, как, скажем, добропорядочные дромедары воду.

Несмотря на неожиданно открывшиеся этнические обстоятельства, дипломы новые туркменские соколы получили. Вероятно, во Флориде тоже не всё ладно с коррупцией. Или её отсутствием? И где теперь те дипломированные спецы? Кто на Московских рынках торгует замечательным туркменским виноградом "дамские пальчики", кто устроился на руководящую работу, повесив на стену кабинета американский красивый сертификат в золочёной рамочке, кто продолжил своё обучение уже на ниве газовой промышленности, с целью выгнать ненавистных русскоговорящих специалистов с компрессорных станций, приобретая независимость методом расшибания лбов о гранит науки.

А что же русские лётчики? Им бы в самый раз было на новую технику переучиться. Нет, на такой шаг Ниязов никак не мог пойти. Тут

дело престижем пахнет! Летать на новеньких самолётах, собранных в Сизтле, пригласили экипажи из стран арабского мира. Подумаешь, им платить нужно много. Но ведь газу в стране разведано навалом: не только Туркменбаши со всеми многочисленными родственниками до пятого колена, но и все наёмники обеспечены будут надолго. И потом, скажите на милость, кто сможет визуально араба от туркмена отличить, если в паспорт не заглядывать? То-то и оно. Значит — с престижем страны всё в порядке, а Туркменбаши впереди на белом ишаке со знаменем процветания в идеально наманикюренных пальцах!

Так вот, пока в Ашгабате происходили все эти чудесные метаморфозы, наш герой с экипажем продолжал обслуживать эмиратских шейхов, замученных непосильным бременем нефтедолларов. Всё вроде бы без изменений. Но вдруг весь экипаж срочным образом вызвали в столицу невероятно независимой Туркмении. А там пилоты и технический персонал получили следующую вводную: в недалёком обозримом будущем экипажи ТУ-шек останутся и дальше работать в Эмиратах, но зато теперь получать будут исключительно суточные из расчёта 5 долларов в день, а всё, что шейхи раньше платили, теперь в казну державы пойдёт для процветания родного края. И нечего тут права качать! И так вон — семьи, поджидающие мужей у окошка с видом на ВПП, по среднему в местных «фантиках» получают. Не жирно ли будет? Сели, понимаешь ли, на шею свободному туркменскому народу и кровь из него сощёте, бездельники!

Понятное дело, жалко стало Сапармураду газовой "зеленью" с арабскими пилотами делиться, потому от наших (русскоговорящих, я имею в виду) экипажей нужно чуть-чуть отщипнуть, чтобы Нияз-апа — мама Солнцеликого — не сильно переживала.

Ко всему прочему тут ещё сам Борька чуть было врагом туркменского народа не стал. Родственники его жены проживали в Ростовской области. Наверное, и сейчас проживают. Так вот, в тот Борькин кратковременный приезд к жене и сыну случилось, казалось бы, ординарнейшее событие. Позвонили эти самые родственники и в процессе разговора заметили, мол, имеют желание посетить гостеприимную столицу Туркмении в период очередного отпуска, и не нужно ли чего вкусенького привезти с собой? Дескать, кабанчика недавно закололи.

Борька с воодушевлением поприветствовал их инициативу. Давненько он свежего сала не едал. Поговорили по телефону под вечер, да и забыли о нюансах того разговора за хлопотами. Прошло около часа. Звонок в квартире раздался зловещим набатом. Открытая дверь позволила лицезреть двоих совершенно жутких молодых людей в кожа-

ных чёрных плащах и в кожаных же шляпах. Пот с них струился градом, орошая душный июльский подъезд ароматами спецслужб. Туркменские Джеймсы Бонды, не иначе.

Так и оказалось. Взяли Бонды, возникшие из ночного бархата, Борьку под руки и препроводили в одно известное здание, где в пору социализма нашёл себе приют комитет глубокого бурения. Теперь здесь тоже спецслужба обитала, но только национального направления, которая из всех своих сил охраняла Ниязова от происков мировых разведок. В особенности — со стороны российских ФСБ и СВР. ФСБ этой "эсвээристой" так и не терпелось ухватить славного Папашку Всех Туркмен за раскормленную мясистую ляжку, как Отцу и Благодетелю внушали все вокруг. Словно бы у себя в России укусить некого было.

Посадили Борьку в креслице с ремешками для рук и ног, но привязывать, правда, не стали. Не сильно, значит, опасение вызывал бортинженер у властей. Особист в цветастой форме с национальным орнаментом на погонах и лампасах начал издавека. Он расспрашивал Борьку, как тому работалось в бассейне Аравийского моря, и как тамошних палестинах к Великому Туркменбаши относятся дружественные шейхи да эмиры. Слушал он не очень внимательно — знал всё и без пояснений. Понял Борька, что не за этим его привезли в КОНТОРУ. И вот особист весь напрягся, включил металлический привкус к своему акценту и спросил:

— У вас денег не хватает? Плохо вам государство платит за вашу работу?

Борис благоразумно отверг озвученные инсинуации. Мол, замечательно у нас тут всё, дядечка. Изо всех сил к процветанию устремились семимильными шагами. Служитель безопасности оборвал его на полуслове и перешёл на "ты" для усиления эффекта устрашения:

— А зачем тогда родственников просил мясо свиньи привезти? И дошёл даже до крайней степени извращённости — сала захотел! Пользуешься, что граница у нас ещё не совсем правильно обустроена, хочешь богопротивный продукт в Туркмению ввезти?!

Мой одноклассник опешил. Оказывается, его разговор с Ростовом-папой прослушивался без всяких санкций. Ничего он предосудительного не сделал, в принципе, захотев свежего сальца, а, гляди, насколько это человеческое желание спецслужбы задело! Наверное, им показалось, будто бы вслед за свининой в страну проникнут вредные идеи, которые сумеют помешать Богоподобному Вождю назвать улицу Гагарина новым именем "очередного 76-летия Нияз-апа" в ряду других именных транспортных артерий Ашгабата.

Особист прищурил карий глаз и немного дал слабину:

— Ладно, мы понимаем: ошибок в твоём возрасте избежать трудно. Особенно, если ты не совсем... э-э, скажем, уроженец здешнего благодатного края. Поэтому мы сами взяли на себя труд сообщить твоим родственникам, чтобы они и не думали везти с собой "грязный" продукт от мерзкого животного. Нельзя поддаваться на провокации, когда Туркменбаши снижает цены на хлеб. Можешь идти, но крепко запомни нашу встречу. Да, а родственникам передай — гостям, уважающим наши обычаи, мы рады, но не тем, что грязных животных в пищу употребляют.

В словах особиста о снижении цен на хлеб была истинная правда. Хлеб в Туркмении тогда считался самым дешёвым в мире. Но чтобы купить его требовалось подняться в 5 часов утра, подъехать к специальному магазину, отместиться в очереди, которую занял накануне вечером и терпеливо ждать несколько часов, может, на сей раз тебе повезёт. А обычно, если не забивать себе голову подобной социалистической забавой, как вырисовывание трёхзначного номера химическим карандашом на потной руке, хлеб обходился в 15-20 раз дороже. Борька подумал об этом, но вслух ничего не сказал. И правильно сделал. Иначе бы ему точно не отвертеться от ответственности и народного гнева. Кстати, родственники из Ростовской области так тогда и не решились приехать после строгого международного звонка из Туркмении.

Следующая командировка в Эмираты начиналась уныло. Лётчики и технари, узнав всю подоплёку истории с экипажами новых «Боингов» и, получив финансовый отлуп со стороны своего доблестного руководства, сводили все разговоры к одной только теме — куда уехать от навязчивого Всенародного Туркменского Бога. Вот и Абу-Даби показался в иллюминаторе во всей своей вечерней красе с восточным колоритом. Зашли на посадку и, бросив верного ТУ-шку на стоянке, поехали в город. Стали расселяться в гостиницу.

Борька попал в номер с техником, с которым всегда жил в командировке. Этот молодой парнишка (назовём его Саид) был одним из немногих представителей национальных кадров, кто добросовестно учился и умело пользовался полученными знаниями при обслуживании воздушных судов. Возможно, потому про него никто из начальства и не вспомнил, когда наметилось обучение в Штатах. А, может быть, потому что ничьим родственником парень не числился. В Туркмении просто рекомендуется иметь родственников с «волосатой лапой» — из числа тех, кто располагает возможностью измерить глубину государственных закровов. А раз таковая родня отсутствует, решили авиационные на-

чальники, пусть Саид с русскими экипажами свою старенькую ТУ-шку и дальше эксплуатирует раз «больно умный» и безродный.

Едва ребята принялись раскладывать вещи в шкаф, как обнаружилось, что у этого полированного монстра предыдущие постояльцы сломали дверцу. Она висела на одной петле и готовилась отвалиться под собственной тяжестью, вывернув оставшуюся петлю «с мясом». Борька позвонил администратору. Пару-тройку ругательств по-арабски он уже выучил. Дежурный администратор немедленно возник в охлаждённом кондиционированном воздухе номера в дымке восточных благовоний.

Увидев удручающую картину разваливающегося платяного шкафа, готового расстаться со своей дверью, он заохал, запричитал, дескать, вопрос по ремонту мебели находится в компетенции соответствующего менеджера, который, к большому сожалению, приедет только завтра, поскольку повёз свою единственную сестру в Египет показывать Долину Фараонов.

Администратор готов был в качестве покрытия неустойки не брать с постояльцев плату за проживание в течение целых суток. Облачённый административными полномочиями господин без конца кланялся и просил прощения. В знак того, что он прощён, добродушные авиаторы налили ему пару «шотов» контрабандно провезённой водки (в Эмиратах кое-где царил "сухой закон") и отпустили с миром. А молодой техник достал свой личный маркированный (по аэрофлотовской ещё традиции) инструмент и быстренько привёл мебель в порядок.

Через час в номер вновь явился администратор. Оказывается, он нашёл в городе изрядного мебельщика и, заплатив ему личные деньги, призвал на урегулирование конфликтной ситуации, которую так и не смог посчитать разрешённой. Каково же было изумление должностного лица, когда он увидел совершенно ЦЕЛЫЙ платяной шкаф.

Два араба рассматривали дверцу очень внимательно, чирикали наперебой гортанными звуками в стиле павлиньего пения, поглаживали её ладонями, дивясь волшебному исцелению гостиничного инвентаря. Разве только языком полировку не облизывали. В их мусульманских мозгах никак не укладывалось, что белые инженеры сами стали прикладывать усилия к ремонту. Хотя, нет, вру. Один-то шурави точно европеец, а второй, тот, что чернявый, чем-то араба напоминал.

С грехом пополам (Саид немного говорил по-арабски) выяснилось, КТО автор столь замечательно проведённого ремонта. Мебельщик из города немедленно был отправлен восвояси, затребовав за свой труд появиться в гостинице небольшую сумму в местных динарах, которую тут же с удовольствием поменял на полстакана водки у запасливого

бортинженера. Есть всё-таки в наших людях торговая жилка, верно люди сказывают. А Саида администратор увёл с собой в неизвестном восточном направлении.

Появился авиационный техник Саид только под утро. Он побывал в гостях у хозяина гостиницы, где подписал бессрочный контракт на право называться генеральным менеджером трёхзвёздочного отеля с очень приличным окладом жалования и почти невероятным (для бывшего советского гражданина, да и не советского тоже) набором социальных льгот.

После подписания бумаг Саид по старинной туркменской традиции проставился бутылкой "Столичной", её он рассудительно захватил из гостиничного номера. Хозяин, как правоверный мусульманин, дождался темноты, чтобы не гневить аллаха (ночью плоховато видно грешников даже Всевышнему), и не преминул выпить "на брудершафт" со своим новым работником.

Обыкновенного умения, которым славится почти каждый мужчина с "совковым" прошлым, оказалось достаточным, чтобы прослыть чуть ли не виртуозом-мебельщиком. Саид был не женат, родственников в Туркмении у него почти не осталось. Поэтому он с лёгкостью принял предложение попробовать себя на новом поприще. Техническая бригада ТУ-154 лишилась одного из лучших специалистов, а в спецслужбах Ниязова прошла очередная чистка в связи с утечкой национальных кадров из страны.

Борька тоже не стал долго ждать оказии, чтобы покинуть газовый оазис с всенародно избранным Богом во главе. Он по своим каналам через друзей, с кем когда-то играл в волейбол, устроился в Питерском аэропорту Пулково. Теперь мой одноклассник живёт в России уже больше двадцати лет. Первое время снимал квартиру в Колпино и очень долго добирался в аэропорт к очередному вылету. Потом купил жилплощадь в Питере, где обитает и поныне, заработав лётную пенсию.

Не унывал Борис ни тогда, ни сейчас, поскольку уже никто ему не может запретить есть свинину и наслаждаться розовым салом с тёмнобардовыми мясными прожилками, кроме, пожалуй, врача-диетолога.

А что употреблял в пищу Сапармурад Ниязов и его преемники? О том знают только секретные службы независимой Туркмении. Не наше-го это ума дело.

ПЯТНАДЦАТЬ ОБЩИХ ТЕТРАДЕЙ ИЛИ АБСОЛЮТНОЕ СЧАСТЬЕ

Мой друг Славка Салеев, как ни странно, тоже был маленьким. Глядя на его «взрослый портрет» с паспорта, сказать так совершенно определённо почти невозможно. Это примерно — как если на основании знаменитой фотографии Альберта Эйнштейна утверждать, будто он произошёл от волосатого орангутанга Зигфрида из Гамбургского зоосада конца XIX-го века. Хотя, с точки зрения банальной эрудиции, отрицать сей знаменательный факт со стопроцентной вероятностью просто невозможно.

Сейчас Слава, по свидетельству о рождении — Ислям, уроженец города Мелекесса, что в Ульяновской области, частенько рассказывает мне о своём детстве, отрочестве и студенческих годах. Некоторые из его историй довольно забавны, занимательны и поучительны. Попробую передать их в печатном виде со слов и согласия автора. Хронологию соблюдать не обещаю, поскольку не соблюдал её и Салеев — рассказывал в той последовательности, в какой давние истории приходили в голову.

Итак, передаю эстафетную палочку повествования своему другу Славке.

Присказка

Люблю я посещать места далёкого безвозвратно канувшего в Лету детства, там каждый старый заулочок о чём-то тебе говорит. И пусть застроено всё давно так, что не узнать без длительного анализа, но то и дело выглянет из-за многоэтажек какое-нибудь дерево, которое сам и сажал когда-то — ещё в девятьсот мохнатом году прошлого века во время субботника, посвящённого началу учебного года... И тогда, тогда пронзит сердце лёгкая грусть; от неё захочется снять очки и достать из кармана носовой платок.

А вот здесь когда-то стоял деревянный магазин, и возле него сидели на ящичной таре бабульки, торговавшие семенами подсолнуха. Денег на подобное баловство родители нам, пацанам из бедных семей, не давали, и приходилось идти на хитрость, дабы приобщиться к культуре коллективного лязганья. В этом мальчишкам очень помогал однажды разбитый термометр, за его утрату кто-то уже получил по полной программе целую задницу синяков посредством папашина брючного ремня. А ртуть-то никуда не делась — вот она, в баночке.

А дальше всё — сплошная химия дворового разлива. Берёшь «двушку» — монету достоинством в две копейки, жёлтого оттенка из сплава меди и цинка, по размеру почти соответствующую десятикопеечной монете, но уже серебристого цвета, изготовленной из никелевого сплава — в ртути замачиваешь, а потом затариваешься семечками у старушек на полновесный гривенник. «Посеребрённую» двушку вполне можно было принять за десять копеек, если не присматриваться. Только одна торговка почуяла непорядок. «Ребятки, это медаль, что ли?» — спросила. Ну, а мы, понятное дело, сквозанули огородами, рассосались по окрестным кустам и долго потом обходили импровизированный рынок у продамага стороной.

Глава 1. Мальчиш Кибальчич¹

Помнится, когда я учился классе, наверное, в третьем или даже четвёртом, появилась у нас в школе мода стрелять из поджиги. Знаешь, что такое поджига? Расскажу, как её делали мы, мелекесские малолетние хулиганы с рабочих окраин.

Берёшь медную трубку, загибаешь один конец и сминаешь его пасатижами или ударом молотка, потом этот расплющенный конец забиваешь в обработанную деревяшку, которая служит в дальнейшем казённой частью. Затем вытачиваешь в трубке, в поперечном направлении, канавку треугольным напильником, такую, чтобы в неё укладывалась спичка, но «только-только» — плотно очень. В середине канавки «цыганской» иглой протыкаешь маленькое отверстие, а внизу устанавливаешь скобу для фиксации «хвостовой» части спички (головка должна располагаться как раз напротив микроотверстия в трубке), обычно из гвоздя. Всё, поджига готова.

Теперь её осталось зарядить. Заряд производится со стороны ствола и забивается шомполом. Сначала смесь пороха и серы (со спичечных головок), потом вата, заменяющая пыж, следом дробь или шарики от подшипников, а затем — снова ватный пыж.

Далее...

...прилаживаем спичку, чиркаем ею о коробок и производим выстрел с вытянутой руки. Если руку не вытягивать, то увеличивается риск получить травму лица, поскольку бывали случаи, когда трубка разрывалась прямо в процессе стрельбы. Особенно опасно было иметь дело с бездымным порохом. Но, слава богу, ни у кого из моего окружения столь опасного наполнителя для поджиги не водилось.

Отменно-прекрасно стреляло такое импровизированное оружие, если пускать в ход его боевые качества не сразу после зарядки, а спустя день-два. Пороховая смесь за это время скоксовывалась внутри медного ствола; при запаливании заряда получался очень громкий звук, напоминающий выстрел из настоящего ружья. Именно с целью эффективного использования своего оружия (как ты понимаешь, поджига у меня имелась) я, туго забив заряд в ствол саморучно изготовленного «винчестера», сразу же притырил его от любопытных глаз под матрас — вместе с мешочком, где порох для зарядов хранился. Ну, думаю, приду завтра из школы, тотчас побегу за огороды, чтобы пальнуть по воронам; их обычно много крутилось возле мусорной свалки.

Уж не знаю, каким образом, но к утру поджига перекочевала в наволочку. Возможно, перед сном я любовался своим сокровищем, а потом неудачно под матрас спрятал, да ещё и заспал. Эта ошибка стоила мне глубоких человеческих переживаний вместо предполагаемого удовольствия, на которое я рассчитывал.

Стоял конец сентября. Дождь, холодно. Идём мы с пацанами после школы домой. Вижу, из нашей трубы дым валит, словно при пожаре. Чёрный-чёрный. Будто рубероид горит. Нужно ли объяснять, сразу хреновое предчувствие появилось — засосало «под ложечкой».

Так и есть. Только я за порог, маманя мне сразу в лоб зарядила. За что, мол, эни, кричу? Она не отвечает, а, знай себе, методично меня бельевой верёвкой по заднице мутузит тяжёлой рукой передовика социалистического производства.

Оказывается, мама нашла мою поджигу, когда бельё перебирала, чтобы в стирку отложить. Рассмотрела её, приняла за мусор, и непонятную штуку в печь бросила. А ещё и мешочек с самодельным порохом — селитра и древесный уголь, смешанные в пропорции «фифти — фифти» — туда же. На одну чугунную конфорку поставила ведро с водой, на другую кастрюлю. Третья — пустая. Знаешь, какие на старых печках конфорки? Точно, наборные из литых колец, не при их Властелине будет помянуто.

Так вот, Колечки разлетелись, подобно ступеням ракеты, отделяясь в предписанный законами физики момент времени. Хорошо, что ведро стартовало несколько менее удачно, чем позволила б себе легкомысленная алюминиевая кастрюля на её месте. Та бы точно подпрыгнула до потолка. Ну, а ведро всего только опрокинулось, вода пролилась... иначе б пожара не миновать...

Однако выволочкой дома дело не ограничилось. Тут ещё дама одна **класная** нравоучительно пальчиком сделала книксен вокруг моего

носа... и участковый смастерил пару намёков, что, дескать, поставит меня вскорости на учёт в детской комнате нашей родной милиции...

Кибальчич, как я помню, в тюрьме свою ракету проектировал. А я хоть и на свободе, хоть и не ракету... но пострадал ничуть не меньше, если соотнести степень наказания за содеянное сообразно возрасту. Я же малолетком был... да и царь к тому моменту уже не занимался депотизмом, «Народную волю» по стенке деревенской избы не размазывал.

¹ Герой (он же автор) истории имеет в виду КИБАЛЬЧИЧА, НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА (1853-1881) — изобретателя, автора первого русского проекта реактивного двигателя и летательного аппарата для полетов людей, социалиста-революционера, народовольца, умельца, изготавливающего бомбы для проведения террористических актов.

Глава 2. Гуси-лебеди

Однако, несмотря на свою техническую продвинутость, я очень долго верил в сказки...

Сравнилось мне тогда лет семь, пожалуй. Не то уже закончил первый класс, не то только собирался в школу идти. Горячее приволжское лето. Каникулы. Все мои старшие братья-сёстры с утра пораньше на речку убегают, кто рыбалить, а кто и просто без особой цели: искупаться, поваляться на горячем песочке, покурить втихаря в кустах — как бы взрослые не увидели.

Старшие меня обычно не будили, чтоб потом ответственности за малое не нести. Никому же из нормальных пацанов не понравится с мелюзгой целый день возиться, а не заниматься нормальными мальчишескими делами.

Просыпался я, как придётся, быстро съедал, что мать на столе оставляла: кашу на разбавленном молоке или пару яиц варёных и чай. Особо не разъешься — бедно жили, но мне тогда и не хотелось особо тратить время на ерунду, когда вокруг масса интересных дел. Не хлебом единым!

После нехитрого завтрака выбегал я на улицу и отправлялся искать соседских пацанов — моих ровесников. Место встречи изменить было нельзя уже и в те неправдоподобно далёкие времена. Собирались на пруду у кривой берёзы и строили планы на день: к кому в огород забраться — гороху надрать или малины; во что играть — в ножички,

расшибалочки, «штандара-мёртвого», лапту или в партизан; куда пойти — в лес или на речку.

В тот июльский день я точно так же, как обычно, бежал вприпрыжку по тропинке, ведущей к пруду. Вот уже и к самой воде спустился. Смотрю, а там гуси гуляют с окрестных дворов. И что самое для меня интересное, несколько маленьких гусят. Видно, недавно вылупились. Ну, я немедленно схватил прутик и к ним. Поиграть с юным поколением животных и птиц для детей вполне естественно.

Но тут всё гусиное семейство обернулось ко мне, распахнуло крылья и принялось судачить своим шипящим языком... Ш-ш-ш-матри, малыш-ш-ш-иш-ш-шка... наших деточек ш-ш-штукнуть хош-ш-шет. Так мне представлялась их птичья реакция, интерпретированная моим детским сознанием. А что, спрашивается, могло возникнуть в мозгу пацана, всё ещё верящего в волшебные превращения и сказочные обстоятельства?

В общем, сначала на меня шипела вся пернатая стая, а потом группа из трёх-четырёх гусей во главе с самым большим тёмно-серым вожаком кинулись в мою сторону с ужасающим гогогом.

Я немедленно сделал правильные выводы и пахучий от избытка нахлынувших чувств вылетел пулей на тропинку. А гуси не отстают. Крыльями себе бежать помогают и не скрывают агрессивных намерений. Тут бы мне свернуть в рожицу, гуси тогда б наверняка бросили преследование, а я вот не догадался... и не по малолетству, а от страха, под воздействием которого ноги меня несли со скоростью вылетевшего из-под сапога гренадёра шелудивого котёнка.

А тут ещё одно жуткое обстоятельство: гуси, выбравшись на ровное место, принялись взлетать. Прямо вот так: приподнялись на лапах, подпрыгнули, зашипели и полетели. Тут уж моей ужас перешёл в неуправляемую стадию: мешал думать и принимать сколь-нибудь адекватные решения. И до сего момента был напуган, а когда летящих преследователей увидел, и вовсе мне крышу гусиными крыльями смахнуло. Оглядываюсь... самые настоящие гуси-лебеди. Будто в сказке. Заслонили солнце. Шипят нагло и угрожающе: «Не уйдёш-ш-шшшш! Не спрычеш-ш-ш-ся! Шшша-лиш-ш-ш-шшшш».

Затылком чувствую воздушные потоки, которые они во время своего полёта поднимают. Вот-вот унесут к Бабе-Яге в логово — на свайном фундаменте из куриных ног. Жутко сделалось так — словами не передать. Ощущение того давешнего ужаса до сих пор помню отчётливо.

Долго меня гуси по дороге гнали. Пока не свернул я на обочину. Нет, не догадался — не в состоянии оказался ситуацию проанализировать. Просто из сил выбился и упал в кусты. Ну, что сказать — текло с меня изо всех отверстий со страху в тот момент совершенно точно. Сначала только слегка обмочился, но когда себе Бабу-Ягу представил и полёт к ней, то тут уже прорвало плотину по полной. Я и сейчас высоты боюсь, свыше метра — к Ихтиандру за справкой обращаюсь, ну, блюю, стало быть, а тогда-то и подавно... Никогда в дальнейшем за всю свою жизнь подобного унижения не испытывал.

Эни меня дома больше часа потом успокаивала да отмывала дегтярным мылом, покуда в себя не пришёл. Впрочем, ещё какое-то время ходил с опаской, огибая злополучное место, где подвергся воздушному налёту в сказочном варианте.

Однако через месяц отомстил я гусям-обидчикам за пережитый позор. Из рогатки каменюкой жожака приласкал из кустов, когда он в пруду по зеленоватой от ряски воде скользил, будто белый теплоход по синю морю. С первого раза попал, веришь-нет. Шея сразу набок, глаз закрылся, а гусь — знай себе, плавает, словно бы в тире парка культуры и отдыха. Только там мишень вся разом опрокидывается, а здесь — исключительно голова: висит себе, словно на живую нитку пришитая.

И так мне гуся вдруг жалко стало, что я сразу заревел белугой, рогатку бросил и домой побежал. К вечеру, правда, успокоился, но тут соседи пригласили родителей на гусятинку в честь какого-то семейного праздника, и я снова впал в состояние вселенской несправедливости. За что? Почему именно я столь примитивно и подло расправился с жожаком?

Иногда этот убиенный и съеденный гусь является ко мне во сне, и я буду нимало не удивлён, если на Страшном Суде сей роковой выстрел из рогатки закроет передо мной райские врата, где так и не дождутся меня прекрасные гетеры.

Глава 3. Дунькина радость

Но бывали и сладкие дни...

Мама, эни — на татарском, относилась очень строго к нам — восьми своим детям, невзирая на возраст. Наверное, даже не от того, что любила нас мало, просто жизнь была суровой и скудной и потому, как мне представляется, она готовила нас заранее к трудностям взрослого бытия и их преодолению. Но иногда — правда, крайне редко — мама всё же баловала младших братьев и сестёр: конфеты покупала. Ну, да

какие, собственно, конфеты — подушечки «дунькина радость», обычно слипавшиеся в большой невразумительный комок.

Помню, сестра однажды увидела, что мама прячет кулёк с нехитрыми сладостями на голландке. Дело летом было, потому печку эту не топили. Место для нычки удобное: с высоты детского роста не разглядишь. Позвала меня сестра и говорит:

— Давай-ка, мы, Ислям, по конфетке достанем. Эни не заметит. Кулёк-то вон, какой, большой. Я б тебе и говорить не стала, потом бы угостила, да мне одной не суметь, высоко.

Провокация ей удалась. Много позже, когда прочитал я у Зоценко рождественский рассказ, где Лёля и Минька объедают угощение с праздничной ёлки, мне очень живо представился наш с сестрой поход за конфетами. Будто с нас Михаил Михайлович жизненную ситуацию скопировал.

Поставили мы две табуретки одну на другую. Сестра держит их, чтобы не упали, а я лезу, словно бы монтажник, на самую верхотуру. Вниз стараюсь не смотреть. Для меня ж высота — первый враг. А тут ещё фантазия разыгралась — вот тебе раз!

Пацаны из старших классов рассказали. Посреди Пизы, город такой в Италии, стоит башня. И наклонено сие сооружение столь чудесным образом, дабы туристов заманивать. Наверху у башни есть смотровая площадка, откуда хорошо обозревать итальянские окрестности бывшей Древнеримской империи.

И тут в моём богатом воображении мальчика, недавно изучившего в школе античный мир горделивых латинян, вырисовывается довольно странная картина: будто туристы гуськом карабкаются на изрядно покосившуюся башню, а потом опадают с самого верха, как спелые груши на сильном ветру. Да, ребята, *пизануться* с наклонённой башни, судя по всему, не такое уж и приятное занятие.

Стараюсь об итальянском городе с чудным названием не думать, в руках себя держу. Вот уже и цель недалеко. Но чтобы конфеты нащупать, пришлось на цыпочки привставать. Тут, наверное, я сильно верхнюю табуретку качнул. Сестра не удержала падение «пизанской башни», я сверзнулся на пол, аки ангел, из рая изгнанный. Лежу, ору благим матом. Рядом сестра плачет — зашиб я её в полёте. А весь пол усеян «дунькиной радостью». Все обозреваемые окрестности в кристаллах сахарного песка. Казалось, вот оно счастье, хватай конфеты, да ешь. Но не до еды нам было. Эни вот-вот прийти из магазина должна. Некогда разлёживаться и себя жалеть. Постановвая и поохивая от полученных ушибов, смели мы всё рассыпанное добро в кучу веником. В ку-

лёк кое-как сложили и в тайник запихнули, практически — забросили: некогда в спешке правила гигиены соблюдать. Конфеты, разумеется, потеряли свою первозданную чистоту, но деваться-то некуда.

Что говоришь? А потом не ели? Как не ели? Ели, конечно, чтоб не заподозрили нас сестрой в намеренном злодействе. Хрустели песком, уже не сахарным, и ели. Только сестра всё возмущалась, с чего вдруг продавщица такой грязи дала... Но не очень настойчиво, иначе бы мама пошла в магазин и, кто знает, не открыла бы она тогда нашу тайну.

Что ты сказал? Тайное становится явным? Вот-вот, и я про то же.

Глава 4. Вам взлёт!

Но не всегда всё так удачно протекало, как в случае с конфетами. Иногда тайное и в самом деле становилось явным, и вот тогда...

Любил я с пацанами в футбол гонять между домами и огородами. Жил-то на окраине Димитровграда, там, где частный сектор силится оправиться от хрущёвских налогов на личное подворье. Но это сейчас пригород. А тогда, в моём детстве, наш посёлок ещё отдельно стоял, и в Мелекесс автобус рейсовый ходил. Что значит, что за Мелекесс? Димитровград до 1972-го года назывался данным именем.

Название, говоришь, странное. Не без того. Особенно, ежели задом наперёд прочитать... да, кроме того, на татарском языке для остроты понимания.

Собственно, город-то таким был долгое время, что напоминал своим видом глухую провинцию ненавистного самодержавия. Вместо тротуаров везде (кроме, пожалуй, центра) прохуdivшиеся дощатые панели. Асфальт на дорогах — огромная редкость, всё больше мостовая. Нет, не из брусчатки. Обычный бутовый камень раскрошенный. Летом пыль, весной и осенью грязная жижа. А зимы-то снежной и нет почти. Одним словом — полный Мелекесс. Сейчас, правда, намного лучше стало.

Но не о том речь веду, о футболе.

Основное поле для игры в нашем районе представляло собой в форме косоузую трапецию, немного вспученную в центре и по углам. Из чего можно заключить — мяч всегда стремился самопроизвольно укатиться в сторону каких-либо ворот, если не держать его в ногах. Со всех сторон наш импровизированный стадион ограничивался забором от соседских домов. Сбоку же поля имелся узенький проход, который выводил на улицу. Он также был сжат штaketинами забора. С виду де-

ревня деревней, а находилось-то данное «спортивное великолепие» практически в городской черте.

Играть на таком с позволения сказать стадионе можно, но крайне неудобно, поскольку мяч то и дело улетал в огород к соседям, и кому-то из игроков приходилось перелезать через забор. Хорошо, если никого из хозяев в это время не оказывалось дома, или — когда урожай уже находился в собранном виде, и никто из пацанов не мог нанести ему ущерб своими ногами. А иначе последствия подобного вояжа могли бы оказаться и не совсем весёлыми. Любить в ту далёкую пору соседских детей умели крепко, даже уши порой не выдерживали чрезмерной симпатии.

Впрочем, данное членовредительское обстоятельство не настолько сильно нас беспокоило. Ради игры и сохранения мяча на ботиночной шнуровке, купленного в складчину, можно вполне потерпеть физическое насилие и унижительные крики взрослых, словно б они сами никогда не были детьми и не носились по дворам с криками и улюлюканием. Да-а-а... что там говорить — приходилось сносить и не такое, не зря же нам с самого раннего возраста внушали, мол, советский человек после первой не закусывает, как бы тяжело ему ни приходилось.

Однако имелся ещё один фактор, неизбежно, влияющий непосредственно на игру, который портил всё. В одном из углов поля нагло расположился деревянный домик, подобных сейчас уже почти и не найдёшь на дачных участках народонаселения страны. Нынче всё иначе, по-европейски. А тогда — патриархально, с рубленным сердечком на дверях неказистого клозета.

И вот этот самый клозет сильно нам, футболистам, мешал, поскольку занимал значительную площадь на взгорке, как раз на том самом пятачке, где было удобно поставить ворота, вместо того чтобы притуплять их в низинке; там благоухала сероводородом гнусная сырость и произрастал рогоз — растение-мечта для каждого мальчишки среднего возраста. Из его, рогоза, стебля можно плести корзины, делать прочные верёвки, а молодые корни употреблять в пищу. При случае расскажу тебе, как мы с пацанами пекли на костре лепёшки из муки, полученной путём толчения корня рогоза, но история нынешняя не о том, потому наберись терпения и приготовься записать эксклюзивный рецепт в недалёком будущем.

Вернёмся к культовому сооружению, однако.

Туалет был, собственно говоря, ничей. Когда-то давно его построил кто-то из проживающих на улице граждан, что называется, на нейтральной территории для общего пользования. Им, вообще-то, и поль-

зовались, но достаточно редко, поскольку благосостояние советского народа выросло до таких фантастических высот, когда каждая семья могла себе позволить индивидуальный домик для «отправления известных потребностей отхожего свойства» (спасибо Ю.М. Лужкову за подавленное выражение). В связи с этим раз в два-три года полагалось вызывать ассенизаторскую машину для чистки «авгиевых конюшен».

Ты говоришь, что городской столичный голова никогда не употреблял термин «отхожего свойства», а только что-то про аммиачную направленность в подъездах рассказывал с высокой трибуны? Хорошо, соглашусь с тобой... и не соглашусь. В деталях ты, безусловно, прав. Но, в общем и целом... отнюдь! Однако не станем отвлекаться на мелочи.

Так или иначе, в чью-то бесшабашную голову, не исключаю, что и мой разум, угнетённый разного рода домашними проблемами (в многодетной семье не всегда младшего жалеют все без исключения ассоциированные члены клана, скорее, наоборот) пришла одна замечательная идея, каким образом расширить границы игрового пространства без особых усилий.

Ой, чуть не раскололся раньше времени.

Так...

...ВОТ...

Решили мы, местная пацанва, склонить взрослых к добровольному акту коллективного трудового подвига. Не понял, ещё? Ну, раз они, взрослые, никак не хотят убрать старый туалет, раз уж он им не мешает, то необходимо сделать так, чтобы помешал, встав, как говорится, поперёк горла. Не мытьём, так катаньем: пусть туалет станет теперь помехой.

Тьфу, опять чуть не проговорился, не добравшись до самого главного.

А какая может быть причина, чтобы убрать сортир с нейтральной территории? Правильно, переполненность выгребной ямы, не приглашать же ассенизаторов на чистку **не принадлежащего никому** туалета, в самом деле. За чей, позвольте узнать, счёт? Жили же, сам знаешь, тогда небогато. Вряд ли бы кто-то захотел благотворительностью заняться, если, конечно, провокатором не выступает сама великая держава, склоняя к покупке облигаций, во избежание скачка цен.

Но я отвлёкся. На чём остановились-то? Ага, чтобы взрослые добровольно убрали сортир с нашего футбольного поля, нужно... что? Ты умный, я знал. Верно, переполнить подземные закрома. А как это сделать, если до краёв ещё очень и очень неблизко. Так нам разведка до-

ложила. А ей можно было доверять, поскольку она фонариком с тремя сменными цветными стёклышками (атрибут пехотного офицера или геолога того времени) осветила ароматные внутренности общественного места. Осветила в стиле «Прожектора перестройки» задолго до выхода в эфир первого выпуска данной программы.

Итак, как говорится, краёв не видать. А время-то идёт, а мы же взрослеем. Скоро и в футбол играть не захочется. И что нам тогда прикажете делать с лозунгом товарища Сталина про счастливое детство?

С другой стороны, какие действия могут предпринять с десяток мальчишек от семи до двенадцати лет для ускорения процесса и быстрого достижения своей цели? Что ты говоришь? Мы **про это** тоже сразу подумали, но после того, как целую неделю, позабыв домашний очаг, ходили задумчиво скорбеть в место общественное, поняли, ничего наша затея не стоит. То ли оттого, что калорийность питания в те времена не была такой изрядной, то ли аппетит у пацанов оказался неважным, только прибылей особых в «подземных кладовых» мы не добились.

Между тем, и родители волноваться начали, с какого перепугу их возлюбленные чада перестали «по большому» **дома** ходить — не болезнь ли какая, не эпидемия ли? Согласись, если бы они встретились друг с другом (я родителей имею в виду) и поговорили, легко б нашу хитроумную комбинацию выбили потом из самой нестойкой задницы при помощи ремня, а лучше всего — крапивы.

Определённо, назрела смена стратегии, как подумал бы маршал Даву, переходя с жареных каплунов на мороженую конину с обочины старушки-истории где-нибудь на старой Смоленской дороге.

И что?

Мы соображали недолго. Озарение пришло в одночасье. И опять не берусь утверждать, дескать, мысль сия пришла не ко мне в голову, а кому-то другому. Итак, мальчишеское воображение и кое-какой житейский опыт позволили нам сделать нужный вывод. И вот в чём он заключался: если мы сами не в силах решить поставленную задачу, необходимо подключить тех, кто бы действовал без нашего на то провокационного участия, то есть — по собственной воле. А ещё лучше, чтоб силы природных катаклизмов словно бы сами собой подвигли взрослых на определённые действия. Идея понятна?

Ага, только кажется вам, батенька, будто не может детский ум подростков хрущёвской закалки родить нечто такое, отчего все половозрелые жители в округе кинутся убирать никому не мешающий туалет в

стиле «улада на пленэре»? А вот — может. Может, уверяю почтеннейшую публику!

И что же мы придумали? Сейчас расскажу.

Целую неделю наша компания вела себя дома подозрительно образцово. Думаю, ты правильно всё понял. Действительно, зачем заранее привлекать внимание к действиям, за которые вряд ли кто похвалит, раскройся наши планы по чьей-то злой воле, либо по недомыслию. Что-что? А ты думаешь, достать дрожжи в то полугодное время пацанам с окраины маленького волжского городка было просто?

Собирали этот катализатор нашей операции понемногу: в меру сил, возможностей и плутовских способностей. Сам понимаешь, приходилось же из-под носа не всегда беспечных родителей тащить стратегический продукт. Ну, да... Как же! Откуда мы могли знать, сколько самодельных газетных пакетиков с дрожжами поможет нам в решении общественной футбольной проблемы? Чем больше, тем лучше — сами так для себя определили, не мудрствуя лукаво.

А-а-а... ты всё же не совсем понял, что мы задумали? Поясняю, как говорится, для тех, кто в штольнях. Взбодрённые дрожжевым брожением продукты человеческой жизнедеятельности, по нашим понятиям, должны были слегка подняться и создать эффект переполнения стека (если пользоваться компьютерной терминологией), в окрестностях футбольного поля. Судя по всему, такой момент истины просто не мог не разбудить, если уж не Герцена, то царя Авгия и всех соседей непременно.

И ведь разбудил... и ещё как!

Но не стану сам себе дорогу перебегать. Каждому овощу свой Мичурин. Каждому Мичурину свой шесток...

Дрожжи по крупичкам собирали в большой пакет из газеты, в какой в те незлопамятные времена любили заворачивать атлантическую малосольную сельдь, пряники, сухари и сушки. Прошла неделя, и тут мы поняли, уже пора. Внезапно. Интуитивно. Поняли! Критическая масса достигнута. Полураспад гуаноидных отходов жаждал возгонки. Процесс просто обязан начаться и возбурлить. Причём нельзя было медлить, ибо родители вот-вот могли обнаружить недостачу, и тогда — полный кирдык... ховайся... глына... мертвы пчелы не гудуть...

У мамы моей, я уже говорил как-то, рука тяжёлая, ей не коня, слона на скаку... А расплатать мою задницу по лавке для неё — так это вообще полный замечательный презент, вроде новогоднего. Для поднятия жизненного тонуса. И как же тут не поторопиться, спрашиваю?

Собрались мы всем своим коллективом с самого утра, скинулись по очередной порции дрожжей, уже последней, и направили стопы в квадрат «икс», где общественный туалет старославянской вязью старался помешать проникновению прогрессивных футбольных веяний на территории, неподалёку от которой родился великий космополит прошлого века по фамилии Ульянов.

Пересыпать содержимое пакета в стиле «расцвет социализма» в скворечный вход деревянного сортира труда не составило. Оставалось затаиться в кустах и ожидать результата, не привлекая к себе внимания взрослых.

День выдался тёплый, двери в туалет закрывались плотно. Не было особых сомнений, что затея наша по очистке футбольного поля от ритуального здания общечеловеческого культа удастся в полной мере. Стояли, сбившись в кучу, как, наверное, стоят конструкторы, отправляющие в полёт своих питомцев где-нибудь на Байконуре. И точно, теперь только сообразил, деревянное строение напоминало своей слегка покосившейся в сторону неизведанной Вселенной устремлённостью какой-то космический аппарат внеземной формы. Ключ на старт!

А на стартовом поле поддымливало и подванивало. Но мы близко подходить не спешили, ожидая, когда пойдёт через верх, издали. Кому это нужно, чтобы попасть в число подозреваемых, если заметят лица непосвящённые? А угодишь в число подозреваемых, вовек не отмыться. В переносном, разумеется, смысле. О прямом его, смысла, толковании и думать не хотелось.

И вот свершилось. Мы все к тому времени уже домой пообедать успели сбегать. Мимо тёти Вали и дяди Гриши, неспешно окучивающих картошку у себя на огороде, как раз напротив стартовой площадки гуаноносителя «Засланец-1». Внимания на нас взрослые не обращали, только изредка поводили по сторонам взволнованными ноздрями, и что-то говорили о народных приметах. Дескать, если дерьмом пахнет — точно к дождю. А на небе-то ни облачка. Как сейчас говорит молодёжь, солнце жгло не по-детски. Им бы барометр — дяде Грише с тётей Валеи...

Ах, да, перехожу к развязке. Знаешь, когда Томас Эдисон сделал первую запись на фонограф про овечку Долли, он даже представить себе не мог, как задолбает всё население планеты другая Долли, исполняющая финскую полечку со всевозможных носителей, главным образом, с мобильных телефонов. Вот так и мы не могли предположить, как феерически закончится наша затея с дрожжами.

Ах, не Долли, а Мэри, и не овечка, а баран? Больно грамотный, что ли, капитан запаса Иванов? А полька-то всё равно задолбала². Или станешь оппонировать?

Говоря коротко, дерьмо взшло почище всякого теста. Хоть пироги пеки! Мало этого: образовавшиеся в процессе возбуждения газы скопились под деревянной конструкцией «места гнездования» и сорвали верхнюю, видимую часть фекального айсберга с мёртвой точки. Сам же понимаешь, настоящего фундамента у таких произведений архитектуры обычно никто никогда не проектировал. А ещё соприкосновение с сырой землёй снаружи и со стороны выгребной ямы (с сырыми отходами человеческой жизнедеятельности) делали конструкцию стен окружения непрочной, вызывали гниение досок. Вот и получается, усилий для отрыва верхней и нижней частей сортира, много не требуется.

Так или иначе, вскоре наш ракетоноситель, подрагивая в жарком летнем мареве вонючими боками, приподнялся над землёй, как тогда показалось, произвёл отделение нижней, загруженной выше номинала ступени и заскользил под горку, скрежеща ломаемыми досками, вырываемыми с корнем гвоздями, оставляя за собой жалкие фекальные следы жутко неприятного оттенка.

Мы и ахнуть не успели, как аппарат неземного применения «Фекал-2» вторгся на территорию огорода дяди Гриши и тётки Вали, предварительно выломав не слишком монументальный забор. Если бы ты слышал, насколько изящные загогулистые речевые конструкции умеет выстраивать дядя Гриша, измазавшись в дерьме. Это сказка! Необузданный полёт фантазии шкипера, на ногу которого опустили трёхтонный якорь! Сказки Шахерезады! Разглагольствования учёного Лукоморского кота в нетрезвом состоянии духа! Проверка бойцами ОМОН самого бандитского казино в пределах Большого Кавказского кольца столицы! Песня смерча, срывающего крыши не только со зданий!

Но мы с ребятами не стали наслаждаться обличительными руладами димитровградского соловья, местами, разбойника. Все быстренько разбежаться по домам. Успели, правда, заметить, как на месте старта безобразно бурлит пузырями отвратительная бурая жижа с устойчивыми ароматами цивилизации.

Тётя Валя дядю Гришу не поддержала, просто блажила, что вот уж она заставит «этих засранцев» уважать чужой труд. Она, мол, и в милицию... и родителям, и в школу, и в Политбюро... Как она догадалась о нашем участии в «природном катаклизме» — бог весть.

Однако ж, не зря говорят в народе, дескать, ОНО обязательно всплывёт. Как в тот раз меня мама охаживала бельевой верёвкой, никогда не забуду. Лучше бы я сразу родился взрослым.

Забор дяде Грише помог мой батя поправить, а нелегально проникший на его территорию домик он, дядя Гриша, присовокупил к своей личной (не дай бог, не частной!) собственности в качестве боевого трофея, разобрал на доски и затем использовал для починки курятника. Только зря он так сделал. Яйца с той поры у них с тётей Валею никто из местных не покупал. Брезговали.

А яму от сортира взрослые, конечно, засыпали, и теперь мы могли играть в футболе без опасения, что мяч угодит в раскрытую ветром дверь незатейливого деревянного строения с кокетливым скособоченным сердечком, вырубленным на уровне глаз присевшего на насест человека.

² Салеев имеет в виду мелодию финской польки, ставшей невероятно популярной в интернете и распространяемой в качестве рингтонов мобильных гаджетов операторами сотовой связи в начале 21-го века.

Глава 5. Черемшан

Да-а-а, не мытьём, так каѣтаньем. Воистину. Добились своего. Значит, с футболом всё наладилось. Но игрой в мяч наши мальчишеские интересы не ограничивались. Была же ещё и рыбалка...

Всё детство моё связано с речкой Черемшан. И летом, и зимой она под боком. Летом рыбу в ней ловим, зимой снег расчистим и на льду в хоккей гоняем. Ну, что ты, без коньков, конечно. Коньки, настоящие, комбинированные с ботинками, по тем временам — безумная роскошь. Правда, кроме того, имелись в закромах «двухполозки» — коньки, которые можно к валенкам привязать при помощи шнуровки. Но скользить на них по бугристому льду очень тяжело, можно лодыжки запросто повредить. Таким образом проходили наши хоккейные схватки с командами, обутыми, главным образом, в валенки.

Черемшан — звучит красиво. Не оттого ли, что по его берегам обильно растёт дикий чеснок — черемша? Или на то есть другие причины³?

Местные названия, вообще говоря, бывают иногда забавными. Вот, например, в Димитровграде уклею называют не уклеюйкой, как принято везде Волге и её притоках, а синтёпкой. И никто не знает, отчего такое загадочное и доброе заглавие у жирной рыбки-невелички.

А с ним, с этим названием, у меня почему-то всегда ассоциируется картинка из детства. Сидим мы на берегу и на простенькие снасти ту самую синтёпку тягаем. Завяленная, она столь прекрасна, что и словами не передать. Недавно, будучи на родине, наловил ведёрко, приготовил и в охотку десятка три рыбной мелочи уговорил разом. В одно лицо. Вкус — тот самый, из детства.

Река Черемшан неподалёку от города протекает, огибая его полу-петлёй. Местами маленькая, узка — впору пешком перейти, но кое-где и вполне себе — водная артерия: вброд не переправишься.

Помню: мостик деревянный. Мы с пацанами недавно закончили девятый класс. Каникулы. Рыбалка. Прикорм и всё такое. Выпили малость для куража — что за рыбалка всухую? Рыбалка без спиртного — рядовое мероприятие, а с водкой — деяние культурное. Но на водку обменять складчину для школьных завтраков никогда не получалось. Как правило, не хватало терпения накопить на поллитровку, а на «мерзавчик» размениваться — себя не уважать. Потому и винная карта была у нас особая.

Что пили? Бормотень какую-то, в самый раз плинтуса красить. Да уж на что денег хватало, мой милый... Не Рокфеллеры, чай...

Винище тогда у нас самодуром звали, на местной «гандонно-макаранной фабрике» разливали. Где-то его «слёзами Мичурина» нарекли, а у нас в Мелекессе иначе. «Хрушовкой» эту мерзость величать изволили — что-то между Хрущёвым и грушей. Дивный букет! Но ничего, пацаны пили и не жаловались. И выросли большие и местами красивые. Там, где молью не побило, и кукурузу вопреки природе не культивировали.

Как сейчас помню, на полуострове Баянда' тогда промышляли. Место в те времена считалось почти диким. Можно и рыбы наловить, и ягод набрать. Главным образом — ежевику.

О чём бишь я? Ах, да... О рыбалке.

Ага, расселись на берегу, значит, рыбалим. Поплавки у всех замерли, будто приклеенные.

На другом берегу стоит дед, седой и тощий, словно сучок на высохшей берёзе. У деда язи, а у нас хрен, да малявки в этой связи. Ни одной синтёпки тебе для полноты рыбацких ощущений. На что ловите, дедуня, спрашиваем? А рыбак вдруг ни с того ни с сего на нас окрысился, точно мы у него рыбу уводим, а не он у нас, и говорит со злой ухмылкой:

— На гимно жёванное ловлю, унучки. На гимно...

И хихикает так гадко, что аж не по себе от неприязни. Но мы сдерживаемся — дети советские, хоть и на улице воспитанные.

Может, и нам, дескать, нажуёте, спрашиваем? Вежливо, на «вы», а не то, чтобы там без уважения. Тогда взрослых уважали изо всех сил. Однако дед осерчал, цыкнул зубом, сделал руками какие-то факирские пассы и скрылся в кустах. Перебрались мы немного выше по течению на другой берег, вышли на его месте. Хоть бы одна поклёвка. Представляешь? Мне тогда дедов фокус волшебством показался... Да и сейчас я, наверное, тоже бы удивился...

Люблю возвращаться на это место, когда приезжаю в отпуск на родину. Посидеть с удочкой здесь люблю. Не рыбачить, нет. Ни раза, ни единой рыбки на том берегу не поймал, будто заколдовал дедок тону на много лет вперёд. Закрыв силою мысли портал рыбацкой удачи, и — как отрезало. Не только я, но никто из моих знакомых там больше ничего не выудил. Видать, очень сильное заклятие обиды оказалось. Да мне, собственно, и не нужна добыча — сиречь улов. Мне бы вспомнить далёкое детство, помечтать чередом вдаль от суеты людской. Очень тому заколдованная тоня способствует.

И вот однажды...

...стою на берегу, словно в прошлое попал, где ещё пацанами в Черемшане рыбу ловили. Удочка в руках. Червяк на крючке. А за спиной жена, тёща и пацаны, сыновья, лужайку к пикнику готовят. Поначалу поплавок даже не пытался шелохнуться — обычное дело, впрочем! А тут так взяло, так поплавок притопило — мама дорогая! Чую, хороший лещ на крючок подсел. Неужели дедово заклятие снято?! И тут сзади крик — как серпом по граблям:

— Витёк!

Пытаюсь подсечь, веду к берегу... Кажется, взял что-то крупное, а сзади снова:

— Витёк! Ты с каких пор стал морду воротить?! Это же я, Бурый...

Сошёл лещ с крючка. Оборачиваюсь в гневе, а там мужик весёлый и симпатичный. Пьяный? Думаю, да... Посмотрел на меня и говорит:

— Хм...м... а со спины точно — Витёк!

У меня сразу вся злость испарилась. И теперь Верочка Ивановна, супружница моя, то есть, когда хочет подчеркнуть, что я иногда сильно увлекаюсь своим делом, не обращая внимания на происходящее вокруг, так и говорит:

— А со спины — точно Витёк!

Не женщина — пётя, Черемшан в юбке. Точно говорю. И это она ещё о моих пятнадцати тетрадях ничего не знает...

³ Слово **Черемшан** — болгарского происхождения. Джарамсан — луговая река, современное чувашское название Сарамсан (*диалект — Серемсен*) — луговая (*река*) от *сарам (серем)* — луг и аффикса —сан/-сен соответствует русскому аффиксу —ая.

Глава 6. Пятнадцать общих тетрадей

Но не только Черемшаном примечателен мой город Димитровград, Мелекесс — в девичестве. Из водных ресурсов, я имею в виду. Ещё и приток у этой речки наличествует, чуть крупнее ручья. А название у него и вовсе неприятзательное и вполне себе очевидное — Мелекесска.

Так вот, на ту Мелекесску бегал я совсем сопливым пацаном, чуть не каждый день. Уж если Черемшан сам по себе невелик, думаю, понимаешь, что Мелекесску и вовсе в некоторых местах перепрыгнуть можно. Уже не в переносном смысле. Потому родители спокойны были — ничего со мной не случится, даже если в воду сверзнусь. Там глубина — лягушке по пояс даже в самое дождливое лето.

Надежды родителей оправдывались с завидной регулярностью. Ничего-таки со мной не случилось за все годы детства. Один раз, правда, по дороге на рыбалку был сбит каким-то нетрезвым жителем, проезжающем мимо на мопеде. Но ничего, на лбу шишка, на локтях и коленях ссадины. Переживаемо. Это для меня легче обошлось, нежели для брата жены... когда он ещё пешком под стол ходил. Как, говоришь, его называть? Шурином? Верно, шуряк.

Тогда младшему брату Верочки Ивановны лет шесть или семь сравнялось. Помню, я в гостях сижу в доме у родителей будущей супруги, а он перед домом на трёхколёсном велике вышивает. На тротуаре, между прочим, а не на проезжей части. Я за этой картиной в раскрытое окно наблюдаю. Вот тут-то его, шуряка моего (почти без пяти минут родственника, поскольку Верочка Ивановна уже сказала своё решительное «да», и дело оставалось за родительским благословением), сбил какой-то урод на мопеде. Представь себе — точно на таком же, как и меня в детстве.

Пацан полетел кубарем и коленом о бордюр (или, там, поребрик, если по-питерски) ударился. Орёт благим матом. Вижу, кровь льётся обильно. Ну, я — жопу в горсть — полетел на улицу. От рубахи рукав оторвал и ногу парню туго перетянул, чтоб кровотечение остановить. Чую, время дорого — покуда транспорт поймает, мальчишка сознание

потеряет или того хуже — о том лучше даже и не думать. Вот потому подхватил я шурыка на руки и к станции скорой помощи понёс. Благо — не очень далеко та располагалась. Метров триста-четыреста, если память не изменяет.

Оттуда нас на рентген отвезли, а следом — в травматологию. Шурина сразу на операционный стол, а меня за дверь выставили. Только прикрыли её не плотно. Потому слышу, как там внутри, эскулапы пацана развеселить пытаются, отвлечь и параллельно обезболивающий препарат в вену колют.

— Тебя папа привёз?

— Нет, Славка... Веркин жених.

— А Вера — это сестра?

— Ага, сеструха.

— Свадьба когда?

— А чё им свадьба, они уже и спят вместе. Одни родители пока не знают, а соседи уже болтают вовсю.

Вот вспомнилось чего-то. Наверное, оттого, что шурыка своего недавно видел. Жив курилка, только до сих пор чуть прихрамывает — серьёзная травма колена у него тогда в детстве случилось.

Но опять меня не туда понесло. Совсем другое хотел рассказать. Что говоришь? Да-да, про рыбалку, да не совсем. Слушай, одним словом. Сам поймёшь.

Относительно ловли рыбы на удочку с берегов Мелекесски знал я всё почти: когда, в какой сезон года, при каких погодных условиях, что следует применять в качестве приманки для ловли рыбы, где она лучше клюёт в разное время суток, чем и когда нужно прикармливать (пусть кришнаиты успокоятся, не о карме в космическом смысле речь).

И вот — однажды летом...

Рыбалю на Мелекесске. Её в том месте переплюнуть можно, если через длинную трубку рогоза сушёным горохом.

На другом берегу тюрьма. Сейчас, даже номер скажу... ЮИ-78/Т. Нынче там особо опасные сидят, а во времена моего боевого детства всё обстояло проще — почти по-домашнему. Почему? Так режим был — не режим, а «шалай-валяй». Чуть не каждый день там местное начальство кого-то из обитателей камер выпускало порыбачить на удочку. Наверно, в качестве поощрения за примерное поведение и в виде прогулки.

Сбежать с этого пятачка практически невозможно, поскольку оформлено всё вроде санаторского пляжа — края высоким забором с

декоративной колючкой огорожены, а на вышке страшила стоит. Да не просто с «калашом», а с пулемётом на турели.

Если рвануть — только через водную преграду, но и тут не судьба, поскольку берег крутой и топкий — пока приступишь к форсированию, тут тебя пулей и срежет. Вероятно, именно так думало руководство спецучреждения, когда место для рыбалки подбирало. Сначала, видимо, для себя исключительно, но потом и заключённым позволять стали единение с природой посредством рыбной ловли. Думаю, не совсем бесплатно.

Подойти к означенной географической точке с противоположного берега тоже было не совсем просто. Кругом косогор, поросший густым кустарником — не очень-то и захочешь через него ломиться и ноги ломать, если специально не задаться целью.

Как я вышел на это место? Не знаю, не могу вспомнить. Либо сам пробрался по наитию, либо показал кто-то из старших. Только несколько пацанов знало, как напротив тюрьмы из диких кустов малинника вынырнуть, предварительно преодолев изгородь из колючей проволоки в трёхстах метрах от реки.

А, кстати. Вот ещё что вспомнил. Отец о нашей знаменитой Мелекесской тюрьме анекдот любил рассказывать, когда кто-то из родственников в гости заезжал. Анекдот такой.

Встречаются двое друзей — русский и татарин. Русский спрашивает:

— Как дела?

— Якши!

— Как семья?

— Якши!

— Слушай, Равиль, что-то я давно твоего сына не видел. Уехал куда-то?

— Нэт. Нэ эхал никуда. На турма пошёл!

— Крышу кроет?

— Нэт. Нутра'сидит!

А я-то не «нутра», снаружи. Мне ничего не страшно. Тем более, товарищ на вышке строгим взглядом окрестности обзрывает, будто богатырь земли русской Тугарина Змеёвича высматривает.

Ага, стою с удочкой. Одним глазом на поплавок, вторым — на страшилу в звании сержанта внутренних войск. Он на меня не кричит, не гонит, хотя и полагается. Оно и понятно: стоять на вышке скучно, а тут хоть какое-то развлечение — наблюдать за пацаном, который на другом берегу синтёпку тягает.

Часа полтора прошло, и тут заскрипела металлическая дверь, и на берегу оказался дядька — весь в наколках и с удилицем в руке. Босой, в тренировочных штанах «конец олимпийскому движению» с пузырями пиратских парусов на коленях и в майке неопределённо-уголовного цвета.

— Эй, кент, ты на какую наживку удишь? Поделись! — окликнул меня заключённый.

— А что вы мне дадите взамен? — буквально оборзев от собственной значимости, ответил я вопросом на вопрос.

— А это видел? — ээк достал откуда-то из закровов прямоугольный предмет коричневого цвета.

Смотрю, тетрадка. Общая. Школьная. Обычная с виду тетрадь.

В то время я от старших пацанов уже слышал, уголовники ТАКИЕ стихи пишут, что просто... просто... никакого учебника анатомии не нужно. Всё и без него понятно... в упоительных деталях и подробностях, даже...

— Дядь, а там что?

— Там, керя, самое оно! Никогда ты ничего подобного не видел, в натуре. Гы, а читать-то умеешь?

— У меня по чтению пятёрка! — обиделся я.

— Тогда лови!

Нимало не сомневаясь, кинул в обмен банку червей, выдержанных в анисовом чернозёме.

Открыл я тетрадь и тут же забыл, зачем к реке пришёл. Словно по голове обухом топора ударили. Читаю и краснею, покрываюсь горячим потом и прерывисто дышу. Народное творчество, блатной фольклор, чтоб ему.

«...так говорил он умирая,
упёршись хреном в потолок,
а сам рукой держал, играя,
свою подругу за сосок...»

И это самое скромное четверостишие из тех, что врезались в память. А ещё же и рисунки химическим карандашом, от которых сердце начинает биться в два раза быстрее. Ничего не скажешь, умеют зеки рисовать.

Очнулся я, только когда уголовник крикнул мне:

— Эй, шкет! Спасибо за червей! На хлебные мякиши тут ни хрена не ловится, хотя кум говорил, что, мол, в жор никакого спасу от синтёпки. Ты каждый день сюда приходишь?

— Да, почти.

— Тогда давай в пятницу в то же время подгребай. С наживкой. Банка червей — тетрадка на бочку. Я тебе ещё не такую маляву притараню. Но ты помелом, баклан, не сильно мети. Мусорню под беспредел не подставляй — мне-то ещё долго на киче рога мочить. Расход?

— Это как?

— Забились, говорю... Договорились, то есть.

— Ага!

— Ну, бывай, керя, до скорого. Отчаливаю. Крытка ждёт.

С этими словами мой компаньон по внезапно возникшему бизнесу собрал манатки, в том числе, десятка три рыбёшек, продетых жабрами сквозь ивовую ветку, и исчез в стене. Вероятно, где-то там имелась тяжёлая металлическая дверь. Но я её не видел, только слышал скрип давно не смазанных петель и глухое лязганье засова.

Вернувшись домой, тетрадь немедленно спрятал в сарае, чтоб родители и братья с сёстрами не обнаружили. Там она у меня и ночевала. А днём мы с пацанами картинки с ничем не прикрытой натурой в ней рассматривали и озорные стихи читали, сдобренные увесистой порцией нецензурных выражений.

А уж процессуально-криминальную версию поэмы «Евгений Онегин» у меня приходили штудировать всем классом. Но это уже по осени, когда учебный год начался. Ах, Пушкин, жаль, не дожил... А так бы точно посмеялся да позабавился над уморительными эвфемизмами — вроде следующего: «Татьяна утром рано встала, *з в е з д у* об лавку почесала и приготовилась сечь, как Бобик Жучку станет влечь».

Что с тем зеком, спрашиваешь? Он меня не подвёл. Правда, чаще потом с другими урками приходилось дело иметь в процессе обменных операций. Понятное дело, у осуждённых своя очередь на рыбацкий «курорт» имелась. Тут я на него не в обиде. Да и за что было обижаться, если за лето и начало осени удалось мне пятнадцать общих тетрадок накопить. Верить, нет? И когда только уголовнички успевали очередную порцию скабрёзностей написать, ума не приложу.

*

Салеев сделал паузу, а потом неожиданно спросил:

— А ты член с резьбой видел?

— Шутишь?

— Нет, у свинтуса точно — вроде винта. Сам в детстве наблюдал, как говорится, процесс. Впечатление такое... такое... Потрясение на всю жизнь!

— В детстве, говоришь. Хм. Впервые слышу, чтоб татарские семьи свиней держали.

— Нет, мы, конечно, не держали. Это у родителей моего школьного приятеля свиньи в хлеву имелись. Здесь ни о каком мусульманском запрете речи идти не могло. И ещё — у того самого друга-одноклассника Серёги жила собака, охотничья. Уши до земли, масть тёмно-рыжая. Кобелёк. Красивый пёс, лохматый. Утятник. Замечательный парень, но слишком уж сексуально озабоченный. Кличка — Плутон. Всю сухопутную живность во дворе с ума сводил своими недвусмысленными намерениями.

Не знаю, по какой уж причине, только единственно, кого не трогал сеттер по фамилии Плутон, это — уток. Петуха же гонял так, что гребешок и борода у последнего голубели прямо на глазах. Куры со смеха неслись, с социальной ответственностью передовиков социалистического соревнования, оплодотворённые собственным позитивным отношением к происходящему сексуальному насилию. Куры — одно слово. Мозгов-то днём с огнём... И добавить нечего.

Серёга ржал, будто заведённый, глядя на дворовой харассмент⁴ со стороны сеттера и увещевал бедного куриного султана назиданием:

— Видишь, Петюня, что значит находиться под постоянным давлением? А каково твоим курицам, брат — понимаешь теперь?

А если б у Сергея ко всем его прочим достоинствам оказалась ещё и хорошая память, то он бы непременно процитировал что-нибудь их пятнадцати «магических тетрадей из-за речки».

⁴ Харассментом обычно называют приставания и сексуальные домогательства, но в данном тексте рассказчик, равно, как и автор, хотят обратить внимание читателя на происхождение этого понятия. Термин «харассмент» — транслитерация английского слова *harassment*, которое, в свою очередь, происходит уже от французского слова начала XVII века. В те времена оно обозначало «натравить охотничью собаку на дичь».

Глава 7. Неру из волжских предместий

Своё прозвище «Неру» Равиль получил по имени знаменитого борца за независимость Индии Джавахарлала Неру, исповедующего ненасилственный приход к власти. Класса до восьмого парень учился с мо-

им брательником в одной школьной параллели. Потом ушёл куда-то в ПТУ, но поговаривали, будто бы Неру там долго не задержался — выгнали его за пропуски занятий.

С той поры Равиль предпочитал работать время от времени — по-дённо, разгружая машины вместе с мужиками на какой-то оптовой базе. Неру трудился лишь тогда, когда кончались деньги на самое необходимое. А требовалось ему не так и много: ел он чуть побольше воробья, что твой китаец в неурожайный год — «горсточка риса в горячей руке, цитатники Мао шелестят», портвешок пил дешёвый, а «травку» курил только ту, что доставалась ему в качестве комиссионных за распространение небольших партий этой самой «травки», в основном — среди учащихся ПТУ. Там клиентура самая надёжная, самая постоянная. Обычно при деньгах. Хоть и невелика стипендия, а всё же — свои личные деньги, не мамыны-папины, отчёта не требуют, как правило.

Одевался Неру эпатажно, особенно для нашего провинциального городка. Узкие брюки-дудочки канареечного цвета в крупную зелёную клетку, а из-под них всегда видны красные носки, заношенные до состояния перкали — они светились насквозь так, что можно было различить буйную растительность на лодыжках Равиля. Вероятно, другой подобной пары носков в гардеробе у Неру больше не имелось, и оттого они застирывались буквально до дыр.

Летом Неру ходил в ковбойке и жилетке с вытертой шёлковой грудью, явно с чужого плеча, а зимой — в обычной телогрейке.

Иногда брат затаскивал меня в гости к стилиаге Равилю. Тот жил вдвоём с матерью, которой всякий раз не оказывалось дома, когда к сыну кто-то приходил. И у Неру имелась своя, совершенно отдельная комната — большая редкость в то время. Там-то впервые я и узнал, что такое «джаз на костях» и проникся божественными звуками музыки Чака Берри, трубы Армстронга, голоса Эллы Фицджеральд.

А уж, какое было наслаждение копаться в старинных фолиантах с иллюстрациями, защищёнными бумагой, похожей на папиросную, не передать. Буквально — слов нет. Книги беспорядочно валялись у Неру по всей комнате, пизанясь кособокими стопками там и сям. Богатство это досталось ему от отца, уехавшего в столицу на заработки много лет назад, там и сгинувшего. Впрочем, Неру данное обстоятельство не очень угнетало. Он был фигурой самостоятельной, примером для подражания не только несоюзной молодёжи, но и самых активных комсомольцев. Последние, правда, привыкли скрывать свои истинные чувства. Такое царило время в стране, не мне тебе объяснять.

Мы, пацаны младшего школьного возраста, очень любили, когда Неру заглядывал в наши края на окраине Димитровграда, сам-то он жил где-то в центре. В эти судьбоносные дни старшие парни, уже подростки, разрешали нам покрутиться рядом с собой. Таково было обычное требование Неру к «свободным народам доброй воли». Особенно мне нравились визиты Равиля, если происходили они летом, когда огромной разношёрстной компанией «от мала до велика» отправлялись мы, как сейчас говорят, на пикник.

Уходили на пустынный берег Черемшана, купались, ловили рыбу и раков. А вечером пекли картошку на углях, старшие пили «портюшу», курили «травку», а мелким пацанам — ни-ни, исключительно чай или какао с коржиками. Только, разве что, дадут нам пару раз дёрнуть обычную беломорину — вот и весь неформат. Ты спрашиваешь, откуда бралось невероятное роскошество — какао и выпечка? Объясню. Если Неру недавно получал расчёт за погрузочно-разгрузочные работы, то обязательно всех угощал. Пацанов младшего возраста — в первую очередь.

И так мы могли сидеть на берегу почти до полуночи, покуда не приходили родители и не разгоняли восхитительный «жем-сейшн» при помощи ненормативной лексики и нормативного ремня из кожаного материала, который легко можно приобрести в любом галантерейном магазине, и никакая «Педагогическая поэма»⁵ близко не стояла!

Но пока нас не начинали загонять по домам, можно было полежать, глядя на звёзды и вести непринуждённый разговор о девчонках и о том, что скоро, буквально вот-вот, в город приедет специальная комиссия — с целью набрать здоровых и умных пацанов в космонавты.

Но самое интересное начиналось в тот момент, когда Неру брал гитару и как бы нехотя принимался исполнять композиции собственного сочинения. Песни те казались мне очень необычными, даже — шедевральными. Отдельные их фрагменты, а то и целые куплеты, помню до сих пор. Самая знаменитая из песен была ярко выраженным образчиком советского плакатного искусства. Миролюбивое прозвище Неру никак не соответствовало воинственному настрою отрывистого воя под гитару. Однако никто из его ровесников с уже полученным неполным средним, кто мог бы уличить Равиля в несоответствии имиджу лидера индусского народа, делать это не спешил.

Да, кстати, вот послушай. Куплет сей казался мне тогда, во времена моего детства, чем-то невообразимым, смелым, вдохновенным, предвестником новой, невероятной, сказочной... взрослой жизни. Чем-то никак не меньшим, чем полёт Гагарина. Оцени сам.

Ракета межконтинентальная,
лети в Америку, лети.
Многоступенчатая, дальняя.
Ракета, мать её етти!

И другая песня из репертуара Неру меня поразила. В ней угадывался некий девиз той свободе поведения, коей не встречалось практически нигде в реальной жизни, если в этом месте оказывались взрослые. Там, в обществе на свою беду выросших детей, вечные собрания, митинги, демонстрации. А здесь, в мире, воспетом красавчиком Равилем — вольный дух, товарищество, настоящее счастье. И Неру, хоть и не пацан уже, но не стал скучным, не превратился в запойного пролетария, вечно недовольного жизнью. Взрослый, но совершенно не вписывающийся в рамки уложений, которые в школе завуч обухом в наши тупые головы вколачивал с марксистской прямоотой и ленинским прищуром в глазах.

А ведь текст-то такой, в сущности, дурацкий и ёрнический.

Два дня мы похмелялись,
на третий день нажрались,
а на четвёртый — просто волком вой...

Интересно, когда-то эти слова казались мне картинкой из какой-то незнакомой и прекрасной жизни, ожидающей меня в будущем. Когда я уеду из родного города навсегда. Что ж, позднее случилось мне переживать нечто подобное, и даже не раз случилось, как ты понимаешь. Но никогда я не мог достичь того состояния лёгкой возвышенности, в которое впадал нетрезвый Неру, исполняющий свои пассажи на расстроенной гитаре.

Позднее, когда мне стукнуло лет, кажется, тринадцать, Неру куда-то пропал. Болтали, что его задержал пограничный наряд при попытке перехода «рубежей нашей великой Родины», а потом Равиля осудили на длительный срок. Но подтвердить или опровергнуть сомнительное известие никто не сумел. Вот так ушёл из моей жизни стилига Равиль по прозвищу Неру. Ушёл, но много доброго, иногда разумного и местами вечного оставил в душе впечатлительного парнишки, коим я тогда был — вне всякого сомнения.

Счастливая пора детства. Но настоящее счастье довелось мне испытать несколько позже — после окончания школы...

⁵ «Педагогическая поэма» — Широко известное во всём мире и наиболее значительное произведение советского педагога и писателя А. С. Макаренко. В нём содержится художественно-документальное описание создания в 1920 г. под Полтавой и руководства автором до середины 1928 г. Колонией им. Горького, где удалось весьма успешно возвращать в полноценную культурную и общественную жизнь несовершеннолетних беспризорников и правонарушителей на основе посильного общественно полезного труда.

Глава 8. Абсолютное счастье

Счастье, братцы, очень непонятная и непредсказуемая нематериальная субстанция; просто порой не знаешь, от какой малозначительной плесени оно вдруг расцветёт фейерверком сказочным, и индикатор состояния души так зашкалит в груди — того и гляди, в ангелы пойдешь с милым графским непротивлением. Да, нынче не то, что давеча в юности. Это тогда всякий раз по бабам тянуло, а сейчас всё больше — по пабам. Ты гляди-ка, прям, в рифму сложил. Тогда по бабам, а сейчас — по пабам. Забавно.

Ну, да что-то отвлёкся я от своего рассказа о достижении счастья по шкале позитивного абсолюта. С чего бы начать? История-то плёвенькая, а вот врезалась в подкорку, будто самое дорогое из случившегося когда-либо. Мне ведь, и впрямь, приходилось всяких мармеладов зарубежных ещё в застойные годы употреблять, и дам сладких любить с неременной взаимностью, и с друзьями-товарищами в разных приключениях участвовать. А поди ж ты, ничто так в память не запало, как тот случай — вполне рядовой и ординарный до самозабвения.

Начну-ка, я, пожалуй, издалёка, когда ещё мамонты кой-какие живы были, гарпун им в лохматый хобот. Я тогда совсем мелким для многих представлялся, не выше табуретки. Родился в большой татарской семье. Восемь человек детей, нас у папы с мамой росло-подрастало. Я — самый младший. Время тяжёлое, полуголодное. Каждый работник в семье на вес золота. А с меня что взять — ученик общеобразовательной школы, нахлебник, то есть. Много ли с меня толку, сами подумайте? Впрочем, вы уже сии обстоятельства, наверное, не раз от меня слышали.

Это сейчас в большинстве семей мамыши младшеньким поблажки делают, и всё вкусненьким порадовать стремятся. У нас в семье не так всё обстояло. Держали меня в чёрном теле. Из вкусного только сахар кусковой пробовал, которым меня отец угощал, когда эни, мама, то есть, по-татарски, не видела. Он всё по командировкам пропадал. Редко мне счастье выпадало сахарку отведать отцовского, оттого, навер-

ное, и сладок он был как-то по-особенному. А чаще исключительно на одной картошке сидел. Её, наверное, за всё детство съел вагона три. Ничуть не меньше! Так что сейчас смотреть на крахмалистые «голландские ягоды» не могу без содрогания.

Нет, мама тоже иногда нас с младшей сестрой баловала, изредка покупая дешёвые конфеты, но подобные случаи «неслыханной щедрости» случались настолько редко, что каждый из них отложился в памяти отдельным воспоминанием.

Но не о том речь.

История же про счастье, не забыли, думаю? Учился я в школе прилежно, и в один прекрасный день закончил её без посредственных оценок. Тут эни мне и говорит, дескать, довольно на шее у старших сидеть, пора самому в мир выходить и самостоятельно свою судьбу устраивать... Отец лишь покивал головой утвердительно. Жалко ему меня было, но с мамой спорить не стал. Что ж, у нас в классических татарских семьях не принято родителям перечить. Если сказано, мол, пора самому средства к существованию зарабатывать — так тому и быть. Собрали мне маленький баул с нехитрым скарбом, картошкой отварной, надоевшей до чёртиков; в путь-дорогу снарядили, и поехал я с батей в райцентр до железнодорожного вокзала на попутной «полutorке», мотались тогда ещё по нашим неухоженным дорогам горбатые полуфанерные монстры.

Из дома вышли затемно, в рань-прерань, чтоб мог я к обеду в областной город поспеть. В Ульяновск меня понесло — путь по железной дороге не близкий, а ещё на финише через Волгу перебраться нужно, на пригородном поезде. Батя мне руку на перроне пожал, дав напутствие, чтоб сразу работу искал с предоставлением жилья, наспех приобрёл суетливо, посадил в общий вагон и на работу к себе в правление помчался. А я смотрел ему вслед в окно и чуть не плакал — прощался, стало быть, с детством.

В областном городе мне и раньше бывать доводилось, но одному, без родителей или братьев — никогда. Вышел я на перрон, на привокзальную площадь перебрался. Огляделся. На столбе фонарном объявление висит, мол, на кирпичный завод «требуются». Не долго размышляя, я сразу туда, на завод, и отправился, и уже через полтора часа числился садчиком кирпича и получил жильё в общежитии.

Кто такой садчик кирпича? Это очень просто объяснить. В мои обязанности входило укладывать сухие кирпичи на поддон, чтобы потом их подать в печь на обжиг. То есть сажал я кирпич в печь, как деревенская баба чугулки, да пироги на противнях. Только для неё — дело

привычное, а мне тяжеловато с непривычки. Первые дни буквально с ног валился после смены. Но потом пообвык малёха и даже иногда стал в клуб заводской захаживать. Танцевать — не танцевал, смотрел больше, ума-разума набирался на предмет общения с женским полом.

В комнате общежитской, кроме меня, ещё четверо проживало, но они в основном ходили в вечерние и ночные смены, и видеть мне их доводилось редко, да, и то всё больше спящими. Одним словом, работал я садчиком уже целый месяц, когда всё ЭТО и случилось. Ну, то самое, что потрясло меня на всю жизнь. Словно бы контузило, честное слово не вру. Только не смейтесь, если повод покажется пустяковым.

Так вот, в тот день получил я первую в своей жизни зарплату. Когда в кассе подпись в ведомости изображал, отчего-то расчувствовался, чуть было не заплакал. Хорошо, в коридоре заводоуправления лампочка слабенькая висела, не заметил никто моих мокрых глаз.

Вы, наверное, слабо себе представляете, что такое для маленького татарского мальчика почувствовать экономическую свободу. Мне, семнадцатилетнему (!), заплатили самые настоящие деньги. И теперь я мог бы смотреть в лицо своей эни безо всякого стыда, поскольку уже не являюсь нахлебником. Также я мог выпить лимонаду, которого никогда раньше не пробовал, и — чёрт возьми! — даже кружку пива в кривобочной ларьке «Пиво-воды» рядом с заводской проходной.

А что особенного — я теперь уже не рядовой школяр-бездельник, а представитель класса-гегемона! С момента, когда поставил подпись в зарплатной ведомости против своей фамилии, имел право позволить себе буквально всё! Даже эклер в шоколадном одеяле с немислимо-белым, будто накрахмаленная сорочка отца, кремом внутри (я видел однажды, как чистенькая девочка откусывала от сказочного пирожного, демонстрируя миру его волшебные потроха), даже трёхлитровку маринованных огурцов, даже жестяную прохладную банку с атлантической сельдью, даже (страшно подумать!) бисквитный торт из кулинарии ресторана при единственной в городе (речь здесь идёт о Димитровграде начала 70-ых годов, *прим. автора*) гостинице. Мало того, после этого беззастенчивого кутежа у меня оставалось бы столько денег, чтобы прожить безбедно до следующей полочки (про аванс мне ещё не рассказали) и на оставшуюся сумму купить цветастый платок, увиденный пару дней назад в магазине возле вокзала — гостинец для эни.

С такими наполеоновскими планами я двигался от проходной в таинственном направлении, куда вела меня проказница Фортуна, всё не решаясь, на что же употребить своё несметное богатство. Незаметно для себя оказался в гастрономе, и не просто в гастрономе, а в конди-

терском отделе. А рядом ещё и бакалея! Можете себе представить чувства мальчика, который, кроме сахара, не пробовал никаких сладостей, не считая «дунькиной радости»? Можете?

Ах, уж эти ощущения пацана, угодившего в сказку, погружённого в чудесные ароматы тропических пряностей из пещеры Али Бабы: волшебное амбре имбиря перемешивалось здесь с еле уловимым ассорти из запахов корицы, ванили и гвоздики. А если учесть, что поверх всего этого благолепия струился кофейный дух, подобный дыханию одалисок, то вовсе не удивительно, что я чуть не падал в обморок от почти сладострастного чувства, исследуя кондитерские витрины и полки, забитые бакалейной продукцией.

И как знать, чем бы всё закончилось, если б в тот момент деловой магазинный грузчик не принёс в отдел три коробки с медовыми пряниками. Продавщица открыла одну из них и принялась выкладывать товар на витрине. Запах мёда с имбирём от свежайшей продукции так на меня подействовал, что я совсем потерял голову, когда говорил дрожащим голосом:

— Дайте, пожалуйста, три килограмма ... этих пряников...

Мне казалось, бдительная продавщица, сильно удивившись, откуда у пацана такие большие деньги, немедленно вызовет постового милиционера. Конечно, в конце концов, всё выяснится, но праздник будет испорчен.

А в жизни всё произошло более буднично и, вместе с тем — более прекрасно. Толстая дородная тётка, позёвывая, взвесила мне три пакета по килограмму, лениво отсчитала сдачу и пропела в звонкую пустоту закрывающегося магазина:

— Есть ещё кто-нибудь в отдел? Подходите.

Ура, меня приняли за настоящего полноценного покупателя!

Бережно прижимая к груди три свертка с пряниками, я проскочил мимо вахтёра в общежитии и поднялся к себе на третий этаж. Соседи по комнате были на смене, посему свидетелей моего кондитерского торжества не оказалось вовсе. Я вывалил пряники в единственную кастрюлю из имеющейся в наличии посуды, куда могла поместиться вся моя добыча целиком. Получилось с горкой. После этого оставалось вернуть на кухню и поставил на огонь чайник. А пока тот не закипел — в умывальник. Тщательно и не спеша отмыть руки от сажи и присохшей глины хозяйственным мылом, чтоб не изойти слюной в предвкушении волшебного пира в честь первой зарплаты.

Вода в чайнике, будто дразнила меня, всё никак не желала закипать, а я нервно мерил шагами кухню, не решаясь вернуться в комнату,

где медовые пряники зывали к их немедленному употреблению. Но мне казалось кощунственным — жрать пряники всухомятку. Это всё равно, что на неподкованной лошади ездить. Наконец, чайник вскипел. Я покрасил кипятком в пол-литровой «сиротской» кружке слабыми разводами утренней заварки и заспешил в комнату.

Первые два пряника съел, практически не разжевывая, наслаждаясь непередаваемым ощущением деликатесного насыщения. Потом остановил себя и начал поглощение степенным манером, то есть, запивая чаем. Так, наверное, всякие английские лорды проводят свои аристократические завтраки где-нибудь в предместье Шеффилда за старинным фамильным столом. О, это воображение!

Когда кружка опустела, пряников ещё оставалось изрядно. С некоторым усилием, подволакивая надувающийся Первомайским шариком живот, я снова прибыл на кухню. Под вторую кружку остатки пряничных россыпей таяли, но уже не слишком быстро, не со скоростью фирменного поезда, а скорее — почтово-багажного, кланяющегося каждому телеграфному столбу.

Всякий очередной пряник, попадающий в сферу моих гастрономических интересов, вызывал у меня чувства родственные, исполненные благодарности за доставленное наслаждение. Я относился к медовым кругляшам, словно к младшим братьям; их необходимо спасти от многочисленных врагов, затаившихся в вечерней смене. А спастись они могли только лишь в моём желудке. Другой путь мне был абсолютно неведом.

И вот свершилось — все ароматные коврижки спасены, чай выпит, а я лежу на панцирной сетке кровати с руками, безвольно вытянутыми вдоль огромного, как у богатыря Святогора, тела. Со стороны, наверное, я своим видом напоминал Серого Волка из сказки про Красную Шапочку, который уже полакомился и бабушкой, и внучкой, и с лёгким сердцем ожидал прихода охотников, дабы разом покончить с серым, несурзным существованием.

Только я отличался от волка тем, что охотники мне не могли угрожать. Эта простая мысль вселяла в меня покой и тихую радость. Шевелиться не просматривалось никакого желания. Тут же прикрыл веки и погрузился в сытую полудрёму. Мне даже привиделся некий господин в исподнем, принятого мною за Господа. Он улыбался редкозубой улыбкой, гладил меня по голове и говорил добрые слова ласковым тоном. Тут мою голову и посетила одна замечательная мысль: «**Вот это есть самое настоящее счастье!**» И, что греха таить — думаю так и поныне. То состояние полного и абсолютного умиротворения мне не дово-

дилось почувствовать никогда больше. А видел и испытал я всякого, можете мне поверить. К Чехову не ходи!

Глава 9. Татарский Хэллоуин или страшная месть

— Как ты относишься к религии, имя которой носишь? — спросил я Славку Салеева, имея в виду, конечно же, не адаптированное для повседневности имя, а первоисточник, висанный в метрику, зафиксировавшую факт появления на свет моего друга... давно тому назад. И в документе вышеназванном написано — Ислам.

Салеев хитро улыбнулся сквозь амбразуру своих внешних очков (в процессе особо точной пайки электронных изделий Славка надевает сразу обе пары) и ответил следующим образом:

— Слушай меня сюда, мой махонький птенчик. Пострадал я на религиозной почве... Ещё в детстве. И этот случай близко свёл меня с одним замечательным человеком, одним из двух взрослых, оказавших на моё мировоззрение самое сильное влияние. После отца, конечно.

Что говоришь? Тебе историю подавай? Хорошо, слушай сюда, маленький любопытный друг. Поведаю тебе не одну, а целых две истории о людях, благодаря которым я стал тем, кем стал. А уж тебе судить — получилось ли из меня что-то путное.

Начну в хронологическом порядке.

В те времена, когда я учился в школе, летом перед многими родителями в многодетных семьях вставала одна и та же не всегда просто решаемая проблема — куда отправить на отдых порядком уставших за учебный год школяров. На всех-то пионерских лагерей не хватало, и брали туда за особые заслуги в учёбе, спорте, общественной работе или по благу. А если возрастом в пионеры не вышел, то и вовсе о лагере не мечтай. И куда бедному ребёнку на каникулы податься прикажете? Хорошо, если есть родственники где-нибудь подальше от пыльного города, поближе к природе с дикими малинниками и земляничными полянами, которые и Бергману не снились.

Мне, можно сказать, повезло. У моей мамы была сестра. Жила она совсем недалеко от Мелекесса — в незагаженной промышленными отходами местности. Часа полтора-два на автобусе ехать до той татарской деревни, уютно возникающей в стекле ПАЗика среди буйной зелени. Ты точно угадал. Меня, как самого младшего в семье, в пионерский лагерь летом не отправляли. А ездил я к тётке, начиная с первого класса. Сам добирался. Да, собственно, что там добираться-то... На ав-

тостанции отец сажал в автобус, а дорогу от остановки до тёткиного дома я знал.

В тот год, когда произошли описываемые события, мне лет десять исполнилось. Это что получается? Точно, третий класс как раз закончил. Ещё год, и вот оно — начальное образование, можно сказать, в полном объёме. Взрослым себя ощущал, куда там иным-прочим!

От автобуса до тёткиного дома сам шёл. В руке чемоданчик фанерный, дерматином обшитый, знаешь, были такие: верно-верно, небольшой чемоданчик, не как у дембелей. В свой бы, дембельский, я и сам в школьном возрасте целиком влез... да ещё место для небольшой дворянки оставалось.

Ага, иду с чемоданом. На голове картуз, на ногах сандалии. Чувствую себя настоящим полярником, вернувшимся домой после опасной зимовки откуда-нибудь с арктических островов, где полно моржей и белых медведей, будто на фантике от шоколадных конфет; их мы с мальчишками любили рассматривать в продуктовом магазине. Конфеты лежали на витрине. Долго лежали. Их никто не брал — больно уж дорого. А мне и в голову не приходило помечтать, как бы я насладился шоколадом и вафельной начинкой (я тогда, впрочем, и не подозревал, что внутри конфеты могут быть ещё и вафли). Вот фантик — другое дело. Уж я бы точно нашёл ему применение... Но не сложилось. Когда хотелось, не вышло, а после уже и ни к чему. Так всегда в жизни: нечаянная радость приходит, когда её не ждёшь совсем, и не в коня корм...

В общем, не стану о детских мечтах тебе распространяться. Лучший рассказ продолжу.

Тётка встретила меня радушно, поставила на нехитрое довольствие, каким отличалась хрущёвская деревня, и отправила в люди — пообщаться с окружающим миром. В мире этом совсем не оказалось моих ровесников. Все пацаны года на четыре старше или на два-три младше. Девчонки-одногодки в той сельской местности, правда, имелись в наличии, но в тогдашнем моём возрасте — не тот контингент, с которым хочется водиться. Старшие сёстры дома настолько надоели, что ни о каких особах прекрасной половины человечества думать не хотелось. Так что пришлось мне решить для себя нелёгкую задачу: либо верховодить младшими мальчишками, либо пойти в адъютанты к старшим парням. Я на свою голову выбрал второй вариант, хотя поначалу эта дружба не предвещала ничего плохого.

Аккурат против тёткиного дома, через улицу и наискосок, стояло жилище Муси-бабая. Именно Муси', а не Мусы', как ты успел уже переиначить в своей голове, зашоренной традиционными заблуждениями.

Муся-бабай был маме каким-то тоже родственником, правда, на более жидком киселе, чем родная сестра, моя, стало быть, тётка. Не могу точно вспомнить, кем же я ему приходился. Но то, что приходился, совершенно точно.

Высоченный, широкий в кости и абсолютно гладко выбритый «под ноль», Муся-бабай напоминал мне могучего дива из восточных сказок. А когда я посмотрел фильм «Белое солнце пустыни», сразу понял, Абдулла в исполнении Кахи Кавсадзе настолько походит на этого деревенского великана; мне даже жутко сделалось — случается же такое сходство!

Сосед иногда зазывал меня, пацана, к себе в гости на правах родственника, если его жена надумывала испечь что-нибудь вкусненькое в русской печи. И я обычно бежал к нему в дом с удовольствием, хотя поначалу немного опасался суровой внешности своего не то двоюродного, не то троюродного деда, а может быть, даже и прадеда.

Мусю-бабая в деревне называли Цыганом. Не просто так называли. Он и в самом деле долгое время, ещё до войны, промышлял конокрадством, но ни разу не был пойман. За такую удачливость моего родича все жители уважали и здоровались первыми. Хотя я могу и ошибаться относительно причины всеобщего почитания, поскольку Цыгану в те времена уже перевалило изрядно за шестьдесят, а у татар с малолетства воспитывается чувство уважения к старшим. Так, быть может — именно это обстоятельство стало причиной повсеместного пиетета жителей деревни к Мусе-бабаю, а вовсе не его пропитанное вольным ветром и духом мятежного ночного ковыля прошлое? Кто знает. Что говорить, человек из 19-го века, ёпыймай!

Во время Великой Отечественной Цыган остепенился, был призван в армию. Сражался в полковой разведке, ловко воруя тягловый скот из-под носа противника. И с немцами ему повоевать довелось и с самураями раскосыми в монгольских пустынях. Получил Цыган орден, несколько медалей и лёгкое ранение навывлет. Ну, точно! В разведке же из деревни никто не воевал... Наверное... даже нет, не наверное... наверняка поэтому Мусю-бабая уважали, а не за его похождения по колхозным табунам.

Видишь, сколько версий перебрал, пока на правильной свой выбор ни остановил. Вот она — память-то, сбоят временами.

Кстати, после победы, когда, как говорится «и на Тихом океане...», Цыган снова принялся за старое. Числился в колхозе счетоводом, а сам торговал на чёрном рынке крадеными жеребцами. Но возраст и последствия ранения брали своё, и пришлось Мусе-бабаю осесть навсегда в

деревне, женившись на своей старой зазнобе, абием (аби, абием в переводе с татарского — бабушка, *прим. автора*) Банат. Вернее, это мальчишкам она была бабушкой, а для Муся-бабая оставалась иртангэ шафёк Банат (утренняя заря Банат), йолдыз минем Банат (звезда моя, Банат).

Очень Цыган любил свою супругу, как сейчас понимаю. Ревновал жутко в молодые годы. Говорят, даже плёткой отхлестал из-за своей горлинки какого-то уполномоченного городского — во френче и с руководящими директивами в кожаной папочке. Хорошо, того уполномоченного через день арестовали за саботаж, а то бы Мусе-бабаю несдобровать.

И вот под старость лет бывший конокрад и отважный разведчик решил подумать о душе, о Всевышнем вспомнил. Начал Коран почитать и примкнул к группе особо религиозных старушек, отправляющим культовые обычаи ислама коллективным манером в дни больших праздников.

Как ты понимаешь, в начале шестидесятых о строительстве мечетей в татарской деревне и речи быть не могло, в связи с чем молиться собирались у кого-нибудь из верующих дома, по очереди. А Муся-бабай, лишь только почувствовал тягу к сакральному, тут же предложил свою избу в качестве молельного храма на постоянной основе. Может, таким вот образом хотел побыстрее грехи перед Аллахом искупить, а может быть, и просто широкая, сродни цыганской, душа не могла смириться, что нашествие верующих в часто небольшие домишки местных бабушек могут доставить им какое-то неудобство. А у Муси-бабая домина огромный, хоть в футбол играй. Всех религиозных людей округи принять сможет, и тесно никому не покажется.

Так или иначе, все праздники, которые Коран предписывал проводить в молитвах, были у нас, мальчишек, перед глазами. Через улицу и немного наискосок.

Однажды летним вечером я играл со старшими пацанами в расшибалочку возле тёткиного дома. Мне невероятно везло, взрослые парни злились, но ничего с этим поделаться не могли. А я уже представлял, что через недельку приеду в город и смогу купить в автомате газировки (хоть с газом, хоть без), сколько душа пожелает. Выигрыш предполагал и не такие расходы, но о покупке заветной конфеты с изображением белого медведя я всё ещё мечтать не осмеливался.

И тут кому-то из взрослых парней, как я сейчас понимаю с высоты полученного опыта, пришла идея «отвлечь этого соплюна Славку» от игры, а то ведь так можно и последние штаны просадить.

Вот один из обиженных мной игроков и говорит:

— Ну чё, пацаны, давайте шуганём богомольцев? Чтобы им мало не показалось... А то прямо у всех под носом опиум для народа раскуривают. Видите, сколько их сегодня! Человек тридцать к Цыгану в дом притащилось, не меньше.

— А как шугануть-то? — заинтересовался я, и в самом деле забыв об игре.

— Нет ничего проще. Сейчас мы идём в огород к твоей тётке. Там есть большая тыква. Она с краю растёт, её никто, кроме меня, и не видел даже. Так что хозяйка не хватится, а хватится, всё на алкаша Пашку свалить можно. Он и себя-то не помнит. Скажешь, будто сам видел, как он возле вашего огорода крутился... если что. А мы потом подтвердим.

— А тыква зачем?

— Притащи, тогда узнаешь.

Точно, дорогой мой птенчик, очистили мы тыкву изнутри, днище ей отрезали ровненько, чтоб стоять могла, не шатаясь, а потом... да, потом — то самое, что в голливудских фильмах о Хэллоуине показывают. С одной только разницей. Американцы привыкли глаза и нос тыкве ножом вырезать, а местные пацаны откуда-то коловорот притащили и на сверлили отверстий ровно столько, сколько посчитали необходимым. И рот щербатый, и нос, и глаза... всё круглое.

Ни о каком Хэллоуине мы, татарская ребятня, разумеется, слыхом не слыхивали. Так всё делали, по наитию. Или это американцы традицию у нас спioniрили, пока весь цвет тимуровского движения по лагерьам друг дружку ночью зубной пастой мазал...

Потом, когда тыква оказалась обработанной описанным выше методом, мы тихонько прокрались во двор Муси-бабая и подслушали у незапертой форточки, что в доме творится. Хоть и неверующие пацаны старшие были, но понимали чуть-чуть арабский (*именно на данном языке ведётся служба у мусульман*) и могли догадаться, когда закончится всё.

Ага, время ещё есть. Поставили тыкву на пенёк, который от старой берёзы остался прямо за калиткой во дворе у Муси-бабая. Внутрь «пустой головы» — поместили свечку зажженную, а сами старой фуфайкой тыкву прикрыли, дабы никто с улицы раньше времени не приметил. Стемнело-то быстро, фонарей в деревне нет; огонёк далеко ж видеть.

И вот слышим — голоса в доме усилились, в сени выходят молельщики. Ну, мы, недолго думая, фуфайку с тыквы сорвали и бегом в са-

райку, что у тётки возле дома стояла. Лишь носы и глаза в щели повылупили, эффекта ждём от своей шутки.

И эффект был, смею тебя уверить. Такой эффект, что мы сами перепугались. Крики «О, шайтан!», «Хозар Ильяс, ярдем ит-эрга!», «Эжел мине кил-эрга!»⁶ смешались в истошный выхлоп контуженного слона и привели в замешательство всех окрестных жителей. Не только верующих, между прочим. Мы с ребятами не стали дожидаться, чем закончится выступление татарского духовного хора имени не Турецкого, и разбежались по домам от греха подальше.

Следующим утром я проснулся, как ни в чём не бывало. События вчерашнего вечера с затаптывающими друг друга старушками стёрлись из памяти, будто ластиком. На душе — хорошо и покойно, ласковое, но не грозное солнце конца августа убаюкивало чувство опасности и зазывало поскорей выбежать во двор.

Я даже не обратил особого внимания, когда тётя спросила:

— Славка, где это ты вчера лазал, пострелёнок? Вон как рукав-то у тебя подран?

— Зацепился где-то, апа... не помню.

— Я тебе латку поставлю. Мама точно ругать будет. И-э-эх... сорванец. Никакого на тебя угомону нет. Хорошо, скоро в школу уже пойдёшь — там тебе учителя спуску-то не дадут.

Дело шло к обеду, когда я оказался неподалёку от дома Муси-бабай. Хозяин стоял возле калитки и чему-то загадочно улыбался. Потом Цыган поманил меня к себе своим корявым, словно причудливый корешок, пальцем:

— Ислям, улым, киль али мында. Ислям, сынок, иди-ка сюда...

Я не стал дожидаться повторного приглашения, начисто забыв вчерашнее приключение, и подошёл.

Муся-бабай, ласково посмотрел в мои глаза, а потом задумчиво уставился на рукав рубашки, где весело сияла свежая тёткина латка. Потом он сказал:

— Ислям, мальчик, хочешь пирожки с творогом попробовать? Банат-аби испекла вот только. Молоко парное... Пойдём?

Я настолько сильно любил пирожки с творогом, что даже не стал возражать, хотя бы из приличия... один раз и сомневающимся голосом. Просто пошёл за Цыганом и всё.

Когда мы оказались в сенях, Муся-бабай закрыл дверь на крючок изнутри и протянул клочок моей рубахи; на его месте сейчас предательски сверкала тёткина заплатка. Он лишь показал глазами на этот кусок

материи, спрашивая телепатическим методом: «Твоё?», и я сразу всё понял. Однако бежать было поздно и совершенно некуда.

Цыган снял со стены плеть — возможно, даже ту самую, которой некогда отходил уполномоченного из города — и дважды приложился к задней части моего крупа. Я кричал, как недостреленный заяц, мечась по сенам, словно юный Маугли, украденный бандерлоги. Сейчас-то понимаю, что Муся-бабай только обозначил удары, а тогда казалось, будто старый конокрад хочет буквально забить меня насмерть.

Не помню точно, как удалось бежать, поскольку был объят ужасом. Скорее всего, сам Цыган выпустил меня, откинув крючок с двери, поскольку очень напугался полученному воспитательному эффекту.

Вылетел я зарёванный к тёткиному дому, а там, на куче брёвен уже местные пацаны меня выпасают. Дождались, когда подойду, и давай подзуживать: дескать, хочешь поквитаться, Славка? Тогда соверши своё героическое возмездие. Вот тебе молоток для этого. Специально припасли.

А план мести, предложенный мне старшими парнями-провокаторами, оказался настолько по-иезуитски гнусным, что впору брать его на вооружение в специальные подразделения «преподлейшего мщения» при президенте любой державы.

Но в тот момент обида душила меня и не давала поступить зрело, поступить по-мужски. Что ты хочешь, десять лет пацану. Очень сложно в щенячьем возрасте удержаться от крайних мер.

Ага, о мести расскажу...

Муся-бабай после обеда имел сибаритскую привычку спать пару часиков, а потом гулять выходил. Моцион — дело важное. Особенно в зрелых годах, в каких находился мой крёстный-через плётку-папа. А ходил он по улице, хочется отметить, в калошах, причём в любой сезон года. Такая была деревенская мода в тех краях моего местами счастливого детства.

Что значат калоши для татарина? Тогда, во времена кукурузных мечтаний генерального секретаря КПСС, это самый главный предмет одежды в деревне. Уважающие себя татары просто обязаны носить калоши. Татарские калоши высокие, немного отличаются от традиционных. Их как правило надевают с длинными вязанными носками, почти гольфами, чаще всего из козьей шерсти. Может быть, знаешь?

Так вот, поддразниваемый старшими мальчишками дождался я того момента, когда Муся-бабай затихарится после обеда. Пацаны специально даже к раскрытому настежь окну подкрадывались, послушать, за-

храпел Цыган или нет. Очень уж им хотелось совершить акт вопиющего хулиганства моими руками.

А я ничего не видел, не понимал, к чему идёт дело. Пепел Хэллоуина стучал в моём мальчишеском сердце. Подумать о возможных последствиях мне тогда и в голову не приходило. И вот я уже сижу на крыльце, где всякий татарин оставляет обувь летом, если нет дождя.

Старался вбивать гвозди потихоньку, чтобы, не дай бог, не разбудить Мусю-бабая. Но, думаю, помогал мне тогда не Всевышний, а сам шайтан. Не проснулся Цыган, не услышал судьбоносный тамтам молотка в моей гневной руке.

Выполнив предначертанное фатумом, я перебежал через улицу и уселся с мальчишками на завалинке. Играть ни во что не хотелось. Всем не терпелось узнать, что же выйдет из подлой шутки. Даже больше, чем накануне — с использованием тыквы с установленной внутри свечой — хотелось.

И вот из дверей показался бывший конокрад, бывший полковой разведчик, а ныне — жертва моей страшной мести, Муся-бабай.

Не стану смаковать подробности того, как Цыган летел с крыльца. Отмечу только, полёт этот выглядел неожиданно красиво и величественно... но ровно до той самой минуты, пока бывший полковой разведчик не узнал о странной особенности закона всемирного тяготения — разбивать человеческий нос о деревянные мостки, совсем недавно установленные самим пострадавшим, но для совершенно иных удовольствий.

Крик Цыгана был страшен и печален. Минут пять он практически не шевелился, лишь посылал нецензурные мэссиджи грядущим поколениям, которые будут жить на нашей планете после нас. Думаю, если бы их, эти послания, удалось зафиксировать на каком-нибудь носителе акустической информации, то не один нынешний НИИ сломал бы себе... нет, не нос, а голову над расшифровкой завещания Муся-бабая. Там, в частности, звучало и такое судьбоносное послание:

— Ананны! Урыс сикк кен!

Я бы не стал произносить подобное при детях, ёлки-иголки!

Потом жертва прибитых калаш (мужской род, единственное число; русский язык, 3 класс) кое-как пополз на крыльцо, зажимая рукой роскошно расквашенный нос. Мы с парнями сидели, словно замороженные, не проронив ни слова и не делая попыток ретироваться. А зря.

Недаром охотники говорят, что раненый зверь куда как опасней зверя здорового. Муся-бабай вновь появился на крыльце уже в совершенно новом обличье: без залитой кровью майки, но с плёткой в руке.

Той самой, с которой мне буквально сегодня довелось познакомиться накоротке.

Цыган выглядел прекрасно с обнажённым волосатым торсом, красным, как знамя революции, носом и с оружием древних в мощной деснице. Бег его был стремителен и грозен, подобный самой неизбежности. Думаю, так, наверное, бегали по ещё тёпленькой Земле тираннозавры в поисках белковой травоядной добычи. И это в его-то почти семьдесят лет, да к тому же и босиком.

Большие деревенские парни мчались быстро, и вскоре почти все они рассосались по заулочкам, а меня и ещё двоих Муся-бабай загнал в тупик. Впереди только высокий забор. Другого пути нет. Деревенским-то старшеклассникам что, они — лбы здоровые — любую корову могли покрыть без подставки... при желании. Махнули через препятствие и — один лишь ветер в ушах.

А я бежал и не верил, что смогу перебраться на другую сторону. Туда, где свобода и где себя можно почувствовать вольным мустангом, а не колхозной клячей во власти плохо управляемого конюха... с плетью. Не верил-то, не верил, но перелетел через забор за милую душу. Как Валерий Брумелль на Олимпиаде в Токио.

Муся-бабай, правда, в последний момент ещё разок успел меня зацепить... чисто символически. И всё... Вот она желанная победа! Оглянулся я и затрепетал — там же почти два моих роста, а тут я его в один приём... Ни черта ж себе!

И через три года с огромным трудом здешний забор преодолевал. А в то лето воспарил над ним, словно шар, накачанный кислородом. Да-а-а... Такого Мусю-бабая нужно на Олимпиаду в качестве тренера послать для бегунов и прыгунов. Верно ведь говорю, ёлки-иголки. Этакий Карабас Барабас от государственного спорткомитета.

А что дальше было?

Вернулся в тёткин дом поздно вечером, оглядываясь с опаской, вдруг да Цыган меня во дворе поджидает. Но всё выглядело тихо и безмятежно. А назавтра я уехал рано утром первым же автобусом. Чуть свет вскочил, вещи в чемодан покидал и на автостанцию рванул. Тётя даже сообразить ничего не успела.

Два следующих лета в деревне не появлялся. Боялся, что Муся-бабай меня на азу по-татарски вмиг переведёт. Без специй. И фамилию не спросит.

И вот уже после окончания шестого класса, когда всё позабылось, решил я и поехал в деревню к тётке. И в первый же день лоб в лоб столкнулся со своим крестником. История повторилась с пугающей точ-

ностью. Представляешь, стоит Муся-бабай у своей калитки. Пальцем подманивает.

— Ислям, улым, киль али мында.

Тут я уже решил стать фаталистом. Да и что толку от неизбежного бегать; я мужчина, в конце концов, или ссыкун малолетний?!. Пошёл. В сенях Муся-бабай усмехнулся и дверь на крючок закрыл. Посмотрел на меня вопросительно, словно проверял — боюсь я или нет. А потом сказал без предисловий, будто недавно прерванную беседу продолжил. Будто знали мы оба, о чём речь... Да, собственно, так оно и было. А произнес Муся-бабай следующее:

— Ты мне отомстил?

Я кивнул.

— Дай теперь и мне отомстить. Я хоть и старьёй, но тоже хочется.

Затем Цыган снял свою знаменитую плетё с гвоздя, сложил её пополам и обозначил удар, чувствительно, но не больно. А потом мы сидели с ним за столом и ели расстегаи с фаршем из бараньего желудка, испечённые в русской печке Банат-аби. Но это не главное. Главное то, что там ещё румянились свежей корочкой пирожки с творогом, мои любимые. Очень вкусно. Я же целых три года ждал, надеясь — когда-нибудь мне снова посчастливится отведать их от пуза.

Муся-бабай дожил до ста двух лет, а умер в результате обширного инфаркта. Об этом рассказала мне младшая сеструха, когда я приезжал в Димитровград уже солидным человеком, со своими взрослыми детьми.

И ещё я узнал вот что: умер Цыган за столом с кружкой пива в руке. Смерть достойная конокрада и разведчика, не так ли?

⁶ в переводе с татарского приведённые выражения означают примерно следующее:

— О, дьявол!

— Святитель Николай, помоги!

— Смерть моя пришла!

Глава 10. Большой спор

Славка вздохнул, поправил очки и продолжил:

— А теперь об Артурыче — который появился в моей жизни уже позднее. Я, когда пацаном был, голубятничал за милую душу. А как получилось-то... Один из старших братьев завёл пару турманов⁷, чердак

для них оборудовал. Немного позабавился и бросил. С почтарями же нужно постоянно заниматься, не считаясь со временем. А брательнику моему юные девы стали на ум приходить, заиграли кифары на небесах, одалиски заподмигивали с обложки журналов «Физкультура и спорт». На них в то время как раз стало модно помещать фотографии улыбающихся гимнасток во всей своей девичей красе. Какие уж тут голуби, когда одни шуры-муры на уме, ёлки-иголки?

Мать ворчала и без того, а тут голубиный начальник свою паству бросил на произвол судьбы. Хотели уже родители продавать птиц, но тут я выказал желание заниматься бесхозными голубями. Батя тут же у мамы соизволение выпросил, и началась для меня новая жизнь. Практически взрослая.

Голубятником быть — дело настолько азартное, что ни с каким казино и сравнить нельзя. Стоит хорошенько втянуться, тут тебе сразу начинается веселье. Задница в мыле, ни секундошки свободной. Зато дисциплина появляется и организованность. Лишь только я почтарями заниматься начал, так у меня успеваемость в школе улучшилась. Верно говорю, не преувеличиваю.

У нас в городе голубей держали в основном блатные, все они меня значительно старше. А действиями голубятников управлял сам смотрящий из уголовных авторитетов. Его по имени никто не называл, обращались просто по отчеству — Артуруч. А те, которые из воровских кругов, те и вовсе Керосином величали.

Так что оказался я самым молодым из голубятников. Ко мне с подачи Артуруча прозвище приклеилось — Принц Исламка.

Поначалу все неплохо к пацану, то есть, ко мне, относились: типа, пусть себе мелюзга потешится. А уж когда я начал споры выигрывать, тут сразу ко мне блатняк охладел до состояния предвоенной боевой готовности. Что за споры? Расскажу, ты не меня гони — не на пожаре, здесь спешка ни к чему.

Через пару лет моего голубиногo промысла двум своим самым старшим братьям подарил я, одному — мотороллер «Вятка», второму — мотовелосипед «Рига». Они только рот от удивления открыли. А откуда у мальчишки такие деньги, как считаешь? Ну да, чтобы дорогую технику купить — это в виду и имею.

Тут всё дело в спорах. Ради них, собственно, голубей большинство и держало. Что собой представляют споры голубятников? Сейчас поясню. Вот, скажем, малый спор. Червонец ему цена. Тут суть в следующем: двое спорщиков держат голубей за лапки на уровне пояса. По команде независимого судьи птиц отпускают. Чей голубь о землю ударил-

ся, тот проиграл. Тут главная хитрость — не кормить птицу перед самым спором. Отсаживать от остальных и питать по распорядку. Голуби жрут дурью: не понимают, что наелись. А если им, болезным, диету устроить, взлетят за милую душу лёгким пёрышком.

Вот ещё один популярный спор, бытующий в братстве голубятников — от десяти до тридцати рублей за ставку. Нужно выпустить в небо двух молодых почтарей разного пола. И тут в чью лаву обе птицы залетят, тот голубятник и победил. Вроде, «мой голубок твоего заманил».

Что такое лава? Лава — сетчатый ящик с предбанником; через него голуби попадают на чердак, к месту, как говорится, своей прописки и зимнего проживания. Ну, да, это если в доме птицу держишь. А если в отдельной голубятне, то там и чердак, и всё помещение для них исключительно предназначено.

От чего размер банка в каком-либо «голубином» споре зависит, спрашиваешь? От возраста птиц, разумеется, и оттого, достается ли заманенный голубь победителю или нет. Один раз на пятьдесят рублей при мне спорили. Но очень редко высокие ставки практиковались — мало кто мог рискнуть столь значительной суммой разом.

Ещё Большой Спор был. На участие в нём подписывались практически все голубятники города, поскольку ставки небольшие, а выигрыш просто огромный по тем временам — от двухсот до пятисот рублей. Это уж как договоришься. Суть Большого Спора следующая: хозяин, чей гулька прилетит быстрее из незнакомой местности и найдёт свою лаву, тот все деньги из банка — за исключением комиссии организаторам — забирает.

В Большом Споре обычно участвовали исключительно почтовые голуби или на крайняк полукровки, но никак не «бабочки». Так, сейчас поясню разницу. «Бабочки» — обычные голуби, умеющие летать вертикально, у которых две дюжины перьев в хвосте.

Почтовые голуби имелись не у всех, очень дорого стоили. У них и перьев только двенадцать — следовательно, скорость полёта значительно выше.

Кроме того, наряду с почтарями пользовались популярностью полукровки — помесь «бабочек» с почтарём. У меня было два таких голубя. Помню, первого обменял чуть не на десяток молодняка из «бабочек». Второго же в споре выиграл. Они, полукровки, почти не уступают в скорости почтовым, а иногда и превосходят. У полукровок обычно в хвосте четырнадцать перьев. Ну, а о двух турманах, доставшихся от брата, я уже говорил.

А ещё есть прямыши — сизые голуби, не отличить от диких. Прямыши летают прямо вперёд, вертикально подниматься не умеют. Высоту набирают вроде самолёта гражданской авиации... с натугой и под углом.

А также в нашей среде мелекесских голубятников выделяли, как особый подвид — лихих голубей. Это практически те же дички! Молодняк нельзя рядом с подобными птицами выпускать, поскольку те частенько норовят в лес сорваться и сманивают с собой домашнюю птицу. Или, хуже того, до смерти заклёвывают.

Голуби очень жестокие птицы. Своих собратьев насмерть забивают, если те болеют. Но, с другой стороны, естественный отбор — стаю от эпидемии сберегают...

Вот, собственно, и весь ликбез для начинающего заводчика голубей.

Итак, большинство голубятников города готово было не просто меня растерзать, но и всех моих птиц забрать по праву сильного. Одно их останавливало — Артурыч спуску беспредельщикам не давал. Меня сразу под опеку взял, а ухарям и сямкам пояснил так:

— Покуда я здесь смотрящий, Ислямку чтоб никто и тронуть не смел, иначе распишу «под хохлому», ни один лепила не сошьёт!

И всё было бы хорошо...

...но однажды, это глубокой осенью случилось, Артурыч передал через пацанов, чтоб я к нему зашёл. Жил Керосин на съёмной квартире, хозяина которой никто не видел. Говорили, «хату» воровской общак спецом для смотрящего оплачивает. Точно не знаю, а вот врать не стану.

Пришёл я к Артурычу, он меня на кухню провёл, лимонадом угостил и коржиком свежим, ещё горячим, как сейчас помню, а сам всё чефирь сосал, заедая таблеткой. Как мне ребята потом сказали, новокаин, скорее всего. И называется подобный «бутерброд» «калики-моргалики». Смотрел на меня Артурыч, прорисовывая пожилую улыбку сквозь жёлтую седину прокуренных усов и коричневые зубы... от частого употребления крепчайшего чая. Это мне тоже потом объяснили.

Смотрел Керосин с нескрываемой отеческой теплотой, но погладить не пытался... хотя ему хотелось. Я совершенно явственно ощущал некие магнетические флюиды, словно бы кто-то невидимый мне в мозг мысли воровского авторитета транслировал.

Молчали. Я не смел и рта раскрыть, а Артурыч о чём-то своём думал. Хотя, как оказалось, не о своём, скорее — о моём.

— Слушай меня сюда, пацан, — прервал молчание Керосин, — весной я уеду из вашего города. Так братва решила. А вместо меня кто придёт, тому до голубятников нет никакого дела... кроме пополнения общака. Потому сам прикинь, Ислямка... Придётся тебе либо голубей продавать, либо в бой идти, будто панфиловцу. Третьего не будет. Раздерут твоё хозяйство сязки с босотой приклатнённой, если сам раньше птиц не продашь. Но это путь для слабого. Хочешь оставаться в деле, должен себе авторитет завоевать.

Ты ещё пацан... Понимаю. Но если сейчас не станешь мужчиной, то можешь не стать им никогда. Я вот в своё время испугался... Захотел лёгкой судьбы, не смог дружкам отцовским противостоять... вот и покатился по жизни, как юла-волчок с батареей в заднице. Потом спохватился, стал себе авторитет зарабатывать... да он уже не тот... воровской...

Что смотришь так, думаешь, я с рождения в урках-то хожу? Это папашка у меня в законниках был, пока на сходняке под перо не подставился. Потом его друганы и меня на воровское дело развели. Жомкнул⁸ я с ними сельпо одно по малолетке, так вот и начал заниматься не тем. Я же в детстве очень хотел моряком стать. По ночам во сне великое множество морей обошёл на паруснике вместе с Колумбом и Магелланом — просто не сосчитать!

А ты хочешь, Славка, в иноземных портах побывать? Бомбей, Сан-Франциско... Вальпараисо... Даже не представляешь, пацан, как меня порой туда тянет... Спать неделями не могу от возбуждения, если фильм о морях посмотрю, веришь... нет?..

А Керосином, знаешь, почему меня зовут? Я три автоцистерны с авиационным керосином увёл и продал в течение суток. Дело громкое было. «Мусора» меня срисовали, но доказать ничего не смогли в тот раз... Складского какого-то посадили по косвенным уликам. А ты его, парень, не жалей. Он, гад, столько на том складе у народа упёр, что мне и не снилось... И причём — даже со стула не вставая.

А теперь давай о твоих делах потолкуем.

Не желаю я того, чтобы сломали тебя об колено, а потом ещё и пристебаться у хозяйского сапога заставили, когда уеду... Потому хочу научить уму-разуму. Выбор у тебя невелик: два варианта всего. Сам выбирай, что тебе делать.

Первый путь самый простой — продашь голубей, и на том конец... А если задумаешь на своём стоять и птиц разводить, как прежде, то нужно тебе, парень, ружьё доставать. Это определённо.

— А кто же мне ружьё-то продаст? И стрелять я не умею...

— Я тебе и куплю... дело житейское. Помогу обрез сделать, чтобы от родителей прятать удобней было. Потом, когда уеду, прибежит к тебе шакальё всякое, начнёт права качать... Ты не ссы... Скажи, мол, согласен на все условия, только сбегать на чердак... или, куда там, нужно. Вроде боишься ты сильно. А сам обрез заряжай — оба ствола. И пару патронов с собой прихвати... Научу-научу стрелять, не волнуйся...

Только об одном прошу, Славка, людного места избегай... Всё, что хочешь, делай, но отвлекай сявок на отдалённый участок. А там уже пали... но не по ногам, а под ноги этим засранцам.

— А они испугаются?

— Поверь мне, так испугаются, что в штаны наложат больше, чем унести смогут. Стреляй аккуратно — не подрань ненароком. Вот если сделаешь, как говорю, станут тебя уважать и бояться. А с придурками, Ислямка, только этак-то и нужно. Разговаривать с ними — лишь время терять.

Не отвечай мне сразу, подумай хорошо. Время пока есть. Потом скажешь, делать тебе обрез или нет.

— Дядя Артурыч, а нельзя миром решить?..

— Думаю, нет! Понимаешь... Тут вот какая штука... готов ли ты, если прижмёт, остаться верным себе, не стать предателем своего дела. И в зависимости от того, как всё обернётся, назовут тебя — то ли героем, то ли подлецом. Или, скорей всего, назовёшь ли ты сам себя... Что куда важнее. Осуждать твоё решение никто будет не вправе. Решение исключительно твоё. Но помни, уважение к себе — самое главное!

Знаешь, я потом две ночи спать не мог. Такое в голову приходило, когда глаза закрывал — кричать хотелось. То Керосин прямо в грудь из ружья стрелял, то какие-то серые люди в полосатой арестантской робе пытались меня на кусочки порезать хреновиной, похожей на армейскую хлеборезку...

И самое что плохое — посоветоваться-то ни с кем нельзя: ни с отцом, ни с братьями... дело очень уж криминальное.

Решение пришло как бы вдруг. Понимаю теперь, что оно зрело и потом выкристаллизовалось не мгновенно, а тогда показалось — наитие снизошло. Одним словом, поднялся я наверх к голубям, стал их кормить... И тут один мой полукровка, я его Очучы⁹ называл, самый быстрый, самый на подъём скорый, который трёх голубок к стае за один раз переманил, подошёл ко мне вразвалочку и в глаза посмотрел. Так мне тогда представлялось. И, что характерно, не стал со всеми зерно клевать... а ведь голодный...

Посмотрел Очучы на меня, будто спросил: «Ай-ай-ай, Ислям, бросить нас захотел? В чужие руки отдать? И не стыдно тебе, малай¹⁰, ещё же пионером был недавно? Разве пионеры друзей в беде бросают?»

Через неделю Артурыч отвёз меня в лес, где научил заряжать обреш и стрелять из него точно: так — чтобы не дай бог! — ни в кого не попасть случайно.

И вот наступила весна. Роскошная красавица весна, своим полноводьем обозначив, что зима было невероятно снежной, живо распротранялась по Нижнему Поволжью. Текли ручьи. Словно настоящие реки. Спешили куда-то люди, перемещались по стране, что-то строили, что-то возводили, давали «на-гора». Радио каждый день рассказывало нам «о новых неуклонных успехах строительства развитого социализма».

В один из череды тёплых солнечных дней я проводил Артурыча до автобусной станции, где он на прощанье сказал мне просто:

— Славка, ничего не бойся! Ты не должен никого убивать, кроме своего страха... И... если удастся попасть на океан, поклонись ему от меня... скажи, мол, любит тебя Артурыч... хоть и заочно...

А ещё через день, в воскресенье состоялся Большой Спор. Спор начинался с того, что каждый голубятник две недели готовил самого быстрого голубя к предстоящему соревнованию. Голубей кормили немного, чтобы они были легки на подъём.

В назначенный час соревнующиеся принесли своих пернатых спортсменов судьям, назначенным новым смотрящим. Всех птиц увезли в Самару, тогда ещё Куйбышев, на специальной машине в большой клетке. Их сопровождали несколько представителей так называемой общественности; как сказали бы сейчас, активистов неформального профсоюза голубятников.

В областном центре голубей одновременно выпустили неподалёку от железнодорожного вокзала. А в Димитровграде их уже ждали независимые арбитры с заранее синхронизированными часами. Победителем станет тот, чей голубь быстрее всех вернётся в свою лаву. Победитель будет один, и он получит всё.

В тот раз призовой фонд составил триста рублей. Полтинник ушёл на организацию проезда судей и в качестве процента с прибыли смотрящему (уже новому). А остальные две с половиной сотни... Тебе, думаю, не нужно напоминать, что такое в середине 60-ых годов означали эти деньги.

И мой Очучы прилетел первым!

Когда я получал приз из рук нового смотрящего, услышал, как двое парней лет восемнадцать, уже посидевшие в зоне для малолетних преступников, пообещали наведаться ко мне вечером — с целью «купить» у героя голубя-победителя и «справедливо разделить призовой фонд». В голове у меня моментально щёлкнуло: «Пришло время, когда выяснится, кто же я на самом деле...» Ну-да, ну-да, почти как у Достоевского: «тварь я дрожащая или имею право...»

Собрать волю в кулак мне удалось довольно быстро, а технически подготовиться к схватке — и того быстрее. Но в тот день напрасно прождал я лихих гостей у себя на чердаке с заряженным обрезом. Уф-ф-ф... наверное, они совсем передумали. Обошлось... Но выводы мои оказались несколько преждевременными. Момент истины наступил через неделю.

В субботу мы учились практически до обеда. Только я на улицу выскочил, когда из школы вернулся... глядь — у калитки стоят два моих давешних «покупателя».

— Славка, привет! Видишь, мы слово держим. Обещали — пришли. Призовые ты наверняка уже потратил. Не бойсь, требовать их не станем. Мы за твоим Космонавтом пришли. Так ты его, кажется, называешь? Даём хорошие деньги — по полтинничку с брата, целый рубль! — говорит это здоровенное мурло, а сам... или само... не знаю, как правильно будет, усмехается мне в глаза нагло:

— Ну, давай... тащи своего рекордсмена.

И тут, ребята, я буквально ослабел мебелью... Но виду не показал. Спорить не стал, быстро на чердак поднялся, посадил голубя в клетку. На дно тряпку кинул, а под неё обрез между прутьев протиснул...

— Ага, принёс! Может быть, ты нам голубя-то подаришь?.. У меня сегодня день рождения как раз... Зачем тебе рубль пацан? Деньги портят, слышал, небось? — с издёвкой сказал старший. — Давай сюда клетку!

Хорошо, у меня хватило ума не затеять стрельбу у себя во дворе. Я повернулся к парням и, стараясь выглядеть безобидным дохляком, жалобным голоском попросил:

— Разрешите, я сам голубя донесу?.. Попрошаюсь по дороге.

— Хорошо, тащи сам, раз нравится. Нам же легче. Однако не вздумай сдуру сигануть куда-нибудь в кусты. Найдём, ноги повыдёргиваем. Эй, Толян, глянь, голубь тот ли? Вдруг пацан вихляет!

— Не-е-ет, точно тот... Тот самый, что ни на есть... победитель... Чемпион! Из тысячи его узнаю. Пошли...

Дорога вела через пустырь. Я лихорадочно старался досчитать до ста, чтобы успокоиться и определить безлюдное место по числу сделанных шагов, поскольку глаза ничего толком не видели от нахлынувшего возбуждения и буквально льющегося ручьём пота. В голове всё крутились слова Артурыча... Сявкам нужно только один раз показать, что они сявки... И всё...

Но вот... дальше идти смысла нет. Я попытался выдернуть обрез, но тот, как назло, не проходил через решётку. Пришлось останавливаться и выпускать голубя в небо. Через дверцу в клетке обрезанное ружьё вылетело будто по маслу. И тогда я направил стволы в сторону начинающих рецидивистов:

— Пошли вон, суки! Сейчас как пальну! Будете кровью срать, пока не сдохнете!

— Ты глянь, Толян, этот чижик решил нас пукалкой пугнуть... ха-ха... Ну, теперь, ты нам «Катеньку»¹¹ ещё будешь должен за нападение... каждому... — Парень так и не понял, что в руках у меня было настоящее оружие, а не самодельная поджига. Он двинулся ко мне, поигрывая невесть откуда взявшимся воровским ножиком-трансформером.

И тут я собрался и произвёл классический выстрел под ноги нападавшему. Точно так, как показал мне Артурыч по прозвищу Керосин. Мой визави вдруг запричитал неожиданно визгливым голосом:

— Ой, мамочки, он мне фуй отстрелил! Доктора сюда скорей! Ай, больно!

Я очень испугался, что ПОПАЛ. Но оказалось, ничуть не бывало. Просто от звука выстрела яростный голубятник неожиданно для себя обмочился и принял тёплые аммиачные массы за бешенную кровопотерю. Он опустился на колени и голосил:

— Только попробуй, только попробуй... ещё раз... я... милицию позову...

Второй парень не стал дожидаться, чем закончатся боевые действия, и рванул так, словно за ним гнались дикие собаки... или шальная пуля. Но на самом деле никто за ним не гнался, а выстрел я сделал вверх — вроде бы, отсалютовал бегущему противнику.

Забрав клетку, вытащил картонные гильзы, не забыв, впрочем, дать обмочившемуся голубятнику понюхать, чем пахнет отработанный порох... это скорее из мальчишеского озорства, чем для профилактики.

Итак, противник был деморализован и развеян по ветру, и мне не оставалось ничего иного, кроме как вернуться домой. Там меня с нетерпением поджидал уже вернувшийся восхитительный Очучы, одобрительно курлыкавший в лаве.

Руки потом дрожали ещё неделю, мешая уснуть... Ночью же, когда я провалился в какую-то странную полудрёму, мне привиделось, как вхожу в лаву с чердака, чтобы забрать свою пару замечательных полукровок.

За спиной кто-то таится. И этот кто-то сопит простуженным носом, будто особо и не заботится, чтобы остаться незамеченным. Я резко оборачиваюсь и вижу глубоко посаженные очки двустволки... Они уставились мне в лоб, словно выискивали местечко поудобней, куда отрыгнуть свою запыхёванную огненную пищу.

Кто держит ружьё, не видно. Один лишь звонкий голос отчётливо чеканит слова в мальчишеском мозгу:

— Отдашь полукровок, останешься жив, не отдашь — быть тебе, Славка, мертвее мёртвой кобылы...

Сон сном, но я тогда ещё даже подумать успел, мол, почему это мёртвая кобыла, а не, скажем, осёл? Отчего, зачем?

А потом из полумглы перед лицом появилась ладонь с корявыми, как ветки на старой яблоне, пальцами. Указательный перст погрозил мне, потом поманил к себе и отломился с характерным звуком взводи-мого курка... Пальцы стреляют?

Стояло раннее воскресное утро. За окном пропел соседский петух, захохотали куры во дворе — значит, мама уже встала... Как всё-таки хорошо, что я вчера пальнул холостыми... А если б дробь случайно попала в ногу, тогда детской комнаты милиции точно не миновать. Или того хуже... Мне же совсем недавно исполнилось четырнадцать... А с этого возраста даже «самый гуманный в мире» советский закон становится суровым.

Потянулся, побежал к рукомойнику, потом к столу. Шанги ещё дымились, а молоко отдавало теплом. И не было в тот момент никакого более счастливого во всём белом свете, чем я. И в самом деле, никому больше не приходило в голову отобрать у меня голубей или деньги, воспользовавшись отроческим возрастом.

А через несколько месяцев я получил красивый конверт с иностранными марками возле чуть размытых почтовых штемпелей. От конверта пахло какими-то восточными специями и солью. Адрес был написан латинскими буквами... но почти по-русски: «USSR, Uliyanovskaya oblast, Dimitrovgrad, ... , Saleevu Slave». Когда вскрыл конверт, обнаружил внутри фотографию Артурыча в тельняшке, на плече которого сидела обезьяна, с виду — мартышка из иллюстраций к басням Крылова. Внизу я обнаружил подпись: «Bombay, 196X», а на обороте: «Славка,

жизнь — это Большой Спор! Я знал, ты справишься... Твой Георгий Артурович».

Больше весточек я от него не получал, и где находится тот Бомбей с фото, так и не понял. Очень хотелось верить, будто в Индии...

Уже будучи взрослым, попав на службу в подводный флот, я таки передал привет от криминального авторитета по прозвищу Керосин всем морям Тихоокеанского бассейна, на которых удалось побывать за три года.

⁷ **турманы** — уникальные голуби с компактным корпусом, длинными, мускулистыми крыльями и непропорционально маленькой головой. Они очень ценятся за красоту полета, поскольку проделывают в воздухе сложные пируэты;

⁸ **жомкнуть** (феня) — ограбить;

⁹ **очучы** (*татарск.*) — лётчик;

¹⁰ **малай** (*татарск.*) — мальчик;

¹¹ «**Катенька**» (*сленг*) — в советские времена в околкриминальных кругах так называли купюру достоинством в 100 рублей.

Глава 11. Бермуды, история создания образа

Приключилась сия оказия в городе Новосибирском, где я тогда учился на инженера-энергетика, весной 1969-го года. В году том, как и во все прочие краснознамённые времена, наступила праздничная дата — Первомай, день солидарности трудящихся в мировом масштабе, по утверждениям наших вождей, два раза в год попиравших подошвами усыпальницу своего идейного вдохновителя.

Денёк, как говорится, задался. Уже ранее утро радовало так, что я сразу, едва лишь бросив неодобрительный взгляд на брюки, влез в шорты и в сандалиях на босу ногу, после чего пошкандыбал к месту сбора для предстоящей демонстрации. Кто постарше, должен помнить, студюзов на подобные мероприятия силком волокли, вплоть до отчисления. А мне было в радость — лишний повод с дружбанами пообщаться и накатить портвешка для тонуса.

Вы утверждаете, будто шорты в СССР толком ещё не придумали в обозначенное мной время? Не знаю, как в остальном государстве, а в Новосибирске точно придумали. Я сам и придумал. И зря не верите. Не похожи мои на те, конечно, какие сейчас молодёжь, да и разные прочие старпени носит. Нет-нет. У нынешних шорт между ног обычно настолько объёмная мотня болтается — туда можно аж пять килограммов огурцов припрятать, а у моих иначе всё — там только один помещал-

ся... и то — с трудом. Бермуды, считаете? Ах, если от слова «мотня», тогда оно конечно. Пусть будут бер**МУДЫ**, раз уж вам столь мил сей приближенный к курортному термин. Как говорят в Одессе, Моня не трясите бейцами, я вас умоляю.

А про свои, так сказать, **шортовы** Бермуды я вам вот что скажу — они у меня из старого трико были слеплены. Помните, думаю — я к тем, кто постарше обращаюсь; сами, небось, в похожих на уроках физкультуры вышивали словно социалистический Адам без яблока? О, кстати, отгадайте-ка, дорогие мои, загадку: с луком и яйцом, но не пирожок. Ну, как, *слабо*? Так ведь всё просто до неприличия — перед нами Робин Гуд. Почему — не к месту? Очень даже к месту, если припомнить, в чём ходили лесные братья по средневековому Шервудскому лесу.

Штанины с резинками у трико я обрезал почти до колена, чтобы ногам свободнее дышалось. Чем не Версаче? Ну, да ладно, не привык я гордиться собственной изобретательностью. Не вводите меня в краску под старость-то лет.

Это сейчас понимаю, тогда — 1 мая 1969-го года — у меня премьерный показ образчика крутой мужской моды состоялся. Мог стать чем-то судьбоносным, но не стал. А почему? О том и рассказ.

В общем, приодевшись, поехал я в обновке к месту сбора нашего курса. Народ в троллейбусе всё на мой нетрадиционный вид косился, покуда мне не пришло в голову старушкой с авоськой срамные свои ноги цвета социалистического цыплёнка из магазина полуфабрикатов со скромной вывеской «Птенчик» прикрыть. Хоть и жарко на улице, а раздеваться, как я, ещё никто особо не рисковал. Просто мода до Новосибирска поздно доходит, а в те времена и подавно. Но ничего, я, в отличие от моды, дошёл, вернее — доехал, вполне себе мирно, без драки и скандалов.

Построились мы в колонны всем студенческим миром и к трибунам под музыку двинулись. Мир! Труд! Май! И все полагающиеся почести ЧК КПСС. Куратор наш, лишь только меня увидел, сразу плакатом загородил, который во весь мой рост рассказывал миру о кривой посещаемости общественных наук студентами физиками. Она практически почти распрямилась, достигнув отметки 99,9%. Ещё на плакате были изображены отличник с отличницей, взявшиеся за руки в припадке не вполне контролируемого ленинизма.

Сначала-то препод хотел меня сразу домой отправить, утверждая, будто обнажённые ниже колена волосатые мужские ноги невероятно угрожают буржуазным разложением молодых строителей коммунизма.

Я же старался напирать на бытовые плюсы своего облачения. Говорил при этом столь убедительно и вдохновенно, что куратор группы вздохнул тяжко — дескать, некогда с тобой спорить — и, закрыв меня выше помянутым плакатом, поставил в общий строй.

Иду я, значит, со своим выдающимся во все стороны фанерным образчиком победившего социалистического благолепия, жизни радуюсь. Кругом ребята из группы. Песни под гитару поют, винишком балуются в полутайне. Как-как? А сами не догадались? Это когда преподавы знают, что ты пить будешь, но делают вид, словно бы не догадываются. А ты делаешь вид, будто прячешь стакан и бутылку. И всем хорошо и привольно. Ну, уж... нет. Нет «загнивающему» унылому Западу! Мы вполне себе без стыдливых пакетов и без газет обходились. Карманы-то в те социалистические времена были, как и деревья, достаточно большими. Туда не то, что ноль седьмую модель бормотени упрятать труда не составляло, но и малое собрание сочинений отцов-основоположников вместе с конспектом лекций по сопромату утоптать ничего не стоило.

Вообразите себе, демонстрация трудящихся и примкнувших к ним студентов прохладной жизни проходит по заведённому обыкновению. И движемся мы таким вот замечательным манером, от незатейливых советских радостей в экстаз приходя. Шарик, кумач, здравицы в честь живых и усопших вождей. Душа радуется. Одно неважно — из-за плаката почти ни хрена не видать. Только ноги впереди идущих да неба кусочек пронзительной голубизны, словно «синий экран смерти» на «упавшей» от встречи с беспринципным хакером «винде».

Подошли к Оперному театру. Я взгляд с привлекательных женских лодыжек в стилистике Анны Павловой, что мне прямо по курсу показывали, перевёл на купол местожительства сибирской Терпсихоры. Знаково получилось, лучше не бывает. Будто смотрел на балетные ножки... глядь, а тут тебе и сценические подмостки прямо по курсу.

Только внезапно почувал я... Ну, ощутил, если вам угодно. Понял, говоря короче, темно становится ни с того ни с сего. Как поздним вечером, в общем. Глянул вверх — прямо над собой — и обомлел, словно бы дамочка экзальтированная при звуках духового военного оркестра. Из-за оперного театра выползала абсолютно чёрная туча, я таких в своей жизни не видел. Знаете, будто днище свежепросмолённой лодки, или спина эфиопа в бане, когда свет выключили.

Почему в бане? Собственно, я эфиопов только в бане и видел... Где-где? Во Владике. Мы туда на плавбазу ремонтироваться заходили, когда я на субмарине электриком служил. Ну да, это уже чуточку позже по времени. А я почём знаю, откуда на Дальнем Востоке эфиопы взя-

лись на пятьдесят пятом году советской власти. Может, их там выращивали нарочно, дабы японцев пугать — я, что ли, доктор, чтоб ставить на весь Приморский край диагнозы? Да точно эфиопы, к бабке не ходи. Мы, когда на губе сидели, кавторанг тамошний так и сказал, мол, избил двух граждан из дружественной Эфиопии возле пивного ларька из хулиганских побуждений. Ну-у, вы будете слушать или перебивать всякими дурацкими вопросами?

Ага, на туче остановились. Народ, который внимание, как и я, на атмосферу обратил, почувствовал недоброе. А остальным природные обстоятельства пока замечательными и праздничными кажутся. Тепло-то, оно, знать, не только снаружи греет теперь. Раз есть горячительное в природе, отчего бы ему не оказаться в организмах социалистически спроектированных людей, хех.

Но — кто о чём, а я о туче. Короче говоря, всё настолько стремительно случилось, я даже понять ничего не успел или слова, какого, немудрящего, дескать, сейчас осадками приголубит в полный рост, сказать соседям по колонне.

Солнце с неба, словно корова языком по всему периметру, ветер жуткий поднялся, и повалил снег. Представляете? Не такой снег, какой обычно случается в периоды осенних междувластий. Нет, самый настоящий снегопад, будто в разгар зимы. Причём настолько обильный и густой, что весь транспорт встал разом. Остолбенел словно бы от подобной наглости, остолбенел и ласты склеил.

Снега за полчаса по колено навалило. Тут уж не до демонстрации, до дому б досквозить поскорей. А я ещё в своих чудо-шортах и сандаликах на босу ногу, аки полный и конкретный пердимонюкль среди полноценных лорнетов выгляжу. Бросил я плакат в первый же образовавшийся сугроб и попёр флагманом ледокольного флота на дорожку, осваиваемую первопроходцами. Какое там — пока не натоптали тропу-то толком. По целине шурую, будто эскимос с похмелья.

Мне и на троллейбусе-то не ближний свет добираться в свой Кировский район на другом берегу Оби, а тут полное потрясение для молодого парня — пешком топай по снежному бурьяну. Весь Коммунальный мост, кажется, тогда он так назывался, выглядит парализованным. Транспорт стоит на протяжении всей его длины. Гремят клаксоны, воют сирены. А посередине я в своих бермудах вышиваю фигурным крестиком, притаптывая голой пяткой снег к асфальту. Если б в этот момент на мосту оказалась Голливудская съёмочная группа, то ей бы удалось запечатлеть лучший эпизод из фильма о России со мной в главной

роли. А в роли белого медведя, кто? Лоуренс Оливье, в крайнем случае, Фрэнк Синатра. Никак не меньше!

Не помню, сколько шёл, но даже, когда добрался до частного домика, где комнату снимал, транспорт ещё не курсировал, хотя смеркаться начинало. Не успели дороги расчистить. Ну, хорошо, согласен, не мог я настолько долго идти, чтобы сумерки наступили. Выходит, это у меня в глазах всё помутилось. Так или иначе, добрёл я до заветной калитки и на крыльцо упал в своём гениальном изобретении от кутюр. Мокрый. Потный. Измочаленный. Но-но, о резине ни слова!

Хозяйка моя, тётя Паша, дверь открыла и запричитала с белорусско-кубанским акцентом, который приобрела в процессе сексуально-национальной ассимиляции от двух первых своих мужей:

— Славка, бес! Да, ты зовсим змерз ли чё ли, али ещё живой, бай-стриук неразумный? Ну кто ж в мае в трусах басиком гуляе? У нас тут такая метилогия, шо ни одному прогнозу верить никак нэвозможна. У Сибиры живом, Славка, эта тебе не в Новочеркасске на рынок сбегать. Ой, да у табя ж усе ноги, хлопец, белые, як смятана. Давай быстро у койку. Буду тебя лячить по-народному.

Тётя Паша растёрла меня крепчайшим самогоном торговой марки «первач», завернула в три одеяла и напоила крутым кипятком с калиной и мёдом.

— На вот — хлебни гарачэнького. Вада усё помнит, — делилась со мной тётя Паша. — И думай о хорошем. Иначе — она табе потом твои же мысли дурные вернёт с лихвой. Не знаю — пачему так. Нэ гаварил мне никто. Сама догадалась... Голос мне был. Ты, Славка, всегда добра людям желай, когда будешь чайник ставить на огонь, из бутылочки разлив вести, или чем другим угощать. Верно тебе гавару, как Бог свят. А больше ничего не спрашивай, всо тебе и так сказала.

После полученных профилактических процедур спал я почти сутки. Не заболел. Даже не кашлянул ни разу.

К чему я рассказал вам эту историю, спросите? А к тому, что сандалии свои и бермуды спрячьте подальше, когда по первому весеннему теплу гулять пойдёте, иначе провалится ваше дефиле на массовом зрителе, как и моё — тогда, в мае 1969-го. А иначе быть мне известным кутюрье почище, что там скромничать, самого Жана-Поля Готье!

Глава 12. Свадьба Ройфы

Не спал я тут недавно, навалы памяти в мозгу ворочал, будто кочегар уголёк лопатой. Случай один припомнил. В общем и целом, ничего

особенного, ничего экстраординарного, обычная жизнь. А гляди ты, зацепило конкретно. Вот послушайте.

Я тогда в Новосибирске учился — в инженерно-строительном. Вместе со мной в одной группе гранит научный грыз некий молодой парень по фамилии Ройфа. Лёня, если память не изменяет, а она не изменяет. Жил он в общежитии, как все иногородние, но в отличие, скажем, от меня приехал он откуда-то с Дальнего Востока, а не из Европейской части СССР. И родители у него где-то рядом крутились во время вступительных экзаменов. Имелась, видать, у них в те не слишком богатые времена возможность приехать за тридевять земель и поддержать отпрыска.

Папа Леонида служил в войсках ПВО каким-то невероятно удачливым интендантом. Фамилия, разворотливость и обширные связи тому способствовали. Его как раз в Новосибирск перевели, когда сын второй семестр обучения заканчивал. О маме нам, однокурсникам, ничегошеньки не было известно, поскольку Ройфа не отличался многословностью. Чаще молчал и слушал звуки извне, чем сам пытался тревожить атмосферный столб своими рассуждениями о жизни.

Никогда в связях ни с одной из факультетских девиц Леонид замечен не был, вёл себя тише воды в трёхдневный штиль, ниже английского газона в парке Виндзорского замка — резиденции герцога Эдинбургского с супругой. Ходили слухи, будто бы наш сокурсник даже решил оставаться пожизненным холостяком из-за своей крайней стеснительности. Кто их распускал, не знаю, но могу предположить — обиженные Лёнькиным невниманием однокурсницы; парень-то смазливый, хоть и субтильный да в очках с неслабой диоптрией. Наверняка — подкаблучник... в будущем, в теории.

Думаю, девчонок невероятно злило, что к концу первого курса Лёня собирался съезжать из общежития под родительское крылышко в папино служебное жильё, а всё ещё был не целованным, как красивый манекен из модного магазина. Получается, не смогли парня затащить на сладкий греховный путь Евы-однокурсницы и оттого бесились.

И тут — словно трубный гром среди ясного города Иерихона — Ройфа женится! Слух возник, будто бы, из ниоткуда и сразу же вызвал бурные обсуждения среди прекрасной половины курса. Ничего удивительного — всегда ведь хочется понять, откуда и, главное, как появилась вторая половинка у завязатого тихони и рохли.

А потом слухи из разряда сплетен перетекли в реальность, когда пригласил означенный Ройфа меня и ещё человек шесть-семь с нашего потока на свадьбу. Мы, как я уже заметил, собственно, и не знали никаких подробностей о его амурных делах, поскольку Лёня жил тихо, по

вечерам зубрил начитанный на лекциях материал, к семинарам готовился. На танцы или другие массовые мероприятия — ни ногой. О девчонках в общаге и вовсе разговора не было. Шарахался от них, словно протодьякон от «Плейбоя». Если только где-то на стороне... Но когда, если парень всё свободное время отдавал посещению институтской библиотеки?

Не стали мы свои головы занимать рассуждениями о том, откуда у нашего Ройфы завелась невеста. Не стали, а просто отправились утром одной из суббот в пригород Новосибирска. Как сейчас помню, к обеденному времени оказались мы в чистеньком частном доме. Ничего себе домик: два этажа с мансардой, веранда — хоть в футбол гоняй, водопровод, газ. Всё честь по чести. Интенданты армейские хоть и не обладают такой ничем не ограниченной властью над личным составом, как господа офицеры от инфантерии, но тоже весьма и весьма значимы из-за своей близости к дефицитным продуктам, произведённым уже почти победившим социализмом.

Из хозяев — папа с мамой нашего сокурсника, их карманный шпиц по кличке Ройфа, чтоб уж точно не спутать ни с каким другим, и он сам, Леонид, что характерно, тоже Ройфа — в качестве запасного игрока. Из гостей — мягкотелая и равнодушная ко всему усатая плохо прореженным саксаульником для гномов невеста лет тридцати, да наша великолепная, хоть и не вооружённая стрелковым оружием системы полковника Кольта, семёрка из общаги. Плюс домработница. И никого больше. Никого, представляете, никого? Хорошо, скажем, молодая — сирота детдомовская. Но подруги-то у неё должны быть. Хотя б одна, чтобы подпись в районном ЗАГСе поставить. Но там мама к документу, удостоверяющему акт гражданского состояния, приложилась. За свидетеля был ничем не замечательный чернявый парень, которого позднее за праздничным столом не оказалось.

Удивлены, с чего бы я невесту в категорию гостей определил? Знаете, она именно так себя и вела: будто забежала на минуточку, причём не по доброй воле, а в силу не совсем понятной, не видной невооружённым взглядом необходимости. Но оставим эти подробности.

Торжество началось после того, как гости расселись вокруг раздвинутого специально для торжества стола. Все двенадцать персон уместились тютя в тютю — видать, очень хорошо Ройфа-папа считать умел. Да и мама с домработницей тоже не подвели — угощение оказалось на славу: кастрюля щей (по полторы порции на каждое студенческое рыло), тазик винегрета и ровно двенадцать рубленых бифштексов, такие в те далёкие и сказочные времена любили подавать в при-

вокзальных ресторанах, плюхнув сверху жареное яйцо с вуайеристическим прозвищем глазунья. На десерт внесли два кувшина компота из сухофруктов. Пить его полагалось, как мы сразу отчего-то догадались, после второй перемены блюд. А спиртное запивать — ни-ни, иначе останешься без сладкого.

Мама нашего сокурсника выглядела очень гротесково. Она напоминала мне особу из разряда бендерш — хозяек провинциального публичного дома, коими их описывали классики литературы начала века, тогда ещё — двадцатого. Полная брюнетка с излишним количеством импортного макияжа и парфюма, скорее всего, со стратегического склада строительных материалов, байковых портянок и этилового продукта, известного в узких кругах ГОСТа — со склада, где служил супруг, не иначе.

Кроме того, мама-Ройфа вся аж светилась разного рода украшениями из благородных металлов и элегантною бижутерией от «Яблонекса» — связи военных интендантов с ювелирными и прочими брендами уже и в пору моей юности были развиты не на шутку. И ещё одна почти незначительная, но очень характерная деталь — щёку хозяйки венчала небольшая эффектная бородавка в стиле мушки по моде средневековой аристократии. Александр Иванович Куприн, думаю, непременно использовал бы этот типаж в какой-нибудь повести.

Папа-Ройфа привычным движением развёл бутылку водки на девять человек пьющих. Восславили молодых и приступили к празднованию. Причём наши попытки выкрикнуть традиционное «горько!» были немедленно пресечены мамой, которая заявила, что в благопристойных семьях кошерных еврейских атеистов не принято потакать не лучшим образцам творчества так и не воспитанного веками лапотного народа.

Съели суп. Умяли добавку и приступили к бифштексам. Второй раз никто не наливал. Спиртного на столе не наблюдалось, и, мало того, похоже, его не предполагалось в принципе. Вот так раз. Не свадьба, а воскресный обед пролетария в чайной «Три поросёнка» в сокращённом с точки зрения алкоголя варианте, поскольку жена обнаружила заначку в тайном кармане трусов озабоченного похмельным синдромом люмпена во время стирки оных.

А с начала свадебного банкета прошло всего-то минут двадцать, не больше. Мы с ребятами переглянулись, поздравили молодых ещё раз, подняв гранёные стаканы, по всей видимости, оказавшиеся лишними в солдатской столовой. Правда, второй тост можно было назвать исключительно лечебно-диетическим — с компотом имени Мичурина вместо водки.

Спустя ещё пять минут мы откланялись и потянулись к выходу трезвым клином порядком озадаченных, но не успевших пасть ангелов.

В дверях Ройфа-папа каждому из нас пожал руку и осчастливил персональным напутствием.

— Молодцом, так держать! Как говорится, делу время, на свадьбу — час!

— Учитесь строительному делу настоящим образом, молодой человек! Это далеко не воздушные замки... Здесь полёт мысли!

— Рад был знакомству! Передавайте привет маме.

— Свадьба в жизни мужчины занимает особое место, четвёртое — после службы, азартных игр и торговли.

— Главное, парни, чтоб голова работала! Тогда и желудок будет трудиться регулярно.

— Любите родителей, которые произвели вас на свет, и берегите материальные блага, коие вам от них достанутся. И тогда уже ваше поколение, возможно, увидит, что же есть коммунизм... и стоило ли так надрываться в погоне за ним.

— Помните, ребята, партия — наш рулевой! И это не пустые слова. В вашем возрасте уже пора присматриваться к рулевым тегам.

И затем папа однокурсника напутствовал всех нас вместе, когда мы вышли за порог:

— Будете в наших краях, заглядывайте. Не пропадите. Роза Борисовна любит гостей. Правда, Розочка?

Оказавшись на улице, **бывшие** гости за исключением, разумеется, **бывшей** невесты (теперешней законной супруги) принялись шарить по карманам. Денег хватило на три бутылки ликёра «Розовый» — единственный более или менее достойный благородных донов напитков, который удалось обнаружить в ближайшем магазине.

Вы никогда не употребляли ликёр «Розовый»? И хорошо. Впечатление после его проникновения в организм такое, будто из парикмахерской вышел. Причём там тебя постригли, побрили, освежили чем-то поительно-розовым, а потом вывернули наизнанку.

Вот на столь необычной свадьбе мне посчастливилось погулять самым чудесным образом. А Ройфа развёлся уже через пару месяцев, оставив, правда, от «счастливой супружеской жизни» фамилию загостившейся жены. Теперь наш однокурсник стал Леонидом... э-э-э... не то Спиридоновым, не то Смирновым. Вероятно, ему с новой фамилией было более удобно подступиться к рулевым тегам партии, о чём его отец-интендант позаботился столь стратегическим образом. Как сказал бы

друг моего друга Гульбарий, это вам не в шапчике сидеть! И точно — не в скворешнике!

Дальнейшая судьба сына Ройфы и Розы Борисовны осталась бы для меня тайной, если б спустя несколько десятилетий меня не отыскал в социальных сетях мой бывший новосибирский однокурсник. Разговорились, вспомнили давние годы, а потом он мне и поведал, что Лёня Ройфа одним из первых в годы перестройки решил уехать в Израиль на ПМЖ. Всё бы у него, теперешнего Смирнова или Спиридонова, сладилось и без лишних манипуляций, но Ройфа оказался перфекционистом. Потому затыкнул отъезд, меня вновь обретённую фамилию на родовую.

— Выходит, зря мы на свадьбе гуляли! — скорее утвердился я во мнении, чем спросил давнишнего приятеля.

— Выходит, зря, — поддержал меня он. — Зато ликёр «Розовый» навсегда запал в душу.

— И не говори: как вспомню — так с души воротит!

Глава 13. Подкурил

Расскажу вам историю, отчего я не понимаю голландцев. То есть, как это в каком вопросе? В вопросе лёгких наркотиков, разумеется. Не перебивайте, мои юные друзья, а слушайте, что вам старшие товарищи донести хотят. Подобного ни один путёвый нарколог не расскажет. Работал я тогда на... однако... не скажу, каком, предприятии. В Томской губернии дело было. В общем, суконно-валяльная фабрика имени самого продвинутого сибирского валенка. Я там электриком числился в штатном расписании, по невероятно счастливому стечению обстоятельств, между прочим.

В городе предприятие, можно сказать, одно такое. Большое, в смысле. Как сейчас говорят — градообразующее. Рабочих мест в цехах полно, одни вакансии, а никто туда идти не хочет. Этаким парадокс: город фабрика вроде же образует, а трудятся там аборигены из-под палки, словно б наплевать народонаселению на процветание родного края. А всё почему? Работа на предприятии тяжёлая и вредная. В основном одни бывшие зеки на валяльном фронте стаж трудовой мотают. Этим всё равно, на каком производстве мотать или наматывать. Больше-то нигде не устроишься с их «ксивами» об освобождении. Ну, а электрики и слесаря на фабрике из обычных граждан.

Ну и, чего скалитесь? Мол, сам же говорил, будто полно вакансий, о каком тогда удачном случае речь? Нет-нет, ни буя не привираю. Сказал же, по счастливому стечению обстоятельств туда устроился в де-

журную смену, стало быть так и есть. Мне после армии, кровь из носа, требовалось стаж по специальности заработать перед институтом, чтоб вне конкурса идти. А электрики — элита предприятия, не чета валяльщикам.

Те, кто помнил из курса средней школы закон Ома, считали себя вправе претендовать на должность и в очереди за воротами строились дивными шеренгами. Я-то должен был оказаться в тех рядах вне конкуренции, поскольку три года на субмарине этим самым электриком служил, но у местного руководства иные воззрения на производственный процесс: блат и уважение в виде подношений дефицитных товаров, желательно — импортных, превыше профессионализма. Потому мне, собственно, не светило устроиться на работу в текущей девятой пятилетке. Но всё до поры, покуда жареный петушок в лице инспектора энергонадзора в задницу не клюнул.

На мою удачу, как раз, когда я документы в кадры принёс, и мне уже успели отказать, где-то в цеху один из электриков неумех свалился со стремянки, попав под напряжение, и сломал руку. Сыр-бор, всем не до меня. На фабрику вот-вот прибудет комиссия энергонадзора: нашлась добрая душа — донесла по инстанции, едва лишь событие случилось. И теперь готовится грандиозный шумер с увольнением директора и лишением его партбилета. И не сколько за несчастный случай на производстве, а больше за то, что сменным электриком трудился человек, не имеющий на это права. Мало того, работничка данного ещё и приказом не успели провести. Скандал!

Едва я вышел из отдела кадров, меня останавливают и вернуться просят. Сметливый кадровик доложил начальству, дескать, есть у него в загошнике самый настоящий электрик «с корочками», недавно демобилизованный из рядов ВМФ СССР. Ушлый директор, не будь дураком, сразу велел меня оформить задним числом вместо пострадавшего и после краткого напутствия в цех выпустить. Переодели меня в робу с чужого плеча, дали в зубы инструмент и велели пока суть-да-дело создавать видимость, будто сгоревшие лампы меняю.

Комиссия по наводке доброжелателя приезжает на фабрику, шашть — в кадры, где, мол, пострадавший? А им в ответ — нет никакого пострадавшего, работа идёт штатным порядком. Второй вопрос — а тогда электрик из валяльного цеха где? На рабочем месте, где ж ещё-то! Он недавно работает, второй день, только из армии вернулся — взгляните на документы. Делом занят, можете убедиться: всё с ним в порядке — «жив здоров и невредим мальчик Вася Бородин».

Таким образом, я оказался в дежурной смене со стажем «ещё со вчерашнего дня». То есть заступил на первое дежурство по бухгалтерским документам за сутки до того, как фактически вышел на работу.

Поработал я с недельку по пятидневке, а потом поставили меня в смену. Ходил со мной в напарниках один сильно подозрительный сучильщик «из бывших». Словно «датый» вечно. Глаза всегда в одну точку, слова воспринимает раза с третьего. Ходит и лыбится, будто бы котейка Чеширский. Сам доходной, но валенки валяет, «как здрасьте». Талантом, знать, не обижен. Да, нет... не электрик... Лишь числился таковым. Сам всё больше по валенкам, а на мне все Амперовы дела, вся Кулонова вольница. Вольтануться можно от подобной нагрузки!

Я долго не мог понять, чем же так дорог бывший «сиделец» директору, если он дефицитную должность для того не пожалел. Оказалось, выполняет специальные заказы: необычные красивые валенки, по большей части белые, с узорами, подшитые и с небольшим каблучком. Не иначе, для взяток и на продажу. В цех парня поставить нельзя, поскольку нужно будет план по валу горбатить, и тут уж не до изысканной зимней обуви.

Быстро я смекнул, что не стоит на судьбу сетовать и просить нового напарника, иначе вылечу со свистом с фабрики, а мне стаж позарез нужен. Потому тяну свою лямку и не жужжу понапрасну, а с напарником липовым общаюсь исключительно по мере производственной необходимости.

И вот однажды во вторую смену предложил мне этот «дух Акатуйский» разделить с ним пару затяжек какой-то «дури». Сели мы в подсобке. Дёрнули по паре раз от щедрот «косячка», помещённого в чрево «беломорное». Зека моего бывшего растащило, плывёт весь. А мне — хоть бы хрен по деревне. Запах специфический чувствую, а в голове ни шиша.

Посмотрел на меня напарник и говорит, дескать, с первого раза не всегда забирает-торкает. Ничего, мол, вот всё начальство с фабрики уедет, мы с тобой, Славка, под водочку это дело повторим в самый расплетык сказочный. Под водочку, оно, знаешь, как замечательно будет. Оттопыришься непременно! Ништяк! Вштырит — словно сам Христос по душе босыми ножками!

Хорошо, проходит время окончания рабочего дня для «пятидневщиков». Снова сели мы в подсобке. Бывалый мне полстакана из чекушки на глазок отмерил.

— Делай затяжку, — говорит, — и запивай. Но сядь сперва, чтоб с непривычки головой не удариться, если падать вздумаеться.

Сидим. «Травку» с напитком мешаем. Смотрю, уркаган мой конкретно торчит, будто лом в дерьме. От смеха его пополам сгибает. Взгляд безумный, а руки совсем не слушаются парня. Мне же — опять всё по якутскому ритуальному барабану, голый Вася. Плюнул я, водку допил и пошёл в цех.

Однако чувствую, что-то со мной не в порядке. Жрать хочу, как из пушки. И такое впечатление — если не поем немедленно, то все кишки запутаются, а мне придётся «дубовицкого» во цвете лет играть. Побежал в столовую. Она у нас прямо на территории фабрики была. Бегу и думаю: «Только б не закрылась, только б не закрылся...» Ноги, словно ватные. Успел еле-еле. Уже дверь запирать собирались.

— Тётя Дуся, — кричу, — не осталось ли у вас чего, спасительница моя ясновельможная?!

Та от неожиданности замок навесной с двери сняла и говорит:

— Что случилось, Слава? Ты, как будто не в себе сегодня... Не пьян ли часом?

А мне не до объяснений. Хорошо,мышленная тётка попалась. Сразу поняла — нельзя до каннибализма дело доводить. Короче говоря, съел я полбуханки хлеба и трёхлитровую кастрюлю холодных склизких макарон умял, всё киселём позавчерашней дойки запил. Тётя Дуся на меня смотрит, словно на узника Освенцима, жалеет и приговаривает:

— Я ведь не знала, что такое дело... Остальное всё свиньям на подсобное хозяйство... С чего ж оголодал-то, милый мой? Или в карты зарплату проиграл?

— Всё нормально, — говорю, — всё путём. Просто аппетит сегодня зверский.

Тогда тётя Дуся, добрая душа, дала мне яблоко, пряник и две конфеты, заначенные для внука. Залудил безо всяких угрызений совести, хотя и поблагодарил сердобольную повариху.

Всё, вроде бы, наелся.

Ошибся, как оказалось. Через час та же история повторилась. Еле до конца смены дотерпел. А в общаге поздним вечером всех соседей на ноги поднял. Сожрал три котлеты с батоном, сковородку тушёной капусты опростал, выпил две кружки чая с баранками, а заодно ещё литруху варенья домашнего приговорил.

Позднее просыпался два раза среди ночи. Первый раз достал пельмени, которые висели в авоське за окном на морозе — в холодильнике «Форточка», принялся варить на кухне. Не дождался, куда будут готовы — сожрал полусырыми.

Второй раз просто попил чаю с печеньем. Уже и не лезло. Впихнул насильно.

Стоит ли рассказывать, чем всё закончилось? Крепость моего «стула» оказалась назавтра такой прочной — три дня еле ползал не в состоянии согнуться. Как только по шву не лопнул, удивляюсь.

Вот с этих самых пор я голландцев не понимаю. Хотя, наверное, у них уже тогда нечто вроде «Мезима» и «Дюфалака» в аптеках водилось. Капиталисты, чтоб им...

Глава 14. Разум силу ломит

Учился я в этот период не то на втором, не то на третьем курсе Ульяновского политеха. Да-да, заочно учился. В первой попытке в Новосибирске очным образом пытался получить высшее образование, но не вышло. Пьянки-гулянки, девочки-припевочки... Вырвался, как говорят, на свободу из-под родительской опеки — и вот вам результат: был насильно разведён с отсрочкой от службы в армии и отправлен на Тихоокеанский флот за хронические пропуски занятий и вытекающую из данного обстоятельства академическую неуспеваемость. Три года постигал потом науку подводного электрика на субмарине проекта С-613. После дембеля устроился на работу, а образование получал уже заочным манером.

Не знаю, как в иных ВУЗах, а в Ульяновском политехе сессии у заочников в годы переразвитого социализма тянулись, словно резинка от старого эспандера — будь здоров: месяц, а то и полтора. Приезжаешь из своей глубинки, тебе в две-три недели принимаются такой объём материала вмантуливать в жутком темпе, который тем, кто на дневном отделении обучается, целый семестр вдалбливают; лабораторные — с той же интенсивностью. Какие уж тут терапевтические дозы. Беспредельный.

Сдаёшь потом эти лабы, зачёты, курсовики навалом, в суматохе, вперемешку. Не сдаёшь, собственно, а спихиваешь. Голова к концу дня порой ничего не соображает. Бывало, некоторые мои сокурсники путали, по какому предмету зачёт получен, по какому ещё нет — повторно приходили. Мало весёлого-то. Время только зря теряешь, а его можно было на что-то другое потратить.

А ведь мы же умудрялись и гульнуть хорошенечко, кроме всего прочего. Но не в процессе зачётной гонки, разумеется. Просто рано или поздно приходит такой момент, когда всё — отстрелялся почти. Зачётка с правой стороны разворота ломится от записей, значит, пора к

экзаменам голову готовить. Если и дальше ко всему относиться серьёзно, с ума можно сдвинуться в результате чересчур насыщенного учебного процесса. Но лучше, как говорится, вычистить трюмы для погрузки основного багажа знаний, что обычно заочники и делали.

Вот помню, сдали мы с ребятами из группы последний зачёт, и вдвоём с приятелем, решили отметить радостное событие походом в ресторан — на людей посмотреть, себя показать и не получить при этом в морду. И девчонок с дневного отделения с собой позвали, дабы не терять времени на поиск партнёрш для танцев. А то, сами понимаете, подвыпившему мужчине непременно захочется пригласить даму на тур вальса. А если выделенная тобой дама уже с кавалером, а не одна, будто былиночка? А если кавалер тот, нервный боксёр с «корочками» мастера спорта международного класса? Ага, вот-вот... тут и до мордобоя недалеко.

Таким образом, по старинной народной традиции припёрлись мы с дружкой институтским «в Тулу» со своим, что называется, самоваром. Сидим, музыку живую слушаем, выпиваем, закусьваем, танцуем. Девчонки рады. Не часто им удаётся в увеселительное заведение выбрать — у студентов-очников не настолько велик доход, чтобы запросто по значным местам шляться, да ещё и подружек с собой водить. Другое дело — заочник, человек самостоятельный, по большей части — обеспеченный, не жадный... если на выезде.

Вечер, кажется, удаётся. Сидим, отдыхаем вчетвером. Настроение чудесное. Расслабуха.

И тут, ровно, как у классика, «среди шумного бала случайно», начинает к моей даме один хлыщ приставать. И так к ней подъедет и этак. Разрешите, де, с вами тур вальса станцевать и угостить шампанским. Расфуфыренный мужик, что твой индюк, только вместо бороды жабо из невыносимо-бледно-лиловой ткани под самыми брылами болтается. Зрелище не для слабонервных, должен заметить. Тогда же о добрых голландских бисексуалах нам ничего неизвестно было, вот и злились при виде подобных господ, не понимая, от чего конкретно.

Девушка моя ни жива, ни мертва: чувствую, отказать впрямую почему-то не может, но и соглашаться не спешит. Бледная вся, а саму колотит, будто в лихорадке. Понял, нельзя Катерину, так студентку-очницу звали, в лапы гоголя расфранчённого отдавать. Оттёр я его подальше от столика и говорю:

— Извините, дама не танцует. Она вам русским языком объяснила, неужели непонятно?

— А вас не спрашивают, молодой человек! Это моя невеста, а вы её по ресторанам водите... И не стыдно?

— Вот тебе раз. О женихе мне ничего сказано не было. И какая ж она вам невеста, если с вами даже танцевать не хочет?!

— Посмейте мне здесь ещё указывать! Быстро укорот дам! Хам!

Настроение у меня всё равно благодушное, невзирая на приключившуюся неприятность, потому замечаю:

— Не стоит ругаться. Вы бы отношение со своей невестой выяснили для начала. Мне, собственно, охоты нет — в ваши разбирательства влезать.

Мужичок ничего мне не ответил, а лишь схватил Катю за руку, крайне грубо схватил и принялся на неё кричать совершенно жутким образом. Та в слёзы. А франту, видно, этого и нужно, будто подпитывается он чужим негативом. Чисто вампир энергетический.

Взял он потом девчонку за плечи и, ну, трясти, как грушу в период сбора урожая. А сам лыбится, чисто фарфоровый Будда, такой у моего отца на книжной полке стоял. Я не рассказывал разве? Ну, да — с отбитым носом. Только фарфоровой копии нос отшибли по неосторожности, а у возникшего перед нашим столиком франта...

Тут я не выдержал. Не моё, конечно, дело, но, если не умеешь с девушками обращаться, то лучше при мне руки не распускать. Зарядил я господину под глаз легонько, нос, правда, ломать не стал. Завизжал мой оппонент, Катю выпустил и в сторону отскочил с криком:

— Ты мне заплатишь, скотина! Убью, по стенке размажу! Будешь кровью дрить до старости.

На последнюю реплику я отреагировал адекватно, настолько адекватно, что у мужика на лице случилась полная симметричность осветительной атрибутики. Появился метрдотель с вышибалой подмышкой и заблажил, мол, не нужны ему здесь драки, дескать, прямо сейчас вызовет он милицейский наряд, и ещё много рассуждал о каких-то моральных издержках. Оказались они не так уж и велики, громогласно заявленные издержки — хватило трёх рублей, чтобы погасить начавшийся было пожар.

Господин в жабо, тем временем, исчез из поля зрения. Катя же всё не могла успокоиться. А когда в себя пришла, сказала:

— Ой, Славочка, это ведь преподаватель по сопромату. Он и у заочников экзамены принимает... Что ж ты наделал?!

— Позвольте, сударыня, это я наделал? А кто надумал свои личные проблемы за счёт других решать? Тоже я?

— Ты всё неверно понял. Николай Сергеевич давно за мной ухаживал. Я всё отказать не могла, а потом решилась. И тут его словно подменили. Стал он меня всюду преследовать и разные гадости говорить, мол, если замуж за него не выйду, со свету сживёт, ославит перед сокурсниками. Я даже из общаги вечером выходить боялась, если не в компании.

Прошёл месяц, Николай Сергеевич, вроде бы, перестал за мной волочиться в своей агрессивной манере. Я и успокоилась. А тут такое... Не удивлюсь, если узнаю, что он за мной следил.

— Ничего себе, Катюша, ты рассудила. Всё тебе хиханьки, а мне ещё экзамен сдавать. Хотя, конечно, вероятность к этому змею Коленке попасть — один к четырём. Буду надеяться на лучшее.

Не успели мы успокоиться, как в поле моего зрения вновь обозначился Николай В Жабо Сергеевич. Он расположился через столик от нас с огромным и вдоль, и поперёк мужиком, больше напоминавшим аккуратно постриженный кипарис с мордой орангутанга в середине кроны, чем на обычного человека.

Преподаватель сопромата, обнаружив, что вся наша компания его заметила, начал гадливо подмигивать, показывая большим пальцем на своего соседа. Я немедленно догадался, «оружие возмездия рейха» уже приведено в полную боевую готовность. Требовалось просчитать, как же действовать дальше, дабы следующим утром прийти на консультацию своими ногами.

Понятно, затевать драку прямо в зале моим оппонентам будет не с руки: реноме преподавателя — прежде всего. К тому же, сражение в пределах «внутренней Монголии» обязательно будет сопровождаться изрядными финансовыми издержками. А вот на выходе из ресторана, там, где начинаются нейтральные степи «Монголии внешней» — другое дело. Там, вероятно, меня и будет ожидать премилая горилла с повадками каннибала — ишь, как шашлык по-карски мурцует — только звон шампуров о металлический прикус гиганта по всему залу распространяется со зловещим текстом: «Я те дам, засранец! Я те дам!».

И ведь даст. А как быть-то? Такое тут меня зло взяло — я просто взвился с места и напрямик в сторону оппонентов направился. Телеграмму летописного содержания — типа «иду на Вы!», правда, не послал предварительно. Да знал я уже, что делать стану. Конечно, знал. Я же с головой-то дружу, как вы понимаете.

Короче говоря, препоручив Катю заботам приятеля, двинулся я к столу, где сидел Жабо Сергеевич и Орангутанг Гориллович. У препода-

вателя даже глаза на лоб полезли от неожиданности. Не мог он понять, отчего мне вдруг в голову втемяшилось развязку ускорить.

Подошёл я поближе и сказал, насколько возможно дерзко:

— Ну, и что вы, пацаны мои славные, хотите? Помахать кулаками? Давно, видать, в чужих руках не обсирались? Келеш-мелеш, трёшь-мнёшь, сейчас я вам предоставлю такую возможность.

— Че-го? — привстал Кипарис Каннибалович. — Что здесь за клоп варнякает? Да я... тебя... С говном покойной Жучки смешаю! Слышь ты, урод?

— От Спинозы спинного мозга слышу!

— Коля, я сейчас этому... этому... прыщу грызло-то расплющу!

— Стой, Витёк! Не видишь, он тебя провоцирует? Дождёмся, когда на улицу выйдет, там делай, что хочешь.

Я не стал дальше дразнить Орангутанга Кипарисовича, а просто предложил:

— Смелый, говоришь? Тогда пошли сразу на воздух, там и разберёмся, чьи трусы сильнее полиняли?

— Че-го?

— Выйдем, говорю, шкаф безмозглый!

— Ну, я тебе сейчас сделаю козью морду!

И мы направились к выходу. Я двигался быстрым шагом, поскольку свист и сопение господина Кипариса Квазимодовича подгоняло меня в спину.

И вот мы на крыльце ресторана. Маленький я, а напротив преподаватель в жабо и его дрессированный Годзилла Каннибалович, который жаждет немедленной сатисфакции за то, что ему пришлось познакомиться с игрой моего интеллекта, выраженного в словах и словосочетаниях.

Монстр орал, будто я украл у него туалетную бумагу в самый ответственный момент, ничего не предоставив взамен — ни газеты, ни лопушка, ни фанерки, ни даже трамвайного билета:

— Держись, гадёныш, сейчас я сделаю из тебя котлету по-киевски с дроблёными косточками!

— А ты быстро бегаешь?

— Че-го?

— Тогда догоняй!

Свои последние слова я сопроводил стартовой позицией и отчалил на непредсказуемую дистанцию в темпе первого юношеского разряда. Мои добрые друзья — гражданин, увенчанный облаком жабо, и стриженный под «полудУбок» кипарис с кулаками — опешили. Они просто

не ожидали от меня настолько вопиющей наглости. Да и бегать, видно, с детства были не обучены. Так что вскоре оказался я в полной безопасности и спокойно вернулся в общежитие, куда через несколько минут после меня примчался на такси мой напарник с девчонками. Вечер мог бы оказаться испорченным, но по дороге ребята посетили привокзальный буфет и прихватили оттуда две бутылки шампанского и даже коробку дефицитных конфет с просроченным сроком реализации. Праздник продолжался ещё достаточно долго... О его подробностях умолчу, чтобы не поколебать нравственных позиций преподавателя сопромата. Пусть засыпает спокойно и спит без кошмаров, вспоминая молодость.

Но на этом, как вы понимаете, дело не закончилось. Иначе стал бы я распинаться битый час перед вами. Верно-верно, экзамен по сопромату принимал у нашей группы тот самый незабвенный Николай Сергеевич, один из четырёх преподавателей кафедры, прикрепленных к заочникам. Только теперь он выглядел более торжественно в своём костюме советского клерка средней руки. Особенно знаково выглядели тёмные очки с возможной диоптрической составляющей, прекрасно скрывающие следы недавних походов. Словно и не случилось ничего пару дней назад, и перед студентами сейчас сидит не любитель закатывать истерики в публичных заведениях, а сама социалистическая благонамеренность.

Было совершенно отчётливо понятно, «ледового побоища» не избежать. И ещё не факт, что псу-рыцарю из ордена заочников удастся удержаться на поверхности. Топить будут! И топить самыми извращёнными способами.

Так, собственно, и вышло. Николай Сергеевич с трудом скрывал своё торжество, когда я скромно к нему подсел, готовый к ответам на все вопросы доставшегося мне билета. Процедура «месть хана Гирея своему проштрафившемуся внуку» продолжалась минут тридцать. За это время экзаменатор успел насладиться вендеттой а'ля сопромат в полной мере.

Я узнал, что подобных лоботрясов и невежд, как я, ещё не видел свет. Что система заочного обучения должна немедленно избавляться от подобных «субчиков, дискредитирующих светлый лик лучшей в мире советской высшей школы». Что нельзя давать дипломы **кому попало** только лишь потому, что **у меня** хватает наглости прийти на экзамен неподготовленным. Логика в последнем заявлении практически не обнаруживалось, но Николаю Сергеевичу было совершенно на сей факт наплевать. Гнобил он бедного студента-заочника со знанием дела. И

будь на моём месте кто-то со слабыми нервами, неизвестно, чем бы всё закончилось.

Сессия моя затянулась. Всё сдано, кроме сопромата. Пришлось давать телеграмму на родное предприятие, испрашивать разрешение на получение пары недель в счёт очередного трудового отпуска, за свой счёт у нас не полагалось.

Прошло дней десять, мне удалось сделать две попытки сдать экзамен, но, как вы догадались, всё напрасно. И главное, что обидно, я прекрасно знал сопромат с той поры, когда учился до службы «на флотах» ещё в Новосибирске. И самое неприятное — не просто прекрасно владел предметом, но и знал о своём знании, был уверен в нём. Мало того, Николай Сергеевич тоже прекрасно понимал, что Я ЗНАЮ!

Необходимость принимать экстренные меры обозначилась очень отчётливо, иначе всё могло закончиться не совсем весело. И я отправился к заведующему кафедрой. Тот очень удивился обрисованной ситуации. Никогда доселе не случалось, чтобы заочник не сдал экзамен за три попытки. На «удовлетворительно» всегда можно было сговориться. А тут такое дело — нашла коса на кастинг.

Через день я сдавал экзамен целой комиссии. Ух, и пытали ж меня. Столько эпюр распределения напряжений в разнообразных балках, сколько нарисовал я на доске в тот день, не строил целый курс за семестр обучения.

И вот, наконец, заведующий кафедрой взял слово:

— Хорошо, Салеев, вы нам продемонстрировали, что научились разбираться в материале. «Отлично» мы вам поставить не можем, поскольку, как говорится, не с первого раза (многозначительный взгляд в сторону Николая Сергеевича), а вот четвёрка ваша очень крепкая. Поздравляю со сдачей!

Вылетел я из аудитории счастливый и пьяный от хлынувшего в кровь гемоглобина. Присел на подоконник, просто хотел успокоиться, а тут и мой визави вываливается. Увидел, что я никуда не спешу, и давай меня костерить:

— Теперь доволен? Всю жизнь мне испортил, гадёныш. Теперь хоть с кафедры уходи. Сука ты, Салеев, а не студент!

Хорошенькое дело — я же ещё и виноват! Взыграло во мне ретивоё, и очки с затемнением Николаю Сергеевичу снова оказались очень необходимы. Он визгнул фальцетом оскопленного евнуха, будто вызовет милицию, только придёт в себя — сразу вызовет, но на этом всё и закончилось. Не вызвал — взбзднул. Коллеги-преподаватели тоже суетиться не стали, хотя и видели весь процесс обновления фонарей под

глазами кичливого ассистента. Они просто улыбались и проходили мимо.

Что вы говорите? А всё — больше мне на данной кафедре ничего сдавать не довелось. Я же инженер-энергетик, ё-моё, но ни разу не механик. Слышал, правда, краем уха, что вскоре Николай Сергеевич уволился по собственному желанию и скрылся в неизвестном направлении. А Катя? Её я встретил через полтора года. Она вышла замуж за своего однокурсника, родила, сидела тогда в академическом отпуске. Посмеялись с ней, вспоминая давнишнее приключение, погуляли с коляской, будто молодая семья. Но с мужем она меня знакомить не стала. Видно, боялась, тот приревнует, а бегаёт он точно лучше меня, поскольку имеет разряд по лёгкой атлетике.

Глава 15. Бальные танца, вместо послесловия

В возрасте примерно с десяти до четырнадцати лет я посещал студию бальных танцев при дворце пионеров. Класс танго и самбы. Потом меня выгнали за бесперспективность — ростом оказался мал и никак вытягиваться не желал. Сначала думали — вот-вот, а мальчик не рос... Поэтому и выгнали. Но основным движениям выучился я так, что не забуду при всём желании до конца жизни.

Когда уже в лицее информатику преподавал, молодые девчонки на вечерах со мной предпочитали танцевать, а не со сверстниками. Сейчас же из парней, кого ни возьми, никто толком и двигаться не умеет. А уж о том, чтобы правильно вести даму в туре вальса, речи нет вовсе.

А я танцевальному искусству три года отдал и ничуть о том не жалею. И партнёрша у меня всё это время одна и та же была. И чувство влюблённости у нас на втором году общения появляться начало, несмотря на то что очень мы с Валентиной поначалу вздорили. Чуть не до драки дело доходило. Потом как-то притерпелись. И знаешь, удивительное дело — должны бы мы с ней надоесть друг другу по всем законам, поскольку не только во время танцев общались. Частенько провожал я её после школы (мы в соседних учились). Должны были друг другу приесться хуже горькой редьки, а не надоедали. Наоборот, чем старше становились, тем сильнее друг к другу привязывались. Но тут меня выгнали по причине малого роста — партнёрша на полголовы выше (и это без каблуков) — куда такое годится! Недели две я переживал, даже заболел, из дома — ни ногой. Всё ждал, когда Валя ко мне зайдёт. Но не зашла. Я про неё и забыл. Голуби помогли. А потом как-то всё рассосалось: пропала любовь, так и не состоявшись.

И вот во время отпуска, через сорок с лишним лет, встретил свою бывшую партнёршу Валечку... теперь уже Валентину э-э-э,.. а вот отчества не вспомню.

— Как же ты её узнал?

— Очень просто: когда три года по семь часов в неделю смотришь в глаза девчонки с расстояния детской ладони, неужели не запомнишь?

Итак, через сорок с огромным хвостиком лет...

...шёл по улице родного Димитровграда, и вдруг — бац! Словно взрыв в голове. Только женские глаза вижу. А больше никого и ничего. Чувствую, она, женщина эта, тоже меня из толпы выделила, но не может понять, почему. Окликнул коротко:

— Валя, здравствуй!

— Славка? Ты?.. Ты меня вспомнил?.. А я вот так бы и прошла мимо, если б не позвал... по имени.

Сразу все дела побоку — завернули в кафешку, которую я бы на месте хозяина переименовал в «Ностальгию». Почему — только мы? Ничего подобного. Там ещё несколько пар, скажем так, не пионерского возраста воспоминаниям предавалось. Вот здесь за бокалом красного вина Валя мне и призналась:

— Знаешь, ещё в те времена... ты был маленький, но сексуальный... зараза... Я к тебе прикасалась и не понимала, что со мной происходит...

Тут у меня, мой махонький дружок, даже уши вспотели от возбуждения. Боже ж мой, столько лет прошло, а тут оглушительное признание! А я ведь ни о чём не догадывался тогда. Не зря говорят — девочки раньше взрослеют.

Но, как говорится, задним умом, как бы ни был ты им крепок, дверцы в прошлое не сломаешь. Если только — на уровне сверхсознательном, впрочем... что говорить о мечтах, растаявших много лет назад. И единственное, что мне осталось после этой встречи, а оказалась она катастрофически недолгой по причине обязанностей бабушки у моей давнишней партнёрши по танцам — пойти и толком выпить пива. А завтра я уехал.

Заключительное слово автора

Мой друг Ислям Хуснутдинович Салеев скоропостижно скончался в январе 2009-го года в возрасте 58 (без двух месяцев) лет. Всё истории, опубликованные выше, написаны при его жизни, а собраны вместе в виде повести о детстве героя значительно позднее.

История не терпит сослагательного наклонения? А история Славкиного детства и отрочества сможет. Пусть потерпит. Потерпи, история! И хотя это всё было писано-переписано 2,5 миллиарда лет тому назад... И повторится ещё не раз... Цикличность процессов неизбежна. Спираль Салеевского бытия закручена туго, и «татарский генезис» — её первое имя.

И даст Бог, всё развернётся снова и снова. И мы встретимся со Славкой когда-нибудь в новой жизни. И я скажу ему:

— Добрый вечер, дяденька Салеев! Мир ничуть не улучшился в наше отсутствие, не находишь?

А Славка поправит очередную, пока не потерянную пару очков и ответит со свойственным ему лукавым прищуром:

— Это всё от мракобесия! Хренотень по Чехову! Ты сильно не переживай — ещё сумеем потряхнуть серпом по граблям.

И мы со Славкой уйдём в ту сторону, где восходит солнце. И земля раскрутится под нашими ногами, и запоёт натянутыми струнами ЛЭП, и придёт тот самый день, когда у нас всё начнёт получаться с первой попытки, как мы мечтали «много лет тому обратно» в том самом счастливом детстве, которое штатные и заштатные либеральные блогеры призывали называть периодом «ужасающего совка».

РАССКАЗ

Сергей Калабухин

Коломна

МАГИЯ ЛЮБВИ

1. Мечь Пирата

Алла Михайловна захрипела и обмякла. Славка тут же перестал себя сдерживать и отдался во власть собственных чувств и ощущений. Вскоре он громко застонал, судорожно сделал несколько последних толчков, выпуская скопившийся «заряд» и бессильно рухнул рядом с любовницей. Оба лоснились от пота и были полностью удовлетворены любовной «схваткой».

— Ты был, как всегда, великолепен, — промурлыкала Алла Михайловна и, собрав в горсть ладони их общие выделения, обильно струящиеся по её полным ляжкам, начала неторопливо размазывать эту остро пахнущую смесь по своему плоскому животу и большим, не по возрасту крепким грудям.

Славка благодарно чмокнул Аллу Михайловну в румяную щёчку. Он закурил и с интересом стал наблюдать за действиями любовницы. Когда все наружные выделения были тщательно размазаны по великолепному телу женщины, та начала деловито погружать пальцы внутрь себя, как в огромную баночку с кремом, и вытирать их о своё лицо. Пару месяцев назад, когда Славка впервые увидел эту процедуру, он испытал чувство гадливости и хотел немедленно бежать из этого дома, от этой ужасной женщины. Его даже затошнило при мысли, что придётся вновь прикоснуться к её телу, целовать его. Заметив тогда его состояние, Алла Михайловна рассмеялась.

— Дорогой, что это ты так побледнел?

— Зачем ты это делаешь?

— Какой же ты ещё, оказывается, мальчик! — вздохнула Алла Михайловна. — Все женщины пользуются косметикой...

— Так, то — косметика! Кремы, мази...

— Лучшая косметика для женщин делается на основе мужской спермы, — тоном учительницы, наставляющей нерадивого ученика, произнесла Алла Михайловна, невозмутимо продолжая привычный ритуал. — Так что тут у нас с тобой все необходимые компоненты есть. Без всякой химии и ненужных добавок. Зачем же добру пропадать?

Славка не нашёлся, что ответить. «Что это я, в самом деле? — подумал он. — Ведь несколько минут назад я целовал и лизал роскошное тело Аллы Михайловны, не пропуская самые интимные его места, пил в упоении страсти её соки. А она делала то же самое со мной. И мы смешивали вкус друг друга в страстных глубоких поцелуях. Тогда я не был столь брезглив».

Уже третий месяц они регулярно встречаются с Аллой Михайловной по пятницам, после работы. Аньке Славка говорит, что задерживается в офисе, чтобы не оставлять на понедельник то, что не успел сделать за текущую неделю.

— Хотя и капитализм у нас теперь, но планы и сроки по выполняемой работе шеф всем устанавливает вполне конкретные. А понедельник, как известно, день тяжёлый, голова плохо «варит» после выходных.

Жена то ли поверила, то ли делает вид. У них раньше со Славкой были жуткие ссоры по поводу его реальных и гипотетических измен. Особенно, когда он решил приударить за Катькой из соседней квартиры. А что такого? Одинокая красивая женщина, разведённая, детей нет. Сама строит глазки при каждой встрече. Зачем искать где-то далеко, когда всё, то же самое, или, по крайней мере, не хуже, есть тут, рядом?

Но в доме есть и другие соседки. Аньке быстро «настучали». Из «благих побуждений», конечно! Был жуткий скандал, Славка с большим трудом избежал развода. Спасло то, что у них с Катькой тогда не успело дойти дело до койки: в разгаре была стадия комплиментов, цветов и забивания гвоздей. С тех пор Славка тоже признал и, как говорится, взял на вооружение общеизвестный принцип, призывающий не заводить любовные связи там, где живёшь или работаешь, над которым ранее посмеивался в кругу «трусливых» друзей. Разумеется, этот принцип совершенно не мешал Славке закрутить роман с Люськой, официанткой кафе, в котором он каждый день обедал. Когда Люська начала наглеть и претендовать на нечто большее, чем секс, Славка сменил кафе, благо их понатыкано сейчас чуть ли не на каждом углу. Потом он вновь поменял кафе. Из-за Светки. Потом вновь. Где бы он обедал сейчас, если б шеф неожиданно для всех не сменил главного бухгалтера?

Алла Михайловна взяла власть над Славкой мгновенно, с первой же встречи. Она была старше, опытнее, знала, чего хочет, и умела брать то, что ей нужно. Шеф в её присутствии «сдувался» и смотрел на Аллу Михайловну, как мышь на кошку. Она и была огромной красивой кошкой. Мягкой, обворожительной, не имеющей возраста, с фигурой языческой мадонны: широкие бёдра, узкая талия, высокая полная грудь. Роскошная грива естественных рыжих волос резко контрастировала с белой, удивительно гладкой, без явных возрастных признаков кожей лица и огромными зелёными глазами. Никаких веснушек или конопушек, столь часто присущих рыжим от природы людям, у Аллы Михайловны не было. Двигалась Алла Михайловна плавно, с какой-то кошачьей грацией. Её мурлыкающий голос заставлял что-то внутри Славки сладко вибрировать. Не верилось, что под этой великолепной внешностью и мягкостью скрываются острые когти, которые в любой момент могут схватить зазевавшуюся добычу или изуродовать неосторожного врага.

В первый же день появления в их фирме Алла Михайловна через секретаршу Людочку неожиданно вызвала Славку в свой кабинет и, мило улыбнувшись, властно сказала:

— В пятницу, после работы, мы едем ко мне. Покупать ничего не надо: я сама всё приготовлю. Для своей жены придумай отговорку сам. Всё, можешь идти.

Славка не нашёлся, что ответить. Как сомнамбула, он вернулся за свой стол. Его трясло то ли от возбуждения, то ли от ярости. Что о себе вообразила эта наглая баба? С чего она взяла, что может вот так просто, без лишних разговоров «снять» его, как какого-то дешёвого жиголо? Надо вернуться и прямо высказать всё, что он о ней думает. Она даже не в его вкусе! Во-первых, наверняка старше него. Во-вторых, пышные формы Аллы Михайловны совсем не похожи на привычные Славке мальчишески стройные фигурки молоденьких официанток. В-третьих... Нет, не в-третьих, а во-первых: у Славки есть принцип! Как это он о нём забыл?

«Пойду и скажу этой самоуверенной стерве, что я не завожу романов на работе, — решил Славка. — Незачем обижать женщину, указывая на её возраст и недостатки фигуры».

Но тут его вызвал к себе шеф. «Этому-то что от меня надо?» — встревожился Славка и поспешил в кабинет начальника.

— Вызывали, Игорь Петрович? — спросил он, приоткрыв тяжёлую, обитую звукоизолирующим материалом дверь.

Шеф хмуро кивнул и махнул рукой — дескать, входи и садись. Славка утонул в низком кресле. Он почему-то всегда чувствовал себя неуверенно в присутствии начальства. Даже когда вся работа была полностью выполнена, и за Славкой не было абсолютно никакой вины, вызов шефа заставлял его сердце переходить на тревожный ритм. Вот и сейчас Славка украдкой вытер потные от волнения ладони о холодную кожу подлокотников кресла.

Шеф вёл себя странно. Обычно он ни с кем долго не рассусоливал, вечно куда-то спешил или был занят каким-нибудь срочным делом. Сейчас же он, молча, курил, задумчиво глядя на цветущую сирень за окном, как будто забыл о присутствии в своём кабинете срочно вызванного сотрудника.

Славка обеспокоено заёрзал в неудобном кресле и робко покашлял, напоминая шефу о себе. Тот, наконец, загасил в пепельнице докуренную до фильтра сигарету, нажал кнопку селектора и сказал в микрофон:

— Людочка, меня ни для кого нет.

— Поняла, Игорь Петрович, — услышал Славка ответ секретарши.

— И ни с кем меня не соединяй, — добавил шеф и отключил селектор. — Бери стул и подсаживайся поближе, — приказал он Славке и вынул из ящика стола бутылку дорогого коньяка, две рюмки и коробку шоколадных конфет. — Лимоны, извини, кончились, — криво улыбнулся Игорь Петрович.

Заинтригованный Славка, с трудом выбравшись из мягкого кресла, подсел к столу начальника. Он работал в этой фирме уже пять лет, участвовал во всех корпоративных вечеринках, несколько раз присутствовал на совещаниях, но до сих пор был уверен, что шеф вряд ли узнает его при случайной встрече на улице.

Игорь Петрович разлил ароматную жидкость по рюмкам и спросил:

— За что выпьем?

Славка пожал плечами и робко улыбнулся:

— За что хотите...

Шеф залпом, как водку, проглотил коньяк и зашуршал обёрткой конфеты. Славка послушно последовал его примеру.

— Зачем тебя вызывала Алла Михайловна? — вдруг жёстко поинтересовался шеф.

Славка растерялся, не зная, что ответить.

— Она назначила тебе свидание, — уверенно произнёс Игорь Петрович, вновь наполняя рюмки.

Славка не знал, как быть. Опровергать? Подтвердить? Чёрт его знает, какие у шефа отношения с этой Аллой Михайловной. То, что Игорь Петрович регулярно пользуется прямо в кабинете секретаршу Людочку, знали все. Но почему он уволил прежнего главбуха, работавшего в фирме с момента её основания, и взял на его место Аллу Михайловну, не знал никто.

— Молчишь? — вдруг улыбнулся шеф. — И правильно! Одобряю. А то я боялся, что ты — трепач. После всех этих сплетен о твоих шашнях с официантками кафе. — Пояснил он в ответ на возмущённый взгляд Славки. — Ты пей, не стесняйся. Коньяк хороший, армянский. Мы теперь с тобой вроде как родственниками будем.

— В каком смысле? — поперхнулся от неожиданности жгучей жидкостью Славка.

— А через постель Аллы Михайловны! — засмеялся Игорь Петрович.

Кашляя, Славка невнятно промычал что-то протестующее.

— И не вздумай сопротивляться! — вдруг становясь серьёзным, властно прорычал шеф. — Только себя погубишь.

— О чём это Вы?

— Ведьма она! — перегнувшись через стол к ошалевшему от всего происходящего Славке, прошептал Игорь Петрович. — Самая настоящая ведьма. Питается нашими эмоциями и соками. Энергетический вампир! Отказать ей — всё равно, что у голодного кусок хлеба отобрать. Не простит.

— Ведьма?

Выпитый коньяк начал действовать, и Славка расплылся в дурацкой улыбке.

— Не веришь? — Игорь Петрович достал из пачки сигарету и закурил, жестом предлагая Славке сделать то же самое. — Я тоже не поверил, когда мне год назад на своём юбилее сказал об этом сам Иван Иванович. Он и познакомил нас тогда с Аллой Михайловной.

— Тот самый? — поразился Славка.

— Других не знаю, — развёл руками шеф. — Бывший мэр, бывший Первый секретарь горкома КПСС и тэпэ, и тэдэ. Мы с ним — дальние родственники. Настолько дальние, что мало кто об этом знает.

«Странные вкусы у этой Аллы Михайловны, — подумал Славка. — Ну, ладно, я — высокий, спортивный, секс-машина. Но этот обрюзгший и наполовину лысый Игорь Петрович? Мы с ним рядом смотримся, как молодой Бельмондо и разжиревший к старости Депардье. А про престарелого Ивана Ивановича и говорить нечего!»

— Так вы, значит, с Аллой Михайловной уже год... это самое? — изобразил неприличный жест Славка.

— Иван Ивановичу тогда семьдесят стукнуло, и справляться с запросами Аллы Михайловны старику стало не под силу — проигнорировал Славкин вопрос Игоря Петрович.

— Да уж, — развеселился Славка. — В его-то возрасте!

— Зря смеёшься, Славик, — погрозил ему дымящейся сигаретой Игорь Петрович. — А сколько ты дашь Алле Михайловне?

— Ну, лет тридцать пять, — неуверенно промычал Славка. — Нет? А сколько же?

— Никто не знает! — торжествующе выпалил Игорь Петрович. — Когда Иван Иванович основательно набрался на той пирушке, он по секрету сказал мне, что влюбился в Аллу Михайловну, когда ему было всего пятнадцать лет! И она тогда выглядела точно так же, как и сейчас.

— Соврал, небось, по пьяни, — недоверчиво отмахнулся Славка. — Вы её паспорт видели, когда принимали к нам на работу?

— Давай на «ты», — вновь наполняя рюмки, предложил шеф. — Ну, когда мы один на один, конечно, — уточнил он. — А насчёт паспор-

та, я тебе так скажу: любые документы для Аллы Михайловны — не проблема. Даже если не брать во внимание её связи в наших верхах, то какой начальник паспортного стола устоит перед её чарами? Она ж — ведьма!

— Да с чего ты взял? — возмутился Славка. — Мало ли что там сболтнул пьяный, выживший из ума старикан!

— Эх, Славик, молод ты ещё! — покровительственно похлопал его по плечу Игорь Петрович. — Сколько тебе? Тридцатник уже стукнул?

— Тридцать два! — вспыхнул Славка.

— А мне — сорок пять, — грустно сказал шеф. — И до знакомства с Аллой Михайловной я успел стать полной развалиной. Все эти производственные проблемы, наезды налоговой и прочих проверяющих органов... Всем дай, от всех отбейся! Государственный рэкет, что б ты знал, похлеще бандитского. К концу дня я еле таскал ноги. Приползал домой и падал в койку с единственным желанием — выспаться. Жену только по большим праздникам ублажал. Да и ублажал ли? Не уверен...

— А как же Людочка? — подмигнул шефу Славка.

— Людочка? Это так — по-быстрому дурь спустить, — отмахнулся шеф. — Бывает, возбудишься среди дня после встречи с каким-нибудь важным клиентом или озлишься на очередного жадного инспектора, нагрывшего с проверкой... Тут либо убить кого-нибудь хочется, либо грубо трахнуть. Выбор, как видишь, невелик. И Людочка всегда тут. Поверь, никакого удовольствия при этом ни я, ни она не испытываем. Людочка, хоть и блондинка, далеко не дура. Всё отлично понимает, не жалуется и ни на что не претендует. Кроме денег, конечно!

— А причём тут Алла Михайловна? Теперь ты её вместо Людочки вызывать в кабинет будешь?

— Не пори чужь! С Аллой Михайловной всё иначе. С ней у меня для встреч назначен определённый день. И как бы я в этот день ни вымотался на работе, лишь только с ней в койку лягу, сразу чувствую себя неутомимым жеребцом. Не знаю, что так на меня действует: колдовские чары этой ведьмы или её настойки. И что самое поразительное: приду от неё домой, а у меня ещё сил хватает и собственную жену ублажить!

— Ну вот, — встрепенулся Славка. — А ты говорил, что Алла Михайловна из мужиков соки тянет! За счёт них, типа, эта ведьма и живёт.

— Думаешь, поймал меня? — усмехнулся Игорь Петрович. — Я тоже в своё время этим вопросом задался. Взял бутылку коньяка и поехал к Ивану Иванычу. И тот мне всё популярно объяснил!

Шеф, держа театральную паузу, неторопливо разлил по рюмкам остатки коньяка. И Славка не выдержал, подыграл ему, нетерпеливо спросив:

— И что же ответил старик?

— А то, — понизил голос Игорь Петрович. — Есть разные виды энергии. Во время секса люди не только свои соки смешивают, но и энергетические поля. Чем нас подпитывает Алла Михайловна, я не знаю. Но вот мы её обеспечиваем тем, что позволяет этой ведьме долго жить и оставаться практически молодой. Видимо, способ этот Алла Михайловна узнала, когда ей слегка за тридцать перевалило. С тех пор она и не меняется! Ну что, выпьем за вечную молодость?

— Ну, а мне-то какая радость с ней связываться? — хмуро поинтересовался Славка. — У меня с бабами всё в порядке, не жалуются. А вечную молодость нам с тобой не видать, если судить по Ивану Ивановичу.

— Каждому — своё, — зачмокал конфетой Игорь Петрович. — Алле Михайловне — молодость, нам мужскую силу и бодрость. Одно я знаю точно: отказ ведьма не простит.

— А что она сделает? — упрямо взбрыкнул Славка. — Обмениваться соками и смешивать поля я с ней не буду. Настойки её пить тоже. А станет на работе доставать, уволюсь к чёртовой матери! Хорошие программисты везде нужны.

— Дело твоё, — задумчиво пробормотал Игорь Петрович. — Решай сам. Я свой долг исполнил: тебя предупредил, как когда-то то же самое сделал для меня Иван Иванович. А насчёт нужности хороших программистов — не забывай о связях Аллы Михайловны. Чёрные списки пока никто не отменял. Хочешь в них попасть?

— Что же это она при таких связях в нашу фирму работать пошла, а не устроилась где-нибудь при власти? — сдаваясь, пробурчал Славка.

— Дурак ты, Славик! — с сожалением взглянул на него Игорь Петрович. — Алла Михайловна всегда в какой-нибудь маленькой фирме числится. И всегда при власти! А то, что она к нам пришла... Видимо, ей так удобнее. Или прежнее место пришла пора покидать. При вечной-то молодости долго оставаться на одном месте нельзя. Окружающие не поймут.

Шеф взглянул на часы.

— Ого! Заболтались мы с тобой! Я уже опаздываю на встречу.

Игорь Петрович встал, надел пиджак. Славка предупредительно распахнул перед ним дверь.

— Людочка, меня сегодня больше не будет. Прибери там всё, — на ходу буркнул шеф и ушёл, не сказав больше Славке ни слова...

— О чём задумался, милый? — Алла Михайловна закончила, наконец, косметические процедуры. — Какая-то проблема?

— Да так, ерунда, — встрепенулся Славка и придвинул поближе сервировочный столик, уставленный графинчиками и закуской. — Что тебе налить?

— Вон той, розовой, — пристально взглянула на него Алла Михайловна. — А себе плесни зелёной. Она тебя взбодрит и прогонит посторонние мысли.

Славка разлил по рюмкам настойки.

— За что выпьем?

— А за что ты хочешь? — беспечно рассмеялась Алла Михайловна.

— Ты — хозяйка, тебе и тост говорить, — улыбнулся в ответ Славка.

— Что ж, раз уж ты сам это предложил, — озорно блеснула ставшими вдруг чёрными от неимоверно расширившихся зрачков глазами Алла Михайловна. — За Пирата!

— За твоего кота? — неприятно поразился Славка.

— А что тебя так удивляет? — ехидно улыбнулась Алла Михайловна. — Пират со мной много лет. Искренне меня любит и беззаветно мне предан. Тебя, вот только, за что-то невзлюбил. Может, ты какие-то злые мысли на наш счёт таишь?

— Только не на тебя, — поспешил оправдаться Славка.

— Значит, на Пирата?

— Просто я с детства терпеть не могу всяких кошек, собак, хомячков и прочую домашнюю живность, — признался Славка.

— Ну, это — твоя проблема! — небрежно отмахнулась Алла Михайловна. — Тост произнесён, пора и выпить.

Славка с кислой миной хлебнул из рюмки. Настойки у Аллы Михайловны были сладкие, густые, пахли травами и цветами, алкоголь в них совершенно не чувствовался. Голова оставалась ясной, но вот ноги отказывали сразу. Танцевать после пары рюмок таких настоек Славка бы не решился. Однако через несколько минут слабость сменялась необыкновенной бодростью и эйфорией. После того, как Славка впервые отведал настоек Аллы Михайловны, всяческие вина и коньяки казались ему прокисшей брагой. А водку он теперь вообще на дух не переносил.

— Так за что же ты так не любишь животных? — спросила Алла Михайловна, с видимым удовольствием кладя в рот дольку мандарина.

— А за что их любить? — огрызнулся Славка. — Вон твой рыжий Пират каждый раз шипит на меня, как змея и выгибает спину колесом. Того и гляди, бросится!

— Ну и что? Он просто чувствует твою враждебность, вот и всё. Кошки вообще очень чувствительные существа. Не зря их обожествляли в Древнем Египте.

— Ну да, — завёлся Славка. — У меня дома тоже есть такой божок — кошка Муська. Мой сын, Колька, души в ней не чаёт. Даже спит в обнимку. Однажды, под Новый Год, я пришёл домой с корпоратива. Подвыпивший, конечно. Праздник же! Эта чёртова кошка попала мне тогда под ноги в прихожей. В раздражении, я выкинул её за дверь, на лестничную клетку. И забыл об этом. Дел-то до полуночи надо было сделать полно: ёлку нарядить, стол праздничный накрыть и так далее. Сама знаешь.

Славка нервно закурил.

— За полчаса до курантов, сын хватился своей любимицы. Обыскали всю квартиру, Колька поднял рёв. И тут я вспомнил о том, что произошло ранее, и посоветовал проверить лестничную клетку. Что тут началось! Как только меня жена не обзывала.

Дрожащей от возмущения рукой Славка налил себе ещё рюмку настойки и залпом выпил. Алла Михайловна не сводила с него странного взгляда, молчаливо побуждая продолжить рассказ.

— Одним словом, когда все нормальные люди праздновали, мы втроем обыскивали все подъезды и дворы близлежащих домов. Под все кусты заглянули, все подвалы и чердаки облазили. Люди кругом веселятся, поют и пляшут, петарды в небо пускают, а мы, как идиоты, ищем паршивую кошку!

— Нашли?

— Нашли. На следующий день. В нашем же подъезде! На седьмом этаже молодёжь гуляла. Вытащили из квартиры диван, чтобы не мешал. Ну и на этом диване, конечно, курили и всячески оттягивались ночью. А наша поганая кошка забилась под этот диван и сидела там почти сутки, хотя мы все этажи обошли и звали её по имени. Ну, не сволочь?!

Славка от возмущения подавился сигаретным дымом и закашлялся.

— И причём же здесь кошка? — удивилась Алла Михайловна. — Ты сам испортил праздник и себе, и своей семье. А бедная кошечка просто впала в ступор от страха и окружающего шума. Неудивительно, что мой Пират тебя не любит.

— Ладно, — Славка затушил сигарету и встал. — Вы все умные, один я — дурак. Мне уже пора.

Он вышел из спальни и пошёл в ванную комнату, чтобы под душем смыть с себя посторонние выделения и запахи. Славка не хотел давать жене лишних поводов для ревности и скандала. И тут ему на пути попался кот Аллы Михайловны. Всё ещё находясь под впечатлением новгородных воспоминаний, Славка, недолго думая, с наслаждением пнул Пирата, и тот шипящим шариком улетел в прихожую.

Когда чисто вымытый и успокоенный Славка вышел из ванной комнаты, он опять увидел Пирата. Кот терпеливо ожидал его на пороге прихожей. Нагло усмехнувшись Славке в лицо, Пират лениво проследовал в кухню.

«Что это он? — удивился Славка. — Не шипит, не угрожает напасть».

Славка включил в прихожей свет и задохнулся от ярости. Из его новеньких туфель на линолеум сочилась вонючая жёлтая жидкость.

— Ах, ты, гадёныш! — прорычал Славка. Обезумев от ненависти, он бросился на кухню, схватил за шкуру не ожидавшего нападения кота и выкинул того в раскрытое окно...

Пытаясь отмыть в роскошной раковине умывальника воняющие кошачьей мочой туфли, Славка громко матерился. Услышав звонок во входную дверь, он закрылся в ванной, чтобы неожиданный гость не увидел его из прихожей. Сквозь шум воды Славка слышал какие-то невнятные возгласы и жалобный кошачий мяв. «Услужливые соседи притащили рыжей ведьме её поганую тварь», — понял Славка. Вдруг дверь в ванную резко распахнулась. На пороге стояла разгневанная Алла Михайловна со взъерошенным котом на руках. Её вид был страшен. Под наспех накинутым коротким халатиком штормовыми волнами колыхались груди. Длинные пряди рыжих волос извивались, как змеи Медузы Горгоны. Засохшая на лице «маска» блестела в лучах лампочки. Глаза Аллы Михайловны вновь изменили цвет и красными угольками яростно буравили Славку.

— Как ты посмел? — прошипела Алла Михайловна.

— Ты посмотри, что этот гад сделал! — возмущённо закричал Славка, доставая из раковины испоганенные туфли. Он держал их между собою и Аллой Михайловной, то ли предъясняя улику, то ли отгораживаясь ими, как щитом, от грозной парочки.

— Если Пират что-то и сделал, то это ты спровоцировал его, — решительно отмела Славкины оправдания Алла Михайловна. — Любишь выбрасывать всех на улицу? Что ж, испытаешь это на себе. А для начала — убирайся из моего дома, живодёр!

Позднее Славка так и не смог вспомнить, как он оказался на лестничной клетке. Рядом валялись его вещи и раскисшая от воды обувь. Торопливо одеваясь, Славка оглянулся и увидел в дверях знакомой квартиры страшную рыжую ведьму со столь же рыжим, злобно взъерошенным котом на руках. Две пары одинаково горящих ненавистью глаз пригвоздили Славку к месту. Алла Михайловна выдернула у Пирата несколько шерстинок и, пробормотав что-то невнятное, сдула их со своей ладони в сторону Славки.

— Ты ещё поплатишься! — услышал он злобное шипение. Кто произнёс эти слова: ведьма или её кот, Славка так и не понял...

С той проклятой пятницы налаженная жизнь Славки рухнула под откос. В понедельник, как только он пришёл на работу, к нему подошла Людочка и, молча, положила на стол приказ о его увольнении по собственному желанию.

— Что это? — возмутился Славка. — Я не подавал заявление!

— Тебе виднее, — с любопытством взглянула на него секретарша шефа. — Мне приказали, я напечатала. Давай: или подписывай, что ознакомился, или иди сам разбирайся с Игорем Петровичем.

Схватив лист приказа, Славка ринулся в кабинет шефа.

— Что это значит? — хрипел он, потрясая бумагой.

— А чего ты ждал? — хмуро взглянул на Славку Игорь Петрович. — Я же тебя, дурака, предупреждал: не зли Аллу Михайловну.

— Так это она?.. — всё ещё не веря в происходящее, рухнул в кресло Славка.

— Нет, это генсек ООН настоял на твоём увольнении! — заорал Игорь Петрович. — Ты что, действительно, такой тупой или притворяешься? Скажи спасибо, что я тебя «по собственному желанию» увольняю, а не по статье, как она хотела. Чем это ты так её разозлил? Еле уговорил смягчить формулировку. Впрочем, подозреваю, она согласилась только потому, что тебе эта поблажка вряд ли поможет.

— Это мы ещё посмотрим! — расписался на приказе Славка. — Меня давно в две таких фирмы зовут — не чета вашей.

— Ну — ну, — холодно ответил шеф.

Он сразу как-то посуровел, эмоционально отстранился и официальным тоном сказал:

— Расчёт и трудовую книжку получите в бухгалтерии. Я уже распорядился. А теперь покиньте мой кабинет.

Игорь Петрович оказался прав. Перед Славкой закрылись все двери. Его не брали даже дворником. В отчаянии, Славка устроился в бригаду гастарбайтеров-узбеков. Их бригадир, Фархад, пять лет назад женился на местной женщине, много старше него. Жили они в том же доме, что и Славка, только в соседнем подъезде. Фархад получил российское гражданство, открыл пару овощных палаток. В начале дачного сезона к нему с родины приезжала толпа молодых «родственников», из которых он сколачивал несколько бригад, и те до самой поздней осени ставили дачникам заборы, ремонтировали сараи и крыши, мостили дорожки, рыли колодцы. Словом, не брезговали никакой работой.

Фархад явно обрадовался, когда Славка попросился в одну из его бригад. Тем более что тот готов был работать наравне с узбеками и за такую же, как у них, мизерную зарплату. Бригадир нахватал так много заказов, что ему не хватало рабочих рук, хотя узбеки работали практически от зари до зари. К тому же, большинство из них почти не понимали русский язык, и Фархад целыми днями разрывался между разбросанными по всему району бригадами, объясняя своим работникам пожелания и замечания заказчиков. Одним словом, Фархад был рад русскому рабу, а Славка хоть какой-то работе и пусть маленьким, но деньгам.

Работа, конечно, была временной, до конца дачного сезона оставалось не больше двух месяцев. Но не прошло и недели, как бригадир неожиданно появился на даче, где Славка с парой узбеков меняли крышу сарая, и, отозвав его в сторону, мрачно сказал:

— Кончай работу, Слава. Не знаю, кому и где ты перешёл дорогу, но подставил ты меня сильно!

— Что случилось, Фархад? — похолодел Славка, уже догадываясь, что проклятая ведьма достала его и здесь.

Бригадир долго мялся, оглядываясь по сторонам. Потом всё же тихо ответил:

— Меня сегодня вызвали в одно важное учреждение. Там мне прямо сказали, что, если я немедленно не избавлюсь от тебя, моим людям отменят регистрацию здесь и выгонят из России. И больше никогда не пустят. А меня привлекут за нелегальную предпринимательскую деятельность, неуплату налогов и... Ну, ты понимаешь?

— Понятно... — протянул Славка, снимая рабочие перчатки.

— Вот держи, — вынул из пухлой сумочки-визитки несколько купюр Фархад. — Это тебе за работу.

— Спасибо, — Славка, не считая, сунул деньги в карман джинсов, махнул на прощанье рукой усердно стучащим молотками под критическим взглядом бригадира узбекам и пошёл прочь...

И в личной жизни у Славки тоже был полный абзац. Ещё тогда, в ту злополучную пятницу, когда он злой, в вонючих мокрых туфлях пришёл домой, прозвенел первый колокольчик тревоги.

С тех пор, как Славка начал проходить науку любви под руководством Аллы Михайловны, он стал потихоньку применять полученные знания и навыки к собственной жене. Вскоре он совершил невероятное открытие. Оказалось, что все восемь лет совместной жизни Анька всегда притворялась, что получает от секса с ним удовольствие, часто просто имитируя оргазм. Нет, жена вовсе не призналась ему в этом, не сказала открытым текстом и даже не намекнула. Просто теперь он сам, как говорится, опытным путём убедился, что Аньке вовсе не нравится, когда Славка с силой сжимает и мнёт её небольшие, полужидкие после родов грудки или засасывает их в рот чуть ли не целиком. До него ясно дошло, что, сколько бы он ни трудился над женой в рабоче-крестьянской «позе миссионера», та при этом не ощущает ничего, кроме тяжести его тела и скуки. Когда же ей окончательно надоедает вся эта бессмысленная возня, Анька по примеру всяческих кинодив начинает тяжело дышать, стонать, имитировать судороги оргазма, приближая желанный конец неприятной процедуры. А он-то, дурак, гордо считал себя секс-машиной, был на седьмом небе от того, что полностью удовлетворяет жену.

Теперь же Славка точно знал, что стоит ему долго и нежно поцеловать жену в ямку между шеей и ключицей, и кожа Аньки покроется мурашками. А если он ласково проведёт кончиком языка по внутренней поверхности Анькиного бедра, та задрожит от возбуждения, маленькие плоские соски её груди вдруг вырастут, набухнут и превратятся в высокие розовые столбики, а из нижних губ начнёт сочиться терпкая влага смазки.

Когда Славка впервые подложил под плоский зад жены подушку и забросил её длинные ноги себе на плечи, изменив тем самым угол проникновения, глаза Аньки широко распахнулись, а с губ, наконец, сорвался настоящий стон. Главная эрогенная зона жены вдруг стала доступна, и вскоре Славка узнал, как выглядит и ведёт себя Анька во вре-

мя настоящего оргазма. С тех пор Славкина жена перестала избегать секса.

Раньше, когда Славка задерживался на работе или проводил приятный часок с очередной официанточкой, его встречали дома либо скандал, либо темнота и спина отвернувшейся к стене якобы спящей жены. Теперь, как бы поздно Славка ни пришёл, Анька его ждала. И он всегда делом доказывал ей, что ожидание было не напрасным.

Вот и в ту злополучную пятницу всё начиналось вроде, как всегда. Анька ждала его, лёжа в постели в красивом новом пеньюаре. Славка бросил испорченные туфли в мусорное ведро, быстро принял душ, вымыл душистым мылом ноги и пошёл в спальню. Вскоре Анька вся горела и трепетала, а вот Славка никак не мог возбудиться. Что бы он ни делал, как бы ни ласкала его жена, перед глазами у Славки стояла оскалившаяся в злобной гримасе рыжая морда Пирата, а в ушах звучало это шипящее «поплатишься».

В конце концов, отчаявшийся Славка, чтобы хоть как-то утихомирить начинавшую злиться жену, вынужден был использовать язык и пальцы. А когда всё, наконец, закончилось, пробурчал, что сильно вымотался на работе. А вот завтра, в выходной, они с Анькой всё наверстают.

Но, ни завтра, ни в последующие дни и ночи ничего не изменилось. Главный Славкин секс-орган не желал работать. Он мог проснуться и даже налиться силой во время прелюдии. Но, как только Славка решался перейти к активной фазе, перед глазами у него возникала оскалившаяся в злобной гримасе рыжая морда Пирата, и его «дружок» тут же сдувался и повисал вялым, бессильным куском плоти.

Сначала Анька Славке сочувствовала. Она даже водила его по врачам, но те ничего патологического не находили.

— Наверно, на тебя так подействовал стресс увольнения, — сказала Анька. — Ничего, вот устроишься на работу, успокоишься, и всё опять наладится.

Ещё зимой они планировали взять в августе отпуск и махнуть вдвоём к морю: съездить по путёвке в Египет, Турцию или Болгарию. Сын Колька в начале июня был отправлен на всё лето в деревню к бабушке. Но неожиданное увольнение Славки свело все их планы на нет.

Шли дни, недели, вот уже и август наступил. Ни работы, ни секса. Понимание и терпение у жены закончились. Отношения между супругами достигли критической «точки невозврата».

— Я уезжаю к маме, в деревню, — объявила в первый день своего отпуска сквозь злые слёзы Анька, собирая чемодан. — Вернусь с Колькой недели через три. А ты постарайся к нашему приезду решить все свои проблемы.

Сашка молча проводил Аньку на вокзал. Когда, перед входом на перрон, он отдал жене чемодан и потянулся поцеловать её на прощанье, та резко отстранилась и сквозь зубы процедила:

— Не забывай поливать цветы и кормить кошку. Если с Муськой что-нибудь случится... Мне не нужен бездельник-импотент, не способный позаботиться даже о кошке.

2. Личный враг

Оставшись совсем один после отъезда жены, Славка бросил бесполезные попытки найти хоть какую-нибудь работу. Он целыми днями валялся на диване и слушал старые записи советских бардов: Анчарова, Визбора, Высоцкого. Из дома выходил только в магазин, чтобы купить еду себе и кошачий корм Муське. Кошку Славка почти не видел: та тщательно избегала любых встреч с хозяином. Славкины дни слились в однообразный хоровод: спальня, кухня, магазин, диван. Течение времени Славка отмечал по уменьшению оставленных женой денег. Он перестал бриться и следить за собой. Соседи при встрече с ним брезгливо сторонились, некоторые даже перестали здороваться.

Однажды, в зоомагазине вместо долговязой невзрачной девицы за прилавком оказалась маленькая сухонькая старушка. Подавая Славке пакет кошачьего корма, она вдруг тихо сказала:

— Большая беда у тебя, сынок. Кто-то наложил на тебя порчу.

— Знаю, — безразлично ответил Славка и отвернулся, собираясь уйти.

— Подожди, — попросила старушка.

Она быстро вышла из-за прилавка, подвела Славку поближе к окну и стала внимательно рассматривать.

— Нет, — наконец с сожалением покачала она седой головой. — Такое заклятие я не могу снять.

— А вы что, тоже ведьма? — равнодушно спросил Славка.

— Знахарка я, — ничуть не сердясь, ответила старушка. — Травка-ми всякими лечу, заговорами.

— А ведьму какую-нибудь знаете? — загораясь надеждой, спросил Славка. — Ну такую, которая смогла бы мне помочь.

— В вашем городе только одна ведьма живёт, — задумчиво ответила знахарка. — Она, видать, и наложила на тебя заклятие, больше некому. Но заклятие это какое-то странное...

— Странное? — теряя надежду, спросил Славка.

— Тут, видать, не только ведьма постаралась. Ещё чьё-то злое влияние проглядывает. Но вот чьё?

— Что же мне делать?

— Приходи завтра, сынок, — сказала старушка. — Я тебе одну травку дам. Заваришь её вместо чая и выпьешь на ночь.

— И что это даст?

— Может, ничего не даст, — спокойно ответила знахарка. — Но, если повезёт, ты увидишь во сне своего врага...

— Я и так знаю своего врага! — махнул рукой Славка.

— Ты о ведьме? — усмехнулась старушка.

— О ком же ещё?

— Ведьма — только инструмент, — разделяя слова паузами, чтобы до Славки лучше дошло, произнесла знахарка. — Узнай своего истинного врага, тогда и средство борьбы с ним поискать можно будет.

Всю дорогу до дома Славка твердил, как молитву:

— Только инструмент, только инструмент...

Бросив нераспечатанный пакет с кошачьим кормом рядом с пустой кормушкой, Славка бросился в ванную и впервые за дни одиночества взглянул на себя в зеркало. С удивлением он увидел в отражении грязного бомжа, в неровной пегой щетине бороды и нечёсанных лохмах которого серебрились в свете лампы седые прядки волос.

Когда чисто вымытый, гладко выбритый и аккуратно причёсанный Славка вывалился из ванной, благоухая дезодорантом и дорогим шампунем, в нос ему ударил застарелый запах кошачьей мочи. Он заглянул в туалет. Рядом с переполненным кошачьим поддоном растекалась воюющая лужица.

— Вот ведь тварь! — выругался Славка. — И когда только успевает? Я ж вот только недавно за ней убирал. Или это было вчера?

Пришлось в срочном порядке мыть Муськин поддон и пол туалета, потом заново принимать душ и к знакомому зданию некогда родной фирмы Славка подошёл уже к концу рабочего дня.

— Игоря Петровича нет! — вскинула на Славку удивлённые глаза Людочка.

— Я не к нему, — пробурчал тот в ответ и решительно распахнул дверь в кабинет главного бухгалтера. — Разрешите, Алла Михайловна?

Не ожидая ответа, Славка вошёл и плотно закрыл за собой дверь. Им двигала надежда узнать имя своего настоящего врага. Терять было уже больше нечего, а приобрести можно многое.

— А, это ты, — ничуть не удивилась Алла Михайловна, с любопытством осматривая Славку. — Проходи, садись.

— Ты прекрасно выглядишь, — искренне сказал Славка. — Впрочем, как всегда.

— Ну и ну, — рассмеялась Алла Михайловна. — Так хорошо начал! Зачем же сводить комплимент на нет?

— Это не комплимент, а констатация факта, — Славку начала бить мелкая дрожь. Он быстро терял уверенность в себе, а разговор всё более уходил не в то русло.

— Ладно, не будем блуждать в определениях, — взмахнула холёной рукой Алла Михайловна. — Зачем пожаловал?

— Ты победила, — с горечью выдал из себя Славка, бессильно сторбившись на неудобном стуле. — Я дошёл до точки: работы нет, денег нет, моя семья на пороге распада.

— И кто в этом виноват? — холодно спросила Алла Михайловна.

— Я! — в отчаянии выкрикнул Славка. — Только я. Признаю. Но причём здесь мои близкие? Они-то за что страдают? Аля, я не прошу у тебя снисхождения для себя, но пожалей моих жену и сына. Они же ни в чём перед тобой не виноваты!

Алла Михайловна с удивлением взглянула на Славку.

— С каких это пор ты стал заботиться о других?

Славка сполз со стула и бухнулся перед рыжей ведьмой на колени.

— Умоляю тебя!

Неожиданно горячие слёзы хлынули у Славки из глаз. Алла Михайловна вскочила, бросилась к нему, легко подняла и усадила на стул.

— Ты что, совсем ополоумел? — сказала она. — Что это за бабские истерики?

— Прости меня, — всхлипывал Славка. — Я больше не могу так жить...

— Дурак! — Алла Михайловна достала из холодильника графинчик с розовой жидкостью, плеснула немного в стакан и сунула Славке в руку. — На, выпей и успокойся.

— Аля, Алая моя! — застучал зубами о край стакана Славка. — Прости...

— Тьфу! — брезгливо отодвинулась от него Алла Михайловна. — Терпеть не могу таких мужиков.

Она вернулась за свой стол и холодно сказала:

— Ладно, успокойся, наконец. Твои близкие, действительно, не должны страдать. Возвращайся завтра на своё прежнее место. Я распоряжусь. Сможешь здесь работать или предпочитаешь поискать себе место в другой фирме?

— Смогу! — благодарно кинулся к ней Славка.

— Не надо! — жестом руки остановила его порыв Алла Михайловна. — Оклад будет тот же. А вот про пятницы забудь, — внушительно добавила она. — Слово кому скажешь и... Второй раз прощения не жди.

— Я всё понял, Алла Михайловна, не сомневайтесь, — униженно закивал Славка. — Спасибо вам!

Домой Славка летел, как на крыльях. Жизнь опять налаживалась. По пути он зашёл в парикмахерскую и почти час развлекал девушек анекдотами, пока те приводили в порядок его голову и ногти. Дома Славка полил, наконец, на подоконниках почти засохшие цветы, щедро насыпал Муське корма и сменил воду в её блюдец. Потом плюхнулся на диван и включил телевизор.

На экране шла какая-то эротическая сцена, и Славка неожиданно почувствовал возбуждение.

— Неужели, и эта напасть прошла? — с радостной надеждой подумал он. — Чёрт! Я ж на радостях забыл узнать у рыжей ведьмы, кто мой враг. Плевать! Кажется, теперь это не важно.

Любовная сцена сменилась перестрелкой, и Славка, зарывав от нетерпения, стал рыться в тумбочке под телевизором, отыскивая диск с порнухой. Найдя искомое, он застыл в раздумьях.

— Может, лучше к Катьке толкнуться?

Нет, он уже один раз нарушил принцип, заведя роман на работе. И чем это кончилось? И кончилось ли? Славка решительно сунул диск в плеер и плюхнулся на диван.

— Что ж, за неимением реальной бабы, придётся довольствоваться «Дунькой Кулаковой», — засмеялся он. — Как говорится: здоровый онанизм укрепляет организм!

Через час бесплодных усилий, злой и разочарованный Славка выключил видик. Проклятая ведьма вернула ему работу, но не сняла заклатье!

Утром следующего дня сослуживцы встретили Славку двусмысленными улыбками, шуточками и настойчивыми расспросами о произошедшем с ним. Славка на вопросы отмалчивался, а на подколки отшучивался. Игорь Петрович при случайных встречах его не замечал, смот-

рел куда-то «сквозь» Славку, на приветствие не ответил. Одна только Людочка ни о чём Славку не спрашивала, не подшучивала над ним и держалась, как и прежде.

Пару дней Славка полностью отдавался работе, разгребая накопившиеся за время его отсутствия завалы. Наконец, всё срочное было сделано, и мысли Славки вновь стала занимать его проблема. Он набрался смелости и, дождавшись конца рабочего дня, пошёл в кабинет Аллы Михайловны. Увидев его, та сначала удивлённо вскинула брови, потом нахмурилась.

— Я, кажется, тебе уже всё сказала насчёт пятниц, — сказала она.

— Сегодня пятница? — удивился Славка. — Нет, я к вам по другому вопросу.

— По какому же?

Славка замялся, не зная, как приступить к делу. Алла Михайловна выразительно посмотрела на часы.

— Как ваш Пират? — наконец, выдал из себя Славка.

— Пират? — с интересом взглянула на него Алла Михайловна. — Прекрасно! Ему, а значит и тебе, повезло: второй этаж, мягкая земля цветочной клумбы. Так что Пират пострадал больше морально, чем физически. Будь всё иначе, ты бы так легко моё прощение не получил.

— Алла Михайловна, — решился, наконец, перейти к главному Славка. — Раз уж ваш кот жив и здоров, может, вы окончательно меня простите?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, это...

Славка оглянулся на дверь, убедился, что та плотно закрыта и прошептал:

— Снимите заклятие.

— Ах, это! — засмеялась Алла Михайловна. — Нет, дружок, тут я тебе помочь не могу.

— Почему? — похолодел Славка.

— Ты сказку про Аленький цветочек знаешь? — насмешливо спросила Алла Михайловна.

— Причём здесь эта сказка?

— А там описано именно это заклятие, — откинувшись в кресле, начала объяснять Алла Михайловна. — Прекрасного принца превратили в отвратительное чудовище, и снять заклятие могла только девушка, которая бы искренне полюбила принца в этом страшном обличье. Так что, Славик, всё в твоих руках. Вернее, в сердцах твоих многочислен-

ных баб. Обратись за помощью к своим официанточкам, к жене, накопец. Неужто, никто из них тебя не полюбит и таким?

— Стерва! Ведьма!

В ослеплении ярости Славка чуть не шагнул с тротуара под проезжающую мимо машину, но его вовремя удержал какой-то старичок.

— Куда ж ты на красный свет прёшься? — сердито выговорил он Славке. — На тот свет торопишься?

— Бабка! — вспомнил Славка, глядя в морщинистое лицо спасителя. — Знахарка!

Запыхавшись, он влетел в знакомый зоомагазин за пять минут до его закрытия. За прилавком уныло прихорашивалась долговязая девица.

— А где старушка, что здесь работала недавно? — тяжело дыша, спросил её Славка.

— Баба Вера? — удивлённо взглянула на него девица. — Назад, в деревню уехала.

— Как уехала? — пал духом Славка.

— Она меня всего пару дней подменяла, — равнодушно пожала узкими плечами девица. — А вам она зачем?

Славка безнадёжно махнул рукой.

— А как называется её деревня?

— Мне-то откуда знать? — щёлкнула косметичкой девица. — У хозяина спрашивайте. Покупать что-нибудь будете, а то мне пора закрыть?

Славка побрёл к выходу.

— Эй, мужчина, — окликнула его девица. — Баба Вера тут для кого-то кое-что оставила. Не для вас, случайно? Хотя, тот, она говорила, на бомжа должен быть похож...

— Для меня! — ожил Славка. — Не сомневайтесь, это я был тем бомжом ещё недавно.

Девица вынула из-под прилавка небольшой газетный свёрточек и отдала его Славке.

— Спасибо! — горячо поблагодарил тот. — Сколько с меня?

— Нисколько, — нетерпеливо подтолкнула его к выходу девица. — Баба Вера за помощь денег не берёт.

Дома, сидя на любимом диване, Славка бережно развернул свёрток. В нём оказалась маленькая баночка из-под детского питания. В нетерпении, Славка открыл крышечку и заглянул внутрь. Он увидел смесь

каких-то мелко порубленных растений. Пахло из баночки так, что Муська, забыв страх, вылезла из-под кресла и даже попыталась залезть к Славке на колени. Отмахнувшись от обнаглевшей кошки, Славка поспешил на кухню и поставил на огонь чайник. Никакой записки в свёртке не было, и Славка, вспомнив, что говорила ему знахарка, достал из серванта заварной чайничек праздничного сервиза и высыпал в него всё содержимое баночки...

Барсик уморительно шипел, пушистым чёрным шариком катался по ковру, гоняясь за «мышкой». Мальчик громко смеялся, дёргая нитку, к концу которой был привязан яркий фантик от конфеты. Котёнок жмурил янтарные глазки, вставал на задние лапки, пытаясь передними схватить пляшущий над головой фантик. Его короткий, пушистый как у белки хвостик нервно дрожал.

— Светик, пойди вынеси мусор! — послышался из кухни голос мамы.

Мальчик сделал вид, что не слышит. Пусть папа выносит это противное ведро и вываливает его содержимое в вонючий мусоропровод. Всё равно он ничего не делает, только сидит рядом с мамой и курит в раскрытую форточку.

— Светик, я кому сказала? — голос мамы из ласкового стал строгим. — Немедленно вынеси мусор! Я сейчас буду картошку чистить, а ведро полное.

Мальчик нехотя встал с ковра и поплёлся на кухню. Барсик пантерой набросился на неподвижную «мышку», впился в неё зубами и когтями всех четырёх лап и начал упоённо рвать на куски, отплёвываясь и фыркая.

— Перестань называть его Светиком, — недовольно пробурчал папа. — Сколько раз тебе говорить: он — мальчик, а не девочка!

— А как мне его называть? — привычно огрызнулась мама. — Святослав Сергеевич, что ли?

— Святослав — это «святая слава», — выбрасывая окурки в форточку, тоже повысил голос папа. — Святая, а не светлая!

— Ну, что встал? — повернулась к сыну мама. — Забыл, где у нас мусорное ведро?

Мальчик вытащил из-под раковины тяжёлое ведро и поплёлся к выходу.

— Святая, светлая — какая разница? — услышал он раздражённый мамин голос. — У всех святых на иконах над головой нимб светится...

«Как же надоели эти постоянные споры! — грустно подумал мальчик. — Ну почему меня не назвали Петькой или Сашкой?»

— Святослав — знаменитый русский герой! — гремел сзади папин голос. — Он до Царьграда дошёл...

Мальчик перешагнул порог квартиры и с силой захлопнул за собой дверь. Болезненный писк заставил его выронить ведро. Дверь не закрылась! Глупый верный Барсик, всегда ходивший за хозяином по пятам, бился в судорогах между косяком и дверью.

На крик сына из кухни прибежала мама. Она подхватила трепещущий пушистый комок в руки, что-то успокоительно лепетала, дула Барсику в мордочку. Всё было напрасно. Через минуту котёнок умер. Удар двери сломал ему шею. Мама заплакала, сжав в объятиях бьющегося в истерических рыданиях Светика. Папа, молча, достал с антресоли в прихожей старую коробку из-под обуви и бережно уложил в неё безжизненное тельце котёнка.

— Мы похороним Барсика во дворе, под нашими окнами, — сказал он. — Ты сможешь его навещать...

— Нет! — закричал Светик. — Никогда! Ни за что! Как он мог? Зачем?...

Когда Славка вынырнул из ужасного сна-воспоминания, на груди у него лежала Муська и слизывала слёзы, обильно струящиеся из его глаз. Увидав, что Славка открыл глаза, кошка продолжила спокойно «умывать» хозяина и даже как-то успокоительно заурчала. К собственному удивлению, Славка и сам почему-то не испытывал ни малейшего желания шугануть кошку. Наоборот, было несказанно приятно ощущать на себе тёплый вибрирующий комок. Он осторожно поднял руку и впервые погладил Муську. Та довольно выгнулась и громко замурлыкала.

Давно забытая, насильно заглушённая волна любви к ласковому домашнему существу накрыла Славку. В его руках сейчас млели от удовольствия и бедный глупый Барсик, и выкинутая на мороз и ужас маленькая Муська, и даже злобный Пират.

«Каким же бесчувственным чудовищем я был всё это время! — поразился Славка. — Это же я убил тогда Барсика. Пусть нечаянно, случайно, но убил. И переложил собственную вину на несчастного котёнка. Обвинил в предательстве и осудил как самого Барсика, так и всех, кто мог бы его заменить, а потом так же «предать», оставив меня в одиночестве, наедине с горечью утраты. Муська и Пират хотели и ждали от меня внимания и любви. А что получили? Знахарка права: ведьма

— только инструмент, а враг мой всегда был со мною рядом — это я сам!»

Славка зарыдал громко, в голос, как в детстве. Муська встревожилась и напряглась.

— Не бойся, маленькая, — сквозь слёзы и сопли выдавил Славка, ласково удерживая кошку у себя на прыгающей от плача груди. — Это скоро закончится. Просто из меня выходит то зло, что копилось все эти годы.

Они мирно лежали, глаза в глаза, нос к носу. Славка постепенно успокаивался. Наконец, слёзы закончились, и он впервые ясно рассмотрел свою новую четырёхлапую подружку. Странно, и почему это Муська раньше казалась ему какой-то серой, бесцветной? Славка с удивлением увидел, что короткая кошачья шёрстка переливается тремя, а то и четырьмя цветами. Тут были и чёрные пятна на спинке, и чистый белый животик, и рыжие разводы по всему телу и голове, и серые «носочки».

— Какая же ты у меня, оказывается, красавица! — восхитился Славка.

Муська довольно шурила янтарные глазки и чувствительно покалывала голую Славкину грудь, ритмично выпуская и пряча острые белые коготки.

— Бедная, как же ты отошала со мной, — виновато сказал Славка, ощущая под мягкой шкуркой кошки выступающие рёбра. — Ничего, теперь у нас всё будет иначе. Вот увидишь!

Муська что-то мяукнула в ответ и встала, довольно потягиваясь и зевая. Потом слезла со Славкиной груди, села с ним рядом и начала старательно «умываться», не прекращая довольно мурлыкать.

— Намёк понял, — засмеялся Славка. — Хватит страдать и рыдать! Не баба, ведь, и не ребёнок давно. Пора начинать жить по-взрослому.

Он бодро вскочил с постели и пошёл в ванную.

Довольный и расслабленный, Славка пил на кухне кофе. Муська рядом со своей кормушкой, жмурясь от наслаждения, грызла придерживая лапой размороженную тушку минтая. Вдруг раздался дверной звонок.

— Кто бы это мог быть? — спросил Муську Славка. Та в ответ даже ухом не повела.

— Привет, сосед! — ароматным пёстрым вихрем ворвалась к ним в квартиру Катька. — У тебя соль есть?

— Соль? Какая соль? — опешил Славка.

— Ну, соль! — нетерпеливо потрясла перед его носом пустой солонкой соседка. — Белая такая, на сахар похожа, только не сладкая.

— Есть, наверно, а что? — не желал выходить из нирваны покоя Славка. Им так хорошо было с Муськой вдвоём, пока не ворвалась эта чокнутая.

— Ты что, совсем оступел? — разозлилась Катька. — Неужто, импотенция и мозги отшибает?

— Ты о чём это? — возвращаясь в грубую реальность, спросил Славка.

— Всё о том же! — насмешливо сверкнула синими глазами Катька. — Анька мне всю грудь прорыдала перед отъездом, жалуясь на свою беду.

— Её беду? — поразился Славка.

— А то чью же? — заржала Катька. — Все наши бабы её жалеют.

— Какие бабы? — приходя в ярость, прохрипел Славка. — Ты что, всему дому уже растрепала?

— А я обет молчания никому не давала, — подбоченилась Катька.

Её короткий халатик распахнулся. Тяжёлые, молочно-белые груди и полоска гладко выбритого лобка чётко выделялись на загорелом Каткином теле.

— Ну, что уставился? Давно голый бабы не видел? — вошла в раж соседка. — Может, потрогать хочешь? Тебе, импотенту, ничего другого и не остаётся: только смотреть и трогать.

— Ах, ты!..

Не помня себя от ярости и унижения, Славка схватил наглуую бабу, развернул и бросил грудью на стол, чудом не попав её лицом в чашку с горячим кофе. Он задрал Каткин халатик ей на спину и...

Очнулся Славка, когда всё уже было кончено. Он отпустил сладко стонущую Катьку и, тяжело дыша, прислонился к прохладной стене кухни. Катька сползла на табуретку и изумлённо взглянула на Славку.

— Вот так импотент! — наконец, усмехнулась она. — Ну, Анька! Ну, артистка! Как разыграла-то меня, а? Это она что, специально что ль придумала, что б я, типа, тебя не соблазняла, пока её нет?

— Извини, — счастливо улыбаясь, сказал Славка. — Я не хотел...

— Не хотел он! — перебила его Катька. — Все б мужики меня так «не хотели». Раз уж ты так по бабе истосковался, взял бы бутылку, букет цветов да...

Славка достал с кухонной полки пакет и подал Катьке.

— Вот, ты спрашивала соль, — поспешил он закончить разговор.

— Батюшки! — подхватила Катька, поспешно наполняя свою солонку. — У меня ж там суп на плите кипит, и дверь нараспашку...

Проводив соседку, Славка вернулся на кухню. Муська сидела рядом с полу съеденной рыбой и, улыбаясь, смотрела на него.

— Вот так вот! — подмигнул ей Славка. — Жаль только, что опять принцип пришлось нарушить. А я и не знал, что кошки умеют улыбаться. Хочешь молочка?

В дверь снова позвонили. Муська бросилась в прихожую. Удивлённый Славка пошёл за ней.

— Славик, живой! — кинулась ему на шею с порога Анька. — А я там, в деревне, чего только ни передумала. Сегодня всю ночь не спала, боялась, как бы ты здесь над собой чего не сделал. Ты прости меня, эгоистку глупую. Чёрт с ней, с работой! Проживём как-нибудь, с голоду не умрём.

Славка обнимал жену, целовал мокрое от слёз лицо и млел от радости и счастья.

— Собирайся, Славик, — лепетала Анька. — Поедем со мной в деревню. Ну что тебе тут одному маяться?

— А как же Муська? — улыбаясь, спросил Славка. — А твои цветы?

— Попрошу Катьку присмотреть, — ответила Анька, улыбаясь в ответ сквозь слёзы. — Собирайся. Там в соседней деревне знахарка одна живёт, баба Вера. Правда, к ней запись — на полгода вперёд...

— Я не могу сейчас ехать, — усаживая Аньку на диван, сказал Славка.

— Как, не можешь? — встревожилась та. — Почему?

— Потому что мой «отпуск» уже закончился, — развёл руками Славка. — В понедельник мне с утра надо быть на работе.

— На работе? — всё ещё не веря, спросила Анька. — На какой?

— Меня взяли назад, в ту же фирму, на то же место. А бабу Веру мы как-нибудь потом навестим, — улыбнулся жене Славка. — Обязательно навестим. Меня она примет без очереди, — заверил жену Славка. — Ты скоро узнаешь, почему.

Под изумлённым взглядом Аньки он взял на руки трущуюся об их ноги радостную Муську.

— Ну, что, девочки, идёте на кухню? Позавтракаем, наконец, все вместе...

ГИБЕЛЬ АНАРХИИ

— Сожалею, капитан, но ничем не могу вам помочь, — жирное лицо Кубышки, главного интенданта Анархии, сморщилось в сочувственной гримасе.

— Я заплачу столько, сколько вы скажете, — отбросил дипломатию Крафт.

— Конечно, заплатите, капитан, — снисходительно усмехнулся Кубышка. — Через пять стандартных дней состоится аукцион...

— Я не хочу, чтобы мою жену выставляли на торги! — резко прервал главного интенданта Крафт. — Она и так много пережила. Назовите сумму.

— Вы знаете, капитан, почему наша станция называется «Анархия»? — вкрадчиво спросил Кубышка.

— Мне это безразлично, — нервно взмахнул рукой Крафт. — Не уходите от ответа: ваша цена?

— Я и пытаюсь вам ответить, капитан, — укоризненно развёл пухлые руки Кубышка. — Наша космическая станция, как вам известно, находится в нейтральной зоне между Солнечной Федерацией и Веганской Империей. На Анархии нет правительства, но есть законы, за нарушение которых полагается только одно наказание — смерть на арене в гладиаторских боях. Мне нравится моя работа, капитан. Смертельные схватки я предпочитаю наблюдать из личной ложи, участвовать в них у меня нет ни малейшего желания.

— Сколько? — угрюмо спросил Крафт.

— Вы не слышите меня, капитан, — скорчил печальную мину Кубышка. — По закону любой товар, попавший на Анархию, должен быть продан на аукционе. Речь, разумеется, не о товарах первой необходимости — те напрямую поступают в магазины, рестораны и прочие заведения. А вот контрабанда и добыча пиратов выставляются на торги. У нас нет правительства, а, значит, нет налогов. Но есть расходы: хранение товара, его реклама, охрана и множество иных. Все мы, граждане Анархии, заинтересованы в том, чтобы продать поступивший товар как можно дороже, так как каждый из нас получает свой процент.

— Сколько вы, лично вы, планируете получить с... продажи моей жены? — с трудом сдерживая ярость, прорычал Крафт. — Я удвою вашу долю. Половину сейчас, остальное — когда вы доставите Марию на мой корабль.

— У нас нет коррупции, капитан, — вздохнул главный интендант. — Я мог бы взять ваши деньги и ничего не делать взамен. Вам всё равно

некому жаловаться. Конечно, мне пришлось бы разделить взятку с остальными гражданами Анархии. Таков закон: любые денежные поступления идут в общий котёл. Нарушителя, как я уже сказал, ждёт арена.

— Вы такой честный, или вам нужно что-то ещё, кроме денег? — язвительно процедил Крафт. — Почему вы тратите на меня своё время, если не можете помочь?

— Меня вполне устраивает моё нынешнее положение, капитан, — холодно ответил главный интендант. — Я навёл о вас справки. Вы впервые у нас и, к тому же, состоите на службе в вооружённых силах Солнечной Федерации. А на вашу жену уже подало заявку одно очень влиятельное лицо из Веганской Империи. Мне бы не хотелось, чтобы вы каким-нибудь необдуманным поступком нарушили сложившееся равновесие и втянули Анархию в разборки между федеральными и имперскими силами. Нейтралитет — основа нашего существования. Поэтому я и пытаюсь вежливо объяснить вам местные законы и порядки. Будь вы обычным покупателем или пиратом, доставляющим товар на Анархию, этой беседы вообще бы не было.

— Прошу прощения, главный интендант, если мои слова обидели вас, — заставил себя извиниться Крафт. — Я просто ищу способ поскорее вернуть жену.

— Я понимаю, капитан, — удовлетворённо расслабился в своём вместительном кресле Кубышка. — Но, как уже сказал, ничем не могу вам помочь. Дождитесь аукциона и предложите самую большую цену. Это единственный способ.

— А, может, если вы назовёте мне имя продавца, я смогу договориться о выкупе напрямую с ним? — не сдавался Крафт.

— Увы, — с притворным сочувствием покачал головой Кубышка. — Закон это запрещает. Как только товар поступает в моё ведение, Анархия автоматически становится его совладельцем. На равных паях с поставщиком. Аукцион и гласность упрощают расчёты и исключают махинации, одновременно гарантируя максимальную прибыль. Обман и мошенничество практически исключены. Надеюсь, теперь я ответил на все ваши вопросы, капитан? У меня, как вы понимаете, много дел. В таком случае, до встречи на аукционе!

Линда закрыла глаза, чуть повернула голову направо и плотнее притянула Рыжего Пайка к себе, чтобы избежать его слюнявых поцелуев. Хриплое зловонное дыхание потного верзилы обжигало ей шею и левое плечо. Линда с мстительным удовольствием вонзила ногти в заросшую жёсткой рыжей щетиной спину пирата, имитируя нарастающую

страсть. Рыжий Пайк зарычал и ускорил темп. Его едкий горячий пот стал заливать грудь и живот Линды. Простыня под ней вскоре стала влажной.

«Почему я продолжаю жить? — с тоской подумала Линда, автоматически издавая страстные стоны в такт движениям клиента. — На что надеюсь?»

Вдруг Рыжий Пайк замер и, обмякнув, тяжёлой грудой навалился на неё. Линда в последний раз вскрикнула, имитируя оргазм, и тоже расслабилась.

«А этот боров сегодня быстро управился», — удивилась она. Воючая туша продолжала давить, выжимая остатки воздуха из груди. Пират и не думал вставать. «Что-то не так!» — вдруг дошло до Линды и, отбросив притворство, та начала отчаянно выбираться из-под внезапно потерявшего сознание клиента. Но её руки беспомощно скользили по щедро смазанному потом телу Рыжего Пайка, и рабыня с ужасом поняла, что ещё немного, и она сама начнёт задыхаться. Неожиданно тяжесть исчезла, и Линда жадно втянула в себя воздух. Смерть опять прошла мимо.

— Извините, что помешал, но нам надо срочно обсудить кое-что, — услышала Линда незнакомый мужской голос.

Она села и повернула голову на звук. Рядом на смятых простынях навзничь лежал Рыжий Пайк. Глаза его были широко открыты и бессмысленно пялились в низкий потолок комнаты. Незнакомая коротко стриженная белобрысая девица в военной униформе без знаков различия что-то вводила одноразовым шприцом в набухшую вену руки пирата. Рядом с девицей стоял невзрачный седой мужичок в такой же униформе без погон и с участием смотрел на шумно дышащую Линду.

— У нас мало времени, — сказал седой. — Ваш клиент будет без сознания минут десять, потом он просто уснёт, а когда проснётся, ничего не будет помнить.

— Кто вы, и что вам надо? — прохрипела Линда.

— Я тот, кто может освободить вас из этого пиратского вертепа и доставить домой. Это единственное, что вам надо знать. Ваша история мне известна, потому я и обратился к вам. Год назад вы были стюардессой на туристическом лайнере. Пираты взяли ваш корабль на бордаж, так вы попали на Анархию, пытались покончить с собой, вас вылечили и оставили работать в местной тюрьме. Правильно?

— Да, — кивнула Линда. — Что вам надо от меня?

— Сейчас я хочу получить чёткий ответ на простой вопрос: вы хотите вернуться домой или предпочитаете остаться здесь?

— Но... — Линда в нерешительности замолчала.

— Не бойтесь, — понял её колебания седой. — Нас никто не видит и не слышит: аппаратура слежения в это комнате сейчас не работает. Моя помощница отключила её прежде, чем мы вошли сюда. Поэтому я и сказал, что у нас мало времени — охрана борделя скоро будет здесь. Итак, ваш ответ?

«Что я теряю? — подумала Линда. — Даже если это провокация, хуже, чем сейчас, уже не будет».

— Да, — решительно сказала она. — Я хочу домой!

— Прекрасно, — с явным облегчением выдохнул седой. — В ближайшее время я или моя помощница свяжемся с вами, чтобы обсудить условия и детали.

Рыжий Пайк внезапно дёрнулся и громко захрапел. Глаза его плотно закрылись, по подбородку потекла струйка слюны.

— Крепкий парень, — усмехнулся седой. — Быстро очухался, и пяти минут не прошло.

— Уходите, а то столкнётесь с охраной, — встревожилась Линда.

— Не волнуйтесь об этом, — спокойно ответил седой. — Главное — вы твёрдо запомните, что нас тут не было, и что случилось с видеокameraми, вы не знаете. Анна, нам пора!

Белобрысая девица положила использованный шприц в карман куртки и подошла к напарнику. На глазах у изумлённой Линды они обнялись и исчезли. Только воздух с шумом занял освободившийся объём, словно лопнул воздушный шарик. За дверью, в коридоре, раздался топот приближающихся охранников, и Линда быстро легла на ритмично вздымающуюся грудь Рыжего Пайка, притворившись, что тоже спит...

— Опять ты! — скривилась Белая Крыса. — Что на этот раз: жалоба клиента или очередная попытка самоубийства?

Линда, молча, пожала плечами.

— Что-то случилось в номере, где она работала, — доложил Главной надсмотрщице охранник борделя. — Почему-то сгорела вся электроника и, соответственно, личный датчик вашей рабыни. Вот и пришлось мне сопровождать её сюда, чтобы она могла без помех миновать все пункты охраны.

— Ладно, ты можешь возвращаться в бордель, — махнула ему мускулистой, совсем не женской рукой Белая Крыса.

— А нельзя ли в награду за услугу побаловаться часок с одной из ваших девочек? — просительно осклабился охранник. — Всё ж моя сме-на давно закончилась, и я потратил своё личное время...

— У тебя полчаса, — презрительно сверкнула на него своими жут-кими красными глазками огромная альбиноска и приказала маленькой тощей помощнице. — Гиена, проводи этого в тюремную комнату свидан-ний и дай ему какую-нибудь шлюху.

Поигрывая плетью, главная надсмотрщица вновь повернулась к Линде. Её грубое мясистое лицо налилось злобой, от приземистой му-жеподобной фигуры веяло опасностью.

— А теперь займёмся тобой, — прошипела Белая Крыса. — Как ты это сделала?

— Мне было так хорошо с клиентом, — усмехнулась ей в лицо Лин-да. — Внутри меня будто атомная бомба взорвалась, вот вся электро-ника и сгорела!

— Шутишь, значит, — зловеще процедила Белая Крыса. — По плёт-ке моей соскучилась?

— Что вы, мадам, — испугалась Линда. Сейчас, когда столь неожиданно забрезжила надежда на освобождение, попасть в лазарет было бы опрометчиво. — Простите меня, я просто хотела поднять вам на-строение безобидной шуткой.

— Да? — удивилась главная надсмотрщица. — Это на тебя не похо-же, — задумчиво протянула она и, приподняв кончиком плети лицо Линды за подбородок, испытующе посмотрела той прямо в глаза. — Рассказывай! Что там случилось?

— Я была с клиентом, мадам, — с неподдельным страхом глядя в хищные красные глаза главной надсмотрщицы, дрожащим голосом от-ветила Линда. — С Рыжим Пайком. И вдруг в комнату ворвались охран-ники. Они всё обыскали, мадам, даже Рыжего Пайка и его вещи, но ни-чего не нашли. Это всё, что я знаю, мадам! Спросите охранника, что меня сюда привёл, он вам подтвердит, что я говорю правду.

— Ладно, — отпустила её Белая Крыса. — Иди в медпункт, пусть тебе заменят личный датчик.

Когда Линда поспешно убежала, главная надсмотрщица поверну-лась к вернувшейся Гиене и приказала:

— Найди в гостевом отсеке пирата по имени Рыжий Пайк и узнай у него все подробности...

— Вот сволочь! — выругался Крафт, покинув кабинет главного ин-тенданта. — Ты всё слышал, Майк?

— Да, Пит, — лейтенант Смит убрал наушник в нагрудный карман мундира и поспешил вслед за капитаном, в ярости устремившимся прочь.

— Этот жирный ублюдок строит из себя законопослушного гражданина, а сам — обычный скупщик краденого и, вдобавок, работорговец! — рычал на ходу Крафт.

— Тише, Пит, — попытался вразумить разошедшегося капитана Смит. — Мы здесь с частным визитом, на чужой территории. Кругом наверняка «глаза» и «уши» Кубышки.

Они, молча, преодолели остаток пути до гостиницы, но как только за ними закрылась дверь их номера, Крафт вновь взорвался:

— Этот пиратский притон давно нужно было уничтожить! Ты просмотрел архив прошлых торгов? Какие были цены на женщин?

— Посмотрел...

— Ну, и...?

— Видишь ли, Пит, — глядя в сторону, решился, наконец, сказать правду Смит. — Нам вряд ли удастся спасти Машу.

— Почему? — хмуро посмотрел на него Крафт. — Ну, не мямли, лейтенант, говори чётко и точно!

— Потому что главный интендант не соврал: на Машу уже подал заявку Халид-бей.

— Ну и что? — откинулся на спинку кресла Крафт. — Кто это такой?

— Главный евнух гарема султана Баязета Великолепного, — уныло ответил Смит.

— Повелителя Альтаира?

— Да, — виновато посмотрел на капитана Смит. — Я просмотрел архивы, как ты просил. За всю историю торгов не было случая, чтобы Халид-бей кому-нибудь уступил. Анархия, действительно, не скупится на рекламу. Видеоролики, демонстрирующие в голом виде женщин, выставленных на продажу, уже неделю крутят по галактическому каналу.

— И Машу тоже? — в ярости стиснул кулаки Крафт. — Обнажённой?

Смит, молча, кивнул.

— Раз Халид-бей сделал заявку на неё, значит Маша понравилась султану. Главный евнух лишится головы, если проиграет аукцион. У нас нет ни единого шанса...

— Шанс всегда есть! — стукнул кулаком по подлокотнику кресла Крафт. — Надо только найти его.

— Где? — безнадежно вздохнул Смит. — У нас нет столько денег, чтобы тягаться в торгах с Халид-беем. Султан, говорят, богаче самого Императора!

— А мы и не будем, — взмахнул рукой Крафт. — Как говорили мои предки: с волками жить — по волчьей выть!

— Что ты имеешь в виду? — не понял Смит.

— Подкараулим его корабль на обратном пути и возьмём на абордаж, — успокаиваясь, ответил Крафт. — Раз уж мы в пиратской зоне...

— Ты с ума сошёл! — воскликнул Смит.

Неожиданно дверь распахнулась, и в номер вошли двое: тщедушный седой мужчина лет пятидесяти, одетый в потёртые джинсы земного производства и толстый коричневый свитер ручной вязки из натуральной шерсти, и молодая девушка в стандартном военном комбинезоне имперского флота без знаков различия.

— Какого чёрта? — Смит мгновенно подскочил к ним, преграждая путь. — Что вам надо?

— Могу я поговорить с капитаном Крафтом? — неожиданно низким голосом спросил седой.

Смит вопросительно обернулся. Крафт кивнул.

— Проходите, — посторонился лейтенант и закрыл за вошедшими дверь.

— Я сильно сомневаюсь, капитан Крафт, что ваша авантюра удастся, — усаживаясь в предложенное кресло, сказал седой. — Корабль Халид-бея хорошо охраняют, это целый караван на самом-то деле, — но даже если каким-то чудом вам повезёт, вы освободите свою жену и скроетесь от погони, вас всё равно выдадут султану свои же. Президент не захочет нарушать с таким трудом заключённое с Империей перемирие из-за пиратского нападения. Не забывайте, господа: вы здесь неофициально, за вами никого нет! Вы для всех будете не офицерами федерального флота, а уголовными преступниками.

— Вы нас подслушивали? — хладнокровно произнёс Крафт. — Работаете на Кубышку?

— Секундочку, господа, сейчас я вам всё объясню, — прогудел седой и, повернувшись к девушке, спросил: — Как дела, Анна?

— Четыре микрофона и три видеокамеры, — бесстрастно ответила та. — Глушилку я включила ещё на пороге.

— Вот теперь мы можем поговорить откровенно, — повернулся к Крафту седой. — Средства слежки, установленные в этом номере, нейтрализованы.

— Вы уверены? — спросил Смит. — Я не видел, чтобы ваша спутница включала какой-нибудь прибор.

— Анна — андроид, — усмехнулся седой. — Все необходимые мне приборы и устройства встроены в её тело.

— Удобно, — кивнул Крафт. — Так кто вы такой, зачем нас подслушивали, и что привело вас ко мне?

— Профессор Иванов Иван Иванович, — представился, наконец, гость. — Прибыл на Анархию, как и вы, три дня назад, но не из Солнечной Федерации, а из Веганской Империи. На подходе к вашему номеру Анна перехватила сигналы следящей аппаратуры. Так мы узнали ваш безумный план. Ну, и Кубышке, а, может, и не только ему он, как вы понимаете, теперь тоже известен.

— Крафт Пётр Андреевич, — привстал в кресле капитан. — А это — мой друг, Майкл Смит. Но вы, очевидно, и так уже знаете, кто мы, раз пришли сюда?

— Да, — кивнул профессор. — Я навёл о вас справки.

— Иванов Иван Иванович? — недоверчиво усмехнулся лейтенант.

— Это имя ничуть не хуже любого другого, — невозмутимо ответил странный гость.

— Так что привело вас к нам, господин профессор? — резко спросил Крафт. — На кого вы работаете?

— На себя, — развёл руками Иванов. — У нас общая беда, капитан. Моя младшая дочь летела на один из курортов Империи, пираты захватили её яхту и теперь Елену тоже выставили на торги.

— Сочувствую, — сжал кулаки Крафт. — Я так понимаю, у вас, господин профессор, есть какой-то более реальный план освобождения дочери, чем нападение на караван Халид-бея?

— Есть, капитан, — нервно потёр ладонь о ладонь Иванов. — Но одному мне не справится. Нужны, как минимум, ещё один корабль и пара помощников. Я уже думал, что за дни, оставшиеся до аукциона, мне их не найти, как вдруг мы засекала вашу недавнюю беседу с главным интендантом. Видите ли, господа, в первый же день нашего прибытия на станцию я приказал Анне подключиться на всякий случай к записывающей аппаратуре, установленной в рабочих кабинетах и личных апартаментах Кубышки и других правителей Анархии.

— Других правителей? — удивился Смит. — Разве у анархистов есть правительство?

— Не будьте столь наивны, господин лейтенант, — рассмеялся профессор. — Главный интендант, конечно, лукавил, утверждая, что в этой пиратской республике нет правительства. Официально — нет.

Анархизм — всего лишь мечта об идеальном обществе. Но на самом деле все важные решения совместно принимают пятеро самых богатых и влиятельных граждан Анархии. Кубышка — один из них. Все они — бывшие пираты, но имеют тайное гражданство как в Солнечной Федерации, так и в Веганской Империи. И, конечно, неусыпно следят друг за другом, что и позволило мне с помощью Анны узнать эти подробности.

— Но как нам всё это поможет? — нетерпеливо спросил Крафт. — Что конкретно вы предлагаете? Шантаж?

— У меня была такая мысль, — признался профессор. — Но эта пятёрка никого и ничего не боится. Они просто уничтожат нас, а президент и император в лучшем случае выразят сожаление гибелью неразумных граждан, опрометчиво сунувшихся в пиратские владения. Видите ли, господа, Анархия тайно финансировала прошлую избирательную кампанию вашего президента и императору не раз ссужала средства на войну с Солнечной Федерацией. А почему, вы думаете, Федерация и Империя терпят у себя под боком пиратский притон?

— Как-то не очень верится в то, что вы говорите, профессор, — раздражённо отмахнулся Крафт. — Султан Альтаира, говорят, несметно богат, и вполне мог бы предоставить своему брату-императору нужные тому средства. Насколько мне известно, Федерации и Империи необходимо безопасное место в нейтральной зоне для тайных встреч и переговоров представителей их правительств. По слухам здесь, на Анархии, были согласованы условия перемирия, которое потом было с помпой в прямом эфире галактического телеканала подписано президентом и императором. И я точно знаю, что именно здесь, в этом пиратском притоне, мы иногда обменивались пленными.

— Султан и император не очень-то ладят между собой, капитан, — вздохнул профессор Иванов. — Трон один, а братьев двое. Баязет родился раньше, но его мать была простой рабыней из гарема...

— Оставим политику политикам, господин профессор, — прервал гостя Крафт. — Давайте вернёмся к нашей проблеме.

— Что ж, не будем терять время на споры, — согласился Иванов. — Анна, покажи нам план станции.

Глаза андроида вспыхнули, из них ударили лучи, и посреди комнаты появилась голограмма вращающегося колеса.

— Внешний «обод» — это космопорты, склады товаров, гостиницы, рестораны, бордели и прочие заведения, обслуживающие гостей, — голос Анны был мелодичен, но лишён каких-либо интонаций и чувств. — В «спицах» расположены казармы охраны, военные склады, боевые лазеры, оранжереи и прочие службы обеспечения жизнедеятельности

станции. В центральном шаре находятся жилые помещения граждан Анархии, атомная электростанция, центр космической связи и телевидения, банк, больница, кабинеты управленцев и специалистов, а также конференц-зал для всеобщих собраний и обсуждений возникающих проблем и принятия решений.

— Чёрт! — воскликнул Смит. — Эта станция — настоящая крепость.

— Живой товар и прочих рабов держат вот в этой «спице», — показала Анна, и выделенная часть макета резко увеличилась, демонстрируя подробности. Остальные части станции исчезли. — У соединения «спицы» с «ободом» находятся защитный шлюз и бункер с десятком вооружённых до зубов солдат. Сразу за пунктом охраны находится аукционный зал с подиумом для демонстрации живого товара. Посторонних пропускают сюда только на время торгов. Из зала короткий коридор ведёт ко входу в тюрьму, в камерах которой отдельно держат мужчин, женщин и детей, предназначенных на продажу. Здесь же находятся жилые комнаты рабов, обслуживающих живой товар. Вот это кухня и прачечная, в которых рабы готовят пищу и стирают. Помещение рядом с общей дверью в тюрьму — ещё один контрольно-пропускной пункт охраны. Здесь постоянно находятся два десятка человек, следящие за мониторами, на которые выведены видеокamеры, установленные в аукционном зале, коридоре и внутри тюремных камер. Другие помещения этой «спицы» для нас не представляют интереса.

— Похоже, штурмовать тюрьму нашими скудными силами — самоубийство, — мрачно сказал Крафт.

— Кубышка жаден, — невозмутимо ответил профессор. — Он заставляет своих рабынь, живущих в тюрьме, в свободное от работы на кухне или в прачечной время улаживать клиентов в борделях развлекательных отсеков станции. Там я вчера и подкупил одну из рабынь, обслуживающих женскую камеру, Она нам поможет.

— Каким образом? — хмыкнул Смит.

— Она найдёт среди сотен пленниц мою дочь и вашу жену, капитан Крафт, и в определённый момент приведёт их в помещение женского туалета, к двери в самую дальнюю кабинку, и тогда Анне не придётся искать их по всей тюрьме. Чтобы ваша жена, поверила этой рабыне и пошла с ней, вы, капитан, должны сообщить нам сейчас «маячок» — слово или выражение, по которому Мария поймёт, что незнакомая ей девушка работает именно на вас. Понимаете меня?

— Да, — кивнул Крафт. — Но каким образом Анна проникнет в тюрьму и, тем более, благополучно выберется оттуда, да ещё не одна?

— Телепортация, — улыбнулся Иванов.

— Что? — не поверил Крафт. — Вы — сумасшедший? Телепортация — сказка для легковых идиотов.

— Не сомневайтесь, капитан, — успокаивающе поднял руку профессор. — Сейчас вы должны поверить в то, что Анна заберёт в назначенное время пленниц и помогающую нам рабыню из тюрьмы и доставит на мой корабль.

— А чем мой не подходит?

— Тем, что Кубышка первым делом обыщет именно его. Надеюсь, не надо объяснять, почему? Кроме того, вашему другу, лейтенанту Смигу, придётся навестить в борделе подкупленную мною рабыню, незаметно показать ей фотографии наших пленниц и столь же незаметно, на ушко, во время ласк объяснить ей, что надо делать. Я обещал девушке, что сделаю это сам, но нам лучше не рисковать — вторичное посещение мною или Анной борделя и конкретно этой рабыни может привлечь преждевременное внимание главного интенданта ко мне и моему кораблю. Учтите, господин лейтенант, комната нашпигована телекамерами и микронами. Рекомендую совместный душ — шум воды заглушит ваши слова. Надеюсь, это задание вам по плечу?

Смит скривился.

— Эта шлюха, хоть, не очень страшна?

— На вкус и цвет... — усмехнулся Иванов. — А так как рабыня исчезнет из тюрьмы одновременно с вашей женой, капитан Крафт, и практически на следующий день после визита к ней лейтенанта Смига, это будет ещё одной из причин для обыска в первую очередь именно вашего корабля. Я здесь, как вы правильно заметили, под чужим именем, и, к тому же, интересуюсь контрабандой, а не живым товаром. Никто не знает, что Елена — моя дочь. Поэтому после исчезновения трёх пленниц из тюрьмы мой корабль обыщут не скоро, и когда до него дойдёт очередь, Анна перебросит беглянок на ваш, очищенный к тому времени от подозрений. Для этого вы и нужны мне, иначе бы я уже давно освободил свою дочь. Но вряд ли смог бы беспрепятственно покинуть Анархию...

— А как же тюремные видеокamеры? — встрепнулся Крафт. — Вашу Анну засекут и первым делом кинутся проверять именно ваш корабль, профессор!

— Анна проверила — в помещении тюремного туалета нет аппаратуры наблюдения. Ведь оно общее и для пленниц, и для обслуживающего персонала, среди которого есть не только рабыни вроде Линды, о которой я вам рассказал, но и свободные гражданки Анархии: надсмотрщицы, кухарки и охранницы, например. Поэтому, было бы жела-

тельно в назначенное время свести к минимуму вероятность появления случайных свидетелей похищения, отвлечь их внимание на что-нибудь иное. Анна, конечно, справится с любой ситуацией, но хотелось бы избежать лишних жертв. Вы согласны?

— Да, — кивнул Крафт, обменявшись взглядом со Смитом. — Что вы предлагаете?

— Гладиаторские бои на Анархии — самое массовое и любимое развлечение! А вам, капитан Крафт, очень кстати будет алиби, которое сможет подтвердить множество людей. Уверен, и сам Кубышка не пропускает подобные зрелища.

— Вот и для меня у вас работа нашлась, — усмехнулся Крафт. — Бой, но с кем?

— Это ваша проблема, господа, — встал профессор. — И решить её необходимо как можно скорее — сроки поджимают!

— Есть один момент, профессор, который может свести на нет весь ваш хитроумный план, — вдруг вмешался Смит. — Вы засветились, придя сюда, и если похищение удастся, люди главного интенданта первым делом придут с обыском к вам, раз уж у нас с Питом будет алиби.

— Нет, лейтенант, как я уже сказал, следящая аппаратура в этом номере выведена из строя. Коридор был пуст, и нас никто не видел, входящими сюда.

— Зато увидят выходящими! — воскликнул Смит. — Наверняка там уже дежурят шпионы Кубышки, ожидая, когда мы покинем номер, чтобы заменить сгоревшую аппаратуру.

— Не увидят, — улыбнулся профессор. — Вы должны верить в успех нашего замысла, а потому...

Иванов подошёл к Анне, обнял её за талию, и с гулким звуком лопнувшего воздушного шарика они исчезли.

— Итак, капитан, что на этот раз привело вас ко мне? — растянул в любезной улыбке пухлые губы Кубышка.

— Опять личное дело, главный интендант, — не менее доброжелательно улыбнулся в ответ Крафт. — В прошлый раз вы продемонстрировали мне отменное знание местных законов, поэтому я и решил обратиться за помощью именно к вам.

— Сделаю всё, что в моих силах, капитан, — Кубышка радушно указал гостю на кресло. — И в чём же ваша проблема?

— Я хочу отомстить капитану пиратского корабля, похитившему мою жену, — сразу перешёл к делу Крафт.

— Прекрасно понимаю вас, капитан, — не удивился услышанному Кубышка. — Но, чем же я могу вам помочь? Как вы знаете, я не могу открыть вам его имя. Таков закон!

Главный интендант с притворным сожалением развёл в стороны свои пухлые короткие руки.

— Да, я помню, — спокойно улыбнулся в ответ Крафт. — Но на Анархии есть и другой закон, и он позволяет вам обойти первый.

— Какой же? — заинтересованно подался к нему Кубышка.

— Тот самый, что позволяет мне вполне легально и публично отомстить своему обидчику. Вы же не будете отрицать, главный интендант, что похищением моей жены и выставлением её на торги мне нанесена обида?

— Вы требуете дуэли? — поразился Кубышка.

— Вот именно! — весело подмигнул ему Крафт. — И вы не можете мне в этом отказать.

— Вы — храбрый человек, капитан, — усмехнулся Кубышка. — Не наведи я о вас справки ранее, заподозрил бы сейчас в глупости. Надеюсь, вы хорошо подумали? Наши гладиаторские бои — не шоу. На арене сражаются насмерть.

— Я это знаю, главный интендант, — холодно ответил Крафт. — Потому и обратился прямо к вам. Я хочу, чтобы поединок состоялся послезавтра.

— К чему такая спешка, капитан? Надо же уведомить вашего противника, оповестить зрителей, провести рекламную кампанию на нашем канале телевидения. Все бои транслируются в прямом эфире, капитан.

— Это ваши проблемы, главный интендант, — невозмутимо ответил Крафт. — Бой должен состояться до аукциона. Если победит пират, мне не придётся смотреть, как продают мою жену. А если победа достанется мне, этот негодяй не получит своих денег и больше уже никому и никогда не причинит горя.

— И, к тому же, по закону победитель получит всё имущество побеждённого, — алчно потёр руки Кубышка. — А вы — хитрец, капитан! Я вас недооценивал.

— О чём это вы? — нахмурился Крафт.

— Если победит пират, ему ничего не достанется, — усмехнулся главный интендант. — Потому что всё, что у вас тут есть, принадлежит Космофлоту Солнечной Федерации, даже форма, что сейчас на вас. Пират, как говорится, останется при своих. Зато в случае вашей победы, капитан, вам достанется первоклассный корабль и доля от продажи не

только вашей жены, но и всей прочей добычи. Конечно, за вычетом долей команды. Учитывая всё это, ваши финансовые возможности в предстоящих торгах значительно возрастают. Вы, видимо, захотите, чтобы вашу жену выставили на продажу последней?

— Вы весьма проникательны, главный интендант, — процедил Крафт. — Я могу надеяться на вашу помощь?

— Конечно, капитан! — расплылся в довольной улыбке Кубышка. — Я не могу нарушать законы Анархии и лишать её жителей развлечений. Гладиаторские бои, можно сказать, святое для нас. Готовьтесь, поединок состоится послезавтра, в полдень по местному времени. Вы обязаны прибыть на арену за час до этого, чтобы наши врачи и юристы могли проверить ваше здоровье, засвидетельствовать отсутствие принуждения и тому подобные формальности. Вы всё же здесь гость, капитан, и нам не нужны неприятности с Космофлотом Солнечной Федерацией в случае вашей гибели или увечья. Правила боя вы уже знаете?

— Правила? — удивился Крафт. — Разве есть какие-то правила?

— Только одно — никаких правил! — захохотал Кубышка. — Кто останется жив, тот и победил. Ничьих не бывает.

— Что ж, меня это вполне устраивает, — встал Крафт. — Не буду отнимать у вас время, главный интендант.

— Желаю удачи, капитан, — прощально махнул ему пухлой рукой Кубышка. — Она вам понадобится. Не волнуйтесь, организацию поединка я беру на себя. Задействую все свои возможности.

— Я надеюсь на это, — усмехнулся Крафт и вышел.

Кубышка тут же нажал кнопку на селекторе.

— Белую Крысу ко мне! Быстро!

Открылась потайная дверь в комнату охраны, и вошла главная надсмотрщица.

— Хорошо разглядела его? — всё ещё улыбаясь каким-то своим мыслям, спросил главный интендант.

— Да, господин, — кивнула альбиноска.

— Уверена, что не видела этого человека раньше? Он не пытался проникнуть в женскую тюрьму?

— Уверена, господин. Никогда его не видела.

— Просмотри все уцелевшие записи борделя, где недавно сгорела аппаратура наблюдения. Проверь, не посещал ли его этот федерал или его напарник. В их номере вчера точно так же отказала аппаратура. Не нравятся мне такие совпадения. Всё поняла?

— Да, господин.

— И не спускай глаз с той шлюхи, как её?

- Линда, господин.
- С Линды. И с жены этого федерала тоже!
- Да, господин.
- Убирайся!

Когда массивная фигура главной надсмотрщицы скрылась за дверью, Кубышка задумчиво пробормотал:

— Что же ты задумал, капитан Крафт? Не думай, что обманул меня. Я не спущу с тебя и твоего лейтенанта глаз, пока вы здесь, на Анархии. А потом, если выживешь, можешь брать на бордаж караван Халидбея...

Победить в честной схватке у Крафта не было ни единого шанса. Пока плюгавый рефери в модном синем костюме-тройке, ослепительно белой рубашке и галстук-бабочке, радостно скалясь, неожиданно зычным голосом объявлял зрителям имена и физические данные гладиаторов, капитан внимательно рассматривал своего противника. По сведениям, найденным Смитом в космонете, собранных в барах Анархии и дополненных профессором Ивановым, Рыжий Пайк был опытным и безжалостным бойцом. Гориллоподобное тело пирата бороздили шрамы, полученные не только в смертельных бордажных схватках. Ещё подростком Рыжий Пайк не раз участвовал в уличных разборках молодёжных банд Нью-Йорка. Да, он родился на Земле, в одном из величайших городов колыбели Солнечной Федерации.

Повзрослев, Рыжий Пайк с успехом выступал на подпольных аренах Земли в нелегальных боях без правил. В конце концов, он однажды убил своего противника прямо на арене на глазах многочисленных зрителей. Его судили и приговорили к десяти годам тюрьмы. Но в это время войска Веганской Империи значительно потеснили Космофлот, захватили несколько звёздных систем Солнечной Федерации, и Рыжему Пайку предложили искупить вину кровью на передовой. Так этот отморозок оказался в десантных частях Космофлота, где его быстро обучили всем тонкостям бордажного боя, владению холодным и огнестрельным оружием, управлению десантными видами транспорта и прочим солдатским премудростям.

Однако жестокость и кровожадность Рыжего Пайка вскоре дали себя знать, и тот вновь попал под суд за зверские пытки и убийства пленных веганцев. Молодому десантнику грозил военный трибунал. Рыжий Пайк не стал его дожидаться. Он голыми руками убил конвоиров и с несколькими такими же отморозками, завербованными в армию в тюрьмах Федерации, захватил военный корабль и бежал на Анархию,

где со временем и превратился в одного из самых рискованных и безжалостных пиратских капитанов.

И вот теперь этот негодяй стоял в десяти шагах от Крафта и приветственно махал знакомым на трибунах могучей ручищей. Оба гладиатора вышли на арену совершенно обнажёнными, чтобы зрители были уверены в отсутствии у них какого-либо иного оружия, кроме десантных ножей в руках. Как офицер Космофлота Крафт довольно неплохо владел приёмами рукопашного боя, но его умения и навыки, конечно, не шли ни в какое сравнение с мастерством Рыжего Пайка. А уж с ножом пират виртуозно обращался с раннего детства.

«Вам надо продержаться всего минуту, — вспомнил Крафт слова профессора Иванова. — Пусть охранники и узники женской тюрьмы прильнут к телеэкранам. Анна не должна засветиться».

«Легко ему говорить «всего минуту», — вдруг с раздражением подумал Крафт, воочию увидев своего врага. — Целую минуту! Так будет точнее. Шестьдесят секунд, которые во время смертельного боя растянутся на часы.

Капитан постарался подавить ненужные сейчас чувства, не дать ярости и ненависти заглушить голос разума, и, успокоившись, вновь оценивающе посмотрел на врага.

Рыжий Пайк был весь в предвкушении боя. Он весело скалил крупные кривые зубы, приветственно махал знакомым на зрительских трибунах, словом — явно был в своей стихии. Его огромное, заросшее рыжим волосом тело, поражало первобытной мощью, бугрилось узлами мышц. Крафт рядом с пиратом смотрелся худосочным карликом, хотя на самом деле был вполне гармонично сложен и под два метра ростом. Регулярные упражнения в тренажёрном зале укрепили его тело, а участие в боях с веганцами закалило дух.

Наконец рефери убежал, и гладиаторы остались на арене один на один...

Входная дверь распахнулась, и в туалет ворвалась разгневанная Белая Крыса. За ней семенила, торжествуя ухмыляясь, Гиена.

— Какого чёрта вы тут делаете? — рявкнула главная надсмотрщица, подлетая к замершим в ужасе беглянкам и, не дождавшись ответа, приказала Гиене: — Проверь, нет ли здесь ещё кого-нибудь?

Та быстро пробежалась вдоль ряда дверей, проверяя кабинки.

— Итак, — вперила полный ярости взгляд в жмующихся друг к другу рабынь главная надсмотрщица. — Сейчас вся Анархия смотрит гладиаторский бой. Вы оторвали меня от любимого зрелища. Этого я вам не

прошу! Ты! — Белая Крыса концом рукояти плети ткнула Линду в живот. — Отвечай, что вы тут замышляете?

— Ничего, — согнувшись от боли, с трудом выговорила рабыня. — Просто нам не нравятся кровавые зрелища. В камере очень шумно, вот мы и пришли сюда, чтобы спокойно поговорить.

— Ты! — повела плетью в сторону Марии главная надсмотрщица. — Отвечай!

— Девочки хотели узнать, что сейчас носит молодёжь Федерации...

— Ты! — кончик плети коснулся груди Елены.

— Да, — пролепетала та в испуге. — Я хотела рассказать об имперской моде.

— Никого нет, — подбежала, возбуждённо поблескивая маленькими чёрными глазками, Гиена.

— Зови охрану, — приказала ей главная надсмотрщица. — Пусть запрут эту троицу в карцер. Я потом с ними разберусь. Может, успею ещё увидеть концовку гладиаторского боя.

— Да, госпожа, — угодливо склонилась в поклоне Гиена и направилась к выходу.

— Стой, подлая шпионка! — вдруг, в отчаянии, крикнула Линда. — Ты никуда не пойдёшь.

Она подскочила к остановившейся в удивлении Гиене, схватила её за узкие плечи и несколько раз с силой ударила головой о стену. Глаза надсмотрщицы закатились, тонкие ноги подкосились, и Гиена, потеряв сознание, сползла на пол.

— Ах, ты!.. — Белая Крыса, опомнившись, в ярости взмахнула могучей ручищей. Свистнула плетью, и Линда рухнула рядом с Гиеной.

Взвизгнув, Мария прыгнула главной надсмотрщице на спину. Обхватив длинными ногами поясницу звероподобной бабы, она поборцовски зажала сгибом правой руки в локте её толстую короткую шею и начала душить. Белая Крыса взревела и завертелась на месте, пытаясь сбросить с себя оседлавшую её рабыню, но та держалась крепко.

Елена подбежала к Линде и склонилась над ней. Глаза несчастной были широко открыты, но жизнь из них уже ушла. На виске алел след от удара свинчатки, вплетенной в кончик плети главной надсмотрщицы. Елена села на пол, взяла в ладони безжизненную руку Линды и заплакала. За спиной что-то кричала Мария, жутко хрипела Белая Крыса, но девушка никак не могла заставить себя встать и покинуть остывающее тело Линды.

— Лена! — звала Мария. — Помоги мне!

Белая Крыса ударила ею о стену.

— Лена! — в отчаянии вскрикнула в последний раз Мария.

Белая Крыса, разжала ослабевший захват ошеломлённой ударом рабыни, и та кубарем покатилась по полу, сброшенная, как неопытный наездник со вставшей на дыбы лошади. Главная надсмотрщица жадно глотала раскрытым ртом воздух. Багровое лицо её перекосила злобная гримаса, сквозь растрепавшиеся белесые космы люто горели красные глаза.

— Я покажу вам... — невнятно прохрипела Белая Крыса, потирая левой рукой горло. Потом в ярости взмахнула правой. Вновь раздался свист плети, и Мария завопила от боли, схватившись за лицо. Елена с ужасом увидела, как из-под пальцев подруги потекли ярко-красная кровь и остатки того, что ранее было красивым зелёным глазом.

Главная надсмотрщица продолжала хлестать корчившуюся у её ног Марию, как вдруг за её спиной распахнулась дверь последней кабинки и оттуда вышла короткостриженная блондинка в военном имперском камуфляже без знаков различия. Елена, вздрагивавшая от каждого удара, достававшегося Марии, смахнула слёзы и с облегчением всхлинула:

— Анна! Наконец-то!

Главная надсмотрщица резко обернулась, её злобно сощуренные кроваво-красные глазки широко распахнулись от удивления.

— А ты ещё кто такая? Откуда взялась?

Блондинка, не отвечая, протянула изящную руку, небрежно взяла ошеломлённую Белую Крысу за горло и легко повернула кисть. Раздался громкий хруст, и главная надсмотрщица безжизненной грудой рухнула на пол. Анна легко подняла потерявшую сознание Марию и протянула руку Елене.

— Пора домой.

...«Я должен продержаться шестьдесят секунд, — напомнил себе Крафт и начал мысленный отсчёт. — Потом я убью эту гориллу».

Громко прозвучал сигнал гонга, и Рыжий Пайк ринулся вперёд. Крафт отскочил в сторону и бросился бежать. Зрители разочарованно завопили. Раздался оглушительный свист. Капитан остановился. Пират и не думал преследовать его. Он хохотал, картинно кланялся публике и делал оскорбительные жесты в адрес Крафта.

«Двенадцать, тринадцать... — считал про себя капитан. — Что ж, сволочь, покрасуйся пока. Это хорошо, что ты за мной не побежал. Не торопись в бой, время пока не вышло».

Крафт стоял и, не обращая внимания на презрительные выкрики зрителей, ждал нападения. Поняв, что противник не собирается атаковать сам, Рыжий Пайк вразвалочку двинулся к нему.

— Куда бежишь, капитан? — прорычал он. — Я думал, ты не трус, раз бросил мне вызов.

Не отвечая, Крафт попятился. Он старался сохранить дистанцию в пять метров между собой и надвигающимся пиратом. Тот ускорил шаг, капитан тоже, и вскоре оба бежали вокруг арены. Над трибунами стояли оглушительный вой и свист. Наконец Рыжий Пайк остановился. Крафт тоже. Оба тяжело дышали и с ненавистью смотрели друг на друга. Рыжая шерсть пирата потемнела, от него несло животным мускусом и едким потом. Рыжий Пайк больше не улыбался.

— Чего же ты всё бегаешь, капитан? — прохрипел он. — Рассчитываешь загнать меня до смерти?

«Сорок восемь, сорок девять...» — продолжал мысленно вести счёт Крафт.

— Ну же, капитан, — продолжал хрипеть Рыжий Пайк. — Мужчина ты или нет? Не позорь Космофлот!

«Пятьдесят восемь, пятьдесят девять, пора!»

Крафт попытался плюнуть на лезвие ножа, но рот был пуст, горло пересохло от волнения и бега.

«Вам не победить Рыжего Пайка в честном бою, — всплыл в памяти Крафта спокойный голос профессора Иванова. — Но я увеличу ваши шансы. Мы отравим пирата ещё до дуэли.

— Но будет медосмотр перед боем...

— Врач ничего не обнаружит, — лукаво улыбнулся профессор. — В крови Рыжего Пайка будет только одна из составляющих яда, сама по себе совершенно безвредная. Вторую часть, тоже совершенно безвредную, вы, капитан, выпьете перед боем. Продержитесь одну минуту, а затем просто плюньте на лезвие своего ножа. Если вам удастся хотя бы поцарапать им Рыжего Пайка, обе части яда соединятся, и пират потеряет сознание на несколько секунд. Это ваш единственный шанс, капитан, уйти с арены живым. Не упустите его. Помните, через несколько секунд яд разложится на безвредные составляющие, и пират очнётся».

— Дьявол! — выругался Крафт, безуспешно пытаясь вызвать слюноотделение. Хитроумный план профессора летел к чёрту. — Иди ко мне, горилла! — вызывающе крикнул капитан поигрывающему ножом пирату. — В любом случае, я уже победил.

— Неужели? — хищно оскалился Рыжий Пайк и бросился на Крафта.

Атака была столь стремительна, что капитан с трудом увернулся. Пират был чудовищно силён и невероятно проворен. Серии ударов следовали одна за другой, Крафт с трудом успевал их парировать и вскоре, выронив нож, кубарем покатился по земле. Вскочив на ноги, капитан замер в бойцовой позе. Но пират не спешил его убивать. Широко раскинув могучие ручищи, он красовался перед восторженно орущей публикой.

Крафт огляделся в поисках своего ножа, но увидел только красные пятна на белом пластике арены.

«Кровь? — удивился он. — Чья?»

И вдруг почувствовал жжение в левом боку. Там тянулась длинная, обильно кровоточащая полоса.

— Ну что, капитан, продолжим? — насмешливо крикнул ему Рыжий Пайк и картинно лизнул длинным языком кровь с лезвия ножа.

Крафт, не отвечая, ждал скорой смерти. Пират бросился на него. Капитан поднырнул под ручищу с ножом, перехватил её и попытался заломить за спину врага. Он приложил все силы на то, чтобы вырвать у пирата нож. Но Рыжий Пайк вдруг сам небрежным движением кисти отбросил нож, легко освободился от захвата и сжал Крафта могучими руками в борцовском объятии так, что у того затрещали рёбра.

— Мне не нужен нож, чтобы убить тебя, капитан, — насмешливо прорычал пират, обдавая лицо Крафта зловонием изо рта. — Я раздавлю тебя, как клопа. Сломаю хребет, потом ноги и руки и в конце сверну шею.

Крафт не собирался сдаваться. Он попытался ударить головой пирата в лицо, но тот легко увернулся. Капитан напряг все мускулы, стараясь вырваться из чудовищных объятий и вдруг понял, что с Рыжим Пайком что-то не так. Пират просто повис на нём, дыхание его прервалось, в выпученных глазах застыло удивление.

«Яд! — догадался Крафт. — Этот кретин слизнул с лезвия ножа мою кровь и тем самым отравил себя!»

Не теряя времени, капитан классическим броском швырнул безвольное тело Рыжего Пайка через себя. Мгновенно оседлав врага, Крафт нанёс сильный удар раскрытой ладонью тому в лицо, вогнав кости носа в мозг. Рыжий Пайк умер мгновенно. Капитан с трудом встал. Его тошнило, все мышцы тела мелко вибрировали, в глазах стоял туман, а в ушах морским прибором шумела кровь. Крафт впервые убил человека голыми руками.

На арене вдруг появилось множество людей. Лейтенант Смит подхватил Крафта с одной стороны, с другой — тряс его руку, задрав её

вверх, и что-то верещал плюгавый рефери. Рядом с телом Рыжего Пайка копошились врачи и охранники. На трибунах бесновались зрители...

В коридоре загрохотали солдатские сапоги, дверь резко распахнулась, и в номер ввалились пятеро вооружённых автоматами охранников. Двое из них немедленно взяли на мушку замерших на месте Крафта и Смита, остальные профессионально проверили спальню и ванну.

— Чисто! — громко крикнул охранник с сержантскими нашивками, и в комнату быстро вошёл главный интендант Анархии. Потный от спешки и красный от злости, Кубышка удивительно плавной и лёгкой для его заплывшего жиром тела походкой прошёл к ближайшему свободноному креслу и сел.

— Мне сообщили, что вы решили немедленно покинуть нашу станцию, капитан, — нарочито спокойно сказал он и взмахом руки пригласил хозяев номера сесть. — А как же ваша красавица-жена? Торги уже завтра.

— Я вряд ли смогу победить Халид-бея, — хмуро ответил Крафт. — А что у вас случилось, главный интендант? Нашу гостиницу всего полчаса назад обыскали, как говорится, сверху до низу.

— Сбежало несколько рабов, — злобно усмехнулся Кубышка. — Поэтому сейчас охрана обыскивает всю станцию, а не только вашу гостиницу.

— Вот как? — сделал удивлённое лицо Крафт. — А зачем вы пришли к нам, да ещё лично?

— Вы же подали заявку на вылет, — хищно взглянул на него Кубышка. — Ответственность перед гражданами Анархии за сбежавших рабов лежит на главном интенданте, то есть — на мне. Поэтому, никто не покинет станцию без моего разрешения. Так что, капитан, мои люди должны обыскать ваш корабль.

— Это незаконно! — вполне искренне возмутился Крафт, хотя и ожидал подобного развития событий. — Мой корабль — это территория Солнечной Федерации.

— Только не здесь, капитан, — злобно усмехнулся Кубышка. — Не забывайте, где вы находитесь. Впрочем, если вы передумали улетать и решили подождать, пока мои люди найдут беглецов...

— Нет, — сдаваясь, пробурчал Крафт. — Вынужден подчиниться насилию. Вы же всё равно обыщите мой корабль, не так ли, главный интендант?

— Приятно иметь дело с разумным человеком, — легко поднял своё массивное тело из низкого кресла Кубышка, и Крафт впервые подумал,

что тот отнюдь не случайно стал одним из пяти тайных правителей пиратской республики. Очевидно, под слоем жира у главного интенданта имеются стальные мускулы, а за простоватой внешностью скрывается недюжинный ум.

— Пит, смотри, кого я к тебе привёл! — весело вскричал лейтенант Смит и, посторонившись, пропустил в комнату двух девушек.

Давно небритый, измученный бессонными ночами Крафт вскочил с кресла.

— Анна! Госпожа Иванова!

— Просто — Лена, — смущённо улыбнулась ему стройная девушка в серебристом облегающем платье.

— Какими судьбами в наших краях? — спросил Крафт, любезно предлагая гостям сесть.

— Проездом.

Елена непринуждённо расположилась в кресле и с интересом начала разглядывать явно запущенную, давно не видевшую женской руки гостиную. Анна осталась стоять у входной двери, зорко следя за происходящим. Лейтенант Смит по-хозяйски открыл бар, достал бутылки с напитками, быстро расставил бокалы на круглом столе, стоящем посреди комнаты как гигантский гриб.

— Что вам налить? — обратился он Елене.

— Какой-нибудь сок.

— Ну, а твои вкусы я знаю, — хмыкнул в сторону Крафта Смит и быстро наполнил бокалы. — Анна, может, всё же присоединитесь к нам?

Андроид отрицательно качнула головой.

— Жаль, — ничуть не расстроившись, сказал Смит и поднял бокал. — Итак, за встречу!

— Как ваши дела, Пётр Андреевич? — участливо спросила Елена, когда все выпили. — Как себя чувствует Маша?

— Всё хорошо! — бодро ответил Крафт.

— Ну, зачем ты врешь? — с досадой воскликнул Смит. — Какой смысл скрывать то, что всем известно?

— Майк! — предостерегающе поднял руку Крафт.

— Ты забыл, чья Елена дочь?

— Это ты забыл...

— Не волнуйтесь, Пётр Андреевич, — вмешалась в спор гостья. — Анна нейтрализовала все шпионские штучки в вашем доме, прежде чем я вошла в него.

— Но...

— Всё в порядке, Пётр Андреевич, аппаратура работает, Анна не стала жечь её. Но наблюдатели видят запись, как вы сидите в своём кресле и читаете книгу.

— Вот как? — успокоился Крафт. — Это радует. И давайте отбросим этот официоз и перейдём на ты. Думаю, то, что мы пережили на Анархии, связывает гораздо крепче, чем выпитый на брудершафт бокал вина.

— Согласна! Так как твои дела?

— Честно говоря, не очень, — нахмурился Крафт. — По возвращении меня сначала тайно повысили в звании сразу до полковника, а потом публично наградили за уничтожение Анархии орденом «Герой Солнечной Федерации». Ведь не мог же простой капитан уничтожить пиратскую крепость, которую и генералы не рисковали штурмовать! Я устроил Машу в лучшую клинику, где ей должны на днях имплантировать новый глаз и привести нервы в порядок.

— Поздравляю, господин полковник! — радостно улыбнулась Елена.

— Не спеши, — отмахнулся Крафт. — Через неделю после того, как отгремели торжества, меня лишили звания, всех наград и вышибли из Космофлота с «волчьим билетом» за превышение полномочий, чуть не приведшее к срыву перемирия с Веганской Империей, и недостойное офицера поведение — дуэль с известным пиратом в голом виде. Все мои сбережения ушли на оплату врачей. Этот домик на окраине города, куда мы с Машей были вынуждены переехать из центра, тоже выставлен на продажу. Новый глаз для Маши уже выращен в генетической лаборатории больницы, но денег на операцию всё равно не хватает. Спасибо вот Майку — даёт недостающую сумму.

— А, ерунда! — криво улыбнулся Смит. — Предки оставили мне кое-какие средства. Я пока не женат, получаю жалованье — Пит показал на следствии, что это он приказал мне сопровождать его на Анархию. Так что денег мне пока хватает. Конечно, карьере мне теперь в Космофлоте не сделать, но, по крайней мере, у меня есть работа.

— Что ж, — сочувственно улыбнулась Крафту Елена. — Мой папа так и предполагал, когда увидел, что твоё имя вдруг исчезло из списков офицерского состава Космофлота.

— Не надо меня жалеть! — вспыхнул Крафт. — Мне плевать на орден и должности. Главное — моя Маша жива, скоро будет здорова, и мы с ней снова будем вместе.

— А как дела у профессора? — поинтересовался Смит, гремя кубиками льда в своём бокале.

— Прекрасно! — ответила Елена. — Он тоже ушёл со службы. Нет, папу не выгнали, ведь никто не знал о его участии в событиях на Анархии. Официально мы всё то время отдыхали с ним на одном из отдалённых курортов Империи. А когда вернулись домой, папа попросился на пенсию. Плохое здоровье, и всё такое...

— Жаль это слышать, — сказал Смит. — Мне профессор показался довольно бодрым и...

— О, вы меня не так поняли, — засмеялась Елена. — Папа совершенно здоров! Он просто больше не хочет работать на военные проекты Империи. Оборудовал себе небольшую лабораторию в одном из зданий нашего имения и занимается в ней теми исследованиями, которые интересны ему самому.

— Очень рад за него, — искренне сказал Крафт. — А как ты себя сейчас чувствуешь?

— Хорошо, — бодро ответила Елена. — Я очень смутно помню последние дни на Анархии. Смерть бедной Линды и ужасная рана Марии так потрясли меня, что папа вынужден был держать меня с помощью лекарств в полусонном состоянии. Вы, наверно, и сами это знаете?

— Конечно, — кивнул Крафт. — Ты же провела несколько часов на нашем корабле, когда люди Кубышки обыскивали ваш.

— Мы действительно полетели потом на ту отдалённую планету, где я вынуждена была провести пару недель в одном из санаториев, пока окончательно не пришла в себя. Анна подправила тамошние регистрационные записи так, будто мы с папой находились на этом курорте и во время событий на Анархии. Пришлось, конечно, и заплатить кое-кому за молчание и поддержку. Словом, когда к нам позднее, уже дома, пришли люди из соответствующей имперской службы с вопросом, почему одна из выставленных пиратами на торги рабынь очень похожа на меня, папа просто пожал плечами.

— В мире много похожих людей, — ответил он. — Потому и столь популярны шоу двойников.

Елена рассмеялась и сделала несколько глотков из бокала, который нервно сжимала во время рассказа в ладонях.

— Не знаю, поверили ли нам, — продолжила она. — Но больше пока не беспокоили, и когда папа в очередной раз попросился на пенсию, его не стали удерживать, хотя ранее всегда отклоняли такие просьбы.

— Мы с Майком, конечно, никогда не упоминали о вас с профессором во время многочисленных допросов и интервью, — сказал Крафт. — Да нам до сих пор так и не известны ваши настоящие имена!

— Спасибо вам за это, — горячо поблагодарила Елена. — Нас с папой легко бы вычислили, и никакие курортные записи бы не спасли! А зовут меня, действительно, Лена. Точнее — Элен. Но это же не важно?

— Конечно! — поддержал её Смит, наполняя опустевшие бокалы. — А фамилию ты всё равно скоро сменишь.

— Зачем? — удивилась Лена.

— Так замуж выйдешь! Как тебе нравится, например — Элен Смит? Все, кроме Анны, засмеялись.

— Не могли бы вы рассказать мне о гибели Анархии? — попросила Елена. — Я ж тогда была, можно сказать, растением: спала, ела и ничего не соображала. А папа старается избегать эту тему, боится тревожить меня. Я, конечно, видела официальные репортажи, но кто же им верит?

— Да, в общем-то, всё было почти так, как показывали в телерепортажах, — нерешительно начал Смит, вопросительно посмотрев на Крафта. Тот пожал плечами и кивнул — продолжай, мол. — Торги прошли в намеченный срок. Вас с Машей на них, конечно, не было. Объяснили это «резким ухудшением здоровья из-за неудачных попыток самоубийства». Такие случаи на Анархии случались и раньше. С бедной Линдой, например. Так что никто не удивился.

Люди Кубышки раз за разом безуспешно обыскивали станцию и корабли, власти Анархии никого не выпускали, даже Халид-бея. Люди начали роптать, всеобщее недовольство действиями главного интенданта нарастало. Мы тоже сильно нервничали, опасаясь за твоё и Машино здоровье. И профессор приказал Анне выложить в космонет от имени Кубышки секретные сведения о том, как пираты финансировали избирательную кампанию нашего президента и военные походы вашего императора. Оказалось, что такие записи действительно хранились среди секретных файлов личного компьютера Кубышки.

— Так это сделала ты, Анна? — с удивлением посмотрела на андроида Елена.

— Нам всем очень хотелось отомстить Кубышке, — смущённо пояснил Крафт.

— Что тут началось! — с воодушевлением продолжил рассказ Смит. — Президент заявил, что обнародованные документы — фальшивка, и приказал Космофлоту уничтожить Анархию. Император тоже отрицал любые связи с пиратами и в свою очередь объявил им войну. Два силь-

нейших военных флота двинулись к Анархии, и на станции начался сущий ад! Буквально все гости и даже некоторые пиратские экипажи хотели как можно скорее убраться подальше от обречённой станции, но охрана никого не выпускала. Боевые лазеры держали под прицелом всех и вся.

Мы с помощью Анны, подключившейся к тайным сетям наблюдения пятёрки главарей Анархии друг за другом, были в курсе всех происходящих событий и планов пиратской верхушки. О беглых рабынях все забыли, даже Кубышка. Главари спорили о том, использовать ли им гостей в качестве живого щита или нет? Кроме Халид-бея, главного евнуха Императора, на Анархии, как оказалось, в это время тайно находился и Андрэ Кикумори, личный представитель президента Солнечной Федерации, прибывший просить очередную порцию спонсорской помощи! Пиратам было заманчиво иметь на руках два таких козыря.

С другой стороны, именные гости имели при себе немалую охрану. Их люди могли стать пятой колонной, и поэтому придётся отвлечь значительные силы на нейтрализацию возможного удара в спину, когда к Анархии приблизятся военные корабли Федерации и Империи. То же самое касалось и всех остальных гостей и ненадёжных пиратских экипажей.

В конце концов, главари решили пригласить к себе на совет Халид-бея и Кикумори. Кубышка клялся им, что это не он вбросил в космонет секретные материалы, но ему никто не верил. Главари Анархии попросили Халид-бея и Кикумори донести до их властителей, что война никому не принесёт пользы. Надо как-то привести возникшую ситуацию ко взаимовыгодному состоянию. Пиратская республика в лице главного интенданта обязуется публично подтвердить, что обнаруженные документы о связях глав Империи и Солнечной Федерации с пиратами Анархии — фальшивка, провокация, направленная на то, чтобы ввернуть мир в бессмысленную войну.

— Мы даже готовы пойти на материальную компенсацию за причинённый моральный ущерб, — выдал из себя на этой встрече Кубышка. — В разумных пределах, конечно.

Короче говоря, ворота Анархии открывались для кораблей Халид-бея и Кикумори. Все остальные гости должны были остаться в качестве заложников. Нас это никак не устраивало. Опять затяжка времени. А если пираты договорятся о мире и компенсациях, то опять вспомнят о сбежавших рабынях и начнут их поиск. Но даже если этого не произойдёт, и пираты на радостях всех выпустят, любой корабль, покидающий Анархию, наверняка обязательно проверят либо федералы, либо им-

перцы. А профессор не мог допустить, чтобы его захватили и узнали, и поэтому он предложил нам новый план побега. Кровавый план. Но только в хаосе всеобщей битвы могла появиться возможность скрыться без досмотра. И мы организовали такой хаос...

Смит закашлялся и потянулся к своему бокалу.

— И то же вы сделали? — нетерпеливо спросила Крафта Елена.

— Мы с Анной отправились на корабль Рыжего Пайка, — нехотя продолжил рассказ Крафт, давая Смиту возможность отдохнуть и смочить пересохшее горло. — Ведь теперь это был мой законный трофей. Команда собралась в кубрике и как раз занималась выборами нового капитана. Пираты не собирались отдавать корабль мне. Думали, война с Федерацией спишет им нарушение законов Анархии. Они хотели свергнуть меня и захватить в плен, как представителя вражеской армии. Анна перенесла нас прямо в рубку, и мы слышали споры пиратов по включенной трансляции.

Я заблокировал дверь в рубку, и как только ворота космопорта открылись, выпуская караван Халид-бея и личную яхту Кикиморы (другого имени этот подонок не достоин), Анна запустила двигатель, мы вклинились в строй выходящих в космос кораблей, благо находились с ними в одном ангаре. На вызовы охраны мы не отвечали, в дверь рубки колотили чем-то тяжёлым, она стала краснеть, раскаляясь — видимо, пираты палили в неё из бластеров. Как только мы вышли в открытый космос, я включил связь и увидел на экране разъярённого Кубышку.

— Капитан Крафт! — в ярости прорычал он. — Так это вы? Немедленно вернитесь. Ели вы попытаетесь покинуть Анархию без разрешения, я прикажу боевым лазерам порезать ваш корабль на мелкие кусочки.

— Мы в мёртвой зоне, главный интендант, — ответил я. — Ваши лазеры меня не достанут. И я вышел с вами на связь только для того, чтобы вы не искали больше ни меня, ни мою жену. Этот пиратский корабль вовсе не собирается покидать Анархию. Ждите нас!

Я отключил связь. Анна быстро запрограммировала бортовой компьютер, и мы телепортировались назад, в мою каюту, где нас с нетерпением ожидали Мария и Майк. Сдав меня с рук на руки, Анна исчезла. Видимо, вернулась на ваш корабль.

Дальнейшее не раз транслировали все телеканалы как Федерации, так и Империи. Пиратский корабль, ведомый запрограммированным Анной автопилотом, всё более ускоряясь, полетел прямо на центральный шар станции. Халид-бей записал эту атаку и неплохо заработал на продаже телеканалам. Взрыв атомной электростанции Анархии уничтожил

правлящую верхушку пиратской республики и превратил боевые лазеры в груды бесполезного металла. Сверкающее огнями «колесо» станции погасло. Пленённые на космодромах корабли разнесли ракетами двери ангаров и вырвались в космос. Началось массовое паническое бегство. Мы тоже не стали ждать и рванули навстречу армаде Космофлота. Теперь от вас мы узнали, что и профессору удалось незаметно скрыться. Вот так вот всё и произошло.

Разумеется, на допросах мы с Майком говорили, что я в последний момент покинул пиратский корабль на спасательной шлюпке. Про Анну, конечно, никогда не упоминали. Как и про телепортацию, в тайну которой профессор нас так и не посвятил.

— Ну, думаю, я могу теперь немного приоткрыть вам завесу, — смущённо взглянула на Анну Елена. — В общих чертах, конечно, потому что все подробности папиного изобретения мне тоже не известны. Что вы знаете о теории суперструн, о бранах?

— Ничего, — в замешательстве признался Крафт и вопросительно взглянул на Смита.

— Я тоже в музыке не очень разбираюсь, — пожал плечами Майкл.

— Музыка тут ни при чём, — улыбнулась Елена. — Теория суперструн утверждает, что кроме известных нам трёх измерений — длины, ширины и высоты — должны существовать и другие.

— А как же время? — оживился Смит. — Оно же, вроде, считается четвёртым измерением.

— Речь о пространственных измерениях, — пояснила Елена. — А время — это из другой оперы. Так вот, по теории струн мы, трёхмерные существа, живём в трёхмерном пространстве-бране, которое в свою очередь погружено в четырёх, пяти или более мерное пространство. Но эти дополнительные измерения нам пока недоступны. Предполагается, что там действуют совершенно иные энергии и поля.

— Параллельные миры? — с умным видом спросил Смит.

— Можно и так сказать, — кивнула Елена. — Есть мнение, что так называемые «летающие тарелки», которые люди часто наблюдают в космосе и на планетах, как раз и есть гости из соседних измерений.

— Всё это, конечно, интересно, — вздохнул Крафт. — Но я не вижу связи...

— Ладно, оставим теории, — с облегчением сдалась Елена. — Мой папа занимался в одной из секретных лабораторий Империи изучением остатков потерпевшей крушение «летающей тарелки». Прорваться в соседнюю брану не удалось. Видимо, не хватает энергии. Создаётся не-

кий канал, но из-за недостатка мощности, он загибается петлёй и ведёт назад, в нашу брану, но в другое место. Чем не телепортация?

— Но нас перемещала Анна! — в недоумении ответил Крафт. — Неужели в её теле профессору удалось поместить мощнейший источник энергии?

— А это и есть папин секрет, который он не открыл никому! — торжественно воскликнула Елена. — В корпусе Анны вмонтирован аккумулятор совершенно иной, пока неизвестной в официально науке энергии. Именно она позволяет перемещаться между бранами. Но, конечно, этот аккумулятор недостаточно ёмок и позволяет создавать канал не более ста километров. Будь иначе, друзья, папе не понадобилась бы ваша помощь для моего спасения. А заряжает этот аккумулятор установка, разработанная папой в его домашней лаборатории. Она спрятана в двигательном отсеке нашего корабля. Прорваться в параллельный мир, побывать в соседней бране — заветная папина мечта.

— Что ж, — сказал Крафт. — Желаю профессору успеха в его работе. Я твоему отцу по гроб жизни обязан: без его помощи мне никогда не удалось бы освободить Машу. А все наши денежные проблемы в сравнении с этим — ерунда! Раз мы вместе, то преодолеем и их.

— Так для этого я и нашла вас! — воскликнула Елена. — Ведь и папа без вашей помощи вряд ли бы смог спасти меня.

Она обернулась к стоящей у дверей Анне и нетерпеливо махнула ей рукой. Та подошла, вынула из внутреннего кармана комбинезона два маленьких конверта, отдала их Елене и вернулась на свой пост.

— Вот, это папа просил передать вам, — Елена положила конверты на стол. — Здесь номера счетов в некоторых трансгалактических банках и пароли к ним. Счета номерные, на предъявителя, так что у вас не будет никаких проблем с получением денег.

— Не понимаю, — нахмурился Крафт. — Профессор решил заплатить нам, как наёмным работникам, что ли?

— Конечно, нет, — смутилась Елена. — Как ты мог такое подумать?

— Тогда, что это за деньги? — требовательно спросил Крафт.

— Эй, друг, полегче! — примирительно вмешался Смит. — Я уверен, профессор не хотел нас оскорбить. Просто он узнал о наших проблемах и решил помочь. Так ведь, Леночка?

— Конечно! — горячо откликнулась девушка. — Отцу и в голову бы не пришло обижать тех, кто помог спасти меня.

— Спасибо, — нехотя взял один из конвертов Крафт. — Передай профессору: мы обязательно вернём всё, что потратим. Я не знаю, когда это будет, но...

— Вы меня опять неправильно поняли, — смущённо перебила его Елена. — Это — ваши деньги. Вы ничего моему отцу не должны!

— Наши? — удивился Крафт. — Не понимаю...

— Папа просил вас напомнить о счетах, на которых главари Анархии держали свои личные деньги. А также о тайных счетах, с которых финансировались предвыборные кампании вашего президента и военные походы нашего императора. После гибели Анархии, эти средства лишились своих хозяев. А Анна, как оказалось, успела во время слежки за Кубышкой и его партнёрами узнать и скопировать в свою память не только личные тайны пиратской верхушки, но и их финансовые секреты. В конвертах — ваши доли. Можете считать эти деньги законным трофеем или компенсацией за потери и пережитое.

Смит вскрыл свой конверт и присвистнул.

— Ай, да профессор! Да тут столько, что и мои будущие внуки не смогут полностью потратить.

Он в возбуждении вскочил и бросился к бару.

— За это надо обязательно выпить! И не вздумай, Леночка, настаивать на соке. Такую новость надо отмечать хорошим вином.

— Так ведь вино, Майк, этот тоже в своём роде сок! — весело рассмеялся Крафт. — Леночка, а Анна когда-нибудь пьёт?

ПОВЕСТЬ

Андрей Мансуров

Ташкент

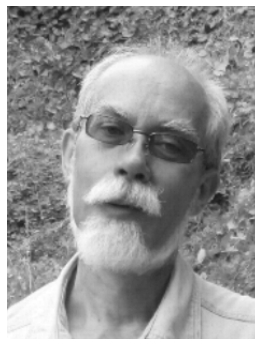
КУСОК СЫРА В...

— И зачем бы всё это было нужно?! И кому?!

— Ну, нужно-то оно было явно тому, кто всё это безобразие и создал. — Джо смотрел на центральный экран уже без невероятного удивления, как в первые секунды, и даже отвалившуюся почти до пупа челюсть удалось вернуть на место, — А то бы и не создал. А вот для чего... Мать?

— Затрудняюсь с ответом.

— Что?! Ты, самообучающийся, суперпродвинутый и навороченный компьютер, снабжённый самыми дорогими и новыми процессорами, чу-

довищной по объёму памятью, и крутейшими аналитическими программами — и затрудняешься?!

— Да, я затрудняюсь сказать, для чего эта планета выполнена именно таким образом. Однако то, что она создана искусственно, поскольку вообще — единственная в данной системе, и что для поддержания её «функционирования» создан и работает весьма сложный механизм, никаких сомнений не вызывает.

— Ты знаешь, у нас это тоже никаких сомнений не вызывает, — Пол фыркнул, — но — зачем?! Зачем нужно кому-то создавать планету в виде бублика?! К тому же постоянно самовыворачивающегося?!

— Нет, это неверный термин. Он не самовыворачивается. Просто его поверхность постоянно движется, так, что каждая точка этой поверхности проходит из центра «внутреннего экватора» через верх, где, так сказать, «северный полюс» «бублика», (если только можно так назвать линию, длиной в восемь тысяч миль.) а затем — через наружную сторону, где «внешний» экватор, и — вниз, до «южного полюса», и — снова вверх, до возвращения к условному началу. Но!

Внутренние, глубинные, части, то есть — расплавленная магма, жидкое и твёрдое ядра, если таковые имеются — остаются всегда внутри. (Ну, кроме того, что извергают вулканы!).

А наружные, «типовые»: почва, и кора, и литосферные плиты — гранитная континентальная, и океаническая базальтовая — всегда остаются снаружи.

Если взять разрез одной стороны «бублика», так, чтоб получился круг, — Мать так и сделала, выведя разрез с круглым сечением на центральный экран, — и проследить за движением точки, расположенной на поверхности, — красная условная точка двинулась по кругу: как Мать и описывала: вверх, затем вниз по наружной части окружности, и снова вверх, — она описывает полный круг, проходя из середины внутренних областей через внешние снова к условной внутренней середине, не погружаясь, как я уже упоминала — за сто шестьдесят шесть суток. — изображение вновь сменилось внешним видом «бублика».

— Погоди-ка. Вот ты говоришь: кора. Плиты. Базальтовые и гранитные. Но мы же знаем, что не может такая подстилающая почву плита растягиваться или сжиматься... достаточно быстро! Она неизменна по толщине и форме. Монументальна. И может только пододвигаться под другую плиту! Только тогда её форма и размер изменится.

Но на это нужны миллионы и миллиарды лет! Камень же! А тут... Когда такие зоны плит находятся внутри «дырки» бублика — они сжаты. А когда перемещаются на наружную поверхность — должны расши-

ряться! Чтоб на той самой видимой поверхности не появлялся гигантский поток из той самой раскалённой магмы, проникшей бы с боков! А он не появляется! Кстати — во сколько там раз всё это должно... расширяться, чтоб магма не вылезала?

— В одну целую и девять десятых. Немного, в-принципе. Это обусловлено тем, что «дыра» в середине бублика достаточно большая. Примерно три целых пятнадцать сотых радиуса поперечного сечения, так сказать, собственно тела бублика. Которое, кстати, составляет всего около одной пятой диаметра Земли — то есть, две с половиной тысячи км. Так вот, отвечая на ваш невысказанный вопрос. Возможным такое, действительно происходящее, расширение плит, стало благодаря тому, что не только форма, а и толщина такой платформы-плиты меняется. Когда она внутри «дырки», она толще. Поэтому такая платформа сужается. Уходя глубже в магму. Ну, как высокий айсберг. А когда снаружи — тоньше. Как уже — столообразный, плоский, айсберг. Который тоньше как раз в одну целую и девять десятых раза. И она становится соответственно — шире. И «плавает» по магме — мельче.

— Невозможно! Ведь тогда она, эта литосферная, как ты её называешь, плита-платформа, должна быть практически жидкой! Ну, или хотя бы — полужидкой! Очень пластичной — как вода! Или сироп какой. А для этого её температура должна быть... ну, думаю, градусов так с тысячу пятьсот! А если б так было, ничего этого, — Пол обвёл рукой вновь занимающий весь экран бублик с океанами, лесами, полями, горами и пустынями, — на поверхности сохраняться не могло бы! Оно бы всё сгорело и испарилось!

— Совершенно верно. Но так было бы только с земными, «классическими», гранитными и базальтовыми, плитами. Раскалёнными незначительно, и поэтому почти жёсткими. А здесь они абсолютно пластичны, и способны течь, растягиваться и сжиматься, уже при температуре чуть больше, чем восемьдесят градусов Цельсия. Каковую они и имеют. И вообще: недра этой планеты нашим сканнерам видны лишь до глубины в двадцать миль. То есть — до верхней кромки мантии. Действительно жидкой.

А что происходит глубже, и из чего состоит ядро и то, что между ним и мантией, и есть ли вообще в «бублике» ядро, и какие механизмы приводят в движение это странное, как вы его назвали, и постоянное, «самовыворачивание», неизвестно. Ну, а для чего было нужно создавать такую реально сложную, нестандартную, и явно искусственную планету — вообще тёмный лес.

Ведь никакими «социологическими» изысканиями в плане туземцев такая сложность не оправдывается. А «объём работ» и энергозатраты — колоссальные!

— Полужидкие и податливые плиты... Сквозь которые, тем не менее, не проваливается почва и прочая кора. Хм. Действительно, какая сложная механика. В неё и не поверишь, пока всё это лично не увидишь! У меня в голове не укладывается, почему тут — так. — Пол запустил пальцы левой руки в уже отросшую за время рейса кучерявую шевелюру, — Кстати — как насчёт смены дня и ночи?

— С этим — без проблем. Учитывая, что главная ось бублика направлена прямоком на местное солнце, день здесь длится восемьдесят три дня. Ну, и ночь, соответственно, столько же.

— И как ты это объясняешь?! — Джо решил вернуться к проблеме литосферных плит, — Ну, то, что плиты такие... Пластичные? Но провалиться почве не дают?

— Пока — никак. Мы ведь ещё не отобрали пробы. Но! Могу предположить, что имеется в местных плитах некий... назовём его пластификатор. Придающий и эластичность, и достаточную поверхностную прочность — нечто вроде поверхностного натяжения, что и не позволяло почве уходить вниз. А магме — прорываться вверх.

И могу с абсолютной уверенностью сказать, что добавили его сюда те, или тот, кто и создал планету именно в её нынешнем виде. — Пол снова фыркнул: «Ну ясно, что не местные хомячки!» Мать на провокацию не поддавалась, продолжив, — То есть — некие сверхпродвинутые в плане терраформации, существа, или уж — существо. И, между прочим, поверхность собственно почвы, то есть — перегной, песка, и глины, так делать не может. Они вполне обычные.

И находится эта почва поэтому тоже в постоянном движении: то морщась расширяющимися щелями, то сжимая их! Поэтому тут на континентах и нет крупных рек, и озёр — они попросту проваливаются!

Джо решил подытожить «научную» дискуссию:

— Ясно пока только одно. Те «сверхпродвинутые» гады, которые всё это и создали, хотели, чтоб почва — сохранялась на поверхности. И жизнь чтоб на этой поверхности сохранялась. И изменялась. Приспосабливаясь к постоянным расширениям-сужениям трещин. Благо, они происходят достаточно медленно и почти плавно. Не меняя прочих жизненных условий на поверхности. А поскольку толщина так называемой почвы не более ста-ста пятидесяти метров, особо глубоких щелей, до плит, кажется, не возникает.

— На поверхности континентов — да. Но в океане такие щели иногда всё же достигают поверхности плит. И тогда вода нагревается. (Ну, всё-таки — восемьдесят градусов!) И поднимается, дополнительно перемешивая слои океана. Так что температура воды в местных океанах — около сорока градусов, и планктон в ней так и кишит: много минеральных, и питательных органических частиц!

— Мать. — Джо тяжело вздохнул, — Всё это действительно очень сложно. И то, что плиты утолщаются-утончаются, и то, что почва сквозь них не проваливается, и то, что невидимо, но приводит в движение весь этот чёртов постоянно самовыворачивающийся, словно женская резинка для волос, бублик, и что скрыто там, внутри планеты... И мы понимаем, что соорудить такое, и поддерживать его «в рабочем» состоянии под силу лишь какому-нибудь мерзавцу вроде того Бога, что мы встретили два года назад. (См. рассказ «Все социологи — сволочи».) Но ведь жизнь на поверхности — есть?

— Есть.

— А вот есть ли там кто-нибудь, кто мог бы претендовать на звание «венца творения»? То есть — человек? И из-за кого стоило бы затевать как раз — «социологическое» исследование? Заставляя того, например, мигрировать вслед за движением поверхности, или уж — строить убежища, которые позволяли бы... Переживать долгую ночь?

— Нет. Пока, — Мать подчеркнула тоном это слово, — нет.

Джо переглянулся с Полом. Похоже, им одновременно пришла в голову одна мысль. Но первым успел озвучить её Пол:

— Так всё это сделано, чтоб проверить, преобразуется ли какая-нибудь «продвинутая» местная обезьяна в таких условиях — в Хомо сапиенса?

— Во-первых — не обезьяна, а примат. Некультурный ты наш. — Джо криво усмехнулся, — А во-вторых — Мать же нам его показывает.

Действительно, на боковом экране, над штурманским пультом, уже несколько секунд медленно поворачивалось вокруг своей оси странное волосатое создание, и голограмма была вполне внятной.

Впрочем, ничего «странного», если уж говорить честно, в создании не было — Джо и Пол видывали будущих «Хомо» несколько десятков раз. И устройство тела вполне укладывалось в «типовое». Джо отметил короткие кривоватые ноги, и бочкообразный торс с могучей грудной клеткой. Передние же лапы-руки были длинны, и, судя по кистям, приспособлены для скакания по деревьям — большой палец ещё не противостоял четырём остальным. Следовательно, до «орудий», вроде «скребков» или «ножей», тут дело ещё не дошло.

— Ур-ра! — ликование Пола традиционно было утрировано преувеличено, — Обезьяна! Почти орангутанг. (Ну, рыжая же!) Стало быть, цивилизацией и не пахнет! Значит, можем смело спускаться, и шарить в поисках чего-нибудь интересного! Поскольку по формулировкам из нашего Законодательства запрещено посещать только планеты с цивилизациями!

— Вот уж ничего подобного. Нам запрещено посещать любые населённые планеты. Ну, или как в случае с Супермозгом, (См. рассказ «Эгоистичный гад».) такие, где «производится хозяйственная деятельность». Правда, здесь она, конечно, не производится. Но уж планета — населена! Однако! Поскольку местные приматы ещё на стадии до Нелолита, то есть — никакого земледелия, а одно собирательство и охота, и производственных орудий и механизмов, вроде плугов, серпов, мельниц, печей, и тому подобного нет, нам и искать нечего, и поживиться — реально нечем! Разве что какой-нибудь каменный топор сумеем отобрать. Или копьё. А смысл?

— Да понял я, понял. — Пол пожал плечами, — Но неужели мы упустим случай спуститься на вполне курортную планету, и порезвиться на девственно чистой и прекрасной природе?! Купаться хочу!

Джо посмотрел на напарника. Тот и бровью не повёл. Продолжая широко улыбаться. Джо тяжело вздохнул:

— Мать. Сможешь сделать нам прививки от местных вирусов и бактерий? Ну, и чтоб наша зараза не вылезла из нас — уже сюда?

— Запросто. Вот только верну на борт зонды с пробами воздуха, воды, и почвы. Дистанционно я всю местную микро-живность, находящуюся в их контейнерах, исследовать не могу.

Ну а по поводу вашего вопроса насчёт «сложного социального эксперимента», могу сказать только, что вероятность этого достаточно высока. Более пятидесяти процентов. Что же до остальных предположений — без фактов, и глубинного обследования недр все они на уровне, вот именно, предположений.

Как вы обычно это обозначаете — дурацких.

Джо покачал головой. Пол заржал.

На возврат зондов, исследование и создание прививок и анти-прививок ушло два часа. Джо ждал спокойно, не вылезая из капитанского кресла, а вот Пол так и слонялся по их кораблику, дразня без всякой надобности попугайчиков в клетке в кают-компании, и даже заставив насторожиться крысу Шушару, что теперь проживала не в недрах трю-

ма, а тоже в персональной, большой и удобной, клетке. Результатом такого «слоняния» стал диалог:

— Надо бы в трюме прибраться. А то там пылюки и старой смазки — по колено!

— Вот и приберись. Тебе же — надо.

— Нет. Ничего мне уже не надо! Меня наша любимая и неотъемлемая грязь вполне устраивает!

— Тогда сядь, и почитай одну из твоих дурацких книжек.

Пол, оглянувшись на лежавшую на пульте перед его штурманским креслом книгу в мягкой обложке ярко-зелёного цвета, то есть — очередной «рыцарский» роман, пожал плечами:

— Не смогу. Мысли заняты другим.

А поскольку Джо на провокационное высказывание промолчал, и даже не заикнулся, что он думает по поводу мыслительных способностей компаньона, Пол продолжил путешествие по «Чёрной каракатице», делано устало и тяжело вздыхая, и что-то ворча себе под нос. Джо игнорировал, рассматривая картинку с самого первого зонда — его Мать вывела на орбиту у планеты, на высоте всего триста кэмэ. Атмосфера, имевшаяся здесь, конечно, тормозила аппарат, но не настолько, чтоб он не провисел там пару недель.

Оптика на зонде позволяла видеть и поросшие густой травой широкие равнины с гигантскими бороздами — следы от раскрытия/схлопывания почвенных трещин, и леса, которые, как ни странно, росли вполне привольно, и не видно было, чтоб разрывы почвы происходили внутри них. Горы здесь таковыми можно было назвать только условно — их обнажённые от земли и растительности серо-стальные растрескавшиеся склоны и макушки поднимались едва на пару километров над поверхностью океанов...

— Подставляйте плечи. — из люка в подволке вынырнули два манипулятора со шприцами для инъекций. Джо поторопился закатать рукав рубахи, в которой предпочитал ходить по кораблю, Пол, прискакавший из трюма, скинул верхнюю часть комбеза, плюхнувшись в кресло:

— Уф! Ой!

— Мозги не крути, не больно.

— Зато как неожиданно!

Джо снова посмотрел на напарника. Но от комментариев опять воздержался: знал. Что тот за обычной бравадой и шуточками хочет скрыть именно то, что всегда овладевало ими перед новым приключением: предвкушение, волнение и... страх.

Да, страх присутствовал каждый раз! Вызывая, понятное дело, волну адреналина! Который так «любят» все экстремалы и... космонавты. Точнее — самодельные авантюристы-разведчики. Бороздящие просторы космоса в поисках того, чем можно было бы поживиться, и затем — выгодно продать. Музеям. Коллекционерам экзотических артефактов. Или зверушек. Ну и наконец — армейским ребятам. Или — учёным из различных университетов.

Да, этот страх возникал у них всегда!

Потому что каким бы действительно «продвинутым и навороченным» ни был их компьютер, а всех неожиданностей и опасностей не мог предусмотреть даже он! Хотя...

Хотя Мать спасала их любопытные головы и нерасторопные задницы сотни раз! «Подстилая соломки», или уж — стреляя в то, на что у напарников, пусть даже вооружённых до зубов, не хватало скорости реакции. Тем более это нужно было сейчас, когда они отправлялись на планету без скафандров. И встроенное в них оружие осталось на борту. А с собой имелись только поясные кобуры с плазмомётами-излучателями.

Ну, и традиционный НЗ, и пакет первой медицинской...

Сели, разумеется, на освещённой стороне — недалеко от условного «северного полюса», растянувшегося «на восемь тысяч миль». Джо специально попросил Мать указать место посадки там, где поверхность ещё не успела сильно нагреться после ночи.

Всё равно — первое, что поразило напарников, когда они вышли наружу из приземлённого Джо возле кромки леса челнока — жара. И удушливая влажность. Они словно получили мокрой обжигающей подушкой удар в лицо. Да и во все остальные части тел.

Лицо и руки сразу покрылись крохотными капельками пота. Джо, знавший, чего примерно ожидать, всё равно поморщился: та ещё сауна! И это — при солнце, едва показавшемся из-за горизонта!

— Ого, на термометре сорок семь! Поэтому и дышать тяжело!

Джо традиционно оставил без комментариев это справедливое замечание. Знал, что в районе экватора бывает и около плюс шестидесяти. Джо хмурился, разглядывая не приборы, имевшиеся на поясе, а окрестности. Видно их было в свете местного старого, тускло-красного, солнца, неплохо. Поскольку небо не затягивали облака, как у того же экватора.

Лес оказался вовсе не таким могучим и раскидистым, как казалось с орбиты. Деревья в высоту не достигали и десятка метров, и росли

словно рядами. Впрочем, почему — «словно». Они и росли рядами. Будто кто-то высадил их целенаправленно, на грядках бесконечной длины! И ориентированы такие «грядки», естественно, оказались с «севера» на «юг». Джо включил сканнер. Направил вниз, на корни. Фыркнул:

— А умно.

— Чего тебе там — «умно»? Забыл, что ли, что у деревьев нет мозгов?

— Мозгов, возможно, и нет. Зато есть приспособляемость. Смотри: все корни ориентированы точно так же, как «грядки» — с севера на юг! И я готов поспорить на свою шляпу против сгоревшей спички, те деревья, что пытаются раскинуть корни во все стороны — гибнут! Ну, когда трещины в почве раскрываются по-полной. Впрочем, как раз из-за того, что деревья удерживают какую-то часть почвы корнями, здесь трещины так широко, как на равнинах, не раскрываются. Максимум — на пару метров — метр. Поскольку расстояние между «рядами» около пяти метров.

— Спорить не буду. Это понятно и ежу.

— Ежу оно, может, и понятно. А вот мне не понятно, как тут выживают кроты и мыши!

На сканнере Джо действительно были видны в виде красных чёрточек тельца явно теплокровных существ: и правда похожих на упомянутых млекопитающих. Весьма резво они перемещались по невидимым тоннелям, проложенным сквозь толщу корней.

— А чего тут непонятного, — напарник пожал плечами, утирая пот предплечьем, и повёл рукой, — вон же они. Фруктовые деревья. Плоды, стало быть, зреют, и к местной осени опадают. Вот их они и запа�ают, как и семена злаков с равнин. И «зимой» жрут! А вон и «сосны». Ну, точнее — вечнозелёные хвойные с шишками. Так что есть и орешки!

— Мать. Ты сказала — сто шестьдесят шесть дней. Для прохождения полного круга-цикла. Получается, как на Земле — в приполярных регионах? Полгода яркого — ну, относительно! — дня, и полгода — крошечной тьмы?

— Да. Однако, в отличии от Земных условий, тут особо холодно не бывает. Очень толстая атмосфера, (Масса бублика в полтора раза больше Земной, и может её удерживать!) и большая влажность. Поэтому условным «летом» тут среднесуточная — плюс пятьдесят пять, а ночью, то есть, зимой — плюс двадцать.

— То есть, вода на планете никогда не превращается в лёд?

— Абсолютно верно. И, судя по всему, это и было главным условием терраформации. И именно поэтому планета расположена к местному солнцу чуть ближе, чем наша Земля — к Солнцу. Нулевых и отрицательных температур здесь принципиально не бывает.

— Что за дурь, — Джо пожал плечами, — ведь точно такого же результата можно было добиться с обычной, шарообразной, планетой, просто запустив её вращаться медленнее — ну, чтоб сутки пробегали за те же сто шестьдесят суток! Как на Венере.

— Э-э, не-ет! Тогда обязательно остались бы непрогретые и неосвещённые зоны! У полюсов. А тут — всё гарантированно равномерно. Справедливо. По отношению ко всем живым организмам.

— Ага. — Пол ехидно ухмыльнулся, — Уже кое-что! Так, глядишь, мы про местный биоценоз ещё что-то полезное и выудим!

— Смотрю, нахватался ты умных слов из биологического справочника, и руководства по этологии, — Джо смотрел на напарника весьма иронично, — И применяешь почти осмысленно. Глядишь, тебе и докторскую степень профессионального экзобиолога скоро дадут.

— Дадут её только в случае, если док Натан составит нам протекцию! Правда, толку с этого... У нас ведь нет зарплаты, чтоб к ней доплавляли за учёную степень.

Джо вздохнул. Учёная степень, как и пенсия, авантюристам-скрапперам не светит. Что, как говорится, нарыли и продали — то и их. И как мало они знают (Кроме себя!) других коллег, которые реально обеспечили бы себе безбедную старость! Гораздо, гораздо больше безымянных трупов и разрушенных скрапперских кораблей носится по космосу в поисках последнего приюта в недрах какого-нибудь солнца, или на орбите у какой-нибудь планеты...

Или хотя бы в ожидании обнаружения.

Но здесь им поживиться, чтоб продать, явно нечем. И Джо действительно не видел других причин, по которым они приземлились, кроме банальной прогулки на природе, чтоб вырваться из обрыдшей тесноты пространства корабля. Сменить, так сказать, обстановку.

Ну, разве что ещё — купание в местной речке.

Местная «речка», к которой их направила Мать, следящая за напарниками и окрестностями с помощью всё того же зонда, отличалась поистине крохотной шириной — не более тех же двух метров! — и была чертовски мелкой: по колено. Вода в ней имела цвет кофе — от размытого слоя перегноя.

— Ну и куда она потом несёт всё это размытое добро?

— В океан. Если только добирается до него. А не исчезает в очередной трещине на равнинах. Не передумал купаться?

— Нет! Иначе для чего же я надевал эти чёртовы плавки?!

Джо, присев на зелёную кочку, и не собираясь ничего с себя снимать, с интересом наблюдал, как Пол, чертыхаясь, скачет на одной ноге, пытаясь стащить с ног штанины комбеза. Сам он в «неизвестные» тёмные воды с температурой тридцать с лишним градусов лезть не спешил. Пусть-ка напарничек докажет, что это безопасно!

Правда, «доказалось» совершенно обратное. Когда Пол, осторожно вошедший по колено в поток, и затем осторожно же прилегший, лицом кверху, держась за дно руками, заорал было:

— А хорошо! Ты — балда перепуганная! Хоть и немного горя!.. А-а-а!!!

Фраза тут же сменилась диким воплем!

Пол выскочил из воды гораздо резвей, чем даже когда они спасались от гиено-пауков. Джо ухмыльнулся: чего-то такого и ждал.

За спиной — а, точнее, за местом, куда крепились ноги напарника, что-то болталось. Похожее на кусок бесформенной тряпки. Но отвисало оно до колена. Пол, не прекращавший воплей, заорал:

— Ну?! Чего ты расселся, как дятел?! Давай, сними с меня эту дрянь!

«Дрянь» оказалась местным аналогом рака. И уж в ягодицу Пола вцепилась от души — благо, та была в плавках. Джо, чтоб не усугубить страдания партнёра попытками «отодрать», как тот сгоряча предлагал, пришлось клешню располовинить лучом плазменного пистолета на малой мощности. И только тогда стальная хватка чёртового ракообразного исчезла, и обе половинки клешни вместе с её обладателем шмякнулись наземь.

Матерящийся Пол поторопился «гнусную гадину» отправить обратно в реку пинком босой ноги. Джо же предложил напарнику повернуться к нему задом, снять плавки, и нагнуться.

Полу болевой шок, похоже, блокировал его обычное остроумие, и он даже не прикололся на счёт этой пикантной ситуации.

Кровь текла. Джо, прямо пальцами расширив щель от укуса, шпикнул в рану из баллончика с антисептиком и коагулянтом. После чего обработал обезбаливающей мазью неглубокий, в-принципе, но длинный укус. После чего на всякий случай всё равно вонзил рядом с раной шприц с антидотом. И наконец налепил на шрам полоску псевдокожи:

— Теперь никакая зар-раза в тебя не проникнет! А проникнет — так подохнет первой!

— Вот уж утешил, так утешил! — Пол всё ещё задышался, и его колотила крупная дрожь, — А что?! Предупредить нельзя было?!

— Ну, во-первых, я и не мог тебя предупредить. Поскольку не знал. Что там нечто подобное водится. Его и Мать не могла увидеть — «холоднокровный» же. А во-вторых, кто-то же должен быть «грибным человеком». То есть — тем, кто своим примером покажет, что грибы не... В-смысле — ручей — безопасен!

— Свинья ты, напарничек! И был, и есть, и будешь!

— Не вижу смысла спорить. И вообще, наш корабль населяют одни животные: попугайчики, крыса, свинья и баран. Тупой и беззаботный.

Теперь уже Пол промолчал. Но уж так сверлил Джо взглядом, что тот не удержался: приснул!

— Хватит издеваться над укушенным «грибным человеком»! Говори — что дальше-то делать будем?

— Обсохни. Одень комбез. И двинемся, как и намечали, вон туда, — Джо махнул рукой, — Это же там Мать показала нам поселение «обезьян». Пусть материальных предметов и ценностей у них нет, но хоть отснимем видео. На память. Или для того же дока Натана.

Нет. Комбез, будь любезен, на ширинке застегни. А то мне за тебя стыдно. Да и аборигеночек будешь смущать. Своим неординарным «достоинством».

Пол снова «прожёл» напарника взором. Но Джо не прожётся.

Чтоб добраться до «поселения», пришлось всё же перебираться через речку-ручей вброд. Джо, быстро перейдя поток в чуть более широком и мелком месте, снова присел на кочку — чтоб вылить воду из армейских тяжёлых полусапог. Пол, выбравший для «прогулки» лёгкие кроссовки, последовал его примеру. Большую пиявку, попытавшуюся цапнуть его за язычок обуви, просто оторвал за хвост, бросив назад в ручей. Даже не прокомментировал.

— А почему, как ты думаешь, они — ну, аборигены! — предпочитают селиться в глубине леса, а не на опушке? — они двинулись дальше.

— Думаю, им как раз плевать на зерно из луговых и полевых злаков. Сам знаешь: земледелия и хлебопечения нет, а в сыром виде зерно слишком жёсткое. И неудобоваримое. И они ориентируются только на плоды деревьев. Орехи. Ну и, возможно, на кого-то здесь охотятся. А ещё они должны находиться на своей территории. Которую охраняют и защищают от других племён-конкурентов. За пищевые ресурсы. Не шуми. Вон, я что-то вижу.

Действительно, шагах в ста, на деревьях, ближе к их макушкам, замаячили некие тёмные пятна — похоже, гнёзда из ветвей и травы.

Однако приблизиться просто так не удалось: с макушек деревьев вокруг них вдруг словно пошёл дождь из воинов: поселение явно охранялось! Волосатые тела, повинувшись «начальственному» окрику обезьяны покрупней, кинулись к напарникам, попытавшись свалить тех на землю, и связать лианами, которые уже были приготовлены.

Джо, убедившись, что даже пинками подкованных сталью сапог и ударами кулаков отбиться от миниатюрных и вёртких тел, пусть и ему по пояс, не удаётся, выхватил пистолет. Едва успел в последний момент поставить луч на широкую зону поражения, и мощность — на минимум! И вообще: пистолет чуть не вырвали из рук!

Зато треск палёной шерсти на груди и конечностях, и дикие вопли полудюжины оказавшихся в зоне действия теплового излучателя воинов быстро успокоили и «вразумили» остальных нападавших! И те, и «подпаленные», поспешили покинуть поле боя, скрывшись вновь в ветвях и кронах могучих деревьев, буквально усыпанных спелыми, оранжевыми и красными, крупными плодами!

— Ну вот. Теперь на нашей совести ещё и членовредительство и ожоги потенциально разумных местных аборигенов!

— Ничего принципиально страшного не вижу. Ты же сам сказал, что они — обезьяны! А агрессивных обезьян люди никогда не стеснялись даже отстреливать! Хотя те тоже — похожи на нас. Местами. Отдельными.

— Ладно, ладно: согласен, что особо выбирать не приходилось. И ожоги кожи — не дыры в телах. Но страшно подумать, что произошло бы, сумей они нас связать! Как пить дать, пришлось бы в лучшем случае улучшать местный генофонд с аборигеночками... А в худшем — стать банальным обедом. Ну, или, точнее — завтраком!

— Смотрю, пора нам этот рейс заканчивать. Вон какие фривольные мысли у тебя возникают, даже глядя на волосатых макак. — действительно, по мере того как они, уже беспрепятственно, если не считать предупреждающих криков из крон деревьев, подходили к поселению, самки и детёныши начали выглядывать из горловин странных как бы кувшинов, сплетённых по всем правилам ткацкого и бондарного искусства из лиан и ветвей. Джо поглядел в бинокль.

Надо же. Все щели были аккуратно забиты сухой травой, и даже обмазаны глиной: действительно, те ещё «кувшины». Крытые сверху огромными листьями какого-то дерева. Похоже, от дождей.

— Думаю, ближе подходить не нужно. В самок и детей я предпочёл бы всё-таки не стрелять. Другое дело — воины! Они наверняка гибнут в стычках с соседними племенами, и на охоте.

— А на кого же они здесь охотятся?

— Мать! Чего ты там нарыла с помощью зонда?

Джо откинул на предплечьи планку портативного сканнера-экрана, и Мать вывела туда... Страшных монстров! Нет: действительно страшных!

Первый оказался похож, разумеется, на некрупного тигра: тот ещё клякастый и когтистый хищник! Что доказало, что форма и повадки кошачьих позволяют им приспособиться к маскировке и хищническому образу жизни на любой планете. Второй оказался банальным питоном. Если только можно «банальной» назвать тварь десяти шагов в длину. И тоже — в «защитной» окраске. Третий монстр, обитавший на поверхности земли, оказался похож на самого привычного дикобраза. Только в холке достигал почти до пояса Джо. Имелись тут и животные, похожие на медведя, и на волка, и на лисицу. И даже аналог белок присутствовал. Судя по зубам, как раз «орешками» те и питались. Пол, пошкрёбя подбородок с отросшей щетиной, буркнул:

— И как же они на этих монстров охотятся? Ведь дикобраз весит не менее полутонны! А тигр — такого же размера, как наши леопарды. А леопард может, как известно, затащить на дерево антилопу, весом под триста кило. А эти крохи — всего-то нам по пояс! И весят... Ну, килограмм по тридцать максимум. А с верёвочками из лиан не больно-то повоюешь! У них нет даже луков!

— У них есть копыя. С наконечниками из осколков камней.

— А почему они не использовали их против нас?!

— Так нас они, как ещё не знакомых тварей, да ещё и возможно, их далёких собратьев, явно хотели захватить в плен. Живыми. А ты говоришь — «неразумные обезьяны!»

— Всё равно — неразумные. Иначе они после того, как ты их подпалил, уж точно надумали бы отомстить. Утыкав нас теми самыми копыями, словно булабочные подушечки!

Джо хотел было ответить: «Видишь, балда такая, почему я всегда предпочитаю быть в скафандре?!», но решил придержать и без того понятную мысль. Вместо этого сказал:

— Нет. Разумные. Как раз потому, что не спешат, несмотря на боль и страх, стараться убить нас. У какого человека, или отряда, хватило бы на это мозгов и терпения?

— Хм-м... А ты, пожалуй, прав. У человека — точно не хватило бы!

— Вот и я о том же. Поэтому. Мы не пойдём туда, к самкам и детёнышам. Вместо этого мы отойдём назад, а сюда Мать с зонда спустит микропа. И он сможет ночью разведать: что тут и как!

— Ночью?!

— Тьфу ты. Забылся. Ну, значит, после того, как мы уберёмся на челнок и улетим, и они успокоятся. И утратят бдительность.

— Ну, бдительности, думаю, они никогда не утратят. Есть же и хищники. И другие племена. Словом — первобытнообщинный строй!

— Ладно. Мы на них посмотрели. Убедились в том, что за себя они постоять умеют. А так же в том, что их самки для нас интереса не представляют, — Джо кинул ироничный взгляд на напарника. Тот возмущённо пораскрывал рот, но промолчал, — Значит, не будем искушать судьбу. И терпение мужской части племени.

Двинули к челноку.

Только приняв душ, и позволив автодоктору капитально обработать его «боевую рану», Пол более-менее успокоился. Но вот сидеть в своём штурманском кресле и на стуле за обедом мог только половиной «торца». Джо даже не прикалывался на этот счёт — понимал, что его «оптимистичному и беззаботному» компаньону действительно больно. Несмотря на обезболивающее.

На обед Мать с помощью автоповара приготовила им отличный борщ, салат из крабов, и котлеты из молотой говядины. Натуральной. (Всё-таки приятно осознавать, как неплохие доходы сказываются на разнообразии рациона!) Джо салат из крабов узнал, но тоже промолчал. Зато Пол отреагировал:

— Молодец Мать. Хоть так я этому гаду, ну, или его сородичам, отомщу!

Джо посопел. Сказал:

— Мать. Ты зонд с микропом уже спустила на опушке?

— Да. И он даже уже проник в поселение. У них, конечно, долгий день, но через каждые десять часов они впадают в спячку — на пять.

— И... Чем обусловлен такой цикл?

— Вероятно, очень быстрым обменом веществ. Им постоянно нужно или собирать и есть фрукты-овощи, или уж — охотиться.

— А мясо они... Сырым едят? Или освоили пользование огнём?

— Нет. Огня они ещё не «освоили», и боятся. Хотя грозы с ливнями, и даже молнии тут бывают часто. И бьют прямо в деревья, раскалывая те на половинки, или куски. Только вот гореть тут нечему. По-

скольку почти вся древесина и даже старая трава мокрым-мокра от постоянных ливней.

— И как часто тут поливает?

— Здесь, у терминатора — примерно каждые тридцать — тридцать пять часов. У экватора — каждые десять. И льёт там — уж будьте здоровы. Как из ведра. И подолгу. Зато ночью, на теневой стороне — раз в неделю. Но влажность и ночью всё равно — почти стопроцентная.

— Своеобразно. Впрочем, как и всё здесь. Вот я, например, считал, что зверушки на этой планете будут... Ну, как-то более... специализированы и приспособлены к «вывертам».

— Ты о чём? — Джо взглянул на напарника недоумённо.

— Вспомнил вот одну старую хохму. — Пол криво ухмыльнулся, — Её в каком-то первоапрельском номере научного журнала «Сайнс» опубликовали. Что якобы на горе Монблан в Швейцарии учёные открыли нового травоядного зверька — вольпертингера. Там даже его фотка была: этакий кролик с рогами оленя! Ну так вот. Он, якобы, был так хорошо приспособлен к движению по наклонным склонам этой горы, потому что у него правые передняя и задняя лапа были короче, чем, соответственно, левые. И поэтому он был обречён всё время двигаться по склонам, наматывая круги вокруг этой горы, и питаясь выросшей травой. Его поэтому, по направлению движения, и назвали — правосторонний вольпертингер. Потому что ходил только направо — по часовой, стало быть, стрелке. А были ещё и левосторонние — они двигались в противоположную сторону, против часовой.

И вся трагедия заключалась в том, что эти два вида не могли скрещиваться между собой и давать потомство! И им грозило вырождение!

Джо покудахтал. Это должно было изображать смех:

— Неплохая, действительно, хохма. Особенно, для журнала с названием «Наука». Но здесь-то — зверушки, что хищные, что травоядные — вполне обычного типа. И никаких особых «приспособлений к вывертам» ни Мать, ни мы, не заметили.

— Верно. Но это — так неинтересно. Обычно. И если сравнивать с формой планеты, то я поражён. Почему местный Творец не догадался... или поленился... и животных и растения сделать... Какими-нибудь особенными! Уникальными! Вот ты бы, например, если б обладал такой властью над материей, как наш друг-Бог, как бы животных сделал?

— Как-как... Обычно бы и сделал! Зачем мудрить, если они вполне приспособлены — и для жизни на нормальных планетах, да и здесь?

— Экий ты... Чёрствый. Прагматичный. Нет в тебе ни капли романтики. И воображения!

— Ну хорошо, нет. А ты сам — можно подумать, что-то стал бы избретать, генно-модифицировать, и мудрить?

— Конечно! Иначе для чего весь этот сыр-бор с бубликом?! Раз планета такой формы — и животные должны быть под стать!

— Хе-хе. Я, если совсем уж честно, не представляю себе медведя или леопарда, да и ту же белку в виде бублика. Или дикобраза. Где отращивать иглы? Как ходить? Как по деревьям лазать? И как определять, где перед, а где, извините, зад?

— Как-как — по хвосту! И морде. И вообще — это я условно так сказал. А какие формы у зверушек должны быть более приспособлены под обитание на такой планете, я и сам ещё не придумал!

— Ладно. Придумаешь — скажешь. Оставим послание в бутылке для местного Создателя. Пусть-ка поймёт, какой он тупой и скучный, и оценит все грани твоего богатого воображения.

— Внимание, члены экипажа! Экстренная эвакуация! — голос Матери звучал чётко и серьёзно, — Срочно запускаю двигатели. — действительно, движки взревели, словно стадо мастодонтов, — И в форсированном режиме увожу нас прочь из этой системы! Пристегнитесь!

Чтоб пристегнуться в рубке к своим креслам понадобилось ровно три секунды — за столько напарники добежали и плюхнулись в специализированные противоперегрузочные сидения. Пол даже не отвлекался на обычное ворчание и ехидные комментарии.

Успели вовремя — ускорение Мать дала такое, что возмущённо визжавшие на весь корабль гравикомпенсаторы не смогли погасить всю жуткую перегрузку — Пола и Джо так и вдавило! Пол начал задыхаться, лицо покраснело. Джо подумал, что и ему, несмотря на ежедневные двухчасовые отработки в тренажёрном зале, тяжело! —

— Мать!.. Нельзя ли... х-х... полег... че?!

— Нельзя. — голос их главного компьютера не изменился, — Или вам жить надоело?

— Нет! А... в чём... дело?

— Местное солнце вдруг решило проявить свой нрав. Ну, или что там у него. Словом — оно через десяток минут взорвётся!

— И с чего бы это?!

— Затрудняюсь с точным ответом. Не имелось к этому никаких объективных предпосылок. Но оно сейчас стремительно расширяется, и вот-вот превратится в огромный раздутый шар. Который затем схлопнется в белого карлика. Но планету-бублик успеет спалить!

— А мы... успеем?

— Да. Поэтому лучше просто помолчите, и глубже дышите. Сейчас вколю вам антидепрессант. — из люков в подволке рубки вновь выскочили два манипулятора со шприцами, и уже прямо сквозь материю рубахи Джо и комбеза Пола иглы вонзились в предплечья.

Эффект ощутился сразу: голова закружилась, словно от коктейля «Разрывная Сандра», но тело словно отпустило. Джо вздохнул.

Пол буркнул: «Чтоб мне лопнуть! И правда — полегче!»

Мать прокомментировала:

— Не знаю, будет ли создавший планету, и солнце для неё Бог инспектировать происходящее, но вероятность этого я бы сейчас определила в шестьдесят девять с половиной процента.

— Мысль... Понятна. — Джо ещё дышал, как советовал их компьютер, глубоко и спокойно, — А он... может нас засечь?

— Едва ли. Поскольку никаких транспортных кораблей-гигантов я не нашла. Да и внутри солнца он обитать не может — его-то я просветила насквозь: водород же! Хотя...

Всё же есть внутри местного светила некий странный... Назовём его — механизм. И он срабатывает от простого внешнего радиосигнала.

— Что?!

— Как?!

— Нет, не то, что вы подумали. Радиоретранслятор есть на планете, — вот он. — Мать вывела на центральный экран странного вида техногенное устройство, размером с автомобиль, закопанное до половины в почву под особо большим деревом: явно в расчёте на то, что то своими корнями уж не позволит ему провалиться в какую-нибудь трещину, — Его как раз перед началом всего этого безобразия нашёл микроп. И вот эта, — Мать окрасила её красным цветом, — антенна как раз и передала куда-то в космос, вероятно, на ретранслятор-усилитель, сигнал к началу трансформации.

Джо не успел придумать, о чём спросить в первую очередь — вопросы так и зароились в его голове — поскольку «Чёрная каракатица» как раз прыгнула в пустоту внепространственного тоннеля.

О-о-о!..

И только когда приступ тошноты прошёл, он смог выдать:

— Так, может, это микроп своим присутствием спровоцировал этот самый сигнал?!

— Не исключено. Хотя вероятность ниже четверти процента. Когда микроп нашёл нашу «штучку», антенна уже передавала — он, собственно, по перехваченному излучению её и нашёл! Ну, вернее, это я по-

слала его проверить, что это там за неизвестный и несанкционированный радиосигнал, уловленный зондом.

— И что же послужило поводом, спусковым крючком к такому сигналу?

— Вероятней всего, ваш прилёт на челноке. Пока вокруг планеты шарили зонды, устройство «спало». Но едва машина с критически большой массой проникла с орбиты и опустилась на поверхность, штурковина сработала.

— А почему не сразу?!

— А с задержкой это было сделано для того, чтоб вы успели унести свои любопытные и покусанные задницы на «Каракатицу», и успели спастись. Вот как сейчас и произошло. И пока вы не свалили оттуда, не залезли в «Каракатицу», не дезинфицировались в тамбуре, и не «обработали раны», сигнала не было.

— Так получается, этот Бог так запрограммировал всё это безобразное, чтоб оно самоуничтожалось, едва в этот заповедник нагрянет кто-то посторонний, уже освоивший полёты в космосе?! — Пол кипятился.

— Вероятность такого решения и программирования более девяносто двух процентов. С учётом специфики работы найденного приёмника-ретранслятора. Кстати: микроп передаёт, что с началом расширения солнца все аборигены пришли в страшное волнение! И ринулись организованно на равнину: спастись! Возможно, в глубоких трещинах. Что позволяет предположить, что у них: во-первых, есть некий опыт. А во-вторых, они отлично общаются и понимают друг друга! И дисциплинированы достаточно, чтоб безоговорочно слушаться Вождя!

— Значит, у них, ну, у аборигенов, есть и язык? Позволяющий выразить в конкретные мысли такие абстрактные понятия, как «очередная всепланетная катастрофа»?!

— Язык у них есть. Вы в этом сами убедились. Нападение на вас координировалось именно такими, звуковыми, сигналами. От того же Вождя. Однако! Микроп очень быстро «вычислил» их словарный запас. Не более ста понятий-слов. И они — примитивнейшие. Типа: «Еда», «Опасность!», «Нападаем!», «Отступаем!», «Секс», и прочее в таком же духе.

— И как же чёртов механизм для радиосигналов смог вычислить наше прибытие? Мы же, вроде, спускаемся на планеты — с глушилками??

— Вероятно, у него продвинутая программа. Считывающая не только обычный радарный сигнал от большой железки, — Пол снова фыркнул, — но и сканирующая небесную сферу датчиками, улавливаю-

щими даже наши заглушенные сигналы и работу движков. А, возможно, это — самый банальный металлодетектор. Челнок же — железяка на тридцать тонн!

Вероятно, есть у этого ретранслятора и нечто, напоминающее обычные органы зрения: ваш прилёт не засёк бы только совсем уж слепой!

— Ради Бога, не называй банальные оптические сенсоры — органами зрения. А то становишься похожа на дока Натана. Или другого какого учёного-зануду.

— Хорошо. Так вот. Когда несколько следящих систем с такими, или другими, датчиками подтверждают то, что заложено в запрограммированном алгоритме реагирования, включается банальный таймер. И по истечении «расчётного» времени, и когда сенсоры и системы аппарата убедились, что вы долетели до корабля-матки, даётся сигнал на уничтожение планеты!

— А этот... Гад... Который заложил туда такую апокалиптическую программу, рассчитывал, что и мы... Того? Ну, сгорим в местном апокалипсисе?

— Я же сказала: думаю, нет. Для этого и имеется таймер с задержкой. Чтоб вы успели вернуться на корабль. Ведь если прилетела не специализированная научная экспедиция, а первооткрыватели-авантюристы, мы — вернее, вы! — надолго там, внизу, не задержитесь.

— Но он не мог не понимать, что раз уж мы прилетели в его «секретный заповедник-лабораторию», то можем и не успеть унести отсюда ноги! Вдруг бы так сложилось, что кое-кого, — Джо хитро глянул на напарничка, — всё же заинтересовали местные аборигеночки! Впрочем, думаю его и наша смерть не смутила бы.

— Возможно. Зато! Теперь я точно уверена, что его не было поблизости, и он не наблюдал за нашим прибытием в систему, и вашим путешествием на его планету, к его «личным» аборигенам. А доверил всё автоматике.

— Погоди-ка. А как же с... Записывающей аппаратурой? Которую уж предыдущий-то найденный нами Бог установил в такой же испытуемой системе с избытком?

— Не имелось тут такой аппаратуры. Я и на орбите никакого ретранслятора не нашла. Во-всяком случае, эта аппаратура или была выключена, или работает на неизвестных мне принципах — ничего не излучая. Да я и наземный ретранслятор-то нашла, только когда он заработал. И не поручусь, что он — единственный!

— Но сигнал от него — к местному солнцу нужно было отловить, выделить, и усилить! То есть, хотя бы один такой ретрансляционный механизм должен был иметься! Где-то на орбите у планеты! Ты хорошо смотрела?

Теперь возмущённо фыркнула Мать:

— По-идее — да. Должен. Но я, повторяю, его не обнаружила. Впрочем, это ничего не значит. Главное — мы теперь в безопасности. Найти нас, после десятка «прыжочков», — Мать как раз начала очередной, — да ещё производимых в хаотично избранных направлениях — невозможно. И преследования можно не опасаться.

— Странно всё это. — в «научную» дискуссию решил наконец вклиниться хмурый и кусающий губы Джо.

— Что же именно тебе странно?!

— Хотя бы то, что получается, это именно мы виновны, пусть и косвенно, в смерти всего живого на этой планете!

— А вот и нет. Никто не погиб. Я засекала, что когда мы уже были на грани первого прыжка, солнце вдруг резко начало возвращаться к исходному размеру и температуре!

— Что?!

— Как?!

— А другие вопросы у вас возникают, для разнообразия хотя бы?

— Да. — Джо посопел, — И не только вопросы. Но и предложения. Ну-ка, разворачивайся! И полетели назад — в ту же систему!

Думаю, его чёртов хорошо замаскированный на орбите «ретранслятор», или уж — ретрансляторы, отследили момент нашего бегства! И «отключили» систему самоуничтожения.

Ну так мы этому гаду сейчас устроим сюрприз!

Как ни странно, Пол не возразил ни слова.

— Слушай, а как будто и не улетали!

— Согласен. Бублик не изменился ни на йоту. — Даже с расстояния ста миллиардов километров, на которых они сейчас держались от планеты, та выглядела абсолютно неизменившейся, — Следовательно, возросшее было излучение солнца не накрыло его весь!

— А оно и не могло. Ведь мы убрались отсюда... Мать? За сколько?

— За пять минут и сорок семь секунд.

— Вот-вот. А за столь короткое время даже усилившееся облучение не могло иметь критические последствия! Напоминаю: толстая атмосфера. И магнитное поле побольше земного! Отклоняют!

— Ага. Вот, не прошло и шести минут, как до меня дошло. Этот гад установил всё таким образом, чтобы путём запугивания заставить убраться отсюда незваных пришельцев! Гостей из космоса. И хоть Мать говорит, что местное солнце от остальных солнц не отличается, это нереально. Отличается! Внутри должен быть какой-то особый механизм. Запускающий такую реакцию. И заставляющую его расширяться за считанные минуты, а не за века и тысячелетия!

— Согласна. Предположение вполне разумно. А если я, вот именно, чего-то не нашла — так это потому, что наши, земные, пусть и «самые продвинутые», сканеры и сенсоры, не позволяют этого сделать. Короче, нас надурили по-полной. Вынудив подумать, что всему тут — кирдык!

— И ведь сработало!

— Да. И даже Мать не смогла сразу вычислить, что это — просто блеф. Попытка запугать. И запутать. А вот что было бы, не уберись мы оттуда за... Пять сорок семь?

— Через ещё примерно семь минут корона местного солнца достигла бы планеты, и вся жизнь на ней действительно оказалась бы уничтожена! Я имею в виду, если бы его, этого «гада», технологические устройства неизвестного мне типа, и всё же присутствующие в этой системе, не отследили наше поспешное отбытие в подпространство.

— Чёрт возьми!!! Получается, мы своим спуском на планету и контактом с аборигенами спровоцировали апокалипсис, а потом — всех спасли просто... Вовремя убравшись восвоеси?!

— Именно. — голос Матери как обычно был мягок и нейтрален, — И если бы я у вас не была так предусмотрительна, и не направила в корму наши самые чувствительные камеры и антенны, как обычно нырнувшие в подпространство после самой «Каракатицы», мы бы просто проморгали момент, когда всё начало возвращаться к норме. А оно начало за восемь миллисекунд до первого «прыжка». И мы бы так и считали, что навсегда погубили такую... Нетривиальную систему. С нетривиальной планетой. С нетривиальной жизнью. И возвращаться к такой погибшей планете совершенно бессмысленно!

— Вот уж нет. В-смысле, жизнь-то — самая что ни на есть — тривиальная!

— Это ты так считаешь. — Джо, думая, что странные особенности гиперпрыжков, охватывающие внутреннее и наружное пространство их корабля по-разному, на этот раз сработали за них, вздохнул, — А вот Создатель всего этого безобразия как раз может считать, что — нет.

И вот теперь перед нами задачка посложней. Не спускаясь самим на поверхность, обнаружить, чего же такого он тут изобрёл, или создал, что предпочитает действительно уничтожить, чем показать кому бы то ни было!

И вряд ли это будет легко. И просто.

— Ну почему? Ведь Мать сказала, что пока вокруг бублика круги наматывали наши зонды, он — ну, ретранслятор, или ретрансляторы! — их не обнаруживали! Гад и микропа нашего наверняка не засёк! Вот! Кстати! Заберём оттуда нашего верного малыша!

— Обязательно. Тридцать пять кредиток, а всё равно: как родной! Мы с ним свыклись. Но... Мать. Мне вот какая мысль пришла в голову. Раз уж этот гад вычислил с помощью ...рен-его-знает-каких-таких-сенсоров, что мы прибыли и исследуем, не мог ли этот «апокалипсис» с местным солнцем быть...

Просто компьютерной симуляцией? Или — каким-то неизвестным типом гипноза? То есть — нам показали постановочное «шоу»?

— Вероятность этого стремится к нулю. Поскольку человеческие глаза и даже некоторые мои сенсоры обмануть так можно. А вот беспристрастные видеокамеры и детекторы жёсткого излучения — нет.

— Так ведь и аборигены зашевелились, если вспомнишь!

Джо на этот «аргумент» снова глянул на напарника. Тяжко вздохнул. Поджал губы. Но Пол всё равно «оскорбился»:

— Нечего на меня так смотреть! Твои гипотезы и идейки тоже не всегда блещут неоспоримостью!

Джо теперь покачал головой:

— Я мог бы напомнить. Про то, что они всё равно попадают в цель в два раза чаще твоих. Статистику ведёт Мать. А вопрос у меня сейчас неоригинальный: Мать. Возможна ли компьютерная, или ещё какая, симуляция, абсолютно неотличимая от реальности?

— Да. Особенно, если технология наведения такой симуляции сильно обгоняет возможности земной техники. И в этом смысле я сейчас бессильна. То есть — я не в состоянии определить, с чем мы столкнулись: то ли — с банальной реальностью, то ли, вот именно, с такой совершенной, и абсолютно необнаружимой симуляцией. Что для нас, если честно, не принципиально.

Поскольку действуем-то мы — точнее, я! — исходя именно из принятия всего увиденного и происходящего — за чистую монету! И что касается спасения ваших жизней, я, как робот с Первым Законом роботехники, просто не имею права поступать по-другому!

— Спасибо в который раз, Мать. — Джо говорил вполне искренне, — Продолжай действовать в том же ключе. Пусть этот балбес и утверждает, что вся эта фигня может быть нереальной, мне всё-таки нравится жить! Как говорится — лучше сто раз подстраховаться, чем один раз — недостраховаться!

Пол пожал плечами:

— Мне тоже жить нравится. А особенно обидно было бы сейчас, когда наш быт и вообще — существование, дополнены маленькими приятными бонусами, вроде натурального мяса, и скафандров высшей защиты последней модификации, сдуру погибнуть!

— И это говорит тот, кто позволил надрать себе задницу «банальному» раку!

— Ну... Согласен. Это было опрометчиво с моей стороны. Но я же — выжил!

На это Джо даже не стал возражать. Да и смысл? Они с Полом не один год странствуют вместе. И даже прошли через испытание под названием «брак», когда каждый выбрал себе даму по «ключевым» показателям, и даже нарожал с ней детей... (См. рассказ «Властительница вожделений»)

Закончившееся полным фиаско. Поскольку одно дело — женщина, вечно что-то требующая (Внимания, новой мебели, другой стиральной машинки, и домашнего робота-уборщика, или даже бьющейся (!) посуды.) И другое — напарник. Имеющий такие же как у тебя, интересы, и готовый в любой момент прийти на помощь. Несмотря на все твои ехидные подколки и иронию понимающий, что ну вот не можете вы друг без друга. И приключений.

Новых.

Так что понимают они друг друга без слов.

Поэтому Джо спросил:

— Мать. Если предположить, что у этого гада всё же существуют расставленные по всей этой системе сторожевые системы, сенсоры, ретрансляторы, и роботы для обнаружения кого-либо вроде нас... Где бы вот ты их разместила? Рационально. Чтоб полностью контролировать или перекрывать систему, или хотя бы — планету?

— Нечего тут думать. Вот они, эти места, — на центральном экране возникли участки космического пространства, ничем, на взгляд Джо, не отличающиеся от остальных. Мать сжалилась, — Ладно. Вот схема.

Теперь на экране имелась действительно схема — где в центре условным шариком обозначалось солнце с крохотным бубликом, вращавшимся вокруг него, и условно красные точки: места расстановки гиппо-

тетических следящих устройств. Нетрудно было заметить, что они расположены на одинаковом расстоянии друг от друга, и образуют пространственную фигуру в виде тетраэдра с солнцем в центре.

— То есть — получается, что всего шести агрегатов было достаточно для гарантированного отслеживания всей этой системы?

— Вполне. Если предположить, что их сенсоры мощнее и совершеннее моих. И обычных земных.

— Понятно. — Джо дёрнул щекой, — А мы сейчас — в «зоне» их действия?

— Нет. — Мать вывела на экран ещё одну схему, на которой теперь уже совсем крохотное солнце маячило в центре, а вокруг него на расстоянии буквально условных сантиметров торчали красные точки, — Вот мы. Всего в трёхстах тысячах световых секунд.

На схеме, в самом углу, возникла крошечная мигающая точка: «Чёрная каракатица». Пол явно оказался рассержен:

— Но мы так никогда назад, на планету, не попадём! Да и зонды долетят только через... Сколько?!

— Двести восемьдесят три дня.

— А-а-а! Свинство! Тогда почему мы в первый раз так смело полетели к планете?!

— В «первый раз» у нас и подозрения не возникало, что здесь может быть что-то не так. Напоминаю: мы — ну, вернее, я! — и подумать не могли, что возможно наличие сенсоров и устройств, необнаружимых нашими приборами!

— Ну а теперь мы подозреваем. — Джо криво усмехнулся, передвинув свой немаленький зад глубже в капитанское кресло, — Но толку нам с этого... Потому что один ...рен мы их не видим! А если подлететь... Мать! Как думаешь: теперь-то он сразу будет в нас стрелять?

— Думаю — нет. Он — ну, вернее, эти его устройства! — будут спокойно отслеживать наши действия. И снова приведут в действие уже знакомую нам «защитную систему», только если мы попытаемся продолжить начатое!

— Проклятье! — Пол стукнул кулаком по панели пульта перед собой, да так, что укрупнённое изображение планеты-бублика на вспомогательном штурманском экране над ним пошло полосами, — Так, получается, мы в нравственном, и технологическом тупике!

— Ага. — Джо закинул руки за голову, сцепив на стриженном коротко, по-армейски, затылке, — И это не может не раздражать. Тем более, что если я правильно понимаю ситуацию, ты, Мать, до сих пор так и не обнаружила этих замаскированно-укрытых сторожевых агрегатов!

— Совершенно верно. Я их не обнаружила.

— А как мы смогли бы их обнаружить?

— Теоретически, мы могли бы подлететь поближе к какому-нибудь такому месту расположения, и распылить в пространстве нашу алюминиевую пудру. Чтоб она обозначила его корпус, налипнув, или просто — покрыв его. Но! Сделать это возможно только будучи почти впритык к такому аппарату, и при условии, что он за это не принялся бы стрелять в нас! Как в опасных агрессоров! И вредителей. — Мать продемонстрировала предлагаемый процесс на очередной схеме.

— Чёрт. — Пол сплюнул, — Слишком всё это заумно и сложно. (Впрочем, как и всё остальное в этой системе.) Может, ну его на фиг, и свалим?

— То есть — мы позволим какому-то навороченно-продвинутому гаду выиграть у нас — заочно? Даже не попробовав уделать его?

— Джо! — Пола покорило, — Как?! Как мы можем уделать парня, который настолько далеко ушёл от нас в плане технологии, что обладает возможностями... Бога?!

— Уж не с помощью этой самой технологии, — Джо покачал головой, — а с помощью банальной... Хитрости! Тактического сюрприза! Приведу пример: в далёком прошлом, при освоении Дикого запада, при осаде какого-то форта белых одного индейца с жалким ножом в руке держали на мушке десяток солдат. И всё же он убил одного из них!

Метнув нож!

— Только не говори, что это был один из твоих славных прапредков. Поскольку этот пример ты выудил из рассказа «Небесная стрела» Честертона.

— Суть примера от этого не меняется. Превзойти его технику мы не можем. Значит, остаётся уповать на нетривиальное решение. Такое, которого этот паршивец, свято уповающий на сверхпродвинутые возможности своей технологии, предвидеть не мог!

— Уж не хочешь ли ты сказать, что уже что-то такое придумал?!

— Почти. Во-всяком случае, основная идея готова! Дело за деталями.

Ещё один крохотный точно рассчитанный гиперпрыжок позволил приблизиться к теоретическому месту расположения одного из ретрансляторов.

Это, конечно, было рискованно, и корабль почти наверняка оказался обнаруженным, но не лететь же им действительно почти полго-

да! «Тьфу!» — как сказал Пол. Да и в любом случае они собирались действовать...

Предельно нагло!

И вот они — в паре световых секунд от этого самого места...

— Выпускай зонд!

— Сделано.

— Пудру из пиропатрона отстреливай по готовности! Или когда будет на расчётном расстоянии.

— Сделано. — всё расширяющееся облако, видимое им только благодаря тому, что Мать путём компьютерной обработки показывала эти самые сверхмалые частицы, полетело вперёд.

И через каких-то полторы минуты, даже до того, как Пол открыл рот, чтобы сказать, что «Ничего не получилось!», в облаке очень даже отчётливо возник странный, похожий на призрак, силуэт!

— Ого! Шар! (Кто бы сомневался!) И в нём не меньше километра в диаметре! И ведь абсолютно невидим, собака зелёная! Тьфу ты — невидимая!

Джо отреагировал куда конкретней:

— Ну-ка, полетели к нему. Поближе. И постарайся найти шлюз.

Шлюз нашёлся как раз на «опылённой» стороне.

По просьбе Джо Мать «опылила» его ещё порцией алюминиевой пудры. Правда, Джо не сказал бы, что видно стало намного лучше: пудра была всё же слишком мелка.

Пол вздохнул. Поинтересовался:

— И — что? Ты всё ещё не видишь его: ни на одном нашем сканнере?

— Именно. Его не показывает даже металлодетектор, хотя наружный корпус наверняка сделан из стали!

— Да и ладно. Поскольку он всё же не стрелял в нас, как в метеориты, или агрессоров, — при этих словах Джо Пол издал нервный смешок, — предлагаю много не мудрить, а одеть скафандры высшей защиты, и лезть прямо из нашего корабля. Мать. Пришвартуешь «Каракатицу»?

— Попробую. — изображение половинки сферы из редких частичек на поверхности так и невидимого тела дёрнулось, и стало приближаться, поворачиваясь, — Надеюсь, магнитные присоски сработают. Металл всё-таки остаётся металлом.

Металл и правда оказался и остался металлом. И магнитные приспособления для причаливания сработали вполне обычно — словно

они пришвартовались к земному Линкору. Или доку. Вот только не бывает абсолютно невидимых Линкоров.

— Ну, напарничек? Готов к новым приключениям?

— А то! Иначе за каким бы ...реном мы сюда возвращались?!

К поверхности шара магнитными присосками подошв скафандров «прилипнуть» оказалось просто. Но — странно. Потому что без компьютерной обработки алюминиевую пудру было вообще не видно! И очень дико было висеть в пустоте, глядеть на окружающий космос с далёкими бисеринками звёзд прямо под ногами, и ощущать, что запросто ходишь, щёлкая подошвами, по этой самой «пустоте». Пол поёжился, что легко оказалось разглядеть даже сквозь скафандр:

— Дикость какая-то. Ерунда. Как будто я — в каком-нибудь луна-парке.

— Вот-вот. Это аттракцион такой. Заметный и смешной лишь для «избранных». А называется «Добро пожаловать, тупые и отсталые чужеземцы»!

— Тьфу на тебя!

— Поосторожней. Сам будешь отмывать гермошлем. — Джо вздохнул. Он и сам ощущал нервозность. Всё-таки кто может поручиться, что при попытке проникнуть внутрь чужака тот всё же не надумает «разделаться» с ними, — Ладно. Дурацкими ощущениями насладились. Но рботать надо. Мать. Веди к шлюзу. А то я не ориентируюсь.

— Ещё бы! Со звёздами под ногами!

Джо промолчал. Мать сказала:

— Повернись налево. Ещё на десять градусов. Вперёд!

Так они и топали некоторое время по невидимой и только чуть припорошенной белой пудрой под ногами поверхности, пока минуты через три не пришли к шлюзу. Джо достал из набедренного кармана капсулу с ещё порцией пудры.

— Сюда?

— Нет. Правей. На два часа.

Джо дёрнул шнур пиропатрона. Облако пыли полетело параллельно поверхности, теперь куда чётче обозначив — действительно шлюз.

— Так. Если я что-то понимаю, это — управляющие кнопки. Круглая и квадратная. Стало быть — для существ с разным спектром зрения. Окрашивай, не окрашивай — а форму точно не перепутаешь!

Начнём с квадратной?

— А чего нам терять? Нажимай!

Джо носком ботинка надавил до упора квадратную, размером с тарелку, кнопку. Под ногами задрожало.

Внезапно большая плита, размером пять на пять метров, ушла вбок, открыв глубокий провал. Осторожно приблизившись, и заглянув в него, Джо с облегчением обнаружил, что и стальные стены, и дно на глубине десятка метров, видно вполне отчётливо.

— Смотри. На вон той стене — скобы. Типа — лестница?

— Похоже. Чур, я лезу первым.

— Минуточку. — в диалог вклинилась Мать. — Если вы спуститесь в шлюз, и закроете верхнюю крышку, вероятней всего случится так, что мы не сможем переговариваться.

— Это почему же?

— Напоминаю: покрытие этой крышки гасит и нейтрализует все виды излучений. А не закрыв его, вы не откроете внутреннюю.

Дав напарникам насладиться осознанием этой неприятной перспективы, Мать спросила:

— Ну как? Не пропало желание лезть в «неизведанное»?

— Н-нет.

— Нет, Мать. Но спасибо, что предупредила. — Джо чуял, как по спине течёт холодный и липкий пот, но желание забраться в чрево странного агрегата не пропало, — Сколько времени ты нам дашь?

— Что значит — сколько дам? Сколько у вас кислорода, столько можете и «шарить». В поисках новых ощущений. И артефактов.

— Я не об этом. — Джо, ощущая, что лезть по скобам тяжело, а это говорит о том, что уже в шлюзе действует искусственная гравитация, и, следовательно, агрегаты и установки шара работают, старался волнения и откровенного страха в голосе не допускать, — Сколько, как ты думаешь, мы сможем находиться там... безопасно?

— Нисколько. Соваться туда изначально рискованно. Но вы же не желали слушать — вам хотелось лезть.

— То есть — «рискованно»?! С этого момента подробней, пожалуйста!

— Ну, для примера могу сказать, что там, за внутренним люком, могут стоять оптические или ещё какие сенсоры, отслеживающий внешний вид входящих существ. Или есть система защиты «свой-чужой». И если в скафандры не встроены микрочипы, или ещё какая штука для опознавания, срабатывают автоматические огнемёты. Или пушки. Или ещё что-нибудь такого плана.

— Ага. Мысль понятна. Но мы всё равно полезем.

— Да валяйте. Но! В случае проблем я не смогу помочь ничем!

— Да. Мы понимаем. — Джо закусил губы. Но продолжил, — И если через трое суток, ну, когда кончится кислород, мы не вернёмся, тебе придётся считать нас погибшими. И самостоятельно лететь в Клайд.

— Напоминаю, что как робот с Первым законом я...

— Знаем-знаем. Не должна своим бездействием допускать... И так далее. Но в данном случае — это наш выбор. И всё происходящее — записывается в твоём чёрном ящике. Вот и передашь эти записи Колониальной Администрации Федерации. Пусть уже у них головы болят, что делать с этой штукой!

— Я бы предпочла, чтоб вы всё же вернулись.

— Ха. Мы и сами это предпочли бы. А сейчас — не говори больше ничего. А то моя решимость тает, как снег на раскалённой сковородке! — Джо глубоко вздохнул, встав наконец на внутренний люк, — Пол. Ты — как? Не передумал?

— Нет. Иначе какого ...рена я бы тащился за тобой?!

— Ну, в таком случае... Мать, чао! И — на всякий случай. Работать с тобой было приятно. И весело.

— Хорошо прощаться, паникёр чёртов. Напоминаю: у нас обычно я начинаю вопить и пугаться первым!

— Помню. Ну а сейчас — приготовься. Нажимаю.

— Валяй. А, да. Мать! Спасибо за всё!

— Ну и кто теперь паникует?

— Ну я. Но я по-крайней мере этого не стесняюсь!

Джо подумал, что стесняться в их ситуации глупо. Кто бы не боялся, суя голову в утробу машины существа, далеко обогнавшего земную науку и технологию. После чего вздохнул, и нажал квадратную кнопку, имевшуюся и на этом люке.

Снова завибрировало. Верхний люк закрылся. В наружных микрофонах зашипело — похоже, в камеру подали воздух. Но вот давление оказалось уравненным, скафандры чуть плотнее облегли тела, и в сторону пошла створка люка, на которой они стояли. Напарники едва успели ухватиться за ближайшую скобу.

Но беспокоились они напрасно: за створкой оказалась плита. Всего в паре сантиметров. Они прыгнули на неё. Плита плавно пошла вниз. И вот они уже — в ещё одном квадратном, тоже пять на пять, помещении. Верхний люк задвинулся. Включились красные лучи — их сканировали. Включился парогенератор, или что-то, производившее газы-дезинфекторы. Вскоре туман из аэрозоли рассеялся, и вновь стало видно окружающее.

— Похоже, прошли мы проверку. Раз уж нас продезинфицировали. А не спалили сразу.

Джо только фыркнул. На потолке внезапно заморгала синяя лампа.

— Поздравляю. Вроде, мы признаны безопасными. Можно идти?

— Думаю, можно. Вон: видишь? Возле каждой двери тоже — моргает синим. Разблокированы они, стало быть, — Джо рассматривал четыре сдвигающихся двери, ведущих, очевидно, во внутренние помещения или коридоры корабля пришельца. Или пришельцев.

— Странно. Пока что здесь всё — почти как у нас! Ну вот ни следа того, что здесь жили... Или живут... высшие существа! Способные творить системы и планеты! А вдруг со временем и из нас получатся... Боги?

— Смешно. — Джо покачал головой, — Может, здесь всё так специально и сделано. Чтоб прилетевшие в систему, и расколовшие хохму со «вспышкой сверхновой» и вернувшиеся примитивные прямоходящие двуногие могли чувствовать себя... Почти как дома! Типа — «не так уж мы от вас и отличаемся»!

— А, может, и это правда так — вон, смотри. И двери и кнопки... Всё людское! Нам даже извилины особо напрягать не пришлось, чтоб всё понять и вычислить!

Джо посмотрел на напарника. Да нет — вроде, всё как обычно. Шутит. Прикалывается. Не сильнее обычного. И это хорошо. Потому что когда Пол действительно чего-то боится, в его руке появляется излучатель!

— Ладно. Последняя проверка. Мать! Слышишь нас?

В ответ — тишина. Пол констатировал:

— Нет, не слышит. А мне вот только сейчас пришла в голову умная мысль. Чтоб, пока мы будем тут шарахаться, она отобрала пробы металла там, снаружи. Наши военные его с руками оторвут! И кучу бабла заплатят! Ещё бы! Полностью «невидимый» флот!..

Джо вздохнул:

— Не волнуйся. Она у нас и сама не промах. Догадается уж как-нибудь. Ну? С какой двери начнём?

— Да вот с этой и начнём. Прямо напротив нас.

— Не возражаю. — Джо ткнул в квадратную, уже размером всего с почтовую марку, кнопку на стене у двери-люка.

Дверь отъехала. Открыв коридор. Пустой, разумеется.

Белые стены, белый, матово светящийся, потолок. Зелёный (!) пол. Длинный ряд дверей в обеих стенах. Пол и потолок плавно изги-

бались книзу, поле зрения терялось уже всего в сотне шагов: явно повторяя форму внутренней поверхности шара.

— Собственно, чего мы ждали. — Джо пожал плечами, — Действительно, как для людей. Или ещё каких двуногих. Пошли?

— Пошли.

Через сто шагов они убедились, что за дверями в стенах коридора — всё сплошь каюты. Вероятно, предназначенные для обитания, поскольку в дальних торцах имелись ещё комнаты, а за ними даже санузлы и ванны. Вот только абсолютно не было мебели, или вообще хоть чего-то.

— Думаешь, это — для экипажа?

— Вот уж вряд ли. Скорее, для толпы каких-нибудь межзвёздных путешественников-колонистов, которых такой корабль мог бы перевезти в любую точку вселенной. За считанные минуты. Или часы. Наверняка тут есть и движки, и устройства для гиперпереноса.

— А почему тогда здесь нет ни мебели, ни даже ковриков на полу?

— Мебель, думаю, всё же есть. Вот только она скорее всего встроена в стены. Будем пытаться найти и активировать?

— А зачем?!

— Вот именно. Пошли дальше.

— А смысл — идти дальше? Тут же всё сплошь — каюты да каюты. Для проживания. Или не знаю для чего. А нам бы в рубку попасть!

— Да, неплохо бы. А где она, как думаешь?

— Оригинальным не буду. Предположу, что как и всегда — в самом защищённом месте. В центре шара.

— Ага. А теперь скажи мне — ты видел тут хоть один лифт? Или, может, лестницу вниз?

— Н-нет.

— Вот и я не видел. Поэтому. Давай-ка вернёмся в шлюзовую, и выберем другой коридор. Поперечный.

Здесь лестница нашлась сразу.

Буквально в десяти шагах от входного люка имелся в стене проём, ведущий на замечательно родное и привычное устройство: лестничный пролёт. И даже ступеньки практически не отличались от стандартных! Людских.

Чуть дальше в стене имелось и устройство, похожее на лифт: явно двустворчатый, и с кнопкой вызова сбоку.

— Я в него не полезу! — так Пол отреагировал на протянутую Джо к этой кнопке руку: быть может, даже излишне агрессивно и опасно.

— Почему это?

— Н-ну... Не люблю замкнутых пространств. — на это высказывание Джо зарычал. Пол поспешил поправиться, — Да и не хотелось бы, чтоб нашими действиями управлял кто-то посторонний. А в лифте мы будем пленниками местного электронного мозга! Куда захочет, туда и поведёт. Или вообще — не выпустит из кабины!

— Какого ещё мозга! А почему — не местного Большого Босса?

— Да потому что его здесь нет. Да ты и сам так думаешь!

Джо криво усмехнулся. Действительно, они изначально предполагали, что живых на этом ретрансляторе, или станции, не найдут. И всё делает ИИ — такой же продвинутый, как их Мать, мозг.

— Ладно, клаустрофоб ты наш. Я и сам за «привычный» старый и проверенный способ. Пошли. Только магнитные присоски отключим. А то мне осточертело слушать, как они клацают. А здесь, внутри, есть искусственная гравитация — я её чувствую. Не улетим.

Гравитация действительно имелась. И сейчас, без нагрузки на ноги от магнитных подошв, шагать стало куда легче: не более, чем ноль семь от Земной.

В каждом лестничном пролёте-этаже имелось две лестницы. Вполне традиционно расположенных: под углом сто восемьдесят друг к другу. По пятнадцать ступеней. И на каждый новый уровень вёл ещё один люк. Однако открытие верхних трёх продемонстрировало лишь наличие точно таких же коридоров, как тот, из которого они только что вернулись несолоно хлебавши, и тоже — с дверьми-люками по бокам.

— Думаю, это всё ещё жилые уровни.

Пол не стал возражать. И они даже не стали выходить в эти коридоры, чтоб изучить их подробней. Подумав, Джо решил не разбрасываться напрасно промежуточными усилителями, которые они обычно оставляли на лестницах через каждые три-четыре пролёта: связи с Матерью всё равно нет. А пара кредитов за каждый усилитель — хоть мелкие, но — деньги!

Зато на пятом уровне оказалось интересно.

— Как думаешь? За этими ангарными створками — местный реактор?

— Возможно. Или механизмы для обслуживания всего этого хозяйства. Водяные насосы, фильтры, кондиционер, канализационные коллекторы и отстойники, кладовые пищи, баки с водой. Мало ли! Или да-

же механизмы для гиперпереноса. Словом — машинерия. А мы ищем «мозг».

Поэтому не проще ли спуститься ниже, и попытаться найти эту самую рубку? Там наверняка найдётся и схема корабля. Вот всё и посмотрим! И отснимем для Матери. А она потом нам «разжужёт». Где — что.

— Ага, посмотрим мы. — Пол откровенно и ехидно ухмылялся, — Раньше вместе с нами, через наши наплечные камеры, смотрела и Мать. Поэтому перевод и конкретные и актуальные инструкции нам были обеспечены. А сейчас?

— А сейчас у меня в наручном контейнере ещё один микроп. А в другом — универсальный переводчик. Дойдём до компов — вскрыет. А доберёмся до чего-нибудь с текстом — переведёт. Пошли.

Ещё пять пролётов-этажей лестницы дверей не имели. Тишину и ощущение какого-то безвременного запустения и покинутости нарушали только их шаги: стальные подошвы скафандров высшей защиты цокали по ступеням, и эхо, отражаясь от бетонных стен, создавало впечатление, что идут не два, а по-крайней мере десять человек. Подумав, Джо решил однако громкость наружных наушников не убавлять: случилось, что именно наружные звуки исследуемых объектов или планет спасали им жизни!

— А здоровущий тут реакторный отсек. Или машинный зал. Или устройства для гиперпереноса.

Джо только хмыкнул. Но сожаления о своём предложении пропустить «машинерию» не испытывал. Достаточно они насмотрелись на все эти механизмы и машины на других, аналогичных, хоть и инопланетных, кораблях и объектах. И вряд ли тут найдётся какое-нибудь принципиально отличающееся от земных и уже виденных, устройство или агрегат. Уж слишком всё... Привычно?

Он и сам не совсем понимал свои мысли и чувства.

Пресытился? Хм... Нет.

Просто — не хочется терять время на обследование того, что им всё равно не понять, пока Мать не «разложит по полочкам», и не объяснит, где — что. И как функционирует. А нужно всё это не столько им, сколько — учёным. Которым только дай покопаться в таком вот чужом устройстве — им хватит на долгие годы!..

На десятом этаже вновь имелся выход. И вновь за ним обнаружился коридор с одной-единственной огромной дверью-створкой.

— Опять ангарная дверь. Похоже, ещё какие-то механизмы.

— Точно. Смотреть будем?

— А смысл? Буду спорить, и здесь все механизмы — как у людей!

— Откуда ты знаешь? Мы же первую «ангарную» дверь даже не открывали!

— Ну вот и иди. И открой. А я пока тут подожду: лень зря ходить. — Джо демонстративно присел прямо на пол в углу, и причмокивая, попил водички из трубочки с ней. После чего выдавил из другой — питательной пасты. О-о! Сегодня Мать заправила им «цыплёнка табака»!

Ровно через две минуты, открыв, глянув, и снова закрыв дверь, Пол вернулся. Лицо, видимое сквозь шлем, имело раздосадованное выражение. Из чего Джо сделал вывод, что оказался прав — иначе напарничек не упустил бы случая поприкалываться, и поделиться увиденным. А так: «Пришёл. Увидел. И ушёл».

Джо чуть наклонил голову на бок: как Пол. Осклабился:

— Зато для Матери всё заснял в лучшем виде!

Пол в ответ на эту подколку только посмотрел на Джо.

Ещё десять пролётов-этажей выходов не имелось. Затем обнаружались двери, а за ними — ещё коридоры: с теплицами по бокам. Их было отлично видно сквозь стеклянные стены.

— А нехило тут сельское хозяйство было налажено!

— Согласен. А ну-ка, выходим. И отбираем образцы. Вдруг Мать скажет, что мы нашли что-то — ну очень суперурожайное и вкусное! Запасём семян. И продадим нашим... Селекционерам!

Однако образцов отобрать не удалось. В теплицах-оранжереях остались только стеклянные трубы с дырами — для явно гидропонного выращивания чего-то. И на полу валялись сгнившие остатки чего-то вроде синтетических нитей — для подвязывания к потолку этого самого. Только вот что-то «это самое» давно рассыпалось в труху...

— Похоже, мы немножко опоздали.

— Да. Думаю, этак на десяток-другой тысяч лет.

— Откуда знаешь? Матери же нет!

— Это верно. Просто предположил. На основе личного опыта. Потому что нити ещё не совсем сгнили, и зарядка в реакторе ещё есть.

Напарник на это отреагировал вполне традиционно: фыркнул.

Ещё через двадцать уровней-пролётов пришли к концу лестницы.

Пришлось выбираться в очередной коридор. Короткий. С дверью в торце.

— Смотри-ка. Похоже, мы на месте!

— Угу. Давно пора. А то я уж думал, сейчас пройдем чёртов ретранслятор насквозь, и выйдем к другому наружному люку.

А тут — дверь не очень большая, зато явно очень прочная.

— Как думаешь, Джо. Почему здесь действительно всё — как для людей?

— Думаю, это потому, что они просто использовали чей-то уже готовый корабль. От какой-нибудь развитой, но погубившей себя цивилизации. Приспособив посудину для своих целей, и просто покрыв сверху этим супер-покрытием. Тем самым, непроницаемым для всех излучений.

— А ты не думаешь, что они... он... Мог и сам поспособствовать тому, чтоб корабль... Или корабли — их же шесть! — освободились?

— Нет. Думаю я, что остальные пять кораблей тоже — просто достались ему как бы... В наследство. А убивать низших существ, или стравливать их, чтоб они поубивали друг друга сами, для него...

Неспортивно. Ниже его достоинства.

Мы же не науськиваем муравьёв из разных муравейников друг на друга? Они с этим и сами успешно справляются.

И вот он взял всё это наследие, подлтал, перетасил, и оборудовал ими эту свою систему. С бубликом. А ещё я думаю... — Джо вздохнул.

— Ну, договаривай уже!

— По поводу этой самой планеты-бублика. И её солнца.

Ну вот грызёт меня мысль, что всё это — как сыр в мышеловке!

Ведь ни одна раса, людей, или гуманоидов, находящаяся на техническом уровне как у нас, или чуть ниже, ни за что не пройдёт мимо такой странной штуковины!

— Ты имеешь в виду — не пролетит?

— Ну да. Не придирайся к словам. Суть же уловил?

— Да уж. — Пол передёрнул плечами, — Это точно. Не пролетит.

Вот мы и крысы. Надо было взять с собой Шушару! Хоть не так обидно было бы...

Джо, при напоминании об их безбилетной пассажирке, сейчас живой не в грязном трюме, а в комфортабельной клетке, стоящей рядом с клеткой с волнистыми попугайчиками, криво усмехнулся. Но промолчал. Имел потому что опыт общения с Шушарой, которую пришлось «принять на борт». А точнее — в скафандр. (См. рассказ «Пираты» в сборнике «С шилом в заднице!..»)

Они остановились перед дверью, и Джо не спешил нажимать квадратную кнопку. Пол вздохнул:

— А что, если он всё же — человек? И сейчас сидит там? И ждёт нас?

— Ну, давай поспорим. На бутерброд с икрой против зубочистки. Если он, или вообще хоть кто-то живой — там, бутерброд — твой!

— Ах ты, какой хитрый! Знаешь, что у меня осталось всего три натуральных, из дерева, зубочистки, и хочешь бессовестно отобрать?!

— Икры в банке тоже осталось — на дне. Последняя. Ну? По рукам?

— Нет. — Пол хмыкнул, — Я и сам не верю... Что он — там. Открой давай!

Джо ткнул кнопку. Дверь открылась.

Действительно, рубка.

Круглое светлое пространство, шагов пятидесяти в диаметре. Со сравнительно низким подволок. И пультами: с дисплеями над ними. По всему периметру. Ближе к центру — ещё пульт. На возвышении.

Джо, подойдя, выпустил из лючка на предплечьи их запасного микропа. Тот, семена шестью изящными ножками-манипуляторами, уполз за панель пульта. Донёсся треск, и засверкали вспышки электродуги — малыш срезал винты крепления задней панели. Вскоре на виртуальном мониторе, который Джо откинул на другом предплечьи, возникла картинка. Укрупнённо виднелось то, что могло быть главной платой. С разложившимися в пыль, и растрескавшимися штуками, которые могли бы быть микросхемами.

— Так. Понятно. Ничего мы уже отсюда, из его памяти, не выудим. А это — что? — Пол, оторвавшись от картинки на дисплее, показал на большой белый круг, на пару дюймов возвышавшийся над полом, и имевшийся перед пультом, в центре зала.

— Нет!!! Не заходи! — Джо, увидев, что напарник хочет наступить в круг, заорал благим матом. Пол, занеся было ногу, поторопился убрать её за пределы круга.

— Ты чего разорался?! Тебя, наверное, и Мать слышала!

— Ну, это вряд ли. — Джо понимал, что сейчас буквально задохнулся от страха за напарника, — Хорошо, что ты не успел зайти!

— А то — что?

— А то исчез бы ты сейчас из этого места, и материализовался где-нибудь за пределами нашей вселенной! Там, где и живёт этот гад! Потому что белый блин, или что это там — явно чужеродная этому кораблю штука. То есть — это делали уж точно не люди!

— Думаешь, это...

— Да. Думаю, это — устройство ноль-переноса. Ну, или говоря проще — Звёздные Врата. Как их показывают в фильмах, и которые до сих

пор не удалось построить самым продвинутым и умным учёным Земли. Только там они, как правило, помпезно-экзотические, для вящей красоты, и стоящие вертикально. А тут — просто — рабочие.

— И — что? Ты даже не хочешь их... Попробовать в действии?!

— Во-первых, мы не знаем, сможет ли тот, кто залезет в них — вернуться обратно. Ведь там наверняка есть система для задания координат места переноса. А Матери с нами нет. Подсказать некому. А во-вторых, нет гарантии, что там, куда ты попадёшь, будут пригодные для жизни человека, пусть и находящегося в скафандре, условия. Вдруг этот гад живёт в недрах голубого гиганта? Или в чёрной дыре? Или на планете, где восемь «Же»?

— Хм-м... Тьфу ты! Испугал ты меня! А я-то было подумал, что ты — серьёзно! А ты — просто воспользовался моментом, чтоб поприкалываться!

— Ты не веришь, что это могут быть Врата?

— Нет. Да ты же и сам не веришь!

— Хорошо. Но если они — Врата, то с тебя две зубочистки!

— Договорились. — Пол похихикал, — А как — проверить?

— Да очень просто. Дай-ка пустой контейнер для проб грунта!

Пол вытащил из набедренного кармана просимое — небольшой алюминиевый цилиндр с развинчивающимися половинками.

Джо взял с ладони напарника контейнер. И, скрестив пальцы левой руки за спиной, правой аккуратно кинул его в круг.

Две секунды ничего не происходило — только контейнер медленно катился по пятиметровому кругу. Остановился. Пол открыл рот:

— Ну я же те...

Без всякого предупреждения откуда-то с потолка появились с десяток красных нитей-лучей, и за три секунды прошли по всему кругу от подволка до палубы.

Лучи исчезли. А ещё через две секунды исчез и контейнер.

Бесследно и бесшумно!

Пол ойкнул. Джо сглотнул комок, застрявший в горле. Потом голос к нему вернулся:

— Понял, балда? Зубочистки мои.

— Да ...рен с ними, зубочистками! Ты мне лучше скажи, что нам теперь делать?!

— В каком смысле — что делать?

— Ну, теперь, когда мы сами увидели, что можно, в-принципе, попать к нему, этому гаду, в гости, мы — отправимся?

Джо вначале было посчитал, что Пол шутит. Но подумав, решил, что напарник абсолютно серьёзен. А что? Зная его беспокойную натуру — с него станется. Полезть в пасть льва. Или в пекло. Или — в пучины самого Ада!

А если уж совсем честно — он и сам... Обычно не отстаёт.

— Мы, конечно, можем попробовать. Только Мать оценила бы наши шансы на возвращение как...

Во что Мать оценила бы их шансы Пол так и не узнал, потому что цилиндрик вдруг снова возник на центре круга: словно никуда и не исчезал!

— Смотри! Он — что? Не понравился?!

— Не в этом дело. Думаю, сработал автомат задержки. То есть — тамошнее устройство запрограммировано так, что если отправленный через портал предмет не убирается с круга секунд, скажем, за... десять — нужно просто отослать его назад.

И это открывает нам блестящие перспективы.

— И каким же образом мы их реализуем?!

— А самым элементарным. Зайдём в круг. Постоим, пока нас просканируют, и отправят. А там тоже — постоим и «просканируемся». И замрём. Внимательно, разумеется, оглядываясь! Ну, чтоб заснять для Матери. То место, где окажемся. Ну а потом нас — как этот цилиндрик. Вернут в «исходную точку».

Как тебе план?

— Чтoб мне лопнуть. Вполне в твоём духе!

— Ты о чём?

— Ну как же: «стоять и ни ...рена не делать»! И только наблюдать!

Джо треснулся рукой в перчатке о затылочную часть шлема. Попытка в очередной раз почесать затылок провалилась. Ах, вот, значит, какой тактикой он, по мнению Пола, пользуется во время их работы и поиска приключений! Впрочем, тот наверняка шутит, и сказал так, чтоб его уесть. Ну а он — не «уестся».

— Ладно. Ты идёшь?

— Ну понятно!

Взявшись на всякий случай — или это получилось инстинктивно! — за руки, они вошли в круг. Джо не упустил случая подобрать и спрятать в карман цилиндрик — двадцать центов!

Красные лучи появились, свершили свой безмолвный танец, после чего... вселенная раскололась и снова соединилась вокруг них!

Ощущение оказалось странным: словно мгновенно их выворотило наизнанку, дунуло в кишки, и снова вернуло к исходному виду...

Ну и ничем это помещение не отличалось от самой обычной комнаты. Кубической. Пять на пять на пять. Белые стены, белый светящийся потолок. Вот только пол для разнообразия — тоже белый.

Красные лучи появились практически тут же — Джо на них и не смотрел. Пытаясь найти глазами дверь, или люк, или ещё хоть что-то помимо казавшихся монолитными стен и светящегося потолка.

Ну и ничего!

Внезапно красные лучи исчезли, и на одной из стен начала мигать синим огромная — два на три метра! — надпись на неизвестном (Ну, это-то понятно!) языке!

— Чёрт! Нам — как?! Бояться, что сейчас испепелят за несанкционированный доступ? Или продолжать стоять?

Джо, повинуясь инстинкту, дёрнул Пола за руку. Они соскочили с круга. Что-то зашипело, и из невидимых до этого дырочек в стенах ударили тугие струи пара!

Всё за секунду стало туманным и невидимым.

— Ух ты... Антибактериальная обработка?

— Похоже. Хотя нас уже обрабатывали. В шлюзе. Только вот дверей для выхода я не вижу. — туман рассеялся так же быстро, как появился.

— Я тоже. Но это не беда. Главное, чтоб Врата остались на месте. Если что — ретируемся!

— Что, даже не попробовав, — Джо хохотнул, — вступить в контакт?

— С кем это ты собрался здесь вступить в контакт?! Никого же нет!

Джо, включив наружный динамик, хлопнул ладонью по ближайшей стене:

— Эй, послушайте! Как вас там... Уважаемые собратья по разуму! Меня кто-нибудь слышит?

Пол буквально присел, да и Джо ощутил дрожь в коленках, когда с подволка и правда — донёлся громкий и чёткий голос. И говорил он, как ни странно, на английском:

— Я слышу вас, гости.

И поскольку голос не торопился продолжать, Джо мысленно выругался: не иначе, действительно: искусственный интеллект. Только такой, созданный, разум обычно не отличается любопытством. Зато отличается долговечностью. Объективностью. И способностью изучать чужие языки, по программам, как у их Матери: по внешнему виду существ, по костюмам, по манере говорить, и словам.

— Ты — искусственный разум? Или ты — живое существо?

- Я — то, что вы называете искусственный интеллект.
- Значит, тот кто тебя создал, поместил тебя сюда, в это... Место?
- Да. — а не отличается он словоохотливостью.
- Ты... Впустишь нас внутрь, в ваше... Место обитания?
- Нет.

Пола задело за живое, и он вклинился в диалог:

— Это почему же?!

— Вы можете содержать там, под скафандрами, опасные для нашего места обитания микроорганизмы, вредные вещества, и газы.

— Но мы же не будем их снимать!

— Будете. Когда захотите дышать. А запасы вашей газовой смеси закончатся.

— Погоди-ка... — Джо ухватился за самый существенный пункт этого сообщения, — Значит, до нас тут уже... Появлялись, и даже входили внутрь... Ещё какие-то расы из людей вроде нас?

— Да. И тогда я понял, что доверять даже клятвам и обещаниям так называемых гуманоидов — нельзя. А полная дезинфекция после них — очень сложна. И я дополнил свою программу. Я — самообучающаяся система.

Пол, явно поостыв, спросил:

— А сколько их было?.. Ну, рас, посетивших тебя?

— Сто тринадцать.

— И сколько захотело войти? И вошло?

— Пять. И — две. Но это было в самом начале, когда меня только установили здесь.

Джо спросил о другом:

— А почему они, ну, вошедшие, начинали задыхаться? Почему ты не мог сделать для них воздух, к которому они привыкли?

— В мою задачу не входит поддержание жизней существ, которые на свой страх и риск пытаются попасть в Мир, который я охраняю.

— Так ты — Страж?

— Да.

Джо подумал, что свято место «вахтёра» воистину — пусто не бывает.

— А почему тогда ты просто не выпускал этих... Существ обратно: из твоего Мира — к их кораблям и привычной для них обстановке?

— Потому что я так запрограммирован. Тот, кто однажды вошёл в охраняемый мной Мир, обратно выйти не может.

— А... Почему ты так запрограммирован?

— Я не знаю.

— Вероятно, для того, чтоб они не могли рассказать, что там увидели?

— Я не знаю.

— А живы ли те, кто тебя так запрограммировал?

— Я не знаю.

— Почему? — Джо уже начинал сердиться. Этот ИИ — ещё похлеще Матери. Упрямый. И скрытный. Впрочем, это — не его вина. А создателей. И программистов.

— У меня нет с ними связи. И новых указаний и инструкций не поступает.

Джо и Пол переглянулись. Джо спросил:

— И как давно... У тебя нет с ними связи?

— С самого моего создания и постановки задачи.

— Это сколько в привычных нам годах?

— Двенадцать тысяч сто сорок восемь лет.

Пол обратился непосредственно к Джо:

— Ну и что делать будем?

Джо снова треснулся ладонью о затылочную часть шлема. Но спросил:

— А если мы не будем пытаться проникнуть к тебе, в Мир, который ты охраняешь, ты позволишь нам уйти таким же образом, как мы пришли? Через эти, — он махнул рукой, — врата?

— Да.

— А разумно! — Пол фыркнул, — Раз мы ничегошеньки не узнали, даже того, где находится этот чёртов Мир, и даже не увидели, как выглядят его Хозяева, и сам Мир, конечно, можно нас отпустить! Запросто!

Потому что мы просто ничего не сможем рассказать!

— Ну почему — не сможем? Просто мы... ещё не пробовали спрашивать о таких вещах. Вот, я попробую: уважаемый искусственный разум. Как выглядят твои Хозяева?

— Внешний вид и интеллектуальные возможности моих строителей являются запрещённой для вас информацией.

— Наверно, как и информация о месте, где они во вселенной обитают?

— Совершенно верно.

— Тьфу ты! — Пол-таки плюнул, — Не стоило из-за этого лезть в чёртовы Врата!

— Это почему же? Стоило. Потому что, как говорит Мать, отрицательный результат — тоже результат.

— Мать так не говорит.

— Да. Она говорит по-другому. Но в данном случае я с этим разумом полностью согласен. Он — самопрограммирующийся. Он — Страж. И он свою задачу выполняет так, как приказали Хозяева. И так, как он сам научился — то есть, эффективно. А мозгов у них, и у него, думаю, уж побольше, чем у нас с тобой. Недаром же — сталкивался со ста тринадцатью разумными расами!

— О! Погоди-ка! Мне пришла в голову мысль! Послушай... э-э... уважаемый искусственный интеллект! А про эти расы, с которыми ты сталкивался, тебе тоже...

Запрещено рассказывать?

— Нет.

Пол и Джо снова переглянулись. Но уже совсем с другими чувствами! Джо готов был поспорить, что увидел в глазах напарника по-настоящему хищный блеск.

— А показывать нам их внешний вид тебе можно?

— Да.

— А можешь спроецировать к нам сюда, в камеру, изображения всех, кто приходил к тебе?

— Да.

— Отлично! Начинай, пожалуйста. — Джо убедился, что камера на плече включена, и как всегда работает в режиме онлайн.

— Начинаю.

У дальней стены появилось изображение. Три существа. В скафандрах. Похожи, конечно, на людей, но куда выше ростом и более худые.

Джо поинтересовался:

— А схематическое изображение их тел можешь дать?

— Да. — схема, нарисованная голографическими линиями, ничем не отличалась от тех, что воспроизводила им Мать!

— А язык можешь воспроизвести?

— Да. — камеру наполнили лающие, резкие звуки: согласных явно было куда больше, чем гласных!

— А содержание вашей беседы в переводе на наш... Можешь дать?

— Да.

Теперь речь стала понятна, и Джо уловил примерно такие же вопросы, которые задавали и они сами, и ещё многие другие.

— Уважаемый искусственный Разум. Если мы попросим тебя сделать то же с остальными расами, которые посещали тебя, ты... согласишься?

— Да.

— Благодарим! — Джо буквально не верил своему счастью: чёртов разум наконец практически на всё, (Ну, не касающееся его Хозяев, и их образа жизни!) соглашается! — Тогда начинай!

На запись внешнего вида, схем тел, и содержания бесед всех ста тринадцати рас ушло непозволительно много времени — более двух суток! Пол даже успел поспать, Джо же только кушал и пил. Не отрываясь от записи. Старался камеру держать поровней. Это оказалось утомительно, и расы, к счастью, не подкачали: почти все казались вообще незнакомыми!

Зато теперь материала для объединённого Нью-Йоркского университета ксенологии и социологии у напарников оказалось — море! Как отметил Джо, когда они уже распрощались со странным мозгом, от души поблагодарив того, и летели прочь из странной системы-ловушки, «Продать можно будет — за миллионы! И это — не считая того, что слупим с военных за супер-покрытие!»

— Как думаешь? Именно для этого эта мышеловка и расставлена? Чтоб расы, вроде нашей, находили, драпали, увидев грядущий апокалипсис, а потом наиболее «продвинутые», и раскусившие обман — возвращались? И пытались пройти в Мир Хозяев, и узнавали про остальные пробовавшие расы? И таким образом, хотя бы заочно, знакомились с собратьями по разуму? Этакий «межзвёздный каталог»!

— Мать! — Джо был рад, что хоть теперь можно более-менее точно ответить хоть на один из сотен мучавших их после посещения ретранслатора и охраняемой камеры, вопросов.

— Вероятность такого варианта более девяноста четырёх с половиной процента.

— А за что же — остальные?

— За то, что этим Хозяевам было наплевать на интересики и проблемки низших существ, и они преследовали свои, неизвестные, и невычисляемые нами, цели.

— Мать!!!

— Ладно, шучу. Но возможных ответов на этот вопрос у меня более двух сотен. Вам перечислять их все?

— Н-нет... Не надо. Лучше скажи — ты же видела запись! — сколько из этих рас неизвестны земной науке?

— Сто одиннадцать. Это с учётом того, что вы — сто тринадцатая. И ещё — перрисы. Но они погибли в апокалиптической междуусобице ещё полторы тысячи лет назад.

— То есть — их, перрисов, нахождение этой мышеловки, бегство и последующий возврат, и осознание факта существования некоего... высшего разума, Хозяев — от кровожадных замашек не излечило?

— Нет.

— Мать!!! Прекрати это. Не отвечай в стиле этого... Стража.

— Ладно, не буду. Но не могу не напомнить, что в этот рейс именно ты грозился уже в восемьсот тридцать второй раз вывернуть к «...ерам собачьим!» мой блок неформальной логики и юмора, что так удачно вмонтировал мне техник Васся.

Джо зарычал.

Пол, закинув голову на спинку кресла, заржал, как молодой здоровый конь.

Джо вздохнул: ну что с этими балбесами-юмористами делать!

Так и приходится летать!

Да и хорошо. Потому что нет для космонавта-авантюриста, скрапера на «вольных хлебах», ничего хуже, чем...

Рутина.

И скука!

ТЕАТР

Вячеслав Кушнир

Инта, респ.Коми

ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО ДЕТСТВА

комедия в 2-х частях

место действия: деревня в лесной глуши

время действия: 10-е г.г. 21 века

действующие лица:

ДЖОН, 17 лет, выпускник гимназии

МОДЕСТ, 17 лет, его френд

ФИЛ, 17 лет, его френд

ЛИНА, 17 лет, травница

ДЖУЛИЯ, 19 лет, родная сестра Лины

РИК, 28 лет, родной брат Модеста
АНТОН, 27 лет
ЛИОНЕЛЛА, мать Модеста
БЕРТА, мать Антона
МАРС, пенсионер

Часть 1

ДВОР. Марс перед домом окучивает картофельную грядку. От леса подходят Берта и Антон.

АНТОН. Честь труду.

БЕРТА. Привет, Марс.

АНТОН. Вы тут побалакайте, я осмотрюсь. Блокнот есть, ручка... вот. (Уходит за дом.)

МАРС. По-хозяйски.

БЕРТА. Прости, такой и есть. Как можется?

МАРС. Через пень колоду, а в целом замечательно. Прямо, боцман, твой-то.

БЕРТА. Так мне здесь всегда плакать хочется. Мамка, дед Серёжа, прабабка Форофоновна. Детство голоштанное.

МАРС. Эротика.

БЕРТА. Да уж не порнуха.

МАРС. Чего он?

БЕРТА. Пусть его, захотелось осмотреть дом предков. Антошки здесь толком никогда не было, для него наша Копоть, навряде какой-нибудь Каир, только что без верблюдов. Меня как выдали за моего Знатнова в Чивилихино, так я здесь толком сама не бывала, чего про сына говорить. В пелёнках приносила показать.

МАРС. Рассказывала не раз. Колись, Берта, что происходит?

БЕРТА. Ничего, малец тешится, пусть его. А я к тебе пришла, пообщаться, парочку пузырей прихватила, «Перцовочка», между прочим, как ты любишь, с плавающими перчиками. Антоха увязался, хоть лопни.

МАРС. Мальцу тридцатник, небось, какие забавы в чужом доме?

БЕРТА. Ну, не чужой же.

МАРС. Я здесь живу.

БЕРТА. Да живи, кто не даёт. Ой, гля, кто там?

Из-за поворота выходят Модест и Фил, с сумками и Джоном на плечах, направляются к соседнему дому.

МАРС. Модест друзей, вроде, встречал.

БЕРТА. Третий-то напился, едва ноги волочит.

МАРС. Модест! Помочь чего!?

МОДЕСТ. Нет-нет! Сами!

МАРС. Ну, сами так сами.

Из-за дома выходит Антон, записывая в блокноте.

АНТОН. Чего кричим?

МАРС. Тебя не спросили.

БЕРТА. Сынок, всё?

АНТОН. Ну, я не калькулятор, сразу не скажу. Дома на машинке перепроверим. А так, да, дело выгодное.

МАРС. Какое?

АНТОН. Не сказала?

БЕРТА. Нечего говорить, не будет по-твоему.

АНТОН. Посчитаем, посмотрим.

МАРС. Мне что, из вас признание выбивать или сами?

АНТОН. Больно грозный.

МАРС. Не смотри, что я гнилой и кашляю, из таких салабонов я и во сто лет дух вышибать буду.

АНТОН. Надолго же ты тут собрался.

МОДЕСТ. Здравствуйте! Френды мои... друзья приехали в гости. Непривычные к деревне.

АНТОН. Mam, глянь, чё-то он совсем бледный аж позеленел.

ФИЛ. Добрый день.

БЕРТА. Я сейчас. А ну, положьте парня в траву, посмотрю.

АНТОН. Кислородное отравление — сто процентов.

МАРС. Ты мне зубы не заговаривай.

АНТОН. Не сердись, дядя Марс. Выходит, выгоднее разобрать дом, чем дрова покупать в этом году. Тут на пару лет хватит.

МАРС. Мой дом — на дрова!?

АНТОН. Дом не твой, не пыли. Ты здесь только проживаешь.

МАРС. Берта!

БЕРТА. Обожди, Марс! Говорить можешь?

ДЖОН. Нет.

БЕРТА. А сам говорит. А ну, глаза посмотрим. Что-то съел, может?

ФИЛ. Да его мама паковала, ничего со стороны, всё у него — своё.

БЕРТА. Мама — это всегда правильно. Патологии есть?

ФИЛ. Чего?

БЕРТА. Врождённый порок сердца, печень там, почки, другие органы? Есть?

ДЖОН. Есть.

БЕРТА. Не хватало. Что?

ДЖОН. Всё.

БЕРТА. Что всё-то?

ДЖОН. Органы.

БЕРТА. Какие?

ДЖОН. Всякие.

БЕРТА. Что всякие органы?

ДЖОН. Есть.

БЕРТА. Пульс, конечно, еле-еле. Здоровый, вроде, на вид, а такой тюфяк. Физкультуру делать надо. Да... Ну, что, дело не очень, ребятки. Отнесите на задний двор лучше всего, где тень, в траву положите. Постелить не забудьте. Водичкой попоивайте. А я сейчас мотнусь в село, за лекарствами. Приглядывайте за ним. Может, сама фельдшерница придёт. Антон, уходим, живо!

МОДЕСТ. Два часа туда-обратно, и то, если в темпе.

ФИЛ. Позвонить надо!

ДЖОН. Фил...

ФИЛ. Что?

ДЖОН. Сигнала нет.

ФИЛ. Какая задница!!!

БЕРТА. Я же зоотехник, не медик, что могу.

АНТОН. За задницу можно и схлопотать по жопе, понял, фраерок? Глухомань — да, чем и гордимся, подальше от вашего мира живём, по-человечески. Свежим воздухом дышим, а не травимся.

БЕРТА. Замолчи уже. По-хорошему, дружка надо в село.

МОДЕСТ. Транспорта нет, а на руках...

АНТОН. Гля, мам, они от одной только мысли позеленели! Городские пижоны.

МАРС. Берта! Что с домом!?

МОДЕСТ. Фил, уносим.

БЕРТА. Забудь, Марс, не думай.

ФИЛ. Джон умрёт!?

БЕРТА. Да нет, не должен.

ДЖОН. Я сам пойду.

АНТОН. Молодца тебе за это.

БЕРТА. Родной дом не отдам, на мне записан.

АНТОН. Да бросьте вы сумки, придурки.

МОДЕСТ. Точно. Фил, помогаем идти, помогаем.

Джон, Модест и Фил уходят за дом.

АНТОН. Модест, я лучше Линку пришлю, и толку больше, чем от медицины, и быстрее будет.

БЕРТА. Живи, Марс, спокойно. Загляну на днях, пообщаемся. Тут с парнем не очень, а ты слушаешь моего засранца. Антон, кому я сказала, марш отсюда! Только людей изводит, что за выродок, марш за мной, марш! (Уходит в лес.)

АНТОН. Всё равно по моему будет, дядя Марс. Не обижайся, жизнь такая, расчётливая. Бывай. (Уходит в лес.)

МАРС. Врёшь... Полундра! Вот порода... Врёшь, не возьмёшь. Врёшь.

СЕНОВАЛ. По лестнице выбираютя Лина и Джон.

ЛИНА. Осторожнее, стой здесь, сейчас расстелю обоим.

ДЖОН. Я с тобой спать не стану!

ЛИНА. Да раздельно, раздельно стелю. И прекрати уже орать, надоело.

ДЖОН. Извини.

ЛИНА. Одеяло и — всё, на простыни не надейся. Видишь хоть что-то?

ДЖОН. Почти.

ЛИНА. Дай руку, иди сюда. Здесь ляжешь, я — там. Постарайся успокоиться. Сам себя уговаривай, как если бы дома был, детёнышем, и мама тебя успокаивает. Понимаешь?

ДЖОН. Аутотренинг. Не дурак. (Укладывается.)

ЛИНА. Не дурак, не дурак. (Укладывается.) Если что, кликни, поговорим.

ДЖОН. Кликнуть?

ЛИНА. Ну, по-вашему, позвать.

ДЖОН. Надо же. По-компьютерному кликнуть — это нажать клавишу мышки...

ЛИНА. Знаю. По-простому, на сеновале тоже можно нажать на мышку, если поймаешь.

ДЖОН. Не понял?

ЛИНА. Мышка — это животное такое.

ДЖОН. А. Видел на картинке. Где!? Здесь!?

ЛИНА. Да не кричи ты, ещё подумают, что я тебя насилую. Живые мыши не кусаются, а крыс у нас нет, они все в город перебрались, за вами. Всё, замолчали оба. Стараемся успокоиться и заснуть.

ДЖОН. Извини меня...

ЛИНА. За что?

ДЖОН. Закатил истерику.

ЛИНА. Хорошо, выкричался, выплеснул псих, хорошо.

ДЖОН. Мне так стыдно.

ЛИНА. Заткнись.

ДЖОН. Ага. Здесь кто-то есть!

ЛИНА. Только мы.

ДЖОН. Я слышу шорох!

ЛИНА. Не бойся.

ДЖОН. Меня колотит.

ЛИНА. Ладно, иди ко мне.

ДЖОН. Зачем?

ЛИНА. Обниму, легче тебе станет.

ДЖОН. Нет-нет, спасибо.

ЛИНА. Пожалуйста.

ДЖОН. Я не могу сдвинуться.

ЛИНА. Ладно, сама приду. (Перебирается к Джону.) Иди ко мне.

ДЖОН. Куда?

ЛИНА. Так, ясно. Голову — сюда, руку — сюда, ногу лучше сюда. Удобно?

ДЖОН. Да. Мне что-то делать надо теперь?

ЛИНА. А ты можешь что-то сделать?

ДЖОН. Нет.

ЛИНА. А хочешь?

ДЖОН. Нет-нет! В другой раз, если можно, ладно?

ЛИНА. Как скажешь.

ДЖОН. Я так устал, так устал...

ЛИНА. Спи.

ДЖОН. Сейчас... сейчас.

ЛИНА. Спи-спи... спи. Самоуверенный болван. Потом уговаривать же будет, жалеть, что уснул... Эх, пацаны-пацаны... Телята. Сидели бы по домам, за мамами с папами... Спим.

ДВОР. За околицей, из-за поворота выходит Нел, пробираясь через грязь и колдобины.

НЕЛ. Ужас! Не проехать, не пройти. Почему я не летаю. Мадик, возьми меня на ручки... Все ноги переломать же можно. Модест! Боже, как здесь люди ходят... Мадище, ты где! Я приехала, встречай люблю! Модест! Мадулик... Мад!

Из дому выходит Фил.

ФИЛ. С приездом, Нел!

НЕЛ. Фил?

ФИЛ. Узнала. Ты же здесь бывала, Модест говорил, располагайся, он на работе, скоро будет. Когда обратно?

НЕЛ. Привет. Помятый такой. Какая работа, сегодня суббота, и вообще мы уезжаем. Пьянствовали или гудели?

ФИЛ. Ура, уезжаем. Надеюсь, нас, с Джоном, увезёте?

НЕЛ. Перегара нет...

ФИЛ. Жизнь помяла.

НЕЛ. С девицами?

ФИЛ. Я тебя умоляю.

НЕЛ. В моём вездохе места хватит.

Из-за дома выходит Джон.

ДЖОН. Лина?

ФИЛ. Протри глаза, это же Нел.

НЕЛ. Лина? Лина-Лина-Лина...

ДЖОН. Нел! Ты на машине?

ФИЛ. Да-да.

ДЖОН. Забери меня отсюда, ангел!

НЕЛ. А, это дочка знахарки, что ли?

ФИЛ. Джона в чувство приводила.

ДЖОН. Нел, увезёшь?

НЕЛ. В чувство?

ДЖОН. Увезёшь!?

ФИЛ. Увезёт-увезёт.

ДЖОН. Ура!!! Ура...

НЕЛ. Кракозябра привет передавала, скучает.

ФИЛ. Нел, никаких таких всяких разных чувств и отношений, о которых ты подумала, и близко не было. Джон плохо себя чувствовал. Кракозябра — это твоя новенькая френдесса, с котиками?

ДЖОН. Кракозяблочка...

ФИЛ. Сексуальная.

НЕЛ. Сексапильная, профан. О сексуальности можно говорить только после секса, да и то не виртуального.

ФИЛ. Джон, вы встречались наяву?

ДЖОН. Ну, что ты, рано, ещё не время, надо выждать.

Из-за поворота выходит Модест, в рабочей спецовке.

МОДЕСТ (на ходу, издалека). Нел! Нел, я увидел твой джип и побежал! Бегу, бегу, а ты как притопила по полю...

ДЖОН. Надо вещи собрать.

ФИЛ. Как спалось?

ДЖОН. Не знаю, как-то.

ФИЛ. Сеновал сильно кололся.

ДЖОН. Сеновал? Что это. Не помню и вспоминать не хочу. Меня здесь вообще не было. Никогда! (Уходит в дом.)

ФИЛ. Когда едем, Нел?

НЕЛ. Покушаем, в баню ходим и — домой.

ФИЛ. Вы с Модестом ходите в баню?

НЕЛ. Фил, не будь занудой. А главное, не суй свой нос. Твоя очередь ещё не подошла.

ФИЛ. Ёлки-моталки, я поставлен в очередь?

НЕЛ. Разве я не сообщала? Ты — второй. Сразу за Мадиком. Есть возражения?

ФИЛ. Никаких. Есть вопрос: за мной кто-нибудь стоит?

НЕЛ. Стоит-стоит.

ФИЛ. Джон?

НЕЛ. Нет, не хилает, он в другой очереди, не ко мне.

ФИЛ. Ты всерьёз?

НЕЛ. Абсолютно. Ты мне нравишься, а Модест очень нравится. И он был первым.

ФИЛ. Во всех смыслах?

НЕЛ. Тайны моих смыслов надо заслужить.

ФИЛ. Должен же я знать, за чем очередь.

НЕЛ. За кем. Радуйся и надейся, можешь даже верить.

ФИЛ. Он знает?

НЕЛ. Конечно.

МОДЕСТ. Об очереди к тебе, моя Нел?

НЕЛ. Ну, да.

МОДЕСТ. Маленькая ты ещё. Дай, поцелую.

НЕЛ. На, мой великан.

ФИЛ. Модест, да здравствует автомобильная промышленность, мы возвращаемся по домам. Я тоже вещи соберу. Мы, с Джоном, в доме, если что. (Уходит в дом.)

МОДЕСТ. Радость моя, солнышко. Яркая такая, как попугайчик на сером фоне стены в зоомагазине.

НЕЛ. А, Марс топит баню, судя по дыму! Обожаю. Почему ты в робе? Ты должен пчёлкой кружить по-хозяйству, в ожидании своей единственной. Хоть вещи собрал? Созванивалась с твоими, просили настоятельно, чтобы ты сегодня же вернулся домой.

МОДЕСТ. Мой дом здесь. И тебе здесь нравится, правда же!

НЕЛ. Мне везде хорошо, где ты. Но в Висбадене мне нравится больше, даже без тебя. Согласись, Бавария удобнее Копоти. Папа сказал, что, возможно, подарит нам на свадьбу домик в Альпах. А, как я хочу замуж!

МОДЕСТ. Я оформился на постоянную работу.

НЕЛ. С ума сошёл, тебя ждёт Рейнско-Вестфальский технический университет Ахена!

ФИЛ (из окна). Ничего себе!

ДЖОН (из окна). Модест, ты же намеревался в Мюнхенский?

НЕЛ. Они подслушивают и подглядывают, завистники.

ФИЛ. Больше в Копоти нет ничего занимательного.

ДЖОН. Есть! Джип Нел, нам — туда.

ФИЛ. Аминь. Но баню я не пропущу ни за что. Ни разу не мылся!

ДЖОН. Джип, только джип, и — ванна.

НЕЛ. Ну их. Что за работа? Удалённая, конечно?

МОДЕСТ. В МТС.

НЕЛ. Как мелко, Мадя, даже не думай.

ФИЛ. Мобильники будешь продавать? Не получится из тебя торгаш, физиономия не та.

ДЖОН. Точно, за прилавком должен быть хитрован с оплывшей физией бесстыжего неуча.

МОДЕСТ. МТС — это машинно-тракторная станция. И ничего смешного.

НЕЛ. Прекрати, Мадище, хорош хохмить.

МОДЕСТ. Это не хохма и не блажь. Это моё решение. Мужское.

НЕЛ. Стоит мне позвонить твоей маме и она тебя отсюда одним махом выметет. Причём, завтра же. Да и сегодня ещё успеет. Всё, балаган закрывается. Мужчины, блин, идите, погуляйте отсюда на фиг, куда-нибудь подальше, влюблённые давно не виделись. Ферштейн? Я кушать хочу!

МОДЕСТ. Здесь взрослые люди, Лена, не смей нами командовать.

НЕЛ. А то что?

МОДЕСТ. Я сказал: остерегись.

НЕЛ. Слов-то каких нахватался: остерегись... блажь... Свихнулся на деревне. Ничего, мы с твоей мамой тебя вылечим. Она ещё твоего брата подключит. Ты вообще в курсе, что ваш дом выставлен на продажу? Мне френды вчера ссылку сбросили, гляжу — точно.

МОДЕСТ. Да ладно!

НЕЛ. О чём это говорит? О том, что пошатнулось благосостояние твоей семьи. Так что, не выпендривайся, а-то и я тебя пошатну. Ты знаешь, мне нищеврод не нужен, хоть трижды любимый. Нет, конечно, ты мой самый главный мужчина в жизни, после папочки, конечно, и мы вместе всё преодолеем. Я ради нас пойду на горести и тревоги. Но ради нас, а не ради тебя. Наша семья — это не по-твоему, а по-нашему. По обоюдному. Мне твой Копоть на фиг не сдалась, и тебе тоже. Просто перестань блажить. Современная жизнь — в мегаполисе, а в деревне — прозябание. Только в городе возможно правильное общество, необходимые люди, реальный успех.

МОДЕСТ. Общаться ради успеха перед теми, с кем общаешься ради успеха? Ты слышишь, что говоришь? При чём здесь Копоть и вообще деревня? Речь о человеческой жизни, а не бесконечном представлении на подмостках.

НЕЛ. Всё! Хватит! Я устала слушать, ещё больше устала говорить! Фил, Джон!

ДЖОН. Что?

ФИЛ. Я знаю, где нас ждут. Джон, за мной. (Уходит в дом, с Джоном.)

НЕЛ. Не парься, еду я прихватила, всё, что ты любишь. Сначала перекусим, ладно? На улице или в доме?

МОДЕСТ. Руки хотя бы помыть.

НЕЛ. Любимый, я так соскучилась по тебе! Да, Копоть мне по душе, но нам отсюда судьба уехать. Прощайся с малой родиной, больше ты сюда не сможешь приехать даже летом. Кушать будем в доме.

Из дому выходят Фил и Джон, с рюкзаками.

ФИЛ. Мы — к Марсу, на живого петуха с курами смотреть.

НЕЛ. Мадуля, я жду. (Уходит в дом.)

ДЖОН. Куры-то хоть не мёртвые?

ФИЛ. Здесь всё живое, Джон, если по чесноку.

ДЖОН. Кроме деревни. Деревня мертва без людей.

МОДЕСТ (у рукомойника). Здесь живут люди. Мы, с Марсом. А вы чего с рюкзаками?

ДЖОН. Чтоб в любое мгновение уйти отсюда.

МОДЕСТ. Чудаки, здесь сказочно.

ФИЛ. Люди для природы роли не играют, если приспичит, она нас одним махом стерёт с лица планеты...

ДЖОН. Строго говоря: сотрёт.

ФИЛ. Что?

ДЖОН. Сотрёт, а не стерёт, грамотей.

ФИЛ. Всё, нас, с этим умником, уже здесь нет, мы — в зоопарке. Или строго говоря: на деревенском подворье. (Идёт с Джоном во двор Марса.)

МОДЕСТ. Кстати, ребята, я реально остаюсь здесь. Жить, работать. Потом пообщаемся. (Уходит в дом.)

ДЖОН. Стоп. Голова кружится.

Из-за поворота выходит Джулия.

ФИЛ. Модест свихнулся.

ДЖОН. Плевать. Я здесь посижу, больше ни шагу.

ФИЛ. На сырой земле не сиди, вон пенёк. Возможно, он и механизатор по призванию, но прежде всего — цивилизованный вундеркинд.

ДЖОН. Нел вправит мозги.

ФИЛ. Классная девчонка, просто закачаешься. Я у неё, оказывается, второй парень после Модеста. Или уже первый? Неужели Модест по-взрослому? Не верю. Нел очередь из претендентов организовала! Представляешь? Непостижимая дамочка подрастает...

ДЖОН. Неприлично, конечно, но, строго говоря: разумно.

ФИЛ. Как сам?

ДЖОН. Сидя, нормально.

ФИЛ. Ну, и сиди. Тогда я пошёл. Хозяин! Можно в гости? Вы сами разрешили, дядя Марс! Тук-тук-тук... Ау! (Уходит в дом Марса.)

ДЖОН. Тяжко как... невыносимо.

ДЖУЛИЯ. Привет.

ДЖОН. Опять ты... отстань.

ДЖУЛИЯ. Ты кто?

ДЖОН. Наелась своего дурману? Ой. Я думал, вы — Лина, только раздетая.

ДЖУЛИЯ. Я — к Модесту, в МТС сказали, он домой пошёл.

ДЖОН. Дома.

ДЖУЛИЯ. Я не раздетая, я нарядная.

ДЖОН. Он не один.

ДЖУЛИЯ. Да в курсе, что у него друзья. Как звать?

ДЖОН. Джон.

ДЖУЛИЯ. А по-человечески? По нашему?

ДЖОН. Джон — Гаджет.

ДЖУЛИЯ. Спросим иначе: по паспорту как имя твоё?

ДЖОН. Иван. К нему невеста приехала.

ДЖУЛИЯ. Вот чёрт. Врёшь. На чём?

ДЖОН. На джипе.

ДЖУЛИЯ. А я напрямки пошла. Ясно. Линка — моя сестра.

ДЖОН. Ясно. Младшая.

ДЖУЛИЯ. Заметно, что ли?

ДЖОН. Конечно.

ДЖУЛИЯ. Ну, тогда пошёл ты в пень, Джон. Гад же ты.

ДЖОН. Гаджет. Это прибор такой...

ДЖУЛИЯ. Я и говорю: гад же ты, Гаджет. Думаешь, в глухомани живём, компьютеров не нюхали.

ДЖОН. А чё психовать тогда?

ДЖУЛИЯ. Болван.

ДЖОН. Понял, виноват. Строго говоря, вы правы, я вашу сестру толком не разглядел, то в глазах темно, то на улице.

ДЖУЛИЯ. Меня Джулия зовут. Передашь, что приходила?

ДЖОН. Да, да. Юля?

ДЖУЛИЯ. Джулия! Заруби себе на переносице: Джулия. Только, чтобы его краля не слышала, ага?

Со двора входит Марс.

МАРС. Привет, молодёжь.

ДЖУЛИЯ. Здорово, дядя Марс.

МАРС. С нами — в баньку, Жулька?

ДЖУЛИЯ. Свою нечем занять, за вашу ещё беспокоиться. Я тебе не собачка, понял? И никому. Нашёл Жульку, ещё скажи Джульбарс. Пойду, не-то всех тут покусаю или загрызу. Прогуляться решила. Линка из лесу не выходила? Да, она могла и через болото в село махануть. И собирает свои травы, и собирает, зелья всякие варит и варит, вроде людям на здоровье, а сама комаров с пиявками своей кровью кормит. Дура. Паспорт получила, сразу школу бросила. Мне, говорит, знания нужны, а не болтовня. Вообще ненормальная. А у меня аттестат зрелости в комодке лежит. Я в любую секунду, в любой город подорвать могу. Весь мир мой, если захочу. Товар-то у всех баб — один и тот же, формы только разные. А продать надо. За хорошую цену. Да хоть всучить, лишь бы устроиться в комфорте. Не для того наряжаемся, чтобы раздеться, а для того, чтобы представиться, мол, вот она, природа моя, скрывать нечего, всё как на ладони. Только где она, та ладонь. Что, не так, что ли, дядя Марс? Не все же, как ты, от людей бегают. Наоборот, стараются прибиться друг к другу, скучиться. Может, ты беглый преступник. Или просто злодей. Ну, ты-то нет, по тебе видно, что мужик. Был когда-то. Жаль, что старик, я тебя вернула бы в общественную жизнь, подперла бы. Сил у меня о-го-го. И подопру, будьте покойны. Так подопру, что всё село попадает от зависти, когда сюда принц на белом коне явится, а на его шее — я. А у Линки впереди одни болота. И п позади, и вокруг. Не выбраться без корочки об образования. Документов не хватит на городское царство жизни. Выйдет замуж за какого-нибудь лешего. Или землероба немытого, с заскорузлыми пальцами, с грязью под ногтями и вонью из-под мышек. Так про что это я... Лёгкого пара, мальчики. (Уходит из деревни.)

МАРС. Пьяненькая Юлька. Для храбрости. Джулия она, видите ли. Как и ты — Джон Как и твой друг, небось, не Фил. А?

ДЖОН. Не знаю. Человек вправе выбрать себе интернациональное имя, чтобы всем было ясно, с кем имеют дело.

МАРС. Скажи: Иван, и весь мир сразу сообразит, с кем имеет дело.

ДЖОН. Вот и я о том же.

МАРС. Какой колючий малыш. Твои родители ёжики? Или помесь гадюки с колючей проволокой?

ДЖОН. Я отказываюсь разговаривать в данном тоне.

МАРС. А вот Модест — точно имя по паспорту. Мамаша у него любительница экзотика. Уж я знаю. Старшего назвала Ричардом. В про-

сторечии: Рик. А себя переименовала в Лионеллу. Всё детство была Лилька, по прозвищу Лилёка, а выбилась в миллионерши: Лионелла. Детский сад, а не народ. Пяткой в грудь колотят, мы самые патриотичные патриоты среди прочих патриотов, а имена берут зарубежные и при первой же возможности: шмыг — в загранку, и ну, крокодилы слёзы лить, мол, ностальгия замучила... А чего тосковать по Родине, приезжай да живи. Правда, сначала надо прибрать за собой, беглецами. Потом построить дом, огород вскопать, да хоть и сад разбить. Ну, и родить по-человечески, для кого дом в саду с огородом обустроен. Ой, ладно! Хватит тут меня провоцировать. Я человек одинокий, мыслей много, и ни одной из них коллективной не отыщешь. В стаи сбиваются собаки, чтоб выжить, а человеку, чтоб жить по-человечески, нужно одиночество. С семьёй. Модест с девчонкой своей?

ДЖОН. Кушают.

МАРС. А то. Друг друга. Соскучились по обмену жизненной энергией.

ДЖОН. Семейное одиночество? Интересная идея. Но у вас-то ведь тоже имечко, скажем так, не местное...

МАРС. Ха-ха! Марс — это коллективная забава давать друг другу клички. Фамилия моя Марсов, вот и получился Марс. А звать меня Лёха. Алексей Алексеевич. Моего папашу называли Лёш Лёшич. Просто Марс короче. Кличка.

ДЖОН. И как мне теперь к вам обращаться?

МАРС. Марс. Просто Марс.

ДЖОН. Марс — имя одного из римских богов.

МАРС. Разрешите представиться: бог, просто бог. С кем имею честь?

ДЖОН. Джон Гаджет.

МАРС. По имени Ваня.

ДЖОН. Пожалуйста, хватит.

МАРС. Амба так амба. Жулька прогуляться вышла, туда-обратно десять километров. Про неё сказано: бешеной собаке семь вёрст не крюк. И нарядилась, как на танцы. А, да, сегодня в клубе как раз у них тряски. Обломилась, красавица. Чего у Линки только нет, всё при ней, кроме женского счастья. Много их таких здесь. И в городе полно, только там все по каютам жмутся, а у нас всё — на виду. Что за народ, живут в раю, солнце светит, Бог любит, цветы, плодись и радуйся. Эдем! Нет, им в ад хочется, там сатана развесил разноцветные лампочки, иллюминации с фейерверками. И все знают, что это так, но больно уж лампочки разноцветные нравятся.

ДЖОН. Тоже мне — Эдем.

МАРС. Что ты понимаешь в колбасных обрезках, цуцик. В Эдеме тоже пахать надо, работать. Ой, да что с вами говорить, молодёжь.

ДЖОН. Фил где?

МАРС. Завис как интернет. Ладно — куры с петухом, у меня ж там ещё утки. И то ничего бы, но как вывалились из сарая мои индюки! Всё, парня не стало. И ведь, что, зараза, интересно, ни гуси вашего Фила не кусают, ни индюк! Модесту при первой же встрече ноги общипали.

ДЖОН. Если проанализировать все профили Фила, то можно прийти к однозначному выводу: строго говоря, Фил — зоолог. Сам того не подозревая. Я бы даже сказал, что он — зоофил. Но в буквальном смысле этого слова, а не в психиатрическом, имеющем ввиду сексуальное извращение.

МАРС. Чего-чего! Правильно я понял, что любовью к животным назвали скотоложество?

ДЖОН. Да.

МАРС. В наше время таких, как Фил, называли юннатами. Юные натуралисты.

ДЖОН. Ладно, Джон — юный, а если натуралист в возрасте?

МАРС. Умники! Ну, что за времена настали, что за люди пошли, всё заврали, всё испоганили. И ведь нарочно же, чтобы сознание человеческое извратить. Неуважение к слову — это же неуважение к человеку. В Библии словом зовут самого Господа Бога, а слово не ценят. Я лично в Бога не верю, но какая-то справедливая уважительность должна же быть. В моё время тоже хватало дряни, но хрен с редькой не путали. Между людьми тоже придумали: всякую случку называть любовью! С ума попадали? Животный инстинкт называть самым замечательным в жизни чувством. По-вашему получается, что те же верующие, если любят Бога, то хотят его в постель затащить, что ли?

ДЖОН. Так принято считать, все и называют.

МАРС. Не все! Много грязи принято, много, вместо чистоты. Ладно, чёрт с вами, люди, живите себе, как хотите, мне, слава богу, не долго ждать того света. Может, хоть там не будет этой вашей мерзопакости.

ДЖОН. Не по-нашему, по-научному. Строго говоря, так и есть. Верующие же спят с нательными крестиками, с амулетами. Можно сказать, что да, тащат в постель.

МАРС. Ха! У ты какой... зануда, схватил за язык.

ДЖОН. Сами же призываете к объективизму.

МАРС. Молодца. Уважаю. Страшно подумать, что будет, когда вечером я пригону козу. А тут Фил.

ДЖОН. А когда у коз течка?

МАРС. Зимой.

ДЖОН. Радуйтесь. Главное, без последствий.

МАРС. Точно, а-то понарожались бы козофили. Говоришь, Фил сам не знает, что любит животных? Так разве бывает?

ДЖОН. Бывает, даже слишком часто. Наше детство принадлежит взрослым, они решают, что мы хотим, что нам нужно, что мы любим.

МАРС. Как-то ты неодобрительно отзываешься о воспитании.

ДЖОН. Нет, я максимально объективен. Стараюсь быть таковым. Строго говоря, учусь.

МАРС. Интересные вы ребята. Почему с рюкзаком?

ДЖОН. Мои личные вещи.

МАРС. Сменное бельё есть?

ДЖОН. Конечно, мама говорила, что положит.

ДЖОН. В жилу. Суббота идёт, а пар уходит. Ну, чего сидишь, пошли в баню.

ДЖОН. Я!?

МАРС. А что?

ДЖОН. Я не хочу.

МАРС. Почему?

ДЖОН. Ну, по многим причинам...

МАРС. И все они субъективны?

ДЖОН. Ну... как-то так, да.

МАРС. Предпочитаешь жить грязным, потным, вонючим?

ДЖОН. Это не так. Скоро домой.

МАРС. А я тебе сейчас приведу одну чрезвычайно объективную причину, которая сама собой приведёт тебя в баню. Если не пойдёшь своими ногами, вырублю одним ударом и отнесу на руках.

ДЖОН. Вы не смеете!

МАРС. Поверь старому моряку и шахтёру в запасе, будет так, как я сказал. Шагом марш, Джон.

ДЖОН. Не пойду!

МАРС. Считаю до пяти.

ДЖОН. У меня голова кружится...

МАРС. Три... два...

ДЖОН. Да иду я, иду.

МАРС. Давай, поддержи, болезный.

ДЖОН. Я сам...

МАРС. Тебя ветром качает.

ДЖОН. Диктатура. Произвол. Так нечестно.

МАРС. Я здесь взрослый, мне решать. (Уходит с Джоном во двор.)

ПРЕДБАННИК. Марс с улицы подталкивает Джона и Филадельфию — входят.

МАРС. Марш-марш...

ДЖОН. Да хватит уже, всё тело, наверное, в синяках.

ФИЛ. Вот-вот, и в ссадинах. Изранены мы с тобой, френд, нам бы в госпиталь, под присмотр врачей и медсестричек...

МАРС. Дверь запирается, чтобы не сбежали. Раздеваемся.

ДЖОН. Я не стану.

МАРС. Раздеваться, я сказал.

ФИЛ. А я лучше разденусь, не хочу в реанимацию. (Снимает одежду.)

МАРС. Шайки там есть. Венчики мочатся.

ДЖОН. Шайки?

МАРС. Тазики для помывки.

ФИЛ. Или для помойки. Как правильно?

ДЖОН. Ещё один филолог!

МАРС. Снимай свою потную одежду и не фырчи.

ФИЛ. А кто первый?

ДЖОН. Вон он, деспот и тиран. (Снимает рубаху.)

МАРС. Не беси меня, салага. Снимай портки!

ФИЛ. Опять я второй. (В трусах.) Куда идти?

ДЖОН. Портки?

МАРС. Штаны.

ДЖОН. Не буду.

МАРС (схватив рукой за шею Джона). Шею сломаю.

ДЖОН. Всё-всё! (Снимает штаны.) Палач!

МАРС. В армию бы вас. А лучше к нам, на флот. Поговорили бы. Снимаем трусы.

ФИЛ и ДЖОН (хором). Нет! Ни за что! Это насилие!

МАРС. У меня две руки, обоих поломаю, одновременно.

ФИЛ и ДЖОН (хором). Ужас. (Снимают трусы.)

МАРС. Нижнее бельё можно не складывать, стираемся. Вот так. Отлично. Зрелищно. Богатыри цивилизации. А чего руки сложили не там, где надо?

ФИЛ. Не понято...

МАРС. Девчонки оберегают передницу, а настоящий мужик должен оберегать задницу. Слушаем правила поведения в помывочной зале. Заходим, разбираем шайки, моемся. Помывка тела производится снизу вверх. Сначала драим колокола, потом маковки. Парилка — отдельно. Я всё покажу и объясню. Шаг в сторону — побег и расстрел на месте. Разговоры исключительно про пьянку, работу и футбол. Допускаются другие виды спорта. Про женщин — ни слова.

ФИЛ. Почему?

МАРС. Техника безопасности.

ДЖОН. Не понял.

ФИЛ. Я врубился, после бани объясню.

МАРС. Не рассуждать или зажарю в печи. Салаги, слушай мою команду. Открой дверь, кто ближе. Вот так. В залу, правое плечо вперёд, шагом марш. Бестолочи... (Уходит, подталкивая ребят, в баню.)

ДВОР. Модест накрывает на стол обед. Входят Фил и Джон.

МОДЕСТ. А, намылишь, горожане, теперь-то уж охота жить или хотя бы кушать.

ДЖОН. В городе.

ФИЛ. А я так долго ждать не стану, готов к еде и к питью в полном объёме.

МОДЕСТ. Прошу к столу.

ДЖОН. Баня, строго говоря, вещь серьёзная, жёсткая, но к жизни возвращает.

ФИЛ. Марс сказал, что через полчаса баня будет готова, можете приходиться.

МОДЕСТ. Рюкзаки теперь части ваших туловищ? Бросьте куда-то, потом занесёте. Ешьте без меня, я — уже, пойду к Марсу, помогу.

ДЖОН. Когда выезжаем?

МОДЕСТ. Если утренней электричкой, то подъём в четыре утра, но уже во вторник. Потому что в МТС завтра выходной, а мне транспорт взять больше неоткуда. В понедельник закажу трактор или что-нибудь. Если вечерней электричкой, постараюсь организовать в понедельник. Но для этого всё равно придётся вставать рано, вместе со мной идти на работу и там ждать оказии. Попутки бывают чрезвычайно редко. Зато в селе частенько ловит интернет, не соскучитесь. Столовая в хозяйстве сказочная, тётя Фрося готовит на печи.

ФИЛ. Отлично, заодно на живность поглазею. Ты мне, помнишь, свиней живых обещал показать.

ДЖОН. Где джип!

МОДЕСТ. И овец увидишь, и коров. И кого там только нет. И лошадей. Нел уехала.

ФИЛ. Я так и знал, что поругаетесь. При встрече передай ей, пожалуйста, чтобы вычеркнула меня из списка очереди. Никакие богатые папочки лично меня не соблазнят на такую скандальную жизнь, как у вас. И ведь это она ещё даже не жена, да и не женщина в полном смысле. Младше нас ведь?

МОДЕСТ. На год.

ФИЛ. О, совсем малявка.

ДЖОН. Что! Что вы творите? Как она посмела уехать без меня!

ФИЛ. Началось...

ДЖОН. Что началось, что! Элементарная вежливость должна быть? Я же настроился, мысленно уже ехал, дома был... в интернете. Никакая психика таких пыток, как здесь, не выдержит. Я не могу здесь оставаться. И не хочу, да, не желаю. За что вы меня сюда? Что я вам сделал? Я требую!

МОДЕСТ. Что?

ДЖОН. То.

МОДЕСТ. Например?

ДЖОН. Немедленно вернуть меня домой!

МОДЕСТ. Каким образом?

ДЖОН. Не знаю, ты здесь главный, хозяин — ты, вот и придумай.

МОДЕСТ. А не пошёл бы ты? Щенок. Достал. Сопляк. Распустил нюни. В обмороки падает. Тебя сюда затаскивали? Заманивали хотя бы? Я тупо запостил рассказ о моей родной Копоти. Ты, сидя у мамочки под мышкой, у папочки за пазухой, пискнул: хочу. Между школой и вузом захотелось единения с природой. Типа, последнее лето детства. Ну, пискнул и — ладно, забыли, так ведь нет, поехал. Да ещё на электричке. Баран тупоголовый. Я же честно написал, что здесь жизнь не сахар, а за сахаром здесь ездят на личном транспорте. Так, Фил? Так!?

ФИЛ. Так. Только я не Нел, нечего на меня наезжать, могу и отмахнуться.

МОДЕСТ. Давай, махальщик, ну? Хотя бы попробуй. Вставай из-за стола и взмахни тут своими цивилизованными крылышками! Авось взлетишь и усвистаешь отсель. Только не забудь прихватить с собой этого писклю. Ну, что, желаешь испробовать пролетарского кулака? Правильно, даже не дёргайся, я — механизатор, такие железки каждый день тягаю, что вам, соплячникам, вдесятером не поднять.

ФИЛ. Прекрати.

МОДЕСТ. Согласен. Перегнул палку. Считаю, сломал. Что лучше, чем отходить ею ваши заплывшие жиром туловища. Виноват. Прошу прощения. Я всё объяснил насчёт того, как отсюда уехать. Если желаете, скатертью дорога. До села — пять км, плюс девять до железнодорожной насыпи с минутной остановки электрички, которая бывает дважды в день, расписание у вас есть. Покушайте и можете выдвигаться. Меньше народу, больше кислороду, которого вам много, а мне мало. Это для вас — последнее лето детства, а для меня — первое лето самостоятельности. Мужества, если угодно. Не в смысле отваги, а в смысле становления мужчины. Всё, мой спич кончен, я — в баню. (Уходит во двор Марса.)

ФИЛ. Лицо ему набить надо было. Неловко, хозяин всё-таки. А словечки-то какие, выражения, блин, нахватался. Деревня! Все виноваты, кроме него.

ДЖОН. Строго говоря, Модест прав.

ФИЛ. В чём это!

ДЖОН. Да во всём. Сами навязались, сели на шею настоящему мужчине, да ещё капризы устраиваем. Модест прав.

ФИЛ. А я бы его отфрендил, не задумываясь. Забил бы даже.

ДЖОН. Не в Сети, не кликнешь. Вот это и есть реальная жизнь. Глаза в глаза, лицом к лицу. Как надо. А не как нам в городе понапридумывали. Нас сюда никто не звал.

ФИЛ. Ты, может быть, тоже решил порвать Сеть и вырваться на свободу, в Копоть?

ДЖОН. Нет. Кишка тонка. Пискля и сопляк.

ФИЛ. Нельзя же так говорить о себе самом!

ДЖОН. А если о ком-то, тогда можно?

ФИЛ. Так принято.

ДЖОН. Я пойду. Не могу здесь оставаться. И совестно, и унизительно. Ты со мной?

ФИЛ. Джон, ты обалдел? Или не расслышал трафик отсюда?

ДЖОН. Будь, что будет. Ты выносливее меня, захочешь — догонишь. (Уходит со двора.)

ФИЛ. Джон! Джон Гаджет! Дурак сумасшедший! Да идите вы все, куда хотите, я хочу кушать. Вкусно. Питательно. Обворожительно. Одно сплошное здоровье. Вот как пронесёт с такой экологической пищей, будешь знать. Хватит жрать. Модест! Модест, Джон ушёл! Его надо догнать, вернуть. (Уходит во двор Марса.)

ОКОЛИЦА. Джон падает в траву. Из лесу выходит Лина. В сапогах, одетая для хождения по лесу, голова закутана в платок, через плечо — мешок, с травами и кореньями, объёмный, но лёгкий.

ЛИНА. Вань... Ваня. Джон, очнись!

ДЖОН. Лина...

ЛИНА. Посмотри на меня. В глаза. В глаза мне смотреть, сказала! Ничего, вроде. Чего развалился?

ДЖОН. Голова, что ли, закружилась или просто обессилел.

ЛИНА. Как нарочно, задержалась и не пошла через болото.

ДЖОН. Закутанная, одни глаза. Сколько ж в них света...

ЛИНА. Защита от кусачей заразы.

ДЖОН. Инопланетянка.

ЛИНА. С вещами, на выход?

ДЖОН. А я тебя сразу узнал, даже в скафандре.

ЛИНА. В скафандре! Точно, так и есть.

ДЖОН. Обними меня, как вчера, мне грустно!

ЛИНА. Иди ко мне, болезный. Малыш двухметровый. Колыбельную спеть?

ДЖОН. Ага. Только старинную, со слезой. Так плакать хочется!

ЛИНА. Молодца тебе за это. Честный. Чистый. Так и надо. Не даром мне понравился. Мужики зря выставляются, гонорами меряются, мужчины, мол, не плачут. Вот и мрут как мухи, раньше нас, плаксивых женщин. И остаёмся мы одни, безмужние, бесхозные. Колыбельная так колыбельная. Со слезой...

КРЫЛЬЦО дома Марса. Марс поливает грядки. В калитку входит Лина, с упаковкой.

ЛИНА. Привет от мамы.

МАРС. Гип-гип, ура! А я уж, было, забоялся, поставили на мне крест. Гляжу, кончаются лекарства...

ЛИНА. Здесь всех снадобий на месяц. В августе наказала тебе прийти.

МАРС. Как в поликлинике, раз в год профосмотр. Благодарю, благодарю, чрезвычайно и архимножественно благодарю! Ох, как подумаю, что опять очередь к ней отстаивать. Всё те же километры?

ЛИНА. Всё больше. В городе теперь даже неотложка, говорят, платная.

МАРС. Да иди ты!

ЛИНА. А толку чуть.

МАРС. Может, по-свойски, сможешь?

ЛИНА. Не наглей, дядя Марс. Лекарство — на дом, так ещё и без очереди? Не нравится, поезжай в город, где там твоя квартира пустует, и шагай в поликлинику. Пенсии подкопил за годы, что здесь живёшь, на таблетки, как раз, будет, на хирурга, на сиделку, на похороны. Да в поликлинику и ходить не надо, включи телевизор, смотри рекламу, там все их рецепты показывают. Пойду.

МАРС. Благодарность матери передай, не забудь. И тебе спасибо!

ЛИНА. На здоровье. А благодарить надо Бога, сам знаешь.

МАРС. У нас с ним нормальные отношения, ровные, договоримся. Небывальщины моряки любят.

ЛИНА. Опять ворчишь на веру? Дядя Марс, знаешь ведь, плохо станет.

МАРС. Знаю, проходили. Я и не сомневаюсь, что его нет. Есть твоя мама, знахарка от Бога, вот ей и благодарность.

ЛИНА. Что ты несёшь. Сам же говоришь: от Бога, значит, Бог есть.

МАРС. Да это просто так говорят, идиоматическое выражение. Что за жизнь, яйца курицу учат.

ЛИНА. А что было раньше: яйцо или курица? Кто кого должен учить?

МАРС. Линка, замолчи: уважай старость! Мало мне твоего Джона, вечно за язык хватает, достал уже за неделю, жду-не дождусь, когда уберутся уже восвоеси эти умники безмозглые.

ЛИНА. Чего моего-то.

МАРС. Ишь, освоились. Один из села не вылезает, чуть не поселился на скотном дворе, скоро родит, наверное, от какой-нибудь свиньи. Другой решил освоить мужской деревенский труд, страдает весь израненный на полях трудового фронта.

ЛИНА. Что в этот раз?

МАРС. Ножовкой палец на правой ноге пильнул.

ЛИНА. Что с пальцем?

МАРС. Пришивать не пришлось, послунявил оно и склеилось.

ЛИНА. На ноге-то ножовкой?

МАРС. Я тоже удивлялся, а Фил, как узнал, ржал, как жеребая кобыла. Представляешь, парень присутствовал при конских родах! Сумасшедший зоофил этот Фил.

ЛИНА. Всё, бывай, пошла.

МАРС. На сеновал собралась, дружка проведать? Ах, да, доктор побежал на медосмотр.

ЛИНА. Старик он, как же... Привезли сюда — да, на носилках, а через полгода пошёл по селу баб окучивать. Дом себе за мужскую ласку отхватил. Какие претензии донжуан на пенсии?

МАРС. Как бы не отобрали.

ЛИНА. Пенсию?

МАРС. Дом.

ЛИНА. А что такое?

МАРС. Да мутит воду сынок Берты.

ЛИНА. Антоха?

МАРС. Он. Нашла Антоху, он тебя лет на десять старше.

ЛИНА. Двенадцать.

МАРС. И Антоха?

ЛИНА. Пошла я.

МАРС. Никак не могу усвоить деревню, суропистый замес, уважают на ты, любят на вы, с детства к смерти готовятся и радуются ей, как празднику. Случаем, Антон не сватается к тебе?

ЛИНА. Случаем не живут, кусочничают. Будь здоров.

МАРС. Линк, он здесь. Джон, говорю, здесь, в доме. Спит ещё, всю ночь трудовые раны бередили, под утро уснул. У себя поселил. А что, всё равно целыми днями у меня пропадает. Мастер на все руки. В спальне, там его место. А мне твоя мать всё равно приказала спать на жёстком. Так что, я в комнате себе лежак давно соорудил, а переселиться не хотелось из мягкой кровати. А этот твой чертяка решил и эту проблему. Отличный человек может получиться. Только как вы решите проблему смычки города и деревни?

ЛИНА. Отстань, я сегодня живу, а не завтра. Можно пройти?

МАРС. Да на здоровье, лишь бы избушку мою не расшатали. Я — на двор, птице корму задать, да мало ли дел у мужика по хозяйству.

ЛИНА. Болтун. (Уходит в дом.)

МАРС. Когда под шестьдесят, только и остаётся, что болтать, главное, чтоб было с кем. Цып-цып-цып... (Уходит за дом.)

СПАЛЬНЯ в доме Марса. Джон спит в кровати, забинтованный, в садинах. Входит Лина.

ЛИНА. Эй, спящая царевна. Просыпайся, день проспийшь.

ДЖОН. Лина... Где я? А, вспомнил. Как ты меня нашла?

ЛИНА. Очередное ранение, рабочничек? А ну, покажи.

ДЖОН. Нет. Марс перевязал, всё нормально.

ЛИНА. Мне лучше знать, я — лекарь. Вставай.

ДЖОН. Уже.

ЛИНА. Чего?

ДЖОН. Мне неловко. Не понимаешь, что ли.

ЛИНА. Нет...

ДЖОН. Лекарь. Гормон счастья радости просит.

ЛИНА. Гормон...

ДЖОН. Как увидел тебя, так и поднялся навстречу.

ЛИНА. Да иди ты к чёрту со своими сказками, заумник, показывай, сказала, рану на ноге.

ДЖОН. Подожди минутку! Другую. Или вообще не жди.

В окне появляется Антон.

АНТОН. А, вот ты где. Выметайся оттуда и марш за мной. Правду люди говорили, а я не верил. На выход, говорю!

ДЖОН. Эй, ты кто!

АНТОН. Ко мне, я сказал, повторять не стану! Или мне войти?

ЛИНА. Выхожу.

АНТОН. Рот не разевай. Таракан. Раздавлю, не замечу.

ДЖОН. Лина, марш отсюда!

ЛИНА. Так я пошла?

ДЖОН. А он кто?

АНТОН. Кто-кто, Дед Пихто.

ЛИНА. Мой жених.

ДЖОН. Да ладно...

АНТОН. Потому и не трогаю, что не знал. Линка!

ЛИНА. Ваня?

ДЖОН. Я в растерянности...

ЛИНА. То есть, мне идти?

ДЖОН. Не знаю.

ЛИНА. Будь здоров. Антон, тронешь, травану. (Уходит.)

АНТОН. Между вами было?

ДЖОН. Что?

АНТОН. Что-что, Тесть Перепихто! Было, спрашиваю, нет?

ДЖОН. Я не могу обсуждать подобные личные вещи.

АНТОН. Я — не про вещи. Ничего не говори, не надо. Как же я вас презираю, шваль городская, всех. Плевать. Я люблю Линку, значит, уважаю, значит, доверяю.

ДЖОН. А она?

АНТОН. Ты что, ненормальный? Я с ней не шляюсь, я с ней женюсь. Какая разница, что жена себе думает, главное, чтоб муж любил.

ДЖОН. Я нормальный. Строго говоря, ваше утверждение в корне неверно.

АНТОН. Я сейчас в окно войду и твой корень выкорчую, и суд меня оправдает, потому что все права на Линку — у меня. И не вздумай появляться на селе, прибыю.

ДЖОН. Я не боюсь вас!

АНТОН. Дело хозяйское, я предупредил. Отдыхай... радуйся, гормон счастья. (Уходит.)

ДЖОН. Стой, Лина, стой! Подожди, я оденусь... Лина! В окно ближе. (Выбирается в окно, падает.) А! Больно!!!

Часть 2

ДВОР дома Марса. В калитку входит Рик, с костылём.

РИК. Хозяин, гостей принимаете? Дядя Марс!

В глубине двора, из-под окна, поднимается Джон.

ДЖОН. Марс птицу кормит.

РИК. А ты?

ДЖОН. А я не птица.

РИК. Я — Рик, брат Модеста.

ДЖОН. А, слышал. Ваня... то есть, Иван. В смысле, Джон.

РИК. Гаджет, который?

ДЖОН. Типа того, только в нерабочем состоянии.

Из-за дома выходит Марс.

МАРС. Слушаю вас?

РИК. Не узнаешь?

МАРС. Рик? Точно. Здорово. Изменился. Матёрый стал. А чего с клюкой?

РИК. Травма.

МАРС. Спортивная жизнь, понятно. До свадьбы заживёт.

ДЖОН. Пойду, мне надо. Ой, больно...

МАРС. А ты чего здесь делаешь?

ДЖОН. Через окно вышел, думал, короче.

МАРС. Конечности у тебя станут короче, если будешь ломать. Или я тебя укорочу, сверну башку, если по грядкам будешь шастать.

ДЖОН. Прости, случайно.

МАРС. Где Лина?

ДЖОН. Ушла. Всё, я побежал. (Уходит.)

МАРС. Побежал он, бегунок. Ковыляйка.

РИК. Модеста у тебя нет?

МАРС. Они, с Филом, с утра по грибы пошли. Должны уже быть. Сейчас приехал?

РИК. Да. С мамой.

МАРС. Зайдёшь? Суббота же, я уже баньку затопил.

РИК. Да я на дым-то и пошёл. Мама пошла прилечь с дороги.

МАРС. Как она?

РИК. По-разному. Приходи, сам увидишь. Ой, да она придёт, сама вспомнила про банный день — субботу.

МАРС. Замечательно, всех примем, всех обмоем. А сейчас накатим бражки? Скоротаем ожидание парилочки, потрем за жизнь.

РИК. С баней у меня — всё, алес капут. Врачи строго запретили. Сами сердце посадили, пока лечили, а бочку на меня катят, мол, спорт и здоровье — вещи несовместимые.

МАРС. Что-то произошло?

РИК. Сломали меня. Зажить зажило, и клюшка больше по привычке. И свадьба будет. А спортивная жизнь кончилась. Навсегда.

МАРС. А может, к нашей знахарке? Она чудеса творит.

РИК. Меня в Германии не смогли восстановить, а ты тут про наших знахарей байки травмишь.

МАРС. Зря отмахиваешься. Хотя дело хозяйское. Сочувствую от всего сердца.

РИК. Дело швах.

МАРС. Да, бражка тут не катит. Самогоночка — самый раз.

РИК. У тебя, помнится, настойка была, крыжовенная...

МАРС. И была, и есть. И ещё с десяток всяких-разных. Айда в дом. (Уходит.)

РИК. Айда. (Уходит.)

ГОРНИЦА в доме Модеста. Входят Модест и Фил, из лесу, с грибами.

МОДЕСТ. Мыть будем на заднем дворе.

ФИЛ. Всё, как вчера?

МОДЕСТ. Как положено. Так, а где я лыко положил...

ФИЛ. А чего в дом заходили?

МОДЕСТ. Тупо переодеться и прихватить плитку.

ФИЛ. С баллоном, что ли? Опасно...

МОДЕСТ. Фил, ты же взрослый парень, аттестат зрелость получил. Ну, что тут опасного? Переодевайся.

ФИЛ. Боюсь я этих газовых дел, с детства. По телевизору чуть не каждый день показывали взрывы бытового газа по всей стране.

МОДЕСТ. Не дрейфь, товарищ, всё равно умрём.

Из спальни выходит Лионелла.

ФИЛ. Здравсьте...

МОДЕСТ. Мама!?

ЛИОНЕЛЛА. Грузди. О, мыть лыком собрался? Прямо, реальная деревня.

ФИЛ. Так я предлагал шампунем, но ваш сын уверяет, что химия помогает только душевнобольным горожанам.

МОДЕСТ. Не ври, я сказал, что грузди лучше драть земляничным мылом, а у нас только хозяйственное.

ЛИОНЕЛЛА. Засаливать собрался. Запасы делаешь. Ни к чему, в маркете купишь.

МОДЕСТ. Началось...

ЛИОНЕЛЛА. Вздремнула полчаса, так хорошо. Юноша, кто вы?

МОДЕСТ. Юношу зовут Фил. Мою маму — Лилия Борисовна.

ФИЛ. Приятно.

ЛИОНЕЛЛА. Врёт, меня звать Лионелла. Бросай грибы, собирай вещи.

Входит Джон.

ДЖОН. Добрый день.

ЛИОНЕЛЛА. Лионелла.

ДЖОН. Джон.

ЛИОНЕЛЛА. Я приехала с Риком, на двух машинах. Заберём всех.

ФИЛ. О, небеса! Спасибо, Лилия... Лионелла... мама Модеста, ура.

МОДЕСТ. Ребята собирались ехать электричкой, во вторник. У нас были совместные планы. Но как хотят, я справлюсь.

ДЖОН. Сегодня баня, я остаюсь.

МОДЕСТ. Куда тебе в баню, со всеми твоими ранами.

ФИЛ. У него фельдшер всегда под боком. Линка где на твои раны свежие повязки наложит, в предбаннике или сразу в бане?

МОДЕСТ. На сеновале.

ДЖОН. У Лины жених. И он не я. Баста.

МОДЕСТ. И кто?

ФИЛ. Ишь ты, лямуров без треугольника даже в глухомани не бывает.

ДЖОН. Антон.

МОДЕСТ. Сын Берты!

ФИЛ. Он же старик. Лет тридцать, точно, а ей! Средневековье. Джульетта выходит замуж за короля Лира.

ДЖОН. По Джульеттам у нас другой специалист...

МОДЕСТ. Сегодня дискотека.

ЛИОНЕЛЛА. Поедем утром, без проблем, я тоже собралась в баню. Ладно, переодевайтесь тут, собирайте вещи, а я навещу Марса. Всё же я — женщина и скопом мыться даже с детишками не стану. Модест, можешь прихватить ягод там, картошки, грибов, места хватит.

МОДЕСТ. Я не еду. Где Рик?

ДЖОН. У Марса. С палочкой.

ЛИОНЕЛЛА. Ты едешь.

МОДЕСТ. Не еду.

ЛИОНЕЛЛА. Да.

МОДЕСТ. Нет.

ЛИОНЕЛЛА. Сын, время увещаний кончено. В среду тебе назначен приём у академика Серова. Радуйся, сразу по поступлении тебя берут на работу в его институт. Правда, поступать тебе придётся в наш университет. Мы обсудили с Нел, она не возражает. Европа обождёт. Тем более такого вундеркинда, как ты, сын мой.

МОДЕСТ. Обсудили с кем? Ха, ещё один решальщик выискался на мою голову. Какое счастье, что она не возражает. Всё за меня решила, мамуля. И где я буду учиться, и кто станет моим покровителем, и кто женой. Вот, где Средневековье.

ЛИОНЕЛЛА. Не паясничай.

МОДЕСТ. Паясничают паяцы. Или я уже в актёры отдан? Или в другое какое заведение налогожником?

ФИЛ. Наложницей. Ой, простите, сорвалось.

ЛИОНЕЛЛА. Чтоб больше не срывалось, берите грибы, плитку и марш на задний двор.

ДЖОН. Верно. Хозяева разговаривают, Фил, мы только мешаем. Что мне взять, кроме грибов?

ФИЛ. Баллон, я возьму плитку.

ДЖОН. Ага. Марс интересовался как-то, как твоё имя, Фил, по паспорту. Чего молчишь?

МОДЕСТ. Тайна. Он шпион.

ФИЛ. Не поверите, вспоминаю. Две версии: Филипп и Филимон...

МОДЕСТ. Филимон — приличнее.

ФИЛ. Джон?

ДЖОН. Иван.

ФИЛ. Что?

ДЖОН. Иван меня зовут.

МОДЕСТ. Я — Филимон. Зваться Филиппом в нашей стране действительно неприлично. А Филимон означает «любимый».

ЛИОНЕЛЛА. Нельзя же так долго уходить!

МОДЕСТ. Давайте, пацаны, мама боится пыл растратить.

ФИЛ. В пыль.

ЛИОНЕЛЛА. Хватит болтать!

ДЖОН. Я ушёл. (Уходит, с грибами.)

ФИЛ. Модест, а как твоё имя по паспорту? Я на полном серьёзе.

ЛИОНЕЛЛА. Моего сына зовут Модест. И наяву, и по паспорту. В переводе означает «скромный», а ты хамишь!

ФИЛ. Надо же, как не подходит. Я думал, Модест что-то типа модерна или там модификация. Но всё равно имя редкое. Мне вчера в селе кабанчика подарили, упоротого такого свина. И наказали придумать кличку, чтоб ни с кем не спутать. Я всю ночь не спал, сочинял, а имя-то, оказывается, на соседней кровати, редкое: Модест.

МОДЕСТ (озорничает). Прибью гада! (Гоняет Фила.)

ФИЛ (озорничает). Ой, боюсь-боюсь-боюсь. Всё-всё, ушёл.

МОДЕСТ (схватив Фила за горло). Уйдёшь после казни.

ФИЛ. Пожалуйста, оставь меня в живых.

МОДЕСТ. При одном условии дарю пощаду, если крёстному папе достанется шейка кабанчика Модеста.

ФИЛ. Аминь.

МОДЕСТ. Казнить нельзя, помиловать. Тем более, грузди мыть надо. Свободен.

ФИЛ. Йес, сэр. Искренне говорю, никого ничем не желал обидеть. Только заберите меня отсюда, подальше от свина Модеста! Пожалуйста-ста!!! (Убегает, с грибами и плитой.)

ЛИОНЕЛЛА. Шут гороховый.

МОДЕСТ. Фил классный. И Джон.

ЛИОНЕЛЛА. Не про них речь. Итак.

МОДЕСТ. Итак. Смена дислокации моего будущего вуза, как я понимаю, того же порядка, что продажа дома?

ЛИОНЕЛЛА. Откуда ты знаешь...

МОДЕСТ. Нел видела в Сети объявление.

ЛИОНЕЛЛА. Вот не думала, что она в курсе. Значит, любит. Если такая продуманная девочка, как она, всё же готова быть с тобой.

МОДЕСТ. Мама.

ЛИОНЕЛЛА. Вот уже год, как я не работаю. Враги. Особенно, один. Министр. В городе устроиться на работу по профилю я уже не могу. Ричард получил травму, несовместимую с продолжением карьеры. Никакой работы в футбольных структурах ему не предложили.

МОДЕСТ. А он просил?

ЛИОНЕЛЛА. Я просила. Ничего. Ты теперь единственная надежда нашей небольшой, но дружной и крепкой семьи на сохранение благополучия.

МОДЕСТ. Рик мог бы преподавать физкультуру в школе.

ЛИОНЕЛЛА. Ты с ума сошёл! Мастер спорта, член сборной и — физрук? Это же позор.

МОДЕСТ. А ты вновь стать участковым терапевтом.

ЛИОНЕЛЛА. Эй!

МОДЕСТ. Вон, в селе врача нет, только фельдшер. Кандидат медицинских наук работает сельским врачом, замечательно.

ЛЕОНЕЛЛА. Полегче!

МОДЕСТ. Правда, у тебя не было бы ни единого шанса в конкуренции с местной знахаркой.

ЛИОНЕЛЛА. Чего-чего..!

МОДЕСТ. Сколько раз ты говорила пациентам сакраментальное: «Медицина бессильна». Да вон, хотя бы Марсу. Его ведь из твоего кабинета практически вынесли на носилках. Хорошо, в коридоре мой отец тебя подждал, шепнул Марсу адрес реального лекаря.

ЛИОНЕЛЛА. В случае с Марсом медицина действительно оказалась бессильна.

МОДЕСТ. А вон он, живёт вприпрыжку, хозяйство тянет в одиночку. Потому что настоящий знахарь всегда силен, ведь за ним Бог.

ЛИОНЕЛЛА. Бога нет!

МОДЕСТ. Строго дяденьки с бородой, может, и нет, но природа-то вот она, вокруг. Ну, называют природу Богом, Аллахом, не знаю, там Яхве, или Вицлипуцли у ацтеков, какая разница, если это всё имена од-

ного и того же истока жизни. Ты сама здесь родилась и выросла, здоровая и сильная. Разве нет?

ЛИОНЕЛЛА. Разговорился, сосунок! Яйца курицу учат!

МОДЕСТ. Что было прежде: яйцо или курица? *Ab ovo Ledae incipere*, мама.

ЛИОНЕЛЛА. Выучила на свою голову, караул!

МОДЕСТ. Караул устал, прошу прекратить заседание.

ЛИОНЕЛЛА. Что?

МОДЕСТ. Вот, Ванька, баллон не взял. Мам, прости, туда-обратно, пять секунд. Не злись. Ты всю жизнь на всё злишься. Скучно. Что касается Серова, то это единственный тип учёного, с кем я сотрудничать, мало, что не желаю, так ещё и зимой отказал.

ЛИОНЕЛЛА. Серов — директор ведущего института страны! Академик!

МОДЕСТ. Вот я в медицине полный профан, в отличие от тебя и пенсионеров. Поэтому мне и в мозг не приходит давать тебе, врачу, советы или рекомендации.

ЛИОНЕЛЛА. Как ты смеешь...

МОДЕСТ. Ты навестила могилу папы?

ЛИОНЕЛЛА. Успею.

МОДЕСТ. Так и знал. И не командуй, пожалуйста, у нас не армия, а дружная крепкая семья. (Уходит, с баллоном.)

ЛИОНЕЛЛА. Унижаться перед собственным дитём! Родила потомка! Кормильца в старости! Проклятая нищета... Подкраситься? Разнюнилась. (Уходит в спальню.)

УЛИЦА. На бревне сидит Рик. Входит Джулия.

ДЖУЛИЯ. Здрасьте. Вы к Марсу или к Модесту?

РИК. Вам-то.

ДЖУЛИЯ. Да так. Мне Модест нужен. А там, за поворотом, два джипа огромных таких стоят.

РИК. И что?

ДЖУЛИЯ. При людях неудобно в дом заходить.

РИК. Зачем вам Модест?

ДЖУЛИЯ. Вам-то. Позовёте?

Входят Джон и Фил, с полотенцами и сменным бельём.

РИК. Не видите клюку? Я инвалид.

ДЖУЛИЯ. Жаль.
ФИЛ. Джулия! Привет. Модест в бане.
ДЖУЛИЯ. Ну, ладно.
ДЖОН. Рик, с нами?
РИК. Нет.
ФИЛ. Вот, Рик, какие девушки в сельской местности процветают.
РИК. Какие.
ФИЛ. Роскошные. Из-за таких настоящие рыцари бросают всё — и дом, и семью, и город. Правда, Жулька?
ДЖУЛИЯ. Сейчас получишь.
ФИЛ. Всё?
ДЖУЛИЯ. По всему.
ДЖОН. Пар уходит, трепач. Я пошёл. (Уходит.)
ФИЛ. Я ж любя и завидуя, не обижайся.
РИК. Так вот из-за чего братишка завис в Копоти?
ФИЛ. Тут любой зависнет, если дадут подержаться.
ДЖУЛИЯ. Язык заправь, сказала!
ФИЛ. Не сердись. Модя в бане. Будешь ждать?
ДЖУЛИЯ. Не знаю даже. Посмотрим.
ФИЛ. Сказать, что пришла?
ДЖУЛИЯ. Всё равно.
ФИЛ. Тогда как пойдёт. Привет. (Уходит.)
ДЖУЛИЯ. Вы брат Модесту?
РИК. Родной. Старший.
ДЖУЛИЯ. Вижу, что не младший. Что с ногой?
РИК. Да так. До свадьбы заживёт.
ДЖУЛИЯ. Все вы так говорите.
РИК. Все хромые?
ДЖУЛИЯ. Все мужские. Сегодня приехали?
РИК. Да.
ДЖУЛИЯ. А вторая лайба зачем?
РИК. На второй мама.
ДЖУЛИЯ. Так много колёс-то зачем, одной не хватает.
РИК. Надо много места, брата с вещами и друзьями надо разместить.

ДЖУЛИЯ. Модест уезжает, что ли?
РИК. Да.
ДЖУЛИЯ. На воскресенье?
РИК. Насовсем. Домой.
ДЖУЛИЯ. Не, ему в понедельник на работу. Здесь у него дом.

РИК. И ты?

ДЖУЛИЯ. А чего сразу ты-кать-то.

РИК. Молода больно.

ДЖУЛИЯ. Больно будет, если сделают больно, а так-то нормально.

А что, из-за меня нельзя остаться, что ли?

РИК. Не знаю.

ДЖУЛИЯ. Вот именно. Вот и не говорите. Ладно, если у вас тут семейный сход, не буду мешаться. Пойду.

РИК. Счастливо. Одной не страшно через лес?

ДЖУЛИЯ. Пусть лес меня боится.

РИК. Проводить, может, всё же?

ДЖУЛИЯ. Безногий же только что был.

РИК. Ничего, ради прогулки с лесной королевой отрастим обратно.

ДЖУЛИЯ. А чего сразу королевой-то. Правда, что ли? Похожа?

РИК. Вылитая.

ДЖУЛИЯ. Королев, что ли, видел?

РИК. И видел, и говорил. С голландской, например.

ДЖУЛИЯ. Врёте!

РИК. Зачем. Я — футболист. Профессиональный.

ДЖУЛИЯ. Из телевизора, что ли, конкретный?

РИК. Модест не рассказывал?

ДЖУЛИЯ. Да нет чего-то, нам и так всегда есть про что говорить. Ну, проводи немного.

ДЖУЛИЯ. Голландская королева... ишь ты, сурово.

РИК. Да нет, она милая.

ДЖУЛИЯ. Мне медленно идти?

РИК. А куда спешить. (Уходит, с Джулией.)

БАНЯ. Моются Джон, Модест, Фил и Марс.

ФИЛ. Как раны?

ДЖОН. Не спрашивай.

МОДЕСТ. Распарил, конечно, больно.

МАРС. Фил, переезжай сегодня ко мне, пусть там семья без свидетелей разбирается меж собой. С Джоном положим.

ФИЛ. Только не это.

ДЖОН. Там есть мебель, у противоположной стены.

МОДЕСТ. Не бойся, Филя, у него сил до тебя добраться нет.

МАРС. Значит, завтра уезжаете. Я думал, во вторник, прикидывал там то да сё, а теперь и времени нет сообразить, какие гостинцы со-брать. Да на троих, чтоб никто не обиделся.

ФИЛ. Я в принципе не обидчив, Марс, не комплексуй, грузи меня, а этим я по прибытии мороженое куплю.

МОДЕСТ. Я остаюсь.

МАРС. Точно?

МОДЕСТ. Я уже остался, месяц назад.

ДЖОН. Ещё разборки не было.

МОДЕСТ. Едва начнётся, уйду.

ФИЛ. По-моему, ты не прав. Как я понял, от твоего возвращения зависит благополучие семьи. Да и это бы ничего. Но мать сказала! Я представить не могу, чтобы делать поперёк родителей.

МОДЕСТ. И не представляй, не надо. Честно сказать, мерзкое ощущение.

ДЖОН. Поедешь.

МОДЕСТ. Нет!

ДЖОН. Молодца. Если поедешь, тоже будет молодца тебе за это.

ФИЛ. Сдалась тебе эта глухомань.

МАРС. Пойду. Пару добавить?

ФИЛ. Ага!

ДЖОН. Совсем?

МАРС. Нечего мне в ваши мозги вникать, свои покоя не дают.

МОДЕСТ. Взрослые любят повоспитывать, покомандовать.

МАРС. Командовать мне тут нечем, мы не родня. А насчёт воспитания один мудрый человек сказал так: Взрослые молодых не воспитывают, но только опекают, воспитанием же молодых занимаются сами молодые.

ДЖОН. Кто этот мудрец?

МАРС. Я.

ФИЛ. Марс, у меня больше нет сил сдерживаться, хочу спросить про тату на твоём многострадальном туловище.

МАРС. Тату? Тату делают себе тётеньки и спортсмены, а мужчина делает наколки или имеет чистую кожу. Какая наколка интересует?

ФИЛ. Сзади.

МАРС. Точнее.

ФИЛ. На заду.

МАРС. Это память о моей шахтёрской деятельности. Всё же пятнадцать лет стажа. Картина посвящена углю. Называется: «Паровозный кочегар на трудовой вахте».

ФИЛ. Кочегар — это кто?

МАРС. Что, никто не знает? Модест, ты же нормальный парень, должен знать.

МОДЕСТ. Своими словами. Кочегар — это рабочий, осуществляющий подачу твердого топлива в топку печи.

МАРС. Или котла, или другого теплового аппарата. Чаще всего — паровоза, судна или котельной. Твёрдым топливам, как правило, является уголь, который я и добывал. В данном конкретном случае, рабочий кочегарит топку судна — амфибии имени старшины второй статьи в отставке, а также бывшего горного рабочего очистного забоя шахты «Капитальная», ныне пенсионера деревенского значения Алексея Алексеевича Марсова. Кстати, встречный вопрос. Картина не сильно морщит?

МОДЕСТ. Всё путём, поверь, я мылся в общей сельской бане.

МАРС. Это обнадёживает, значит, всё ещё впереди. Счастливо оставаться. Особенно-то не парьтесь, берегите здоровье. (Уходит.)

ДЖОН. Странный Марс. Скрытный.

ФИЛ. Скрытный!? Я вас умоляю.

ДЖОН. Такая насыщенная судьба, а ничего не рассказывает. Не поучает.

ФИЛ. А чего поучать, сила есть — ума не надо, как он нас с тобой принудил трусы снять в бане, без комментариев, чуть шею не свернул.

МОДЕСТ. И ведь оказался прав, мыться действительно надо голым.

ДЖОН. Зачем приехал Рик?

МОДЕСТ. Мать уверена, что старшие для младших являются авторитетами просто в силу возраста. Хотя Рик в жизни добровольно не прочитал ни одной книжки. А Серов, к примеру, самый учёный из учёных потому, что он академик. Хотя он, с точки зрения науки, бесполезный карьерист. А ей самой я должен только потому, что она родила меня. Как будто жизнь — это раздача долгов. Но, ёлки-палки, я в долг не брал. Я даже рожать меня не просил.

ФИЛ. Родители кормят нас, одевают, тратят на нас молодость, жертвуют собственными интересами. Согласись, они растрачивают личный капитал и вправе ожидать дивидендов.

МОДЕСТ. Без проблем, я готов вернуть всю сумму с дивидендами, но как вернуть маме молодость? Научи.

ФИЛ. Не надо придирается к словам.

МОДЕСТ. Надо! Нужна полная всеобщая ревизия всего человеческого общежития. Это же элементарная мысль. Хочешь иметь свой дом, расчисти место. Заметь, строители оперируют точными формулировка-

ми, иначе дом стоять не будет. Терминология — основа основ любого дела. Как таблица умножения. Не стоит жить по принципу: дважды два равняется пяти, твоя жизнь тут же оборвётся, ведь мир построен на постулате: дважды два — четыре.

ФИЛ. Кончай умничать! Что ты меня за дурака держишь? Я говорю про обыкновенную вещь, которая тоже постулат: родителей надо уважать и слушаться.

МОДЕСТ. Как в армии?

ФИЛ. Да, если угодно. Родители тоже не виноваты, что мы родились.

МОДЕСТ. Какая революционная мысль.

ФИЛ. Рождение и смерть от человека не зависит. Так устроена природа. Искусственное бесплодие приводит к вырождению одной расы, но не всего человечества. Не будет этой породы, её место займёт другая. Вот и вся таблица умножения. Или рожай, или вымирай. Третьего не бывает. Разве не так? И, наконец, самое главное, если человек всё же родился, значит, он нужен. Если не родне, не человечеству, то планете уж точно. А коли так, то зачем ребёнку тратить время на изобретение колеса, если оно уже есть. Вывод: слушай взрослых. И не просто слушай, а услышь. Чем большее количество людей тебя поучает, тем больше знаний ты получаешь. По ходу, конечно, фильтруй, сопоставляй, комбинируй. Для того и придумана система образования, чтобы человек имел возможность тренировать интеллект.

МОДЕСТ. Интеллект — не фильтр, а генератор.

ФИЛ. Для кого — как.

МОДЕСТ. Для меня — так.

ФИЛ. И всё равно не отмахивайся от старших, не задвигай.

МОДЕСТ. Я не петух, разгребающий кучу навоза, чтобы, возможно, найти жемчужное зерно. Возможно! Да, я обязан почитать родителей. Старших родственников. Не возражаю. Или любить. Тут с терминологией потёмки. Но отставим родственные связи. Возьмём этих же персонажей, отставив чувства. Объективно. Рочева Лилия Борисовна, будучи способным врачом, выбирает путь администратора. Как выясняется, путь выбран ошибочно. Потому что её вышвырнули из системы. Итог: опыт администратора впредь не годится, врачебного опыта нет. Результат: гражданка Рочева к пятидесяти годам оказалась безработной и нищей. Теперь Рочев Ричард Сергеевич. Похерил даже намёки на учёбу какому-либо ремеслу, посвятив себя жизни гладиатора. Ладно, не так громко. Профессионального игрока в спорт. На потребу капиталисту, на радость толпе. При этом, отлично зная, что игроцкий век ко-

роче молодости, не то, что жизни. Травма. Финансирование закрыто. Результат: гражданин Рочев к тридцати годам оказался безработным и нищим. И вот, вместо того, чтобы сделать инвентаризацию самих себя, чтобы найти выход, скажем, приобрести профессию, они приезжают к младшему родственнику, выпускнику гимназии, и требуют, чтобы оный кормил их, одевал, далее по списку. Молчу о справедливости и даже о логике. Но совесть-то где!

ФИЛ. Они тебя в публичный дом отдают, в рудники или в бандиты? Нет, тебя просят выбраться из дыры и занять место на горе. Джон! Чего молчишь, как воды в рот набрал? Ты же у нас всегдашний третейский судья, давай, выходи из тени.

МОДЕСТ. А он буквально воды в рот набрал, пьёт человек.

ДЖОН. Строго говоря, Модеста реально отдают в публичный дом, этапируют в рудники и загоняют в бандиты. Это и есть три кита человеческого общества. По моему разумению. Модест прав во всём.

ФИЛ. Набирай воду, Джон, и пей дальше, молча.

ДЖОН. Фил тоже прав. По моему разумению. Строго говоря, во всём.

МОДЕСТ. Джон, тебе воды налить?

ДЖОН. Вы оба отстаиваете одно и то же: существование в общественных рамках. Я понимаю, почему Модест хочет остаться. Вряд ли нормальному человеку может нравиться реанимация старых сельскохозяйственной техники. Но ему нравится радость. Вот убитый комбайн оживает и выезжает на поля что-там косить и сеять. Радость здесь и сейчас. Его, как реаниматолога, уважают и ценят. Хотя он всех младше и никого из коллег и начальства не рожал. Его уважают за дело, а не за должность. Он должен остаться. Если объективно. Более того, его упрямство поможет и брату, и даже маме. Они задумаются. Над своими проблемами. А если не задумаются, то со временем Модест их подберёт и накормит, и обогреет. То есть сделает ровно то, чего они от него требуют сейчас. Единственная разница, из-за которой, собственно, и весь сыр-бор, заключается в том, что и мама, и старший брат не желают уезжать из города. Они пока не могут даже вообразить, что вместо миллионов долларов, им предстоит ворочать миллионами копеек. По моему разумению, так.

ФИЛ. Но я-то, по твоему разумению, тоже прав?

ДЖОН. Однозначно. Ни убавить, ни прибавить: дети обязаны заботиться о взрослых. Просто ты считаешь, что это надо сделать немедленно, в ущерб своим интересам, а Модест убеждён, что на свои интересы он имеет не только право, но даже обязанность отнестись к ним

бережно и с уважением. Если учесть, что вы оба убеждены в своей правоте, то полезны и продуктивны обе позиции. По моему разумению.

МОДЕСТ. То есть, мы, с Филом, две стороны одной медали?

ДЖОН. Ну, или одной монеты, если хотите. Ведь люди всё продают и покупают. Весь мир — это торговая площадка. Для кого-то он — торговый центр, для кого-то — толчок.

МОДЕСТ. А ты?

ДЖОН. А я ничто. Точнее, пока никто. А после стану ничтожеством. И сделаю для этого всё возможное и невозможное. Постараюсь всю жизнь просуществовать в Сети.

МОДЕСТ. В Интернете, что ли?

ДЖОН. Аминь.

ФИЛ. Невозможно.

ДЖОН. Всякая объективность объявлена обществом невозможной. Даже придумано выражение, мол, у каждого человека своя правда. Но я решил максимально приблизиться к объективности. А объективность такова, что есть всего лишь две реально смысловые точки: рождение и смерть. Между ними — прочерк. Обратите внимание на могильные плиты, там эта формула жизни буквально задекларирована. Жизнь бессмысленна, если неизвестно, откуда она взялась и куда уходит.

МОДЕСТ. По-твоему, жизнь человека — набор информации, которая не имеет ровно никакого отношения к знанию.

ДЖОН. Верно. И не только человека, но всего человечества. Книгохранилища, науки, технологии — всё есть только лишь информация, до которой мы допущены. Ничего фундаментального, ничего истинного. Возможно, фейк. Причём, преднамеренный.

МОДЕСТ. В детстве я думал так же. Если честно, и сейчас думаю так же.

ФИЛ. Те же мысли, только в профиль. Но это непродуктивно.

МОДЕСТ. Точно.

ДЖОН. Продуктивность — торговая категория. Если я произвожу продукт, то мне надо его сбыть и я иду на рынок, где мне за него дадут монету. Если я не научился производить, а монетку хочется, я обращаюсь к природным ресурсам, включая воспроизведение.

МОДЕСТ. Паразитизм.

ФИЛ. На лесе, воде, детях? Ну, ты хватил.

ДЖОН. Точно, хватил. Существовать надо прочерком. Не стоит искать смысла в начале и в конце, они вне нас, и, может быть, вместо нас. Однако, дело не в молчаливом поиске. А в том, чтобы не высказываться. Не говорить о смысле. Молчать о нём. А как отмолчишься, если

ты среди людей и они спрашивают. Потому-то лично мне лучше бултыхаться в Сети и не высовываться. Я — гаджет. Не с прописной, а с маленькой буквы «г». Без начинки я — обычная железка, ничем не отличаюсь от старого ржавого механизма. Пустышка. Ничтожество. Вот, высунулся. Оказался здесь, в Копоти. Ощутил, что человек. Со страхом, с радостью. Нормальный! Кинулся в одно, в другое, а в ответ — порезы, ушибы, ссадины. И всё бы ничего, да только от того, что я нащупал себя, никому дела не оказалось. И прежде всего лично мне самому.

ФИЛ. Бред какой-то. Чушь.

ДЖОН. Так и я о том же. Как хотите, я пойду.

МОДЕСТ. Тебя не деревня очеловечила, а Лина.

ДЖОН. Да. Лина... Лина была.

ФИЛ. Что значит «была», есть!

МОДЕСТ. У неё жених.

ФИЛ. Подумаешь! Жених — не стена, отодвинь.

МОДЕСТ. Поставь себя на его место.

ФИЛ. Не могу. Ему тридцать лет, а он лапает наше поколение, старпёр.

ДЖОН. Меня она не очеловечила. Нечего очеловечить.

МОДЕСТ. Иван, ты неправ.

ФИЛ. Ну, и не лев.

ДЖОН. Джон Гаджет. Пустышка. Лина есть, меня нет. Нет меня, нет. Завтра — домой, в город, в Сеть. К чёрту. (Уходит.)

ФИЛ. Считаешь, мне действительно надо перебраться к Марсу?

МОДЕСТ. Нет, не считаю. Решай сам. Баня остывает. (Уходит.)

ФИЛ. Жаль, в городе нет общедоступных бань, уж я себе точно наколот бы кочегара. (Уходит.)

ДВОР дома Марса. Подходит Лионелла.

ЛИОНЕЛЛА. Хозяин. Марс!

Из-за дома выходит Марс.

МАРС. Полдня ковыляла.

ЛИОНЕЛЛА. Что значит «ковыляла»!

МАРС. С приездом, красавица.

ЛИОНЕЛЛА. Модест у тебя? Привет. Постарел.

МАРС. С ребятами пошёл куда-то после бани, не знаю. Взрослый человек, сам себе хозяин.

ЛИОНЕЛЛА. Нашёл взрослого.

МАРС. Постарел — не подрыхлел.

ЛИОНЕЛЛА. Погуляла в лесу, прошла по деревне. Что-то меняется, в природе, в погоде, восприятие меняется, может возраст, а может действительно меняется. Я, когда была до восьми лет, очень хорошо понимала: солнце высоко, колодец далеко. Зной понимала. Тропинки через поля. Травки всякие. Стрекотание кузнечиков, звук пролетающих стрекоз мерцающих в полуденном солнце крыльями, реактивный полет шмеля, сухая, тёплая к босым ногам тропинка, дикая гвоздика с маслянистым стеблем, травка редкая и высокая, на грани высыхания под знойным солнцем. И вот это звучание полуденного зноя. Может, слух не забит был посторонними звуками? Я почему-то не вижу сегодня разнотравья. Не заросшего травой луга, а редкого, на сухой земле разнотравья, каждая травинка которого не похожа на рядом стоящую, полусухие после недельного пекла, отдающие запах лета, кишасшие жизнью, стрекотом, жужжанием. Стрекозы, божьи коровки, кузнечики, жуки-пожарники, шмели. Паутов не было! Не докучали. И запах. Запах пыли и разнотравья. И бабушка. Мы встречали её на подходе к деревне. Она появлялась из зарослей с ведром парного молока, после дневной дойки нашей коровы. Деревенские ходили доить к пастбищу. Коров в самый зной загоняли к опушке соснового леса, в тень. Там и доили собранное с рассвета разнотравье.

Подходит Джон.

ДЖОН. Добрый день.

ЛИОНЕЛЛА. Виделись.

ДЖОН. Я — гаджет, а не виджет.

ЛИОНЕЛЛА. Что?

ДЖОН. Посплю, Марс, ага? Как-то всё сегодня не ладно.

ЛИОНЕЛЛА. Где Модест?

МАРС. Разморило после бани. Давай, отдыхай.

ДЖОН. Заснуть бы до утра, проснуться и — дома. Ваш сын, с Филом, домой пошли. Всех благ. (Уходит в дом.)

ЛИОНЕЛЛА. Грубиян какой-то.

МАРС. Чем вечер займёшь? Телевизор не ловит, до клуба шагать и шагать.

ЛИОНЕЛЛА. А что.

МАРС. Могли бы скоротать, у меня-то же те же проблемы с вечерним досугом.

ЛИОНЕЛЛА. Ты давно себя в зеркало видел, старый хрыч.

МАРС. Столько лет для тебя старый хрыч, а всё же утром уходить не торопилась.

Вбегает Фил.

ФИЛ. Там Модест с братом дерутся!

МАРС. Вот ещё не хватало. Лилёка, я — с тобой.

ЛИОНЕЛЛА. И давно длится бой?

ФИЛ. Я сразу сюда, за подмогой.

ЛИОНЕЛЛА. Сейчас придём. Иди.

ФИЛ. Там такой махач! Чума. (Убегает.)

ЛИОНЕЛЛА. Ничего, пусть старший поучит сопляка, зря ехал, что ли.

МАРС. Уверена, что не наоборот? Сопляк здесь не веночки плетёт, многопудовые железяки в МТС тягает.

ЛИОНЕЛЛА. Что ж ты в гости зовёшь, а у самого гости.

МАРС. Мне мягкое противопоказано, знаешь ведь, сплю на досках. Так что, ваш сеновал для меня будет просто периной.

ЛИОНЕЛЛА. Со мной — ко мне? Ловкач. Наглый шахтёрик. Ладно, пошли пресекать братоубийственную войну. Модест за месяц как-то на самом деле очень уж окреп. Весь в отца. (Уходит.)

МАРС. Земля ему пухом. (Уходит, с Лионеллой.)

СПАЛЬНЯ в доме Марса. Горит лучина. Джон — в кровати. Входит Фил, идёт к деревянному дивану у противоположной стены.

ДЖОН. Не стесняйся, я не сплю. С таким грохотом Марс раскладывал тебе постель.

ФИЛ. Ну, извини, кто знал, что ты весь день спать собрался.

ДЖОН. И ночь.

ФИЛ. Меня тоже рубит.

ДЖОН. Лучину не забудь погасить. Что там, с братской любовью?

ФИЛ. Боевая ничья. Но я сказал бы, что победил наш. Морально уж точно. (Гасит лучину, укладывается.) Во темень в доме, на дворе светлее.

ДЖОН. Надо же, драться с профи, это сильно.

ФИЛ. И я в ауте! Вроде наш, а пару раз так впалял Рику, что тот подолгу очухивался. Мамаша с Марсом растащили по углам. Но вот, что я тебе скажу. Не мешаю заснуть?

ДЖОН. Выспался, просто валяюсь.

ФИЛ. Так вот, какое моё наблюдение. Конечно, нам до Модеста далеко, на селе мы не работаем и вместо бицепсов имеем в наличии кисель, а вместо трицепсов — манную кашу. Но секцию по мордобою он точно не посещал. А вот порядок движений Модеста, точнее выразиться, рисунок его поведения во время боя, напомнил мне игру-рукопашку. Помнишь, мы с тобой рубились?

ДЖОН. В «Емелю», что ли?

ФИЛ. Точно.

ДЖОН. Всегда был мой верх.

ФИЛ. Не выдрючивайся, просто ты раньше освоил «Емелю».

ДЖОН. Ну-ну.

ФИЛ. А что «ну-ну», с ним-то мы тоже рубились. И посетило меня озарение.

ДЖОН. Думаешь, Модест, по ходу событий, применил на практике виртуальную драку?

ФИЛ. Скучно с тобой, быстро соображаешь, договорить не даёшь. Одно существенное дополнение в форме резюме: ты, как чемпион по «Емеле», мог бы легко навалить Линкиному жениху.

ДЖОН. А непосредственная причина драки?

ФИЛ. Ну, тут вообще ни в какие ворота. Старшенький послушал-послушал, посоображал-посоображал и сделал вывод, что Модест влюбился в Джулию, потому и не хочет возвращаться в город. И придумал гениальный вариант победы, совместил приятное с полезным. Соблазнил девушку в лесу и сообщил об этом брату. С комментарием, что такая потаскушка не стоит чувств Модеста.

ДЖОН. Ну, ничего себе! Если ногу травмировать, поддержит костыль, а если голову?

ФИЛ. Думаю, топор.

ДЖОН. Те же мысли, только в профиль.

ФИЛ. Модест и вступился за честь невинной девчонки.

ДЖОН. Так уж и невинной.

ФИЛ. Дело не в физиологии, дело в психике. Зато вся семья сбросила напряжение и нашла консенсус: Модест остаётся. Вердикт: время покажет. Марс разрулил. Класный мужик. Правда, Рик уехал домой. Лионелла сказала, что её грузовика на всех хватит.

ДЖОН. Кто-то во двор вошёл.

ФИЛ. Марс, наверное, с сеновала вернулся. Всё, я срубился.
ДЖОН. Спим.

После паузы, входит Берта, снимает одежду, ложится к Джону.

ДЖОН. Ой.

БЕРТА. Что с тобой... Чёрт! Ты кто?

ДЖОН. А ты?

ФИЛ. Ой!

БЕРТА. Ещё!? Где Марс?

ДЖОН. В гостях. Я — Джон.

ФИЛ. Я — Фил.

БЕРТА. А, друзья Модеста. Одного из вас я осматривала по приезде.

ФИЛ. Вы безошибочно попали именно в его постель.

БЕРТА. Проказники. Я трогаю, думаю, что-то не так, а оно вот так.

ФИЛ. Крайне интересно, что у Джона не так?

ДЖОН. Заткнись.

БЕРТА. Ладно, поржали и — будет. Во, вляпалась старая тётка.
Марс в село пошёл, что ли?

ДЖОН. Нет, он у Модеста.

БЕРТА. Стоп-стоп, там на обочине два джипа стоят, с городскими номерами. Кто-то приехал?

ДЖОН. Кто-то, да.

БЕРТА. Кто?

ДЖОН. Брат. Старший.

БЕРТА. На двух джипах одновременно? Блин-банан, Лилёка здесь, что ли? Мамка Модеста здесь, спрашиваю?

ДЖОН. Не знаю точно.

БЕРТА. Я — зоотехник, малыш, могу тебя сейчас так потрогать...

ФИЛ. Да, Лионелла приехала.

БЕРТА. Мне в село возвращаться лесом, на ночь глядя, не резон.
Может, вам вместе лечь?

ДЖОН. Ни за что.

БЕРТА. Но спать-то мне где-то надо!

ФИЛ. А что вам мешает остаться там же, Джон безобидный, я думаю, весь израненный.

БЕРТА. Всё, я сказала, прекратить зубоскалить.

ДЖОН. Лягте, где Марс спит. В той комнате. Там и постель заправлена.

БЕРТА. Вернётся же. Противно. А куда денешься. Ладно, спокойной ночи. Пошла.

ФИЛ. Спокойной ночи.

БЕРТА. Вот облом так облом, кому Расскажи. Сделала сюрприз на уикенд... Ну, Марсик... ты у меня взлетишь на орбиту. (Уходит.)

ФИЛ. Что-то мне подсказывает: фестиваль единоборств утром продолжится.

ДЖОН. Фил, ты не представляешь, как я хочу обратно, в город... к себе!

ФИЛ. Спим.

ДЖОН. Спим.

ДВОР дома Марса. В калитку входит Марс. Из дому выходит Берта.

БЕРТА. С добрым утром. Как спалось? Не надо, не рассказывай. Мне тоже было отлично, и я тебе тоже ничего не расскажу. Пора домой. Что-то я тебе хотела сообщить... Ой, кто-то идёт?

Из дому выходит Джон.

ДЖОН. По нужде. С добрым утром. (Убегает за дом.)

БЕРТА. Хороший мальчик.

МАРС. Берта, солнышко...

БЕРТА. Зашло твоё солнышко, закатилось. У нас был уговор: в моём доме, чтоб баб не было.

МАРС. Ну, и жила бы в своём доме, со мной...

БЕРТА. Я тебя уже прощала. И неоднократно.

Из дому выходит Фил.

ФИЛ. Невмоготу. Доброе утро. (Убегает за дом.)

БЕРТА. Тоже хороший мальчик.

МАРС. Какая ты добрая.

БЕРТА. Лилёку не прошу никогда и ни за что, тем паче вдругорядь. Короче, милоч, сроку на сборы тебе три дня, в среду за домом приедет тягач.

МАРС. Берточка, дорогая, ну, что ты с плеча рубишь! Давай, поговорим, решим наши затянувшиеся вопросы...

БЕРТА. У меня вопросов нет, проблемы решай с хозяином дома, с моим сыном Антоном.

МАРС. Дома? Или поленницы?

БЕРТА. Я женщина взрослая и, если я решила, меня не переубедить. Собирай манатки. Гляди мне, оскоплю, не поморщусь. (Уходит со двора.)

МАРС. Всё.

ОКОЛИЦА. Джон и Фил, с вещами, останавливаются.

ДЖОН. Давай, дождёмся Модеста.

ФИЛ. Как там Марс?

ДЖОН. Не видел, что ли?

ФИЛ. Мои вещи-то у Модеста же были.

ДЖОН. А, ну, да. Жуть. Выхожу, думал, попросаемся, а Марс сидит, плачет.

ФИЛ. Этот железобетон!? Армагеддон.

ДЖОН. Махнул, как попрощался. И я ушёл. Тронул, правда, Марса за плечо, а сказать ничего не смог. Он мне как отец стал. Едва не больше. За неделю был рядом больше, чем папа за всю жизнь.

Из лесу выходит Джулия.

ФИЛ. Да ладно считаться.

ДЖОН. Я не считаюсь, так сказал, для аргументации. Джулия?

ФИЛ. Привет.

Из деревни выходит Модест.

ДЖУЛИЯ. Уезжаете?

ДЖОН. Да.

ДЖУЛИЯ. Насовсем?

ДЖОН. Да.

ФИЛ. Вон, Модест идёт, наконец, встретитесь.

ДЖУЛИЯ. Ой, да нужны вы все мне больно. А где Рик?

ДЖОН. Уехал.

ДЖУЛИЯ. Когда?

ФИЛ. Ещё вчера вечером.

ДЖУЛИЯ. Обманули, что ли. (Уходит в лес.)

МОДЕСТ. Рика спрашивала?

ФИЛ. Не тебя же. Чего так долго.

МОДЕСТ. Марс попросил козу забрать. Его хозяйка из дому выгна-
ла, знаете?

ФИЛ. Нет.

ДЖОН. За что!

ФИЛ. Какая разница.

ДЖОН. Зачем ей дом в заброшенной деревне!

МОДЕСТ. На дрова.

ДЖОН и ФИЛ (хором). Что!?

МОДЕСТ. Женщины умеют наказывать мужчину.

ДЖОН. Вот почему Марс плакал.

ФИЛ. А я, было, подумал, из-за нас, что уезжаем.

МОДЕСТ. Прихожу за козой, а на заднем дворе всё — в крови. И то-
пор окровавленный. Порубил всю птицу.

ФИЛ. Марс!?

МОДЕСТ. Безголовые валяются везде. Коза упирается, не хочет че-
рез трупы соседей, по плахе шагать. Пришлось на руках выносить со
двора.

ДЖОН. А Марс что?

МОДЕСТ. Нет нигде. Кричал-кричал, не отзывается. Ушёл, навер-
ное.

ФИЛ. С козой умеешь управляться?

МОДЕСТ. Откуда.

ФИЛ. Я тебя сейчас расскажу.

МОДЕСТ. Обойдусь, завтра сведу в село, пристрою.

ДЖОН. Что там... Дым.

МОДЕСТ. Пожар! Парни, бегите, скажите маме, она знает, чтобы за-
ехала в пожарку. А мне надо мой дом спасти.

ДЖОН. Марс пустил красного петуха.

ФИЛ. Петух-то при чём?

ДЖОН. Поджёг.

МОДЕСТ. Всё, бывайте. Я рад, что вы были.

ДЖОН. Мы есть.

МОДЕСТ. Добрый путь! (Убегает в деревню.)

ФИЛ. Один может не справиться. И с козой я не успел ему объяс-
нить. Давай, Джон, беги, Лионелла ждёт. Пожарные важнее твоих лов-
ких рук. Я во вторник, электричкой поеду. До встречи в Сети, Джон
Гаджет по имени Ваня. Будь! (Убегает в деревню.)

ДЖОН. Счастливо... А я?

□□□□□

СОДЕРЖАНИЕ

Виктор Бровков ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРАЗДНИКА	3
Валентина Карпушина СЛУЧАЙ У МЕТРО	9
Дарья Странник ВЗРОСЛЫЙ ИЗВИНИТЕ, МЫ СЪЕЛИ ВАШЕГО МУЖА	12 14
Anna Raven СПЯЩЕЕ СЕРДЦЕ ПАУЧИХА	16 27
Ольга Краплек РЫБЬЯ КРОВЬ	37
Елена Антипычева СТИХИ	43
Дмитрий Аникин ОГНИВО. СТИХИ	54
Валентина Карпушина СТИХИ	67
Ольга Кавецкая СВЕЧА В НОЧИ. СТИХИ	74
Эммануэль Терешкин ДАР НЕБЕС	75
Дмитрий Иванов БОРЬКА ПРОТИВ ТУРКМЕНБАШИ ПЯТНАДЦАТЬ ОБЩИХ ТЕТРАДЕЙ ИЛИ АБСОЛЮТНОЕ СЧАСТЬЕ	88 97
314	

Сергей Калабухин

МАГИЯ ЛЮБВИ

169

ГИБЕЛЬ АНАРХИИ

195

Андрей Мансуров

КУСОК СЫРА В...

224

Вячеслав Кушнер

ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО ДЕТСТВА

268

**Литературный
альманах
«ЭДИТА» № 2**

**ЛИТО
«Edita Gelsen»**

edita gelsen

logobo2023@gmail.com

ISBN 978-3-910935-46-4

9 783910 935464